

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМ. Г. ИБРАГИМОВА

ИСТОРИЯ ПИСЬМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ

Международная научная конференция
17–19 октября 2023 года. Казань

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

ЕВРОПА ЦИВИЛИЗАЦИЯСЕНЕҢ ЯЗУ ТАРИХЫ ҺӘМ РОССИЯ ХАЛЫКЛАРЫНЫҢ ЯЗМА МӘДӘНИЯТЕ

Халыкара фәнни конференция
2023 елның 17–19 октябре. Казан

HISTORY OF WRITING OF EUROPEAN CIVILIZATION AND THE WRITTEN CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

international conference
October 17–19, 2023. Kazan

Казань
2023

УДК 003.3+930.27

ББК 81-6

И 90

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Составители:

Л.Р. Надыршина, Л.Ш. Гарипова, И.Г. Гумеров

И 90 История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России: сб. материалов междунар. науч. конф. / сост.: Л.Р. Надыршина, Л.Ш. Гарипова, И.Г. Гумеров. – Казань: ИЯЛИ, 2023. – 300 с.
ISBN 978-5-93091-469-6

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России», организованной Академией наук Республики Татарстан, Санкт-Петербургским институтом истории РАН, Институтом русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Библиотекой Российской академии наук, Национальной библиотекой Республики Татарстан и проведенной 17–19 октября 2023 года в г. Казани.

Издание адресовано специалистам-источниковедам, текстологам, лингвистам, историкам и археографам, изучающим тексты кириллического, арабского, латинского, греческого, еврейского и других алфавитов, традиции письма народов России, а также читателям, интересующимся историей письменности в разных традициях и на разных языках.

УДК 003.3+930.27

ББК 81-6

ISBN 978-5-93091-469-6

© Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2023

ПРИВЕТСТВИЕ РАЙСА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН Р.Н. МИННИХАНОВА

Дорогие друзья!

Рад приветствовать Вас в столице гостеприимного и многонационального Татарстана.

Письменность – одно из главных достояний, которое помогает сохранить и передать историко-культурное наследие и духовно-нравственные ценности народов. Именно поэтому в нашей республике особое внимание уделяется ее изучению и популяризации.

Я искренне поздравляю авторов и реализаторов проекта «История письма европейской цивилизации» с успешным воплощением замыслов, заложенных в его основе. Отрадno, что в состав консорциума вошла также Академия наук Республики Татарстан. Это позволит расширить спектр работ, включив в него восточное направление, показать многообразие российской традиции письма и подчеркнуть ее ведущую роль в контексте общеевропейской истории на протяжении многих веков.

Создание тематического портала – еще один значительный шаг на пути популяризации арабографических рукописей и памятников эпиграфики, а также таких перспективных научных дисциплин, как палеография и кодикология. Данная работа существенно расширяет горизонты исторического познания.

Уверен, что дискуссии пройдут плодотворно и позволят выработать нестандартные подходы к решению сложных задач.

Желаю вам новых открытий, творческих успехов и благополучия.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МИННИХАНОВА РИФКАТА НУРГАЛИЕВИЧА**

Уважаемые участники конференции!

Искренне рад приветствовать вас на нашем мероприятии, организованном Академией наук Республики Татарстан совместно с Санкт-Петербургским институтом истории Российской академии наук.

В числе партнёров сегодняшнего международного форума я с удовольствием хочу назвать также Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Библиотеку Российской академии наук, Национальную библиотеку Республики Татарстан. Хочу поблагодарить всех организаторов и партнёров за проделанную работу, Национальную библиотеку Республики Татарстан – за предоставление прекрасной площадки.

Выражаю отдельную признательность Правительству Республики Татарстан за поддержку проекта и оказанную помощь в подготовке конференции.

Важно отметить – проведение международной конференции «История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России» именно в Казани не случайно. Мы презентуем в эти дни результаты совместных проектов наших академических учреждений, которые успешно реализуются, начиная с 2021 года. И Казань играет в этом научном консорциуме значимую роль.

Исторически Казань была колыбелью российского востоковедения. С момента создания в 1804 году Казанского университета изучению восточной письменной культуры здесь уделялось немаловажное значение.

Сама письменная традиция не прерывалась и в татарской среде. Как известно, древние тюрки еще почти полторы тысячи лет назад обладали письменностью, основанной на руническом алфавите. Вместе с принятием ислама к тюркским народам пришла письменность на основе арабского алфавита.

В целом, татарская письменная культура начала формироваться еще в эпоху Волжской Булгарии. Появились каллиграфы, которые переписывая месяцами, годами книги, сумели поднять это занятие до

уровня искусства. Письменная традиция развивалась и в сфере эпиграфики – до наших дней дошли сотни образцов камнерезного искусства того времени. Отдельные образцы письма сохранились на предметах обихода (посуде, замках, печатях), ювелирных украшениях.

Стремление народа к знаниям, любовь к книге были неугасимы, невзирая на любые жизненные невзгоды. По тому, насколько широкое распространение получило рукописное письмо, мы можем судить об уровне просвещения нашего народа. На протяжении веков здесь также концентрировались выдающиеся рукописные памятники Востока. Часть из них представлена на нашей выставке. С некоторыми вы сможете подробнее ознакомиться на портале «История письма европейской цивилизации».

В рамках конференции значительное внимание будет уделено сравнительному освещению письменной культуры народов России, прежде всего арабографической, в широком контексте развития письма европейской цивилизации. В нашем представлении арабографика – это не только феномен культурной эволюции восточной цивилизации, это и неотъемлемая часть общей нашей с вами истории.

Приглашаю вас стать активными участниками обсуждений и дискуссий. Эта конференция – уникальная возможность найти общие точки соприкосновения, получить ответы на интересующие вопросы, обменяться опытом, выработать стратегию будущих совместных исследований.

2023 год в Татарстане объявлен «Годом национальных культур и традиций». И проводимый сегодня в Казани международный форум не только идеально вписывается в канву почти 350 мероприятий, проведенных в этом году в нашей республике, а как бы символически завершает этот ряд культурных и научных событий, является важным событием и в жизни Республики Татарстан.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

УДК 930.2:003.072

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СБОРНИКОВ XV–XVII ВВ. С ТЕКСТАМИ О КНИЖНОМ ДЕЛЕ

А.Б. Белова

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)

Тексты о книжном деле, бытовавшие в России XV–XVII вв., тематически разнообразны и включают как рецепты чернил и киновари, так и статьи о книжном переплете и изготовлении отдельных инструментов письма. Разнообразием отличались и рукописные сборники, в которых бытовали эти тексты. Технологические статьи обычно не переписывались устойчивыми комплексами и не имели постоянного конвоя, так что в сборниках они могли соседствовать как с текстами тематически близкими (рекомендациями по различным ремеслам, лечебниками, грамматическими сочинениями), так и не имеющими очевидной связи с ними. Большинство сборников со статьями о книжном деле – смешанного состава и включают в себя множество текстов разного объема, нередко переписанных разными писцами.

Ключевые слова: книжное дело, древнерусские сборники, практика письма, древнерусская литература.

The texts on bookmaking in Russia in the 15th–17th centuries are thematically diverse and include recipes for ink and cinnabar, as well as articles on bookbinding and the production of particular writing implements. The variety of manuscript compilations in which these texts existed was also notable. Technological articles were usually not copied in stable complexes and did not have a constant convoy, so that they could co-exist in compilations both with texts that were thematically similar (recommendations on various crafts, medical books, grammatical works) and those that had no obvious connection with them. The majority of compilations with articles on bookmaking are of mixed composition and include many texts of different length, often copied by different scribes.

Key words: bookmaking, Old Russian compilations, writing practice, Old Russian literature.

Рассуждая об истории письма, невозможно обойти вниманием необходимые для изготовления книг материалы и инструменты. В XV в. в древнерусских рукописях начали бытовать статьи по технологии книжного дела. Как отмечал Д.С. Лихачев, «большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников» [6: 245] – не стали исключением и статьи о книжном деле. Перед тем как перейти к анализу сборников, стоит очертить круг рассматриваемых текстов, описав их содержание.

Прежде всего это рецепты чернил и киновари. При этом к текстам о книжном деле не относятся рекомендации по составлению чернил иконных, предназначенных для окрашивания ткани или чернения костяных изделий, а также киновари для иконного письма. К рецептам чернил и

киновари примыкают рекомендации по растворению камеди, предназначенной для добавления в эти красители на разных этапах производства и использования. К текстам о книжном деле мы относим также руководства по работе с листовым, твореным или пареным золотом и серебром и их многочисленными заменителями, предназначавшимися для нанесения на бумагу. Изредка встречаются описания иных красителей для письма – к примеру, яри-медянки [10: 290]. К ним можно с уверенностью добавить статьи о работе с материалами и инструментами письма. В них описывалась, например, подготовка пера к письму [10: 97], изготовление отдельных инструментов, выбор качественных чернильных орешков [10: 70], исправление описок [10: 102] и т.п. В массив текстов о книжном деле попадают все статьи, касающиеся книжного переплета, а также статьи о книжном декоре – о создании заставок и подготовке бумаги к золочению. Наконец, мы рассматривали и тексты, повествующие о «курьезных» способах письма, таких как письмо по предварительно подготовленной бумаге водой [10: 128] или письмо молоком, которое становится видно на просвет [10: 236].

В России XV–XVII вв., в отличие от Западной Европы, не сложилось полноценных трактатов по каллиграфии и книжному делу, где статьи были бы собраны под одной обложкой с единым заглавием. Они бытовали в рукописях различного содержания и обычно не копировались устойчивыми комплексами. Переписка комплексов статей всегда предполагала их редактирование – перемешивание, отбор из одного или компиляцию из статей нескольких сборников. Насколько мы можем судить, составители сборников копировали статьи выборочно, заимствуя их из разных источников и, возможно, дополняя собственными наблюдениями.

К настоящему моменту выявлено 45 сборников, в которых читается более 150 текстов о книжном деле. Составителями этих сборников выступали такие книжники, как Иона Соловецкий (РНБ, Q.XVII.67), Прохор Коломнятин (ГИМ, Музейское собр., № 2803), Никодим Сийский (БАН, Арханг. С. 205), монах Кирилло-Белозерского монастыря Варфоломей Новгородец (РНБ, Соф. 1568) и кирилловский книгохранитель Вассиан Строй (РНБ, Соф. 1462). В последнем из названных сборников рассматриваемые нами статьи соседствуют с текстами, переписанными Гурием Тушиным и Ефросином Белозерским. При этом четыре рукописи из общей выборки явственно связаны с Кирилло-Белозерским, одна с Троице-Сергиевым и одна с Антониево-Сийским монастырями.

Говоря о классификации сборников, мы опираемся на терминологию, представленную И.М. Грицевской в монографии «Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв.» [2] и разработанную широким кругом исследователей, включающую саму И.М. Грицевскую, Д.С. Лихачева [6: 246–249], Р.П. Дмитриеву [3], А. Милтену [7], Т.В. Черторицкую [8], С.А. Семячко [11: 19–22].

В ряде случаев комплексы статей технологического содержания следует рассматривать как циклы или «микросборники», под которыми И.М. Грицевская понимает «подборки мелких текстов, входящие в состав сборников» [2: 184]. Они также являются сборниками неустойчивого индивидуального

состава и изредка имеют собственные заглавия. Например, «Подлинник о книжном переплете» [10: 271] или «Память, как писать настенное письмо на сыром левкасе» (РНБ, ОЛДП, О.21, л. 338). Однако технологические статьи могут располагаться в сборнике не единым набором, а, например, двумя. В рукописи также может быть только один или два текста.

В связи с изучением статей о книжном деле нам видится особенно важной жанровая и тематическая классификация сборников. Эти тексты являются частью древнерусской технической литературы, так что жанр рецепта роднит их с рекомендациями по иным ремеслам, статьями лечебников и кулинарными рецептами. Тематическая близость также предписывает нам обратить особое внимание на тексты, касающиеся грамотности и книжности.

Говоря о тематической классификации сборников, наиболее очевидно выделение тех, где статьи о книжном деле бытуют в составе иконописных подлинников или комплексов технологических статей. Примером первого может служить рукопись БАН, Арханг. С. 205 – иконописный подлинник Никодима Сийского, включающий рецепты красителей для книжного письма. Собственно технологическим сборником можно считать написанный на 26 листах сборник РГАДА, ф. 181 (МГАМИД), № 928/1491, содержащий статьи о книжном переплете, работе с металлами, составлении красок и обращении с иконами.

Статьи о книжном деле могут соседствовать как с тематически близкими текстами – иконописными подлинниками, рекомендациями по работе с металлом, тканью, воском, деревом или костью, каллиграфическими образцами, азбуками и лечебниками, так и, например, с нотированными стихирами, житиями, полемической литературой, летописцами и святоотеческими сочинениями. При этом они не только не объединяются в устойчивые комплексы, но и не имеют устойчивого конвоя.

Большинство интересующих нас рукописей представляют собой чetyри сборники неустойчивого (индивидуального) состава. Многие кодексы со статьями о книжном деле можно характеризовать как сборники, «включающие в себя разнообразные крупные и мелкие тексты и фрагменты текстов, отдельные выписки и подборки выписок» [2: 176] без определенных тематических доминант. Однако мы уделяем особое внимание текстам тематически близким к статьям о книжном деле. Так, к примеру, мы отмечаем, что сборник Варфоломея Новгородца РНБ, Соф. 1568, помимо выписок из аскетической литературы и текстов церковно-назидательной тематики, содержит азбуку, статьи о грамматике и «сказание о литорях», непосредственно примыкающее к рецептам чернил. То же относится и к сборнику Прохора Коломнятина ГИМ, Музейское собр., № 2803, где среди различных текстов церковного и светского содержания помещена подборка памятников древнерусской лексикографии, в числе которых «Толкование о псалтырных словесех», перевод латино-греческого словаря «Латинского языка речи», греческо-русский словарь «Переводные речи с греческого языка на словенский» [5] и крымскотатарско-русский разговорник, выявленный и изданный Н.В. Савельевой [9].

Стоит отметить и исключения из сделанных нами обобщений. Так, рецепт чернил мы находим и в сборнике относительно устойчивого состава – «Пчеле» ГИМ, собр. А.С. Уварова, № 59. Два сборника – ГИМ, собр. Е.В. Барсова, № 1365 и РГБ, ф. 304.1 (главное собр. ТСЛ), № 408 – представляют собой нотированные певческие рукописи, тематически не связанные с технологической литературой.

Говоря о структурной классификации сборников, следует указать на то, что ряд рукописей со статьями о книжном деле представляют собой сборники энциклопедического содержания, включающие множество мелких статей, в том числе, записанных разными почерками на разной бумаге – И.М. Грицевская называет такие сборники центонными [2: 177]. Примером может служить сборник-конволют РНБ, Соф. 1462, составленный в 30-е гг. XVI в. кирилловским книгохранителем Вассианом Строем «из тетрадей, написанных разными почерками конца XV в.» [1: 15], включающими почерка Гурия Тушина и Ефросина Белозерского. Интересующая нас часть конволюта содержит отрывок учебника без начала, за которым следует рецепт чернил и фрагментированный «устав деревцю».

Статьи о книжном деле встречаются не только в сборниках, содержащих «равноправные» тексты, но также и в сборниках иерархических (по И.М. Грицевской [2: 185–187]) – где одно большое произведение дополняется мелкими статьями. Показательный пример – кодекс РГБ, ф. 310 (собр. В.М. Ундольского), № 1301 – Хронограф редакции 1512 года с прибавлениями, среди которых есть два рецепта чернил.

Наконец, говоря о типологии сборников, следует учитывать место технологических статей в рукописи. Они могли появиться независимо от воли изначального составителя – дописанные на чистых листах или подклеенные позднее. Так, например, одиночный рецепт чернил мы находим на листе, приклеенном к внутренней стороне нижней крышки переплета сборника виршей Симеона Полоцкого (ГИМ, Синодальное собр., № 877). В рукописи РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1588 рецепт чернил не только на полуслове разделил на две части «Компиляцию об Антихристе» [4: 313–314], целиком заняв оборот одного из листов, но и с середины был дописан другим, вероятно более поздним, почерком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобров А.Г.* Ефросин Белозерский в поисках рая. – СПб.: Алетей, 2023. – 120 с.
2. *Грицевская И.М.* Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – 425 с.
3. *Дмитриева Р.П.* Четьи сборники XV в. как жанр // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. – Л.: Наука, 1972. – С. 150–180.
4. *Иванов С.В.* Русский перевод немецкого «Сказания об антихристе» по рукописям XVII–XVIII веков. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 352 с.
5. *Левичкин А.Н., Савельева Н.В.* Памятники древнерусской лексикографии в сборнике Прохора Коломнятина // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163, кн. 4–5. – С. 67–96.
6. *Лихачев Д.С.* Текстология. – Л.: Наука, 1983. – 639 с.
7. *Милтенова А.* Към литературната история и типология на сборниците със смесено съдържание // Старобългарска литература. Кн. 7. – София, 1980. – С. 22–36.

8. Предварительный каталог церковнославянских гом依ий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI веков, преимущественно восточнославянского происхождения / сост. Т.В. Черторицкая. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. – 795 с.

9. Савельева Н.В., Козинцев М.А. Тюркско-русский словарный свод в сборнике инокa Прохора Коломнятина 1668 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 67. – СПб.: Наука, 2020. – С. 468–552.

10. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. Т. 1. Кн. 1 / сост., вступ. ст. и прим. Ю.И. Гренберга. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – 448 с.

11. Семячко С.А. Письменная традиция древнерусского старчества: текстологическое, источниковедческое и историко-литературное исследование. Т. 1. Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2016. – 596 с.

УДК 930.27

К РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О ГИБЕЛИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ УГЛИЧСКОГО

Л.В. Столярова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Статья посвящена проблеме реконструкции первоначального состава важнейшего источника кануна Смутного времени – Следственного дела о гибели царевича Дмитрия Ивановича 15 мая 1591 г. в Угличе. Рассматривается сугубо палеографический аспект этой проблемы – возможность применения к делопроизводственному материалу столбцового периода методов филигранологии, разработанных для реконструкции первоначального состава дефектных тетрадей бумажных кодексов XVI в. Высказывается предположение, что сохранившийся экземпляр Следственного дела представляет собой документальные материалы комиссии В.И. Шуйского (оригиналы, черновики и беловые копии с оригиналов), не получившие официального оформления и никогда не имевшие законченный вид столбца.

Ключевые слова: судебнo-следственная документация, столбцовое делопроизводство, филиграноведение, Смутное время в России.

The paper is dedicated to the reconstruction of the original makeup of the Uglich Investigation File on the death of Tsarevich Dmitry Ivanovich on the 15th of May, 1591, one of the key sources for the Russian history of the late 16th century. The palaeographical aspect of the problem is discussed: is it possible to apply to the rolls of that period the methods of the analysis of watermarks worked out for the study of corrupted quires of 16th-century paper books? It is argued that the extant manuscript of the Investigation File is in fact the materials of the Commission led by V.I. Shuysky (originals, drafts, and copies of originals) which were never officially arranged, and never became a roll.

Key words: court documents, rolls, watermarks, the Time of Troubles in the Russian State.

Первоначальная структура Следственного дела (далее – СД) о гибели царевича Дмитрия Ивановича Угличского 15 мая 1591 г. (РГАДА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1) не ясна. В историографии представления о составе документов СД основывались на предположении, что сохранившиеся в нем материалы некогда образовывали столбец, состоявший из судебнo-следственной документации, отразившей деятельность комиссии В.И. Шуйского в Угли-

че (Н.М. Карамзин, Е.А. Белов, И.С. Беляев, И.И. Полосин, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников и др.). Согласно наблюдениям В.К. Клейна (1913), столбец был составлен из разрезанных пополам в длину и склеенных между собой половинок дестного листа бумаги и был полностью сформирован к 2 июня 1591 г. В этот день итоги работы комиссии Шуйского были доложены Освященному собору, а «в перебитом виде» дело к докладу об итогах следствия приложено быть не могло [10: 15–65].

По своему происхождению документы СД образуют две группы: 1) материалы «обыска» в Угличе, произведенного Следственной комиссией; 2) документация Освященного собора 2 июня 1591 г. и три наказные памяти, подклеенные к материалам Собора. Клейн предположил, что по мере «собираения следственного материала и редактирования черновиков комиссией допросные речи сейчас же переписывались набело коллективно всеми подьячими, без предварительного распределения материала» [10: 83–87]. «Спутанность» же текста СД он объяснял «небрежным обращением» (т.е. дефектами хранения) [10: 2–3, 10–11, 13, 66–67, 99, 109–112].

По подсчетам В.К. Клейна, СД состоит из 63-х склеек, причем их количество до оформления СД в переплет было другим. Клейн предположил, что теперешнее количество склеек образовалось не в результате естественной расклейки СД, а от разделения и даже разрывания свитка «на произвольное число кусков, удобное для заключения их в переплет» [10: 8]. В Описи Посольского приказа 1626 г., куда СД попало, вероятно, в период Смуты, оно фигурирует наряду с другими «изотлевшими», «розпавшимися» и «подранными» бумагами, среди которых «иных столбцов нет», а «иных и подобрать нельзя» [11: л. 429–429 об.]. В 1720 г. архив бывшего Посольского приказа был передан в Московский архив Коллегии иностранных дел. Именно там, как полагал Клейн, СД подверглось архивной обработке, в ходе которой первые расклеившиеся склейки были перепутаны. В таком виде они были пронумерованы Н.Н. Бантыш-Каменским (ок. 1798 г.), который, в свою очередь, также переставил некоторые склейки местами, а затем переплел дело в тетрадь. СД было впервые издано в 1819 г. [13: 103–124], а в 1913 г. переиздано В.К. Клейном фототипически и набором [10].

Первая попытка идентификации почерков СД (тогда их было выделено всего три) была осуществлена в 1819 г. [13: 103–124]. Е.А. Белов (1873) определил в СД еще один – IV – почерк [1: № 7–8]. И.С. Беляев (1907) уже писал о почерках VII писцов, один из которых он атрибутировал дяку Елизарию Вылузгину [2]. Клейн идентифицировал почерки XII писцов и исследовал автографы Е. Вылузгина, полагая, что тот участвовал как в составлении отдельных документов СД, так и в их общем редактировании (III почерк).

Хранение свитка до XVIII в. было неудовлетворительным, и снаружи он отсырел на некоторую глубину. Пятна сырости, расплывшиеся по бумаге, были использованы Клейном для реконструкции первоначального расположения склеек № I–XI. Поскольку границы склеек разрывают один и тот же текст, Клейн попытался обосновать и первоначальное расположение склеек № XII–XVI [10: 15–65]. С.Б. Веселовский (1915) подготовил

обширную рецензию на труд Клейна, которая была опубликована только в 1978 г. Ученый уделил значительное место палеографическим и текстологическими наблюдениям над дефектными чтениями, которые были дополнены текстологией отдельных материалов СД, и предложил уточненный вариант реконструкции его первоначального состава [4: 159–175].

А.П. Богданов (1999) в целом согласился с выводами Клейна о палеографии СД, но предложил почеркам новые атрибуции. Богданов выделил в Следственном деле семь видов бумаги, текст на которой написан, по его мнению, тринадцатью основными почерками с несколькими вариантами [3: 218–222]. Документы угличского обыска Богданов распределил по трем группам: а) черновые копии; б) беловые копии; в) оригиналы (челобитные рассыльщиков, А. Битяговской и Р. Ракова), подтвердив, что документы разных групп создавались не одновременно.

Богданов установил, что в разных частях СД встречаются филигранны двух типов: «Гербовый щит» и «Кувшинчик» (6 видов), т.е. комиссия В.И. Шуйского использовала в своем делопроизводстве бумагу с семью видами филиграней [3: 207–231, 253–273]. Как известно, водяной знак дестной бумаги располагается по средней горизонтальной оси листа и при нарезке столбцов разрезался пополам. Поскольку лист $\text{in-}2^0$, подготовленный к письму в результате нарезки дестного листа, обнаруживает на себе либо верхнюю, либо нижнюю часть водяного знака, Богданов допустил вероятность реконструкции листа $\text{in-}1^0$ путем совмещения половинок филиграней. «Половинки водяных знаков просматриваются на 46-ти из 63-х листах СД» [3: 208], причем нижние «половинки» преобладают. 13 склеек образованы сильно поврежденными листами, филигрань которых срезана.

Захватывающая задача «совмещения» половинок филиграней требовала неопровержимых доказательств того, какие из сохранившихся листов (склеек) СД были написаны на одном, предварительно разрезанном листе дестной бумаги $\text{in-}1^0$. Для ее решения Богданов применил к изучению бумаги СД методику С.М. Каштанова, разработанную для определения первоначального положения некогда изъятых П.М. Строевым листов Погод. сборников № 1846 и 1905 в Троицких копийных книгах XVI в. Метод Каштанова предусматривает скрупулезные измерения расстояний разных деталей филигранны от ближайших понтюзо, основан на тщательном изучении вариантов и подвариантов филигранны «Рука с розеткой» и сочетании собственно филиграноведческого анализа с фундаментальным кодикологическим исследованием [7: 55–238; 8: 239–247]. Применяя методику Каштанова, Богданов не упомянул о ее действительном создателе, приписав разработку этого метода себе. Однако Богданов попытался усовершенствовать метод Каштанова измерениями при помощи штангенциркуля. Как, к сожалению, бывает в таких случаях, Богданов свои заимствования прикрыл критикой оригинального метода Каштанова, отмечая его якобы неточность («промеры делались деревянной линейкой, а наименьшая инструментальная ошибка любого прибора, градуированного до 1 мм, равна 5 мм, ... суммарная ошибка метода покрывает разброс приведенных Каштановым величин интервалов...») [3: 106–107]. Провозглашенное Бог-

дановым стремление к точности измерений на деле оказалось недостижимым, а главное – избыточным. Штангенциркуль – это универсальный инструмент, служащий для высокоточных измерений наружных и внутренних размеров предметов, изготовленных, как правило, из металла, находящегося в момент измерения в твердом состоянии. Богданов же пытался осуществить замеры линейных величин для определения интервала между филигранью и ближайшим понтюзо. Устройство штангенциркуля таково, что предмет, точные размеры которого нужно установить, фиксируется между двумя металлическими губками штангенциркуля. Далее производится отсчет показаний штангенциркуля по шкалам штанги и нониуса. Зажать между двумя металлическими губками даже не проволоку (элемент металлической сетки бумагоделательной формы), а всего лишь пропечатанный на бумаге след проволочной сетки (т.е. внешнего края филигрании и понтюзо) решительно невозможно. Кроме того, А.П. Богданов пытался измерять даже не сами отпечатки, которые имеют свою глубину и ширину с поправкой на массу и ширину прутьев металлической сетки и напаянной на нее филигрании, а их копии, прорисованные вручную карандашом на кальке. Толщина линий прорисовки не может соответствовать реальной толщине отпечатков на бумаге элементов бумагоделательной формы. Не даст желаемой точности и простое прикладывание металлических губок штангенциркуля к отпечаткам сетки (или их калькированной копии). Смысл же замены обычной линейки штангенциркулем Богданов определял именно точностью измерений [3: 113].

Проволочная сетка бумагоделательной формы и напаянная на нее филигрань изготавливались вручную, а потому не имеют равных по всей длине бумажного листа показателей. За многочисленными математическими формулами, которые приводит в своем исследовании Богданов, к сожалению, мало практического смысла. Метод Каштанова показал свою состоятельность прежде всего потому, что применим исключительно к рукописному кодексу. В кодексе, состоящем из тетрадей, образованных сложением вдвое, вчетверо, восьмеро и т.д. бумажного листа *in-folio*, любое изъятие листа нарушает симметричное расположение листов относительно друг друга в рамках тетради. Однако его метод не применим к столбцам. Пытаясь мысленно совместить половинки нарезанных листов свитка, исследователь может только показать, какие грамоты писались на одной, разрезанной надвое, бумаге *in-1⁰*, а какие совмещали склейками бумагу разного происхождения или взятую из разных пачек. Однако в какой последовательности и каким писцом (или даже писцами) использовались листы уже нарезанной бумаги, образовывали ли они точно некую единую пачку бумаги, – достоверно определить на материалах столбцового делопроизводства невозможно. Применительно к СД это тем более невероятно, если учитывать процедуру ведения следствия. Спешное осуществление «повального обыска» требовало проведения допросов нескольких свидетелей сразу, фиксировавшихся одновременно несколькими писцами. В СД только часть документов беловики и беловые копии. Совокупность же сохранившихся документов следствия не отражает

итоговой работы по перебеливанию и систематизации их в единое «дело». Бумага для записи расспросных речей могла браться писцами из разных и даже не вполне одновременных по происхождению пачек, учитывая специфику ее нарезки не только заранее, но и в процессе работы. Невозможно установить и то, из каких пачек уже нарезанных листов, в какой последовательности и какими писцами бралась бумага при вторичной обработке материалов СД, а именно при создании беловых копий.

Сопоставляя данные исследования почерков СД с филиграноведческим и текстологическим анализом листов и склеек дела, Богданов заключил, что представленные 2 июня 1591 г. Освященному собору материалы не передают реального хода следствия. Он считал, что та часть документов дела, в которой допрашиваемые подтверждали версию нечаянного самоубийства царевича Дмитрия, представлена «...не авторскими текстами, а вариантами формуляра описательного вопроса, созданного и сознательно изменявшегося комиссией в своих интересах, отражающих желание Годунова» [3: 252]. Иными словами, Богданов усомнился в репрезентативности СД, полагая, что его материалы подверглись осознанной переработке, и нынешний его состав не отражает ни ход следствия, ни его подлинные итоги. Принимая версию об убийстве царевича в Угличе, Богданов считал, что единственной целью следствия было не установить истину, а скрыть факт преднамеренного убийства, спланированного в Москве. С таким выводом вряд ли следует согласиться.

По своему происхождению и содержанию документы дела образуют три группы: 1) документы угличского следствия (19 мая 1591 – не позднее 30 мая 1591 г.); 2) документы Освященного собора 2 июня 1591 г. и распоряжения царя Федора Ивановича по итогам следствия; 3) документы, связанные с реализацией распоряжений царя Федора Ивановича по итогам следствия (июнь 1591 г.). В первую группу входят пять подгрупп документов: а) записи (о вызове на допрос, допросе, об очной ставке, о заключении под стражу, о даче челобитной); б) расспросные речи; в) челобитные; г) извет об «изъятии» подозреваемого для дачи показаний; д) рукоприкладства. Вторую группу составили четыре подгруппы документов: а) преамбула и сказка митрополита Геласия; б) челобитная Р. Ракова; в) вердикт Освященного собора; г) запись о докладе царю Федору Ивановичу вердикта Освященного собора и чтении перед ним челобитной городского приказчика Р. Ракова («...сказывали патриарховы речи и скаску митрополита Геласия, и челобитную... чли»); д) Приговор по «углетцкому» делу царя Федора Ивановича. Третью группу составили материалы, связанные с реализацией решений по делу: а) запись государева указа и боярского приговора; б) наказные памяти дьякам.

Сохранившийся экземпляр СД ныне содержит 63 листа разных размеров, представляющие собой фрагменты дестной бумаги конца XVI в.: I (вне счета) + 54 + восемь литерных листов (л. 5а, 5б, 10а, 16а, 17а, 29а, 46а, 53а). Все без исключения листы дела обрезались при переплетении их в конце XVIII в. в тетрадь. Эта манипуляция осуществлялась не слишком аккуратно, скорее всего, без использования линейки, поэтому размеры листа сверху

и снизу могут отличаться друг от друга в пределах 0,5–9,4 см. Большинство листов СД образовано небольшими (2–3) склейками по ставам. Бумага доклеивалась до нужного размера в процессе документирования материалов следствия: по местам соединения двух листов (сствам) нередко следует текст. Листы 41 и 42 склеены вместе, но пронумерованы отдельно. В деле имеются листы со следами прежних (ныне разъединенных) сставов. Без признаков склеивания листов in-2 друг с другом сохранились 23 листа. От них либо отрезались склейки подчистую, либо эти листы содержали какие-то дополнения к документам следствия, которые дописывались позднее (т.е. на любых фрагментах листа in-2⁰, по своему размеру пригодных для документирования определенных материалов). Грубое изъятие склеек и их частей свидетельствует как о спешности этих манипуляций, так и о том, что сохранившиеся после них документы были предварительными, предназначенными для дальнейших их обработки и использования.

Порядок ведения и оформления судебно-следственной документации в России определялся Судебником 1550 г. Дьяки обязывались держать при себе все записи расспросных речей, полученных в ходе расследования. Поручая подьячим переписать дело начисто, дьяк должен был сверить переписанное и, убедившись в правильности белой копии, заверить ее своею рукой по местам склеек («сставов»). Дьячья справа (подпись) ставилась таким образом, чтобы разорванное по слогам имя дьяка оказывалось на каждой склейке. Как известно, подобная процедура проделывалась во избежание утрат, намеренных изъятий и перестановок отдельных листов дела внутри столбца, иными словами, была направлена на недопущение актов подделок [15: 149, 385]. Подписанные и заверенные печатью дела хранились у дьяка. Подьячим запрещалось держать дела при себе, а также выдавать их без соответствующего оформления. В противном случае действия подьячего расценивались как должностное преступление. Наказание подьячего, допустившего выдачу не надлежащим образом оформленного документа, зависело от того, где документ был выдан: в приказе, по пути подьячего домой или у себя дома («за городом или на подворье»). Оно варьировалось от битья кнутом или плетью («торговая казнь») до увольнения с запрещением занимать эту должность впредь.

Ни один (!) документ СД не сохранился со следами дьяческой скрепы. Почему вопреки действующему законодательству дело не было оформлено надлежащим образом? В.К. Клейн считал первым признаком порчи целостности Следственного дела помету почерком первой четверти XVIII в.: «[Д]ѣло розыскное 99-г(о) году | про убивѣство ц(а)[р]евича Димитр[ия] | Ивановича на Угличе. Конц[а] | і начала нетъ» (л. III об.). Эта помета позволила Клейну заключить, что «древнейшие достоверные данные о порче и утрате частей угличского дела относятся к концу XVII в.». Однако по справедливому замечанию С.Б. Веселовского, если надпись относится к первой четверти XVIII в., то к этому же времени относится и указание о порче. Сама же порча «могла произойти и в конце XVII в., и в московской пожар 1626 г., и во время Смуты» [10: 11; 4: 163–164]. Веселовский поставил под сомнение предположение Клейна о том, что помета была

сделана одним из первых «архивариусов» Коллегии иностранных дел: «...это возможно, но не несомненно, так как и до учреждения архивариусов приказные подьячие описывали хранившиеся у них на руках дела». Примером такого описания он называл помету XVII в. на обороте последнего листа СД «Убив[ств]о царев[ича] Дмитрея Углетцкого» и полагал, что запись на обороте первого листа (л. [III] по Клейну) «могла быть сделана и первым архивариусом Иностранной коллегии, и одним из последних подьячих Посольского приказа». Поскольку лист с записью начала XVIII в. находится не на своем месте, очевидно, что в руки архивариуса следственное дело попало уже в виде отдельных листов, частично склеенных вместе, частично нет, иногда разорванных и на некоторую глубину подмоченных. Соглашаясь в этом с Клейном, Веселовский отрицает, что архивариус XVIII в. попытался привести СД в порядок, разъединив склейки [4: 164]. Это принципиальное наблюдение С.Б. Веселовского прямо подкрепляется данными Описи 1626 г. «Дело сыскное про смерть царевича князя Дмитрея Углецкого» зафиксировано в ней как уже распавшееся на отдельные листы: «Столпик, а в нем дело сыскное про смерть царевича князя Дмитрея Углецкого [...] распалось все и верху у него нет» (11: л. 429–429 об.).

А.П. Богданов обратил внимание, что в Описи Посольского приказа 1614 г. упомянуты «из задние палаты... дела в ящиках». В первом из них находились «розни старой блаженной памяти при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси и при царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси доводные и иные приказные дела, и приказы посланником и гонцом по опальных людей и иная мелкая рознь, а посольских дел нет» [3: 299–300, примеч. 140]. Не исключено, что там было и СД. Хранили содержимое ящика не особенно тщательно. Бумага СД была подмочена и покрывалась пятнами сырости.

Делопроизводство в Русском государстве XVI–XVII вв., предусматривавшее не только движение, но и хранение бумаг, было только столбцовым [16: 342–344; 6: 64–65]. Документация, находящаяся в стадии обработки (в том числе по незавершенным делам («доколе дело кончатца»)), по-видимому, также не знала иного способа хранения и перемещения, как в виде столбцов. Архивисты XVIII в. получили в свое распоряжение материалы СД а) без начала («верху у него нет»); б) в виде оригиналов, черновиков, черновых и беловых копий; в) в виде россыпи перевязанной пачки листов, свернутой в подобие столбца, еще в 1626 г. хранящегося среди «подранных» бумаг Посольского приказа. Последовательность листов в этом экземпляре в основном отражала ход следствия, т.к. документы подбирались в том порядке, в каком они должны были быть перебелены, сверены, склеены по сстамам в единый свиток и скреплены подписью дьяка.

Полагаем, что эта россыпь определенным образом подобранных фрагментов СД не была и не должна была быть представлена Освященному собору 2 июня 1591 г., т.к. не имела необходимых признаков официального документа. Вероятно, Освященный собор получил в свое распоряжение иной специально составленный документ, рабочими материалами

к которому и был сохранившийся экземпляр СД. Особую роль в событиях весны – лета 1591 г. сыграла так называемая «измена Нагих», расследованием которой, наряду с гибелью царевича Дмитрия, занималась комиссия В.И. Шуйского. Однако дело об «измене» в мае 1591 г. не было закончено и продолжилось уже в столице, где проводились новые следственные мероприятия (с использованием пытки), в связи с московскими пожарами накануне вторжения крымских татар. Виновными в поджогах власти снова объявили Нагих и их людей. Вопреки официальной версии, поползли слухи о причастности к организации пожаров Б.Ф. Годунова. Три трагических события весны-лета 1591 г. (гибель царевича Дмитрия, пожар в Москве и нашествие орды Казы-Гирея) объединились в народном сознании в одно и воспринимались как Божья кара «по грехом»: «...три по числу нам зло... купно тогда стекошася» [6: 34]. Правительство обвинило в угличской драме Нагих, назвав их действия «изменой». Ведущую роль в поджогах Москвы приписали главе клана – А.Ф. Нагому (14: 197–204). В результате нового расследования должно было появиться особое СД, а его основу составить документы, изъятые из материалов угличского следствия. Оставшиеся от него бумаги сохранились среди «мелкой розни» документов Посольского приказа. Документы угличского «дела обыскного» дошли только в той их части, которая касалась расследования гибели царевича Дмитрия и некоторых материалов об «измене Нагих» 15–18 мая 1591 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Е.А. О смерти царевича Дмитрия // ЖМНП. – 1873. – № 7–8.
2. Беляев И.С. Угличское следственное дело об убиении Дмитрия 15 мая 1591 г. – М., 1907.
3. Богданов А.П. Основы филиграноведения. – М., 1999.
4. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории СССР периода феодализма. – М., 1978.
5. Временник Ивана Тимофеева / подгот. к печати О.А. Державиной. – СПб., 2004.
6. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
7. Каштанов С.М. По следам Троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря) // Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря 1505–1537. – М., 2007. – С. 55–238.
8. Каштанов С.М. Кодикологические особенности сборника Погод. 1846, содержащего фрагменты троицких копийных книг XVI в. // Перечень актов Архива Троице-Сергиева монастыря 1505–1537. – М., 2007. – С. 239–247.
9. Каштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. – М., 2014.
10. Клейн В.К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15-го мая 1591 г. – М., 1913. – Ч. 1, 2.
11. Описание архива Посольского приказа 1626 года / подгот. к печати В.И. Гальцов. – М., 1977.
12. Описание царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. – М., 1960.
13. СГГД. СПб., 1819. – Ч. 2.
14. Столярова Л.В., Каштанов С.М., Белоусов П.В. Когда умер Афанасий Нагой и мог ли он руководить «антигодуновским заговором»? // Петербургский исторический журнал. – 2017. – № 1 – С. 197–204.
15. Судебники XV–XVI вв. – М.; Л., 1952. [Фототипич. переизд.]: СПб., 2015.
16. Черепнин Л.В. Русская палеография. – М., 1956.

КОДИКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОПИЙНОЙ КНИГИ ПАВЛО-ОБНОРСКОГО МОНАСТЫРЯ КОНЦА XVII В.

С.М. Каштанов, Л.В. Столярова

Институт всеобщей истории РАН (Москва)

Статья посвящена исследованию кодикологической структуры важного источника по истории феодального землевладения и хозяйства Русского государства XV–XVII вв. – копийной книги Павло-Обнорского монастыря конца XVII в. Последовательно изучаются филигранные рукописи и почерки ее писцов. Устанавливаются способы формирования тетрадей и приемы изъятия испорченных листов из них. Ставится вопрос о принципах ведения монастырской учетной документации. Обосновывается уточненная датировка кодекса (после июня 1684 г.). Делается вывод о том, что составление Павло-Обнорской книги сопряжено с установлением в 1680-е годы в России практики ведения монастырских регестов в связи с борьбой церкви и дворянства за землю и крестьян после отмены местничества в 1682 г.

Ключевые слова: феодальное землевладение, акты, хозяйственная документация монастырей.

The paper is dedicated to the study of the codicological structure of the late 17th-century cartulary of the Pavlo-Obnorsky Monastery, a valuable source for the history of the feudal land-ownership and economy of the 15th–17th-century Russian State. The authors systematically study the watermarks of the codex, handwriting of its scribes, the methods of the formation of quires and the withdrawal of corrupted leaves from the quires. The question of the principles of the monastery bookkeeping is raised. The dating of the manuscript is narrowed: the authors argue that it was composed after June, 1684, and that its creation was connected with the establishment of the keeping of monastery *regestae* in the 1680s, in turn, due to the land-disputes between the church and the nobility after the abolition of *mestnichestvo* in 1682.

Key words: feudal land-ownership, acta, monastery bookkeeping.

В рукописном отделе библиотеки ГМЗ «Ростовский Кремль» хранится ценный источник по истории феодального землевладения и хозяйства Русского государства XV–XVII вв. – копийная книга актов Павлова Обнорского монастыря конца XVII в. (№ Р-169). Впервые эта рукопись была введена в научный оборот А.А. Титовым, который дал весьма краткую информацию о содержащихся в ней текстах [4: 41–45]. Следуя оглавлению копийной книги, Титов обычно не указывал даже дату документа, поскольку она не приводилась в оглавлении. В 1967 г. С.М. Каштанов ознакомился с рукописью копийной книги и скопировал тексты жалованных грамот XV–XVI вв. Древнейший документ книги – жалованная грамота Ивана III 1488/89 г. – был им опубликован в 1970 г. [1: 452–453. № 67]. В 1990–1992 гг. С.М. Каштанов и Л.В. Столярова предприняли подробное кодикологическое изучение рукописи [2]. Кроме того, С.М. Каштанов продолжил копирование документов XVI в., а Л.В. Столярова занялась копированием документов XVII в., в порядке подготовки к печати всего текста книги.

Копийная книга Павло-Обнорского монастыря представляет собой рукопись «в десть» in-2⁰, на 327 нумерованных листах, в кожаном перепле-

те. В рукописи различается не менее восьми основных почерков XVII в. (с вариантами) и 59 оттенков чернил (в этот счет не входят чернила более поздних надписей и пометок). Копийная книга начинается с оглавления (л. 1–8 об.), за которым следуют тексты 84 документов. Наиболее ранний из них датируется 1488/89 г. (л. 71 об.–73, гл. 16), наиболее поздний – 27 июня 1684 г. (л. 312 об. – 314, гл. 79). Из подтверждений к жалованным грамотам, попавшим в копияную книгу, самое позднее – царей Иоанна и Петра – датируется 28 февраля 1684 г. (л. 16 об. – 17 об., гл. 1).

Средние размеры листов: ширина по нижнему краю – 18,3 см, по верхнему краю – 18,3–18,6 см; длина (высота) по корешку – 29,8 см, по боковому полю – 29,8 – 30 см. Листы пронумерованы черными чернилами почерком второй половины XIX в. Дополнительная карандашная нумерация имеется на л. 9, который пронумерован 1-м, и на л. 17, который пронумерован 8-м. К обороту верхней крышки переплета приклеен нумерованный лист, обозначаемый нами как [л. 01]. Между ним и л. 1 – корешок вырванного или отрезанного листа ([л. 02]). После л. 327 находится нумерованный лист [л. 328]. Между ним и нижней крышкой переплета имеется остаток вырванного листа [л. 328а]. Кроме того, лист бумаги приклеен к внутренней стороне нижней крышки переплета [л. 328б]. Остатки вырванных или отрезанных листов обнаруживаются и в других местах копияной книги ([л. 257 а] между л. 257 об. и 258; [л. 262 а], [262 б], [262 в] между л. 262 об. и 263); л. [285 а], [285 б], [285 в] между л. 285 об. и 286; л. [286 а] между л. 286 об. и 287). Некоторые листы носят следы приклейки к корешкам ранее отрезанных листов. Одни из них приклеены к оставшемуся корешку с оборота (л. 29, 61, 71, 216), другие – с лицевой стороны (л. 190, 191, 217). Чистыми являются л. 8 об., 135 об. – 136 об., 286–286 об., 327 об., [328–328 об.].

В книге сохранилась нумерация тетрадей буквенными цифрами почерком XVII в. Номер 2 содержится на л. 17. Номера 1 нет. Последний номер тетради – 39, на л. 323. Однако по нашим наблюдениям, в копияной книге первоначально было не 39, а 42 тетради. Листы пронумерованы с лицевой стороны арабскими цифрами, которые написаны черными чернилами почерком второй половины XIX – начала XX в. Номер листа ставился правее текста рукописи в верхней части бокового поля. В некоторых случаях номер сопровождался буквой «я» для превращения количественного числительного в порядковое. Буква «я» стоит после буквенных номеров 3–10, 20, 30. После номера 17 она полустерта, после номера 23 почти совсем стерта. В номерах 18–19 буква «я» стояла после первой буквы номера, обозначающего число единиц («и» в № 18, «фита» в № 19), но по ней другими чернилами была написана буква «і», обозначающая 10. В номере 16 буква «зело» носит явные следы переделки из другой буквы (возможно, из «земля»?). На нижнем поле л. 291, 299, 307, 315, 323 правее номеров 35, 36, 37, 38, 39 различаются следы полусмытых номеров 17, 18, 19, 20, 21. Обнаружить следы предшествующих 16-ти номеров этой нумерации не удалось. Над большинством буквенных номеров тетрадей помещено вертикальное титло типа «ерок». Короткое титло, больше похожее на черточку, находится

над № 10. Нет титла над номерами 2, 6, 25, 31. Внизу после № 21, 24, 26 поставлена точка. Точками спереди и сзади окружены № 28–30, 32–39.

По всей рукописи просматривается один и тот же водяной знак – геральдическая лилия в гербовом щите под короной. Высота знака – 8,15 см, максимальная ширина (между концами крайних зубцов короны) – 5,45 см. Основных понтюзо – 7 ($p_1 - p_7$); имеется также дополнительное понтюзо (p_0). Понтюзо расположены вертикально, т.е. параллельно корешку рукописи и перпендикулярно по отношению к строкам текста. Отсчет понтюзо ведется от бокового края листа. Водяной знак занимает весь интервал (И) между p_3 и p_4 , несколько выходя за пределы I_3 в сторону I_2 и I_4 . Данная филигрань по форме и размерам весьма близка к знаку № 926 альбома Диановой-Костюхиной, заимствованному из Книги пастырского поучения Григория Двоеслова 1671 г. [5: С. 177. № 926]. Сравнимые знаки не тождественны, но весьма близки между собой и являются двумя разными вариантами знака, произведенными одной парой форм. В целом бумага Павло-Обнорской книги датируется 1670-ми годами XVII в.

При разнообразии почерков, которыми написана книга, ее филигранологическая монолитность свидетельствует о единовременности создания кодекса. Даже при замене отдельных листов книги использовалась бумага той же серии. Это наводит на мысль, что бумага была приобретена монастырем специально для создания копийной книги, т.е., видимо, незадолго до начала работы над ней. Следовательно, бумага должна была отличаться недолгим сроком «лежания» в монастыре. Вместе с тем разница между временем написания книги (очевидно, вторая половина 1684 г.) и датой альбомного знака, наиболее близкого к филиграням изучаемой рукописи (1671 г.), говорит как будто о большой залежности ее бумаги или о том, что в копийной книге была использована бумага более позднего происхождения, чем та, которая содержится в кодексе ГИМ 1671 г.

Обычный размер тетради – 8 листов. При формате рукописи $in-2^0$ для составления тетради было необходимо иметь 4 полных, т.е. развернутых листа $in-1^0$. В развернутом листе $in-1^0$ выдавленные следы сетки черпальной формы находятся, естественно, на одной стороне. Но когда этот лист сгибают вдвое, получается так, что на одном половинном листе следы сетки выступают с лицевой стороны, а на другом – с оборотной. При производстве бумаги в XV–XVII вв. филигрань помещалась, как правило, не в центре, а в одной из двух половин сетки – левой или правой. Поэтому в листах $in-1^0$ филигрань тяготеет либо к левому, либо к правому краю листа. В результате в паре листов $in-2^0$, образованных из одного согнутого вдвое листа $in-1^0$, один лист оказывается с филигранью, другой без нее. Таких сочетаний в восьмиллистных тетрадях бывает четыре. Попарно в них объединяются л. I–VIII, II–VII, III–VI, IV–V. В тетрадях № 2, 4, 5, 9–15, 17–21, 23, 24, 27–30, 32, 33, 35, 36, 38 сочетания всех четырех пар листов правильные, т.е. более половины всех нумерованных тетрадей копийной книги (26 из 39) имеют правильную структуру. В тетрадях № 3, 6–8, 16, 22, 25, 26, 31, 34, 37, 39 либо не хватает отдельных листов, либо наблюдаются неправильные сочетания листов по парам. Эти 12 тетрадей составля-

ют немногим менее одной трети всех нумерованных тетрадей рукописи. В трех из 12 проблемных тетрадей отсутствуют последние листы – один лист в тетради № 34, один лист в тетради № 39 и три листа в тетради № 31. В девяти других тетрадях неправильное сочетание филиграней листов I–VIII встречается пять раз (тетради № 6, 16, 22, 25, 26), листов II–VII – один раз (тетрадь № 8), листов III–VI – один раз (тетрадь № 22), листов IV–V – три раза (тетради № 3, 7, 37). Из этого можно заключить, что чаще других заменялись крайние (особенно последние) листы тетрадей (л. I–VIII), реже – центральные (л. IV–V) и совсем редко – внутренние нецентральные (л. II–VII, III–VI). В копиях имеются группы листов, не снабженные номерами тетрадей. Таковы, например, л. 129–136об., расположенные между 15-й и 16-й тетрадями (тетрадь № 15а).

В копиях нет указаний на время ее написания, однако, судя по датам позднейших документов и подтверждений, содержащихся в ней, а также по кодикологическим признакам, можно думать, что она возникла вскоре после июня 1684 г. Середина и вторая половина 80-х годов XVII в. были временем создания копийных книг ряда монастырей Русского государства: Троице-Сергиева, Спасо-Пыскорского, Михаило-Архангельского, Амвросиева Дудина, новгородского Духова, Савво-Сторожевского. Составлялись копиями книги патриаршей кафедры, новгородского Софийского дома, Московского Успенского собора [6: 44–47]. По мнению Л.В. Черепнина, появление церковно-монастырских книг в 80-х годах XVII в. было связано с борьбой церкви и дворянства за землю и рабочие руки, которая обострилась после отмены местничества в 1682 г.: «Церковные копиями книги 80-х годов XVII в. были ответом на коллективные челобитные поместного дворянства по земельному и крестьянскому вопросам» [6: 46]. Как и другие духовные корпорации, Павлов монастырь в начале 80-х годов XVII в. принял активное участие в борьбе за рабочие руки. Указная грамота царя Федора Алексеевича января 1681 г. свидетельствует о том, что монастырь обращался к правительству с просьбой содействовать сыску и возврату его беглых крестьян в разных уездах Русского государства (л. 93–97 об., гл. 27). Копийная книга Павлова Обнорского монастыря, существование которой Л.В. Черепнину осталось неизвестным, по времени ближе всего к большой серии копийных книг Троице-Сергиева монастыря, составленных в промежутке между 8 октября 1683 г. и 22 августа 1684 г. [6: 44–45].

Когда и при каких обстоятельствах копиями книга покинула пределы Павлова Обнорского монастыря, мы не знаем. В начале XIX в. рукопись находилась, возможно, в каком-то местном учреждении. На верхней крышке переплета черными чернилами почерком начала XIX в. написано и зачеркнуто: «К № 136»; затем: «Следует къ делу подъ № 327». Позднее копиями книга оказалась в руках С.А. Мусина-Пушкина. На бумаге, приклеенной к обороту верхней крышки переплета рукописи, имеется следующая дарственная запись: «Въ Ростовскій Историческій музей посильный вкладъ Семена Мусина Пушкина. Изъ Мологи. 10-го декабр. 1888 г.» С.А. Мусин-Пушкин (1858–1907) известен как поэт, коллекционер

и общественный деятель; издавал журнал «Летописи Мологского уезда»; был одно время земским начальником и предводителем дворянства Мологского уезда Ярославской губернии [7: 151–152. № 382; 3: 89–99]. Сопоставляя дату «вклада» копийной книги в музей (декабрь 1888 г.) с датой выхода в свет «Описания...» А.А. Титова (1889 г.), можно оценить ту быстроту, с которой Титов довел до сведения публики информацию о новом ценном источнике. Вместе с тем эта информация была далеко не сразу замечена – отчасти, возможно, вследствие глухого характера описания рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каишанов С.М.* Очерки русской дипломатики. – М., 1970.
2. *Каишанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга актов Павло-Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли (2001 год). – Ростов, 2002.
3. *Кончин Е.В.* Возвращение из небытия // Мусины-Пушкины. – Ярославль, 1996.
4. *Титов А.А.* Описание рукописей Ростовского музея церковных древностей. – Ярославль, 1889. – Ч. 2.
5. Фигураны XVII века: По рукописным источникам ГИМ. Каталог / сост.: Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. – М., 1988.
6. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. – М., 1951. – Ч. 2.
7. *Ferrand J.* Historie et généalogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. – Paris, 1994.

СОКРАЩЕНИЯ

ГМЗ «Ростовский кремль» – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. – СПб., 1819. Ч. 2.

УДК 930.25

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ МЕСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ XVII–XVIII ВВ. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ

А.А. Космовская

*Пермская государственная фармацевтическая академия;
Пермский государственный институт культуры (Пермь)*

Автор статьи рассматривает фонды архивных учреждений, в которых имеются сведения о полиэтничном населении Прикамья. Делопроизводственные материалы местных учреждений, содержащие преимущественно данные о финансах и управленческих проблемах, дают возможность изучать социально-экономические процессы в регионе. Архивные данные свидетельствуют о тесных контактах местного русского и коренного населения, активном экономическом взаимодействии и совместной эксплуатации экономических объектов.

Ключевые слова: делопроизводство, татары, манси, местное управление, отчетность.

The author of the article examines the funds of archival institutions that contain information about the multiethnic population of Prikamye. Record keeping materials of local institutions, containing mainly data on finances and management problems, make it possible to study socio-economic processes in the region. Archival data indicate close contacts between the local Russian and non-Russian populations, active economic interaction and joint operation of economic facilities.

Key words: office work, Tatars, Mansi, local government, reporting.

Делопроизводственные материалы местных учреждений Прикамья представляют собой систему документирования, необходимую для реализации потребностей Российского государства в XVII–XVIII вв. Экономическая, военная, административная, судебная сферы управления находились в центре внимания центральных и местных учреждений. Главной фискальной задачей местного управления было своевременное поступление денежных средств из регионов в центр. В полиэтничном регионе местные органы власти решали вопросы управления территориями татар, башкир, манси. При анализе большого массива разнообразных документов неизбежно получается выходить и на иные вопросы, в частности, взаимодействие местного населения и органов власти, особенности налогообложения разных народов в составе Российского государства, региональную политику в отношении коренного населения и т. п. Целью настоящей работы является характеристика основных фондов архивов России, в которых сосредоточены сведения о культурном и экономическом взаимодействии населения Прикамья в XVII–XVIII вв.

Основное внимание в материалах XVII в. уделялось сбору ясака. В документации приказных изб. и центральных учреждений XVII в. постоянно фигурируют соболи, куницы, недоимка по сборам и пр. Информация о ясачных сборах XVII в. представлена в фондах Российского государственного архива древних актов (фонды №№ 137, 159, 214) и Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (фонды №№ 75, 122). Большая часть татар, населяющих Прикамье, находилась в юрисдикции приказа Казанского дворца (архив пострадал при пожаре 1701 г.). Поэтому особенно важно обращение к другим фондам центральных и местных учреждений.

Большую часть проанализированных источников XVII – начала XVIII вв. составляют приходные книги, счетные, сметные, росписные списки воевод. В XVIII в. наиболее репрезентативными материалами являются доношения по текущим вопросам, годовые рапорты, ведомости прихода и расхода сборов, счетные выписки, экстракты, выписки из текущей документации, настольные реестры и другие.

В фонде 137 РГАДА имеется ежегодная воеводская отчетность, которая отправлялась в центральные приказы [10]. Сведения о сборе соболиного ясака с манси сосредотачивались в Новгородском приказе [11]. В фонде 159 («Приказные дела новой разборки») сохранились прочие материалы, относящиеся к финансовой стороне местного управления.

Среди основных типов наиболее полезных для изучения коренного населения делопроизводственных финансовых материалов XVII в.

выделяются сметные, счетные списки, приходно-расходные книги и прочая ежегодная отчетная документация, которая отправлялась в центральные ведомства.

С 1610-х годов татары, ханты и манси в основном относились к юрисдикции чердынских воевод и ясачных сборщиков (сборщики могли быть и из Верхотурья). В соликамских актах Архива СПбИИ РАН часты упоминания о бобровых гонах местных ясачных жителей – татар [3]. Материалы приходных книг и счетных списков можно сопоставлять с писцовыми и переписными книгами XVII века. В переписных книгах 1647–1648 и 1678–1679 гг. зафиксированы разные категории тяглого населения в городах.

По документации приказных изб и центральных учреждений прослеживаются попытки местных администраторов обеспечить бездоимочное поступление ясака в казну. Интересны отдельные сохранившиеся материалы о просьбах служилых людей назначить их в татарские сотники. Сложность исполнения подобной должности в беспокойном регионе наверняка компенсировалась финансовой выгодой от сбора денег и ясака [12]. В конце XVII – начале XVIII веков более отчетливой становится тенденция пересчитывать куничный ясак в денежный эквивалент (50 коп. за куницу) [13]. В фонде 214 (опись 5 и некоторые другие) присутствует отчетность 1710-х гг., где также есть фрагментарные упоминания ясачных сборов.

Материалы воеводских канцелярий Соликамска, Чердыни, Кунгура Архива СПбИИ РАН (Ф. 122 – «Чердынская воеводская изба (Соликамские акты)» [2] и Ф. 75 – «Кунгурские акты» [1]) содержат сведения об ясачных сборах.

Во время Петровских реформ в документации местных и центральных учреждений отразились основные мероприятия правительства. Делопроизводственные материалы XVIII века сохранились в фондах местных воеводских канцелярий, Сената и Камер-коллегии [14].

После проведения подушной реформы ясачные татары были положены в подушный оклад, что вызвало их недовольство. Почти сразу после переписей было издано несколько указов с разрешением местным татарам вместо подушных денег платить ясак куницами или деньгами [9].

Сведения о налогообложении и численности ясачных татар и мари представлены в фондах Сената РГАДА [15] и Государственного архива Пермского края. Подушная подать платилась в кунгурской канцелярии, а ясак отправлялся в Сибирский приказ [16: 358–358 об.].

В годы башкирских восстаний 1730-х гг. центральные власти и местные управленцы озаботились снижением оклада, что вызвало оживленную переписку между учреждениями и наведение справок. Сибирский приказ зафиксировал доимку [15: 33–33 об.]. Подушный оклад засчитывали сборами на Астраханский и Закамской экспедиции полки. Материалы Сената позволяют исследовать историю башкирских восстаний и налогообложения в Прикамье [16: 357 об.].

В документации воеводской и провинциальной канцелярий татары и мари в качестве налогоплательщиков присутствуют только в случае обла-

дания оброчными угодьями, совершения финансовых операций с землей, судебных операций и т. д. Манси так и остались в юрисдикции соликамских управленцев до создания Пермского наместничества.

Материалы писцовых и переписных книг, хранящихся в РГАДА, используются исследователями для подсчета численности податного населения и анализа социально-экономической ситуации в регионе [21].

Учет манси и татар в XVII–XVIII веках был разным. В первой четверти XVII в. можно застать в Чердынском уезде в качестве плательщиков ясака вишерских манси, сылвинских и иренских татар. По материалам учреждений за почти два столетия можно отметить, что размер ясака с вишерских манси практически не менялся. Несмотря на огромные недоимки, копившиеся в XVIII веке, правительство не меняло систему обложения манси [6: 103–112]. С татарами и башкирами ситуация обстояла интереснее.

Писцовая книга М.Ф. Кайсарова (в копии XIX века) дает представление о численности, налогообложении местного населения и этнических контактах пермских татар с пришлыми угро-финскими народами [5: 45–59]. Выявленная Ф.Г. Ислаевым часть писцовой книги является историческим источником по социально-экономической и этнической истории края. Сведения писцовых и переписных книг можно проверять по финансовой документации центральных и местных учреждений.

Информацию о численности населения содержат дела Сената о сборе рекрутов и материалы местных учреждений. В фондах Государственного архива Пермского края присутствует немало материалов, которые можно использовать для изучения экономического взаимодействия [4]. Рапорт о сборе рекрутов 1732 г. дает представление о численности оброчных и ясачных марийцев и татар [17: 1391–1408об.]. Местное коренное население в документации часто встречается в качестве налогоплательщиков наравне с другими категориями жителей [20].

В РГАДА имеется массив документов, который позволяет иначе взглянуть на взаимодействие местного коренного населения и правительства. Он связан с церковной колонизацией края. Местные татары и башкиры могли владеть совместным имуществом с русскими, брать мельницы на оброк, продавать и закладывать землю. Е.В. Кустова в монографии и статье, посвященных монастырской колонизации, приводит ряд сюжетов о передаче местными татарами земель в монастырь (грамоты Коллегии экономии) [7; 8].

Судебные дела являются типичными материалами для анализа взаимоотношений населения Прикамья. Ознакомиться с ними можно в Архиве СПбИИ РАН и в опубликованных Кунгурских актах XVII века. Сведения о взаимодействиях населения имеются в челобитных, грамотах, указах, памятях и прочих материалах, отложившихся в уже упомянутых фондах Архива СПбИИ РАН в Санкт-Петербурге. Информация о добровольных контактах и экономических взаимоотношениях местного населения содержится в фондах провинциальных и воеводских канцелярий (совместное владение мельницами и т. д.) [19: 14 об.].

Локальные материалы экономического характера (актовый материал, челобитные по вопросам снижения налогов, данные, купчие и пр.)

свидетельствуют о тесных контактах местного русского и коренного населения, об активном экономическом взаимодействии. Имеются факты совместной эксплуатации оброчных угодий, передачи имущества, судебных тяжб, участия в межевых мероприятиях.

Исследование взаимоотношений русских крестьян и коренного населения Прикамья в XVII–XVIII вв. можно проводить, основываясь на материалах РГАДА. Дополнительные сведения присутствуют в фондах Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН) и Государственного архива Пермского края (ГАПК). Материалы местных и центральных учреждений дают возможность осветить взаимоотношения населения Прикамья.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив СПбИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Ед. хр. 22, 24, 30, 37, 40, 41, 47, 49, 55, 57, 58, 63, 66, 70, 72, 73, 79 и др.
2. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 50, 673, 675, 689, 696, 697, 726, 749, 750, 789, 819, 842, 847, 871, 932, 935, 995, 1147, 1283 и др.
3. Архив СПбИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 443.
4. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 633. Оп. 1. Ед. хр. 18.
5. *Ислаев Ф.Г.* Писцовая книга пермских татар // Эхо веков. – 2008. – № 2. – С. 45–59.
6. *Космовская А.А.* Проблема сбора ясака с манси в Соликамском и Чердынском уездах в 1720–1770-е гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 103–112.
7. *Кустова Е.В.* Мир повседневности средневекового приуральского монастыря. М.: Неолит, 2020. – 688 с.
8. *Кустова Е.В.* Монастырская колонизация в Кунгурском уезде Пермского края во второй половине XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Выпуск 2 (8). С. 179–200.
9. ПСЗ. Т. 7. № 5075. С. 793; ПСЗ. Т. 7. № 5007. С. 733.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Оп. «Чердынь». ДД. 1–3, 3а, 4а, 6, 6а, 7–15.
11. РГАДА. Ф. 137. Оп. «Новгород». Ед. хр. 14, 117, 128, 140.
12. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Ед. хр. 290.
13. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Ед. хр. 2330.
14. РГАДА. Ф. 248, 273, 439, 444, 576, 955.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 136.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Ед. хр. 357.
17. РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Ед. хр. 387.
18. РГАДА. Ф. 281. Оп. 11. Ед. хр. 5855, 5859, 5869.
19. РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 435.
20. РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 748.
21. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 351.

СКОРОПИСНОЕ ПИСЬМО ОЛОНЕЦКИХ И ЯКУТСКИХ ЧЕЛОБИТНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

М.Е. Проскурякова

Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)

А.А. Калашникова

FMSH (Париж)

В данном исследовании анализируется число связей между буквами, количество выносных букв и сокращений в письменных документах из фондов Олонецкой и Якутской приказных изб (Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук), датирующихся XVII веком. Результаты подсчетов указывают на невысокую связность письма и незначительный рост числа выносных букв с течением времени. Также исследование выявляет сходства и различия в начертании формул и слов в документах из Олонецкой и Якутской приказных изб, подчеркивая важность контекстуального и географического анализа при изучении этих особенностей в исторических текстах.

Ключевые слова: русская скоропись, XVII век, приказные избы, связные написания, выносные буквы.

This study analyzes the number of connections between letters, the occurrence of extender letters, and abbreviations in written documents from the archives of the Olonets and Yakutsk chancelleries (The Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences) dating back to the 17th century. The results of the calculations indicate a low level of letter connections and a minor increase in the use of extender letters over time. The research also highlights similarities and differences in the lettering of formulas and words in documents from the Olonets and Yakutsk chancelleries, emphasizing the importance of contextual and geographical analysis when studying these features in historical texts.

Key words: Russian cursive writing, 17th century, regional chancelleries, letter connections, extender letters.

Неразделенность текста на слова и предложения, заполнение межстрочного интервала буквами и знаками, наличие нескольких десятков устойчивых сокращений, высокая контрастность письма (чередование тонких и толстых линий), многообразие форм написания каждой буквы – это отличительные признаки русской скорописи. Перечисленные черты сразу обращают на себя внимание при работе с актами XVII века. Можно выделить и иные особенности скорописного письма, однако вычленение любого из них в качестве ключевого признака скорописи требует глубокого изучения рукописных памятников.

Концепции отечественных историков о происхождении, эволюции и хронологических границах скорописи были проанализированы Е.С. Быстровой [2: 49–60]. Согласно ее заключениям, до начала XX века палеографы выделяли «связность» как один из признаков скорописи. Однако после публикации работы А. И. Соболевского в 1901 г. утвердился взгляд на скоропись как на письмо, в котором преобладает раздельное написание букв при наличии отдельных связей между буквами [2: 58]. В то же время в современных определениях скорописи одним из основных ее

признаков считается слитность письма [2: 60]. В свою очередь заметим, что при описании письма актов XVI–XVII вв. связность является той особенностью письма, которую нельзя игнорировать, так как она, согласно заключениям историков языка, является датирующим признаком.

Данная научная проблема была заострена в исследовании В.Я. Дерягина, изучившим связные написания в двинских и важских актах XVI – начала XVII в. [3: 203–210]. Согласно сделанным историком языка подсчетам, в акте 1529 г. на 18 строк приходится только четыре соединения [3: 209], а в акте 1629 г. на 26 строк – 66 связных написаний [3: 207–208]. Причем в грамотах за начало и конец изучаемого периода существенно отличается характер соединений. Если на раннем этапе строго ограничены комбинации букв, между которыми может быть соединение (св, сп, ст, чт, де, фе), то к концу изучаемого периода могут быть соединены любые соседние буквы независимо от их рисунка, а также получают распространение связные написания целых слов [3: 205–209]. Данные наблюдения позволили В.Я. Дерягину прийти к выводу о возможности определять время создания документа на основании изучения связных написаний, их появления, распространения и изменения [3: 210].

Развивая идею В.Я. Дерягина, мы ставим своей задачей проследить распространение и характер соединений между литерами в письме олонечских и якутских актов. В связи с тем, что связи между буквами в скорописи могут быть трех видов – между строчными, строчной и надстрочной, надстрочными буквами – мы одновременно изучаем число и набор литер, которые написаны над строкой.

Наша рабочая гипотеза заключалась в том, что скорописный текст содержит малое число соединений на строку. Однако с развитием традиции составления делового документа в скорописи увеличивалось число связей между буквами и число надстрочных букв. Причем эта тенденция может быть прослежена по документам, написанным сотрудниками разных канцелярий, вне зависимости от их географической удаленности от Москвы.

Источниковую базу исследования составили 30 челобитных из архивного собрания Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – СПБНИИ РАН). Все документы были написаны служащими Олонецкой воеводской избы и Якутской приказной избы в период с 1639 по 1699 г. (15 олонечских актов¹ и 15 якутских актов²). Были отобраны акты высокой сохранности без утрат текста.

При исследовании документов мы подсчитали число строк, число букв в каждой строке, число соединений между буквами, число выносных, число соединений между строчной и надстрочной буквами, число сокращений.

¹ Архив СПБНИИ РАН. Ф. 98 (Олонецкая воеводская изба). Карт. 1. Д. 8. Ст. 1; Д. 35. Ст. 30; Д. 40. Ст. 24; Карт. 2. Д. 25. Ст. 1; Карт. 3. Д. 2. Ст. 1; Д. 35. Ст. 1; Карт. 5. Д. 175. Ст. 1; Карт. 6. Д. 93. Ст. 8; Карт. 7. Д. 7. Ст. 19; Карт. 9. Д. 8. Ст. 59; Карт. 10. Д. 16. Ст. 1; Д. 17. Ст. 1; Карт. 18. Д. 66. Ст. 1; Д. 71. Ст. 1.

² Там же. Ф. 160 (Якутская приказная изба). Оп. 1. Д. 6. Ст. 7; Ст. 22; Д. 22. Ст. 35; Д. 218. Ст. 29; Д. 264. Ст. 4; Д. 349. Л. 60; Д. 412. Ст. 1; Д. 456. Ст. 56; Д. 601. Ст. 31; Д. 701. Ст. 34; Д. 757. Ст. 5; Ст. 10; Д. 840. Ст. 30; Д. 967. Л. 61; Д. 1079. Ст. 3.

Таблица 1. Число соединений и выносных букв на строку в олонечких и якутских актах 1639–1699 гг.

Датировка документа	Среднее число слитных написаний на строку		Среднее число выносных на строку	
	Олонечкие акты	Якутские акты	Олонечкие акты	Якутские акты
Вторая половина 1630-х гг.	нет данных	0,5	нет данных	2,5
Первая половина 1640-х гг.	0,3	3,8	1,8	3,3
	нет данных	1,2	нет данных	2,2
Вторая половина 1640-х гг.	нет данных	6,1	нет данных	3,8
Первая половина 1650-х гг.	2	2	4,2	3
	2,1	нет данных	4,2	нет данных
	0,6	нет данных	3,2	нет данных
Вторая половина 1650-х гг.	0,7	2,3	3,1	3,4
Первая половина 1660-х гг.	5,9	1,6	3,1	3,6
	3,2	нет данных	5	нет данных
Вторая половина 1660-х гг.	нет данных	3,9	нет данных	3,4
Первая половина 1670-х гг.	1,6	1,6	3,5	5
Вторая половина 1670-х гг.	3,2	3	4,5	2,2
Первая половина 1680-х гг.	2,9	0,8	3	2,4
	6,6	0,3	4,8	2,5
Вторая половина 1680-х гг.	4,5	3,1	3,2	3,5
Первая половина 1690-х гг.	1,6	4	3,3	4
Вторая половина 1690-х гг.	2,7	5	3,7	4,1

Наши подсчеты позволили заключить, что число связей между графемами относительно невелико. Максимальный результат, который нам удалось зафиксировать – это 6,6 связей на строку в среднем на документ. Как правило, строка состояла из 30–40 букв, считая выносные. Таким образом, при наиболее связном письме не более трети знаков в строке оказывались слитно написанными. Чаще же количество слитных элементов в строке незначительно превышало два.

Основной вывод, который можно сделать, исходя из анализа среднего числа связных написаний и выносных на строку, это отсутствие заметной динамики от малого количества выносных и низкой связности во второй четверти века к их увеличению в конце. Действительно, в конце 1630-х гг. в Якутских документах наблюдается незначительное количество связных элементов – 0,5 на строку. Однако в начале 1680-х гг. мы также видим в этом комплексе документы с незначительным числом связных элементов – 0,3 и 0,8, в то время как уже от начала 1640-х гг. сохранились

документы с относительно высокой связностью письма – 3,8 связей на строку. Аналогичную нестабильность присутствия элементов связности мы видим и в Олонецком комплексе материалов. Если в начале 1640-х гг. связность письма низкая – в среднем 0,3 элемента на строку, а в первой половине 1660-х гг. фиксируется резкий рост – 5,9 элементов на строку, то в начале 1670-х гг., а также в начале 1690-х гг. этот высокий показатель сменяется показателем в 1,6 элемента на строку. Показатель конца XVII века значительно ниже показателей 1660 и 1680 гг. – 2,7 против 5,9 и 6,6 соответственно. Таким образом, можно заключить, что на выбранном комплексе документов нарастание слитности письма на протяжении XVII века, как линейный и однонаправленный процесс, не прослеживается.

При подсчете среднего количества выносных на строку также не наблюдается значительного роста их числа на протяжении XVII века. Если на Якутском комплексе замечен незначительный рост числа выносных в 1690-х гг., когда их становится в среднем четыре на строку, вместо двух – трех в предыдущие годы, то на Олонецком комплексе такой тенденции выявить вовсе не удалось. Вместо роста среднего числа выносных на строку к концу столетия мы наблюдаем его в первой половине 1660-х гг. в Олонце и в начале 1670-х гг. в Якутске. Среднее число выносных в документах этого времени увеличивается до пяти единиц на строку. Это максимальное значение, которое нам удалось зафиксировать во всех исследованных документах. В последующие десятилетия число выносных сокращается.

Мы сравнили способы начертания отдельных формул, слов и элементов в Олонецкой и Якутской приказных избах, чтобы выявить возможное наличие географических особенностей в написании документов.

Вводная формула челобитных в олонечких и якутских актах («Царю государю и Ивеликому князю») имела сходство в технике начертания и визуально выделялась из остального текста за счет использования сокращений, маркируемых надстрочными знаками. В первой строке всех изученных документов присутствуют три сокращения: црю, гсдрю, кнзю. «Гсдрю» – это единственное из трех слово, которое содержало выносную литеру («с»). При написании этого сокращения олонечкие и якутские подьячие в документах 1630–1650-х гг. писали титул в виде угла или знака вопроса и вплетали в него знак надстрочной «с».

Сочетание букв «Г» и «В» почти всегда писались слитно. Первая строка абсолютного большинства проанализированных грамот в обоих комплексах содержала минимум один слитный элемент в формуле «Царю государю и Ивеликому князю».

Во второй, реже в третьей, строке челобитных присутствовало слово «бьет» («бьет») – часть формулы, представляющей лицо, от имени которого исходил документ: «...такой-то челом бьет». В десяти документах из Якутского, и в десяти же из Олонецкого комплексов в этом слове присутствует связное написание литер. В олонечких документах в восьми случаях связно написаны две первые литеры «бьет». В двух грамотах конца 1690-х гг. связь между «б» и «ь» («ерь») отсутствует, но соединены последние две литеры «т» и «ь» («ерь») в конце слова. В якутских документах написание слова

«бьет» гораздо более вариативно, чем в олонецких. Наиболее популярен вариант соединения двух первых литер – «бьет» – он встречается в четырех документах. В трех документах встречается вариант, когда соединены «ь» («ерь») и «е», а «т» вынесена над строкой («бь^т»). Менее распространенным было слитное написание букв «е» и «т» (выявлено три таких документа), причем последняя могла выноситься над строкой (два документа) или оставаться в строке (один документ). Как видим, в якутских документах мы не находим случаи написания слова «бьет» с «ь» («ерь») на конце.

Еще одно слово с устойчивым написанием и содержащее элемент слитности – «самоде^ржец» – выявлено в обоих изучаемых комплексах. Строчная «е» здесь соединялась с надстрочной опрокинутой «р». Такое связное начертание фиксируется в девяти документах из Якутского комплекса и шести из Олонецкого. Даже в тех случаях, когда в документе очень мало связных элементов, как, например в якутской челобитной 1680–1682 гг. [1], в которой на 15 строк приходится всего пять связей между литерами, слов «самоде^ржец» написано с соединением.

Итак, на выявленном комплексе олонецких и якутских документов удалось проследить, что связных элементов в среднем на строку приходится чуть больше двух. Таким образом, можно заключить, что связность письма в XVII веке была невысокой; не удастся проследить тенденцию по нарастанию связности письма и количества выносных в течение 1630–1690-х гг.; в канцеляриях, географически сильно удаленных друг от друга, некоторые элементы формуляра и отдельные слова писались одинаково.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Д. 757. Л. 10.
2. Быстрова Е.С. Скоропись в русской палеографии // Фотография. Изображение. Документ. – 2011. – Вып. 2 (2). – С. 49–60.
3. Дерягин В.Я. Связные написания в северных актах XVI – начала XVII в. // Источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 203–210.

УДК 686.117

РЕСТАВРАЦИЯ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ И КНИГ (вводная информация)

Л.А. Петухова

ГБУК «Национальный музей РТ» (Казань)

В данной статье представлена общая вводная информация по реставрации древних рукописей и книг. Дается определение реставрации. Перечислены основные реставрационные операции. Приведены основные повреждения листового материала и книжного блока, что отображено в иллюстративном материале.

Ключевые слова: реставрация, консервация, повреждения, документ, книга.

This article presented general information on restoration of ancient manuscripts and books. A definition of restoration is given. Lists the main restoration operations. The main damage to the sheet material and book block is shown, which is demonstrated in the illustrative material.

Key words: restoration, preservation, damages, document, book.

Прежде всего нужно определить: что же такое реставрация. Реставрация – восстановление эксплуатационных свойств, а также формы и внешнего вида документа. Эксплуатационные свойства документа – совокупность свойств, характеризующих пригодность документа для использования и хранения [1].

Реставрация является лишь частью большого комплекса мероприятий по сохранению предмета (документа/книги), называемым консервацией. В консервацию входят: 1) режим хранения, он же превентивная консервация – нормативные условия хранения (санитарно-гигиенический контроль, температурно-влажностный режим, световой режим, биологический контроль);

2) стабилизация – обработка, замедляющая старение и предотвращающая повреждение документа; 3) непосредственно реставрация; 4) изготовление копии – воспроизведение на другом носителе в том же или ином формате с помощью различных технологий (фотокопия, ксерокопия, микрокопия, электронная копия).

В библиотечной практике действительно можно встретить по отдельности стабилизацию и реставрацию, как два отдельных пункта консервационных мер, но для музейной практики нередки объединения этих пунктов в один.

При реставрационных операциях происходит непосредственное вмешательство в предмет. И тут необходимо отметить основные и важные принципы реставрационных операций:

1) Реставрация должна быть обратимой – все, что вы привносите в предмет должно легко удаляться без повреждения документа.

2) Лучшее – враг хорошего. Не нужно стремиться очистить предмет, попавший к вам в работу, от всех видов пятен и придать ему первозданный вид. В большинстве случаев это и не нужно. В музейной практике существует такой термин как «бытование» предмета – это его жизнь и не нужно удалять все следы. К тому же мы всегда должны понимать в каком состоянии находится предмет, что с ним возможно делать, а что категорически нельзя. И тут важно не перестараться, а найти наилучшее решение.

К реставрационным мерам относят такие действия как:

1) осмотр предмета с целью выявления всех повреждений и документирования состояния предмета на момент поступления в работу;

2) проведение первичных лабораторных исследований (нужны для выявления степени проклейки бумажного листа, стойкости красочного слоя к воде и другим растворителям, измерение кислотности бумаги, микробиологические исследования по возможности и проч.);

3) обеспыливание – удаление пыли контактным или бесконтактным способом;

4) механическая сухая очистка от внешних загрязнений;

5) водная очистка/химическая очистка и т.д.

6) устранение загибов, заломов, разрывов, деформаций;

7) восполнение утраченных фрагментов;

8) упрочнение основы/восполнение проклейки;

9) тонирование восполненных фрагментов.

Добавлю некоторые действия по книгам:

- 1) пагинация страниц – нумерация страниц (ставится карандашом по наиболее сохранившейся стороне листа);
- 2) расплетение – отделение переплетных крышек и корешка от книжного блока или еще можно сказать демонтаж;
- 3) создание схемы переплета – также обязательное действие;
- 4) разброшюровка – разделение книжного блока на тетради и листы;
- 5) укрепление блока – проклейка корешка книжного блока;
- 6) монтаж крышек и корешка к книжному блоку (сшивка);
- 7) реконструкция переплета (изготовление нового переплета с воспроизведением стиля и конструкции, близких к первоначальным – в том случае, если переплет сильно пострадал и нет возможности монтажа).

Естественно, это не все действия, которые возможно производить с предметом, но наиболее часто встречающиеся. Все зависит от каждого конкретного случая. К тому же, все реставрационные действия, выполняемые реставратором прописываются и принимаются на реставрационных советах.

Реставратор в своей работе сталкивается и решает большое количество задач. И определяется все первыми пунктами: осмотром и проведением первичных лабораторных исследований. Что же можно выявить при осмотре предмета: количество материалов, из которых состоит предмет и непосредственные повреждения предмета. Если в случае листового материала все понятно: основа документа чаще всего бумажная, реже пергамен или другой носитель (к примеру береста), то в случае с книгой количество материалов разнообразно.

Книга состоит из переплетных крышек (сторонок), корешка и непосредственно книжного блока (рис. 1). В случае книжного блока основа также понятна – бумага, либо пергамен, но могут быть также вставки/вклейки из ткани. Переплетные крышки могут быть деревянными, картонными, могут состоять из некоторого количества склеенных меж собой отслуживших и ненужных листов бумаги. Основа крышек может быть обтянута кожей, тканью, может состоять из пергамена. К тому же переплетные крышки могут быть украшены тиснением, сусальных золотом, красящим слоем, драгоценными/полудрагоценными камнями, металлическими вставками. Блок может быть сшит различными способами, поэтому помимо сшивных ниток (природа которых также разнообразна: хлопок, лен, крапива и т.д.) могут быть такие материалы как бинты, шнуры и прочее. Т.о. это огромное количество разных материалов. И сохранность [2] этих материалов тоже может быть различной.

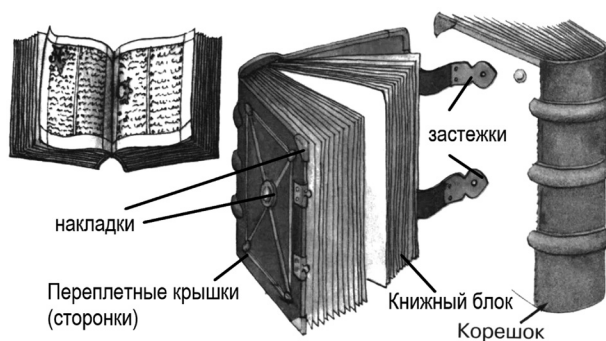

Рис. 1. Состав книги.

К повреждениям бумажной основы относятся: загрязнения (рис. 2); затеки (рис. 3); различные пятна (рис. 4); повреждения грызунами и насекомыми (рис. 5.1 и 5.2); заломы, загибы (рис. 6); разрывы (рис. 7); утраты (рис. 8); повреждения плесенью (рис. 9).

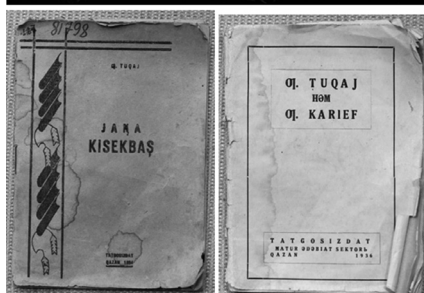

Рис. 2. Повреждения основы. Загрязнения.

Рис. 3. Повреждения основы. Затеки.

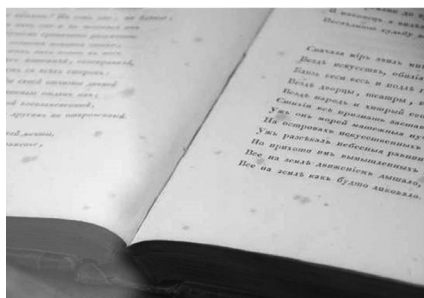
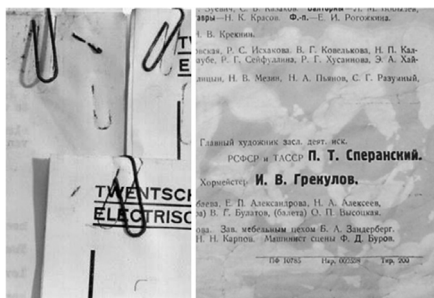

Рис.4. Повреждения основы. Различные пятна.

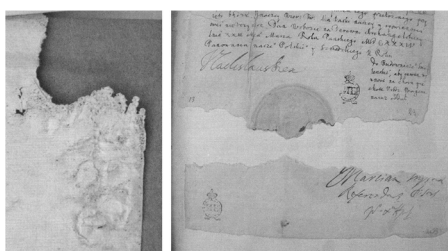

Рис. 5.1. Повреждения основы грызунами.

Рис. 5.2. Повреждения основы насекомыми.

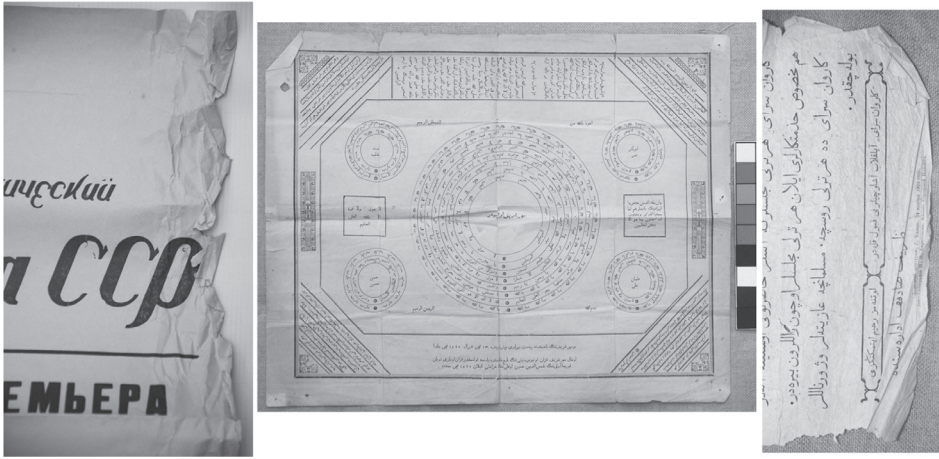

Рис. 6. Повреждения основы. Заломы, загибы.

Рис. 7. Повреждения основы. Разрывы.

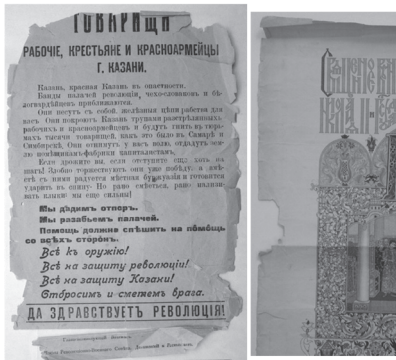

Рис. 8. Повреждения основы. Утраты.

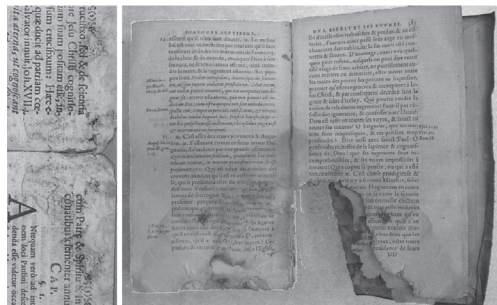

Рис. 9. Повреждения основы. Плесень.

Все перечисленное также относится и к повреждениям переплетных крышек. Отдельно хочется выделить: деформацию блока и деформацию переплетных крышек (рис. 10.1 и 10.2), а также сцементирование листов (рис. 11). Сцементирование листов (соединение листов поверхностями в единый блок) может происходить при серьезных авариях, либо при повреждении предмета биологическим материалом.

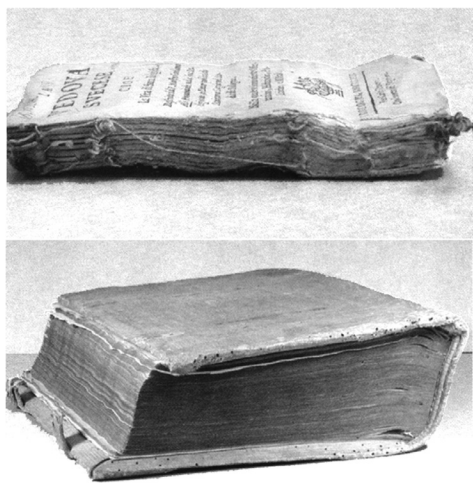

Рис. 10.1. Деформация блока

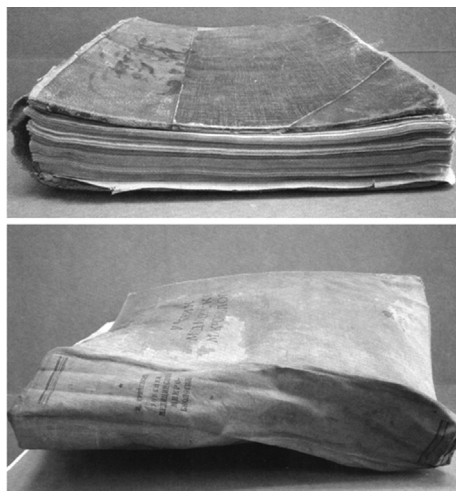

Рис. 10.2. Деформация переплетных крышек

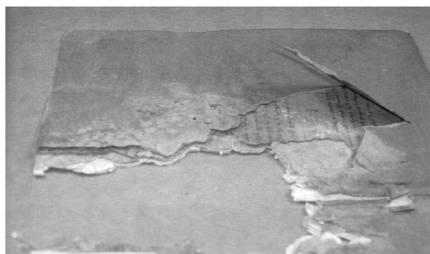

Рис. 11. Повреждения. Цементирование.

Помимо материалов, из которых состоит книга, реставратор имеет дело со средствами записи информации [2, 3]:

1) Чернила (сажевые чернила) – известны со времен Древнего Египта (смесь золы и камеди – клейкого густого сока акации или вишни), позже чернила изготавливали из сожженных плодовых косточек, виноградной лозы, древесного и костного угля. Также могли быть использованы отвар кожуры зеленых каштанов, грецких орехов, спелых ягод бузины и черники.

2) Тушь – сажа + клей (мездровый, рыбий, шеллак) + вода (могут использоваться соки растений).

3) Графит – известен с древних времен, широко используется до сих пор, является одной из разновидностью углерода.

4) Железо-галловые чернила – изобретены в средние века и широко использовались до середины XIX века. Название получили от галл – наростов на листьях дуба.

5) Кампешевые чернила – известны с XVI века, изготавливали из экстракта стружек кампешевого (сандалового) дерева. Экстракт имел красную окраску, при добавлении щелочей превращалась в синюю. Чтобы получить черный цвет вместо щелочей использовали соли хромовой кислоты.

6) Акварель – краски на основе небольшого количества растворимого в воде связующего: растительного происхождения (гуммиарабик, вишневая, миндальная, камедь, декстрин) или животного происхождения (осетровый, мездровый клей – до XVIII века).

Здесь перечислены не все средства записи информации. Приведены наиболее ранние. Ближе к нашему времени появилось большее разнообразие.

У средств записи информации есть свои повреждения. Наиболее характерные приведу в иллюстративном материале.

Рис. 12. Осыпание красочного слоя.

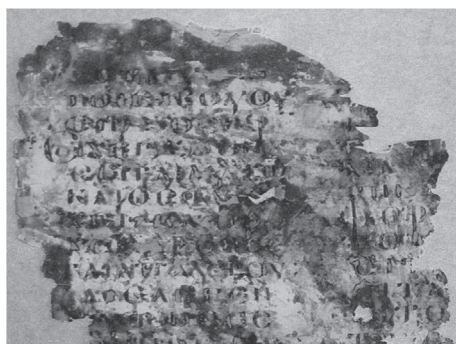

Рис. 13. Выпадение текста.

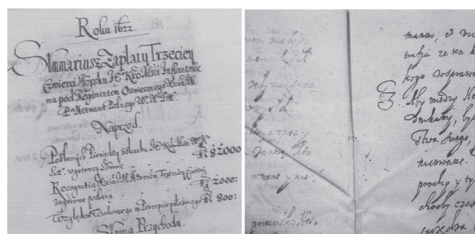

Рис. 14. Переход чернил на оборот либо на соседнюю страницу.

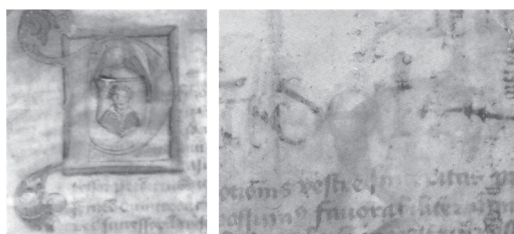

Рис. 15. Растекание.

Выпадение текста характерно для железо-галловых чернил. И работать с подобными документами и книгами следует крайне осторожно.

Хочу отметить еще один вид повреждения текста и красочного слоя, который бывает заметен, когда уже слишком поздно – это угасание. Угасание возникает при длительном экспонировании, при неправильном экспонировании. И здесь хороши только методы превентивной консервации и, конечно же, строгое соблюдение сроков экспонирования.

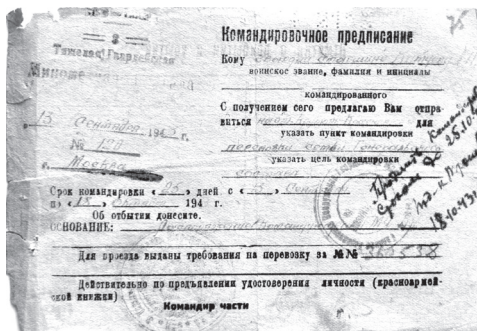
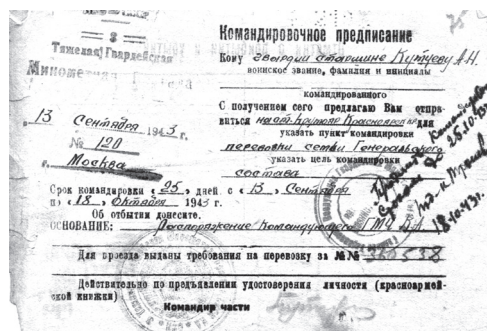

Рис. 16. Угасание. Скан документа из КАМИС до выдачи на экспонирование (слева) и фотография этого же документа после длительного экспонирования (справа).

В заключение хочу сказать, что знание видов повреждений, сроков экспонирования, сотрудничество с хранителями и экспозиционерами, знание

различных методик работы с основой документа, со средствами записи информации, умение проводить первичные исследования и более глубокие исследования силами реставрационной мастерской либо же сотрудничеством с различными специалистами и организациями – залог отлично выполненной работы по сохранению документов и книг.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ 7.48 – 2002 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Консервация документов. Основные термины и определения
2. Добрусина С.А., Лоцманова Е.М., Быстрова Е.С. Атлас повреждений бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов. – М. МЦБС, 2015.
3. Материалы лекции Мелиховой И.А. (с сайта Международной школы реставрации, г. Томск) // <https://project.lib.tsu.ru/restpaper>

УДК 686.117

ТЕХНИКА РАБОТЫ АНОНИМНОГО МОСКОВСКОГО ПЕРЕПЛЕТЧИКА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В. ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕСТАВРАЦИИ РУКОПИСИ «СЛУЖБА НА ДЕНЬ ЯВЛЕНИЯ ИКОНЫ БОГОРОДИЦЫ ТИХВИНСКИЕ» (Музеи Московского Кремля)

Н.П. Масленникова

*Государственный научно-исследовательский институт реставрации
(ФГБНИУ «ГОСНИИР»)*

Рукопись «Служба на день явления иконы Богородицы Тихвинские» была создана в последней четверти XVII в. Предназначалась она для Благовещенского собора Московского Кремля и за всю свою историю бытования кремлевских стен не покидала. Рукопись дошла до наших дней в оригинальном виде, без каких-либо чинков и поновлений. В процессе реставрации были изучены все детали переплета, которые в большей или меньшей степени указывали на монастырскую переплетную мастерскую.

В докладе освещены основные этапы реставрации рукописи, описаны особенности переплета, анализ которых дал новые импульсы для изучения истории московского обиходного переплета XVII века.

Ключевые слова: обиходный переплет, рукопись, Московский Кремль, блинтовое тиснение, цельнокожаный переплет, Московский Печатный двор.

The manuscript «Service for the Day of the Miraculous Appearance of the Icon of the Virgin of Tikhvin» was created in the last quarter of the 17th century. It was intended for the Cathedral of the Annunciation of the Moscow Kremlin and throughout its history never left the Kremlin walls. The manuscript has preserved from the 17th century to the present day its original form, sans any routine repairs. In the process of restoration, all the details of the binding which indicated the monastic binding workshop were studied. The report outlines the experience in medieval manuscript restoration, describes the structure peculiarity of this binding, which gave new impulses to study the history of the Moscow everyday binding of the XVII century.

Key words: manuscript, Moscow Kremlin, monasterial binding, blind tooling, full leather binding, Moscow Print Yard.

Рукопись «Служба на день явления иконы Богородицы Тихвинской», хранится в Музеях Московского Кремля (КН-716). Скромные обиходные переплеты часто не вызывают большого интереса у исследователей, но именно на подобных переплетах можно изучать работу переплетчиков определенной эпохи.

В литературе сведений о рукописи не найдено. Историю ее бытования в домусейный период можно проследить по номерам и штампам на листах и переплете рукописи. Скорее всего, она была создана в последней четверти XVII в.¹ и предназначалась для Благовещенского собора Московского Кремля. Именно в этом соборе хранится икона Богоматерь Тихвинская. То, что она происходит из собрания Благовещенского собора Московского Кремля можно проследить по описям этого собора. Первое упоминание о ней появляется в описных книгах Благовещенского собора 1701 (1721) года²; присутствует в Описи Благовещенского собора 1745 г. и Описи Благовещенского собора 1771–1772 (помета «№ 0 48» на верхней крышке переплета). Штамп «№186» соотносится с номерами Черновых описей книг Благовещенского собора 1924 г. За всю свою историю бытования рукопись кремлевских стен не покидала.

Монастырская книга в эпоху книгопечатания уже не играла роль сокровища, как ее характеризует Ле Гофф [3: 321]. Она несет исключительно утилитарное назначение. В конце XVII в. на Руси основные служебные книги были уже печатные, но такие частные службы, как, Служба на день явления иконы Богородицы Тихвинской, не были изданы и их продолжали переписывать.

В процессе бытования рукопись больше пострадала не от ее использования, а от намокания, вследствие чего обветшали листы блока в местах поражения влагой, особенно, нити шитья: нити истлели, листы выпадали. Реставрационной комиссией ММК было принято решение о реставрации рукописи с расшивкой и полной листовой реставрацией блока, которая была выполнена автором настоящей статьи в 2018–2019 гг.

При демонтаже переплета подтвердились предположения, что он первичный, рукопись дошла до наших дней в оригинальном виде, следов чинок и поновлений не обнаружено.

Рукопись на 49 листах в скромном переплете коричневой кожи с блинтовым и золотым тиснением. Переплет цельнокожаный, завязки-шнурки по переднему обрезу. Форзац и нарзац – пришивные цельнобумажные. Блок был сшит льняными небелеными нитками на 3-х шнурах и дополнительно укреплен в корешковой части полосками из грубой льняной ткани. В реставрационных мероприятиях мы стремились максимально сохранить функциональные элементы, особенности переплета и внешний вид рукописи.

¹ Атрибуция Е.В. Исаевой, хранитель редкой книги ММК, зав. ОРПГФ.

² ММК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 90. Опись «Книга описная» церковного имущества Московского Благовещенского собора, составленная в 1771 и 1772 году по описям 1703 г. 1721 и 1770 гг. (Шнуровая книга» за сургучной печатью, в кожаном переплете, с заручными подписями) 1772 г.; ММК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 112. Опись церковного имущества Благовещенского собора. 1837 г.

При демонтаже форзацных листов оказалось, что крышки были выполнены не из картона, как мы считали, а из вторично использованной переплетной кожи. То, что слизуры выполнены из фрагмента ранней рукописи (в нашем случае – грамоты) – довольно распространенное явление для средневекового переплета, а вот тисненная кожа встречается реже. Было принято решение расчистить основу крышек от слоя клея. При расчистке на крышках открылось золотое и серебряное тиснение хорошей сохранности. Стало понятно, что это переплетная кожа верхних крышек с двух прекративших использоваться книг. На нижних крышках кожа хуже сохраняется, и возможны технические дефекты, которые не позволяют ее использовать вторично (жуковины, разрезы для монтажа ремней). Обе крышки со схожим тиснением, но верхняя – лучшей сохранности. Поэтому кожу с хорошо сохранившимся тиснением было принято решение расчистить тщательно, выбрав все остатки клея и загрязнений, а на коже нижней крышки худшей сохранности – расчистку остановить на первом этапе. Так как им все же снова надлежало стать крышками, расчистка второй крышки была признана нецелесообразной. Расчистка велась под бинокляром, специальной затупленной иглой. Сначала был удален клей, затем органические загрязнения и воск, которого оказалось довольно много, что косвенно подтверждает, что утраченная книга часто была в употреблении. Золото и серебро на коже хорошей сохранности, особенное внимание привлекла сохранность серебра. Состояние сохранности переплетов с тиснением в два металла, дошедших до наших дней, такова, что визуально невозможно идентифицировать серебро, так как оно имеет свойство патинировать на открытом воздухе, и сейчас воспринимается как блинтовое, так как оно совершенно черное. Мы были уверены, что такая хорошая сохранность серебра была обусловлена тем, что оно оказалось законсервировано внутри кожи. Но в процессе довыборки воска и мелких загрязнений из рисунка тиснения было замечено, что с серебра отделяется тонкая полупрозрачная пленка. Ее природа была неясна. У воска аморфная структура, а это наслоение сохраняло при снятии структуру пленки и рельеф того места, с которого был снят. Толщина пленок небольшая – порядка нескольких миллимикрон. Плёнки довольно прочные, при препарировании они сминались, резались с трудом, под действием воды становились мягкими и легко дезинтегрировались.

Данный факт подтверждает, что мастера XVII века обладали пониманием свойств серебра, и, конечно же, хотели сохранить свою работу в максимально привлекательном виде как можно дольше. Сначала такие образования обнаруживались только на металле. Мы, в процессе расчистки, открытые фрагменты тиснения покрывали лаком во избежание образования патины на металле. Это производилось лаком Maimeri, кистью № 0 под бинокляром. Работа эта довольно долгая и кропотливая, профессиональный переплетчик не мог работать в подобной манере. Но при расчистке внешней рамки стало понятно, что эта пленка покрывала и кожу без тиснения. Просто очень тонкий слой покрытия с самых выпуклых частей переплета стерся при использовании книги.

Образцы пленок были отправлены для исследований¹, которые выявили две особенности техники исполнения.

Во-первых, что частицы фольги на тиснении – это «двойник» – с нижним толстым слоем серебра и тонким (потёртым) верхним слоем позолоты.

Во-вторых, исследования состава тонких пленок покрытия тиснения показали, что под действием воды плёнки дезинтегрировались и распались на мелкие частицы. Цветная реакция на протеин – положительная, бесцветные плёнки пробы окрасились в бледно-розовый цвет. Такое окрашивание дают так называемые глютеносодержащие клеи, в т.ч. кожные клеи. Судя по прозрачности и эластичности плёнок, мы предположили, что сырьём для клея могли стать обрезки кож молодого животного. Для исследования мы брали пленки с разных участков крышки. Большая часть плёнок дала бледно-розовую окраску, характерную для глютинового, в т.ч. кожных клеев. Некоторые плёнки дали интенсивное малиновое окрашивание, характерное для протеинов яйца. Тем не менее, мы пришли к выводу, что переплетчик покрывал переплетные крышки тонким слоем глютинового клея, что предохраняло серебро от патинирования. А пробы с малиновым окрашиванием показывают, что сусальное серебро клали на яичный белок, и оно (его небольшое количество) попало в пробу.

Проведя материаловедческое исследование переплета рукописи нам удалось установить ряд технико-технологических особенностей работы анонимного переплетчика. При этом, вопрос о идентификации основы переплетных крышек требовал решения.

После визуального анализа предполагалось, что в качестве основы были использованы фрагменты переплетной кожи, снятой с верхних крышек двух разных книг большего формата («в десть», возможно больше), разрезанной пополам и склеенной мездрой внутрь. На расчищенной коже декор состоит из бордюрных басм растительного орнамента. В картушах, сверху и снизу, – тиснение в виде надписи вязью «КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ». Типичный пример декора переплета книг отпечатанных и переплетенных на Московском Печатном дворе. Для них характерно использование накаток исключительно цветочного характера. Чаще всего использовались накатки двух групп: основные (более широкие) и окаймляющие (более узкие). Основные, как правило, сдвигаются, образуя дополнительный декоративный эффект – симметрично расположенные сплетения. Согласно С.А. Клепикову: «Характерная особенность переплетов Печатного двора – введение в композицию украшения верхней крышки титула – краткого названия книги. Титул разбивался на две части и размещался на полях: в верхнем – «книга глаголемая» [называемая], а в нижнем – «глас а, в, г, д,» [2: 51–77].

Эта декоративная особенность является также датирующим признаком переплетов. Как отмечает С.А. Клепиков, со второй половины XVII в., она

¹ Исследования проводились химиком-технологом, канд. хим. наук В.Н. Ярош. Методы анализа: Микроскопия – МБС-10 (× 40). Микрохимический анализ: реакции на протеины и липиды, в т.ч. цветные реакции окрашивания пробы, действие воды и растворителей. Электронная сканирующая микроскопия (× 2000) в сочетании с рентгеноспектральным анализом. Количественный состав образцов металлизированного покрытия проводили на электронном микроскопе JSM-5300 (Япония), оснащённом спектральным анализатором LinkISIS (Великобритания).

утрачивает свое функциональное назначение заголовка и сохраняет только декоративное значение. С этого момента нижний картуш стал повторять верхний, т.е. название исчезает. Таким образом, исследуемый нами образец кожи, используемой в качестве переплетной крышки, можно датировать второй половиной XVII в.

Известно, что часть тиража мастерская Печатного двора выпускала в т.н. «издательском» массовом переплете слепого тиснения, и небольшая часть (не более 20 экземпляров) переплетались «в поднос царю» и членам царской семьи, а так же для митрополита или персонам высшего клира. Эти переплеты отличались особой тщательностью и украшались особенно роскошно. Тиснение производилось золотом или золото с серебром, золотом же покрывался обрез, после чего на нем особыми чеканами выбивался узор.

Надо отметить, что картон в XVII в. в России оставался привозным товаром и был дорог, а ввиду небольшого формата рукописи¹ доски здесь, вряд ли были уместны. Переплетчик использовал фрагменты переплетной кожи с вышедших из употребления книг, снял ее с подносных переплетов Печатного двора. Бытовали такие подносные книги чаще всего в Кремле. Причину, почему книги перестали использоваться, определить уже не удастся, можно только сказать, что кожу сняли с переплетов, выпущенных во второй половине XVII века, и использовались они сравнительно не долго. Но то, что части переплета сразу пошли снова «в дело» очень интересный факт, характеризующий особенности книжной культуры этого времени.

Данный переплет предоставляет и другие примеры экономного отношения к материалам. Блок составлен из различных типов бумаг и выступает из крышек по переднему обрезу. До реставрации предполагалось, что листы вываливаются из переплета из-за нарушения целостности блока, и после перешивки блока, все встанет на свои места. Но оказалось, что блок выступал изначально. Форзац меньше размера листов блока и имеет неровный край по верхнему полю. Слизуры – фрагменты бумаг делопроизводства. Даже завязки на переплете – это два разных шнура, разрезанных пополам, а переплетная кожа на нижней крышке аккуратно заштопана.

Тиснение на переплете рукописи тоже имеет ряд особенностей. Декор на крышках различен. На верхней крышке две линейные рамки, расположенные одна поверх другой. Нижняя выполнена блинтовым тиснением, рамку образуют три линии разной толщины, верхняя – тиснение золотом, образована двумя одинаковыми линиями. В центре крышки тиснение сделано с крупного клише – контурный орнамент из завитков с листьями и цветами образует ромб, в его центральном медальоне – цветок, выполненный мелким клише. То же клише использовано в качестве углового, внутри рамки. На нижней крышке – сетка. Ромбовидное членение образуется перекрещиванием трех линий разной толщины (центральная – толстая, по бокам – более тонкие). Тиснение выполнено тем же инструментом, что и нижняя рамка верхней крышки, ширина линий совпадает.

Задумываясь, зачем верхнюю крышку дважды украсили тиснением, приходит мысль, что и эту кожу могли использовать вторично. И то, что она не подошла немного по размеру, не сильно смутило переплетчи-

¹ Размер переплета: 19,5×16,3×1,5 см.

ка. Столь экономное отношение к переплетным материалам дает возможность предположить работу монастырского переплетчика. При этом, тип тиснения на нижней крышке соотносится с типом тиснения переплетов Чудовского монастыря. Известно, что в нем была своя переплетная мастерская [4: 441], что позволяет выдвинуть гипотезу о том, что данный образец был исполнен в переплетной мастерской Чудова монастыря.

Стоит отметить, что Клепиков, описывая Чудовские переплеты, отмечает характерные приемы украшения крышек: слепое тиснение дорожником и мелкими басмами без употребления ролей, разбивка поля крышки сеткой из ромбов. Причем поздние переплеты характеризует тенденция к увеличению количества ромбов, и к сохранению такой сетки на нижней крышке, в то время как верхняя имеет самостоятельное декоративное решение. Также увеличивается число линий формирующих эти ромбы, появляется счетверенная или строенная линия со средней, имеющей большую толщину [2: 62]. Все это мы можем видеть на переплете нашей рукописи, и можно высказать предположение, что место изготовления этого переплета – Чудов монастырь.

Более убедительно аргументировать эту атрибуцию переплета пока сложно. Как правило, переплеты рукописных книг изготавливались преимущественно сразу после переписывания рукописи и на месте ее создания, в царском или монастырском скриптории (и тот и другой существовали на территории кремля, но для царского наш переплет слишком скромн). Дата и место создания рукописи и ее переплета практически всегда совпадают для оригинальных (первичных) переплетов. А на территории восточнославянских стран, как отмечает С.В. Зинченко, это положение распространяется на период до конца XVIII в. [1: 12].

Важным подспорьем при атрибуции переплетов является переплетная макулатура, но на данном этапе эти документы еще не дали достаточной информации. Возможно, после реставрации этих листов, мы сможем узнать чуть больше.

В ходе реставрации рукописи были выявлены технические особенности работы переплетчика Московского Печатного двора XVII века. Изучая особенности данного переплета, сделаны предположения о возможном месте создания рукописи, давшие новые импульсы для изучения истории московского обиходного переплета XVII века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинченко С.В.* Методические рекомендации для описания, локализации и датировки средневековых кожаных переплетов с тиснением // *Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии* / отв. ред. А.А. Романова. – СПб., 2004. – С. 5–18.
2. *Клепиков С.А.* Описание древних русских обиходных переплетов // *Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописных книг.* – М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. – С. 51–77.
3. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
4. *Новикова О. Л., Сиренов А. В.* Сделано в Чудове // *Труды Отдела древне-русской литературы.* – 2004. – (55). – С. 441–450.
5. *Поздеева И. В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: исследования и публикации : в 3 кн. / Рос. акад. наук, Научный совет «История мировой культуры» [и др.]. – М., 2007.

ИСТОКИ ТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

УДК: 821.512.145

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ: ИХ МЕСТО И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Д.Ф. Загидуллина

Академия наук Республики Татарстан (Казань)

Статья посвящена уточнению истоков татарской художественной литературы. Древнетюркская литература – Орхоно-Енисейские памятники – рассматриваются первыми образцами общетюркской художественной (авторской) литературы. Следующий этап в истории общетюркской литературы на примере выдающихся произведений – «Благодатное знание» (1069–1070) Юсуфа Баласагуна, включенных в «Словарь тюркских наречий» (1072–1077) М. Кашгари текстов свидетельствует о формировании классической тюркской литературы. Первый образец художественного направления *адаб*, поэма Баласагына написана в рамках арабо-персидской канонической поэтики. В свою очередь, она стала каноном для первого произведения татарской классической литературы – «Сказание о Йусуфе» (1233) Кул Гали. Между ними возникает литературный диалог, свидетельствующий о том, что в классической татарской литературе развиваются художественно-эстетические принципы классической тюркской литературы.

Ключевые слова: древнетюркские памятники, татарская литература, Орхоно-Енисейские эпитафии, арабо-персидский канон, классическая литература, аруз.

The article is devoted to clarifying the origins of Tatar fiction. Ancient Turkic literature – the Orkhon-Yenisei monuments – are viewed as the first examples of general Turkic fiction (author's) literature. The next stage in the history of general Turkic literature on the example of outstanding samples – «Blessed knowledge» (1069–1070) by Yusuf Balasagun, included in the «Dictionary of Turkic Dialects» (1072–1077) by M. Kashgari texts testifies to the formation of classical Turkic literature. The first example of the artistic direction of *adab*, Balasagyn's poem was written within the framework of the Arab-Persian canonical poetics. In turn, it became a model, a canon for the first work of Tatar classical literature – «The Tale of Yusuf» (1233) by Kul Gali. A literary dialogue arises between them, indicating that the artistic and aesthetic principles of classical Turkic literature are developing in classical Tatar literature.

Key words: ancient Turkic monuments, Tatar literature, Orkhon-Yenisei epitaphs, Arab-Persian canon, classical literature, Aruz.

В татарском литературоведении понятия «древнетатарская литература» и «древнетюркская литература» считаются явлениями одного порядка. Еще в далекие 1920-е годы, проанализировав памятники орхоно-енисейской письменности, Г. Рахим и Г. Губайдуллин приходят к выводу, что они являются не только ценными историческими и этнографическими источниками, но и образцами литературного творчества: «Первыми произведениями письменной литературы, созданными не под внешними влияниями, а на основе собственной идеологии, у тюрков стали документы орхонской

письменности» [3: 24]. Несмотря на то, что Г. Ибрагимов и Дж. Валиди высказывали иные суждения, начиная с фундаментальной «Истории татарской литературы» Г. Губайдуллина и Г. Рахима в учебных заведениях: от школы до вуза – преподавание истории татарской литературы начинается с древнетюркского периода.

Закреплению данной концепции в научном сознании способствовали, безусловно, труды историков и текстологов, затрагивающих вопросы возникновения этнополитических объединений тюркских племен в период VI–VIII веков. Эти объединения историки считают «прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных народов» [2: 218].

По этому поводу С.Г. Кляшторный пишет: «Тюркоязычные народы Евразии, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полного исчезновения первых – древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей» [2: 219].

Применительно к литературе известный тюрколог И.В. Стеблева высказывается так: «Понятие “древнетюркская литература” в значительной степени – литературоведческое, оно не только показывает связь с культурной жизнью самого раннего тюркоязычного государства, но также обозначает время становления и консолидацию определенных историко-культурных и стилистико-языковых явлений, имеющих значение именно для этой литературы» [5: 5]. Исследовательница ставит вопрос о древнетюркской литературе как эстетическом целом: несмотря на то, что произведения древнетюркской литературы появились на территориях разных государств, на разных тюркских языках, «они уже создавались по единым правилам построения поэтической речи, в русле единой поэтологической системы» [5: 6]. Она приходит к выводу о том, что «начиная с периода древнетюркской литературы и по настоящее время существовала и продолжает существовать преемственность поэтических форм, несмотря на исторические перемены и изменения эстетических представлений людей» [5: 202].

Эта позиция очень важна, так как позволяет рассматривать Орхоно-Енисейские письмена в качестве первых образцов художественной литературы у тюркских народов.

Еще одним аргументом в пользу данной концепции является известность имени автора текстов – Йоллыг-тегина. По этому поводу в книге Г. Рахима и Г. Губайдуллина читаем: «Эти надписи были сделаны одним из родственников Бильге-кагана – Йоллыг-тегином. Вероятно, он был писателем и поэтом. Большая часть его писем имеет прозаическую форму, но есть и отдельные предложения, написанные стихами» [3: 55–56]. Приводя в пример высеченные на камне строки («*Бунча битиг битигмә / Күлтәгин атасы / Йоллыг тәгин битидим*» / «*Эта надпись посвящена отцу Кюль-тегину / Йоллыг-тегин написал*»; «*Әгирми көн улуруп / Бу ташка*

бу тамга кун / Йоллыг тэгин битидим» / «Двадцать дней трудился / В камень высекал знаки / Йоллыг-тегин написал»), авторы пишут: «Этот очень древний стихотворный размер и сейчас не утрачен у тюрков. Он имеет те же основы, что и размер наших народных песен. Таким образом, Йолыг-тегина можно назвать первым известным нам тюркским писателем, а оставленные им каменописные тексты – первыми произведениями на тюркском языке».

Задолго до Л. Гумилева татарские ученые выделили в истории зарождения тюркской письменности и литературы два периода. Появление литературы они относят к VII–VIII векам, тогда как письменность у древних тюрков, по их мнению, возникает уже в VI веке или даже раньше: «Доподлинно не известно, с какого времени у тюрков был введен в употребление орхонский алфавит. В любом случае, он, по-видимому, использовался у них с очень давнего времени, потому как надписи на камнях, найденных на берегах Орхона, свидетельствуют о последовательно разработанной системе письма. Конечно, чтобы достичь такого состояния, должно было пройти немало времени. На отдельных надписях на камнях, время установки которых точно не определено (например, на расположенных на берегу Енисея), мы еще не обнаруживаем такого уровня разработанности письма. Например, мы не встречаем на них отдельных знаков, имеющихся в орхонском алфавите. Можно предположить, что они были воздвигнуты за несколько сот лет до орхонских» [3: 30].

Таким образом, древнетюркские Орхоно-Енисейские памятники свидетельствуют о формировании авторской литературы у древних тюрков в VII–VIII века. Ее традиции стали фундаментом для зарождения собственно этнических литератур у тюркских народов.

Однако на этом самый ранний период истории тюркоязычной словесности не завершается. По словам И.В. Стеблевой, «Новый этап в развитии тюркоязычной литературы и поэтики начинается с образования в X веке на территории Восточного Туркестана, Джидды и у подножия Тянь-Шаня нового государства династии Караханидов (927–1212), принятия ислама (начавшегося в X веке и растянувшегося на многие века) и завоевания тюрками Средней Азии, где в это время процветала литература на персидском языке. (...) Под влиянием арабской и персидской литератур, особенно в поэзии, формируется новый литературный язык – тюркский, богатый арабскими и персидскими заимствованиями», и сложились «правила построения литературного произведения, механизм подчинения тюркского языка требованиям этой поэтики» [5: 199–200]. В результате на литературную арену вышла первая поэма – «Благодатное знание» («Котадгу белек», 1069–1070) Юсуфа Баласагуна, кроме того, сохранились образцы общетюркской поэзии, включенные в «Словарь тюркских наречий» («Диване лөгать эт-төрек», 1072–1077) М. Кашгари. Они свидетельствуют о формировании в рамках арабо-персидского канона тюркской классической поэзии.

Знаменитая поэма «Благодатное знание» Баласагуна, в свою очередь, позволяет определить основные параметры канона в тюркских литературах. Объединив в себе религиозно-дидактические, политико-правовые,

социокультурные и философско-мировоззренческие точки зрения, она стала первым образцом художественного направления *адаб*. Понятие используется нами в широком смысле¹, как особое направление, которое сформировалось на основе арабской дидактической, персидской назидательно-развлекательной и общетюркской идеологической и риторической литератур. Основу, безусловно, составляет кораническая философия Единобожия. Кроме того, в произведениях *адаба* синтез высокой культуры Орхонских надписей сочетается с приключенческим духом персидской литературы². Здесь уместно привести слова Х.Г. Короглы о том, что «тематически, идейно, да и по содержанию дидактическая литература на тюркских языках мало чем отличалась от литературы на фарси», но вместе с тем, «даже в ранних тюркоязычных произведениях можно четко выделить чисто тюркское начало, что мы видим на примере творчества Баласагуни и других поэтов» [1: 40].

Исламское мировоззрение, исторический эпос и устное тюркское народное творчество переплетаются в этом произведении с культурными воззрениями разных народов. В результате сложилась своеобразная тюркская философия, которая объясняет, что у человека есть два пути: выбирая путь служения Аллаху, необходимо отказаться от суеты мира; выбор же служения народу не дает возможности полностью посвятить себя Всевышнему.

С.Г. Кляшторный, подчеркивая неразрывную связь данного произведения с общетюркской литературой, написал: «Среди памятников тюркского средневековья невозможно найти другую надпись, в полной мере отражающую образ мышления Караханидской аристократии. И ни один памятник в такой степени не перекликается с древнетюркскими текстами – памятниками письменности Центральной Азии. (...) Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и батыров VIII века, высеченных в орхонских камнях в Монголии и в гробницах Таласса на Тянь-Шане» [2: 251].

Главная особенность исламской духовной традиции заключается в целостном восприятии бытия: Аллах есть создатель мира и человека; Он же наделил человека волей и разумом, предоставив возможность постоянного выбора между добром и злом, и дал земному человеку идеал в лице пророка Мухаммеда (сгв), халифов, праведников, достижение которого позволит добиться счастья, жить в идеальном обществе (государстве). В мировоззренческом плане средневековый восточный литературный канон опирается на эти постулаты.

В формальном плане поэма Баласагуна стала основой для формирования в тюркских литературах аруза, сложившегося под влиянием арабо-персидского словесного искусства, но адаптированного к тюркским языкам; зарождения традиций поэтического творчества; выбора основных

¹ В литературоведении принято использовать *адаб* не только в широком, но и в узком смысле – как название чисто религиозно-дидактической литературы.

² Считается, что среди основоположников арабской назидательной и развлекательной прозы был перс Габдулла ибн ал-Мукаффа, пересказавший древнеиндийский повесть «Панчатантра» (III–IV в.н.э.) под названием «Калила и Димна».

языковых средств художественного выражения, сформировавших тюркскую литературную речь.

В произведении, написанном в соответствии с каноническими требованиями арабской поэтики, культ слова органично сочетается с культом природы кочевников-язычников; возвышенная риторика, богатство афоризмов, эстетика повторений тюркских летописей проникают в речь, придавая ей качество художественности. Все это вместе создает удивительную гармонию содержания и формы. Поэтому тюркский канон классической литературы долгое время господствовал в татарской литературе, претерпевая изменения и «усваиваясь». Первое произведение этой литературы «Кутадгу белек» стало образцом для подражания татарских поэтов, о чем свидетельствует «Сказание о Йусуфе» («Кыйссаи Йосыф», 1233) Кул Гали (ок. 1183 – между 1233 и 1240).

Как и поэма Й. Баласагуна, «Сказание о Йусуфе» написано в традициях распространенного в тюркской мусульманской литературе *адаба*. Она явилась своего рода мостом, связующим классическую тюркскую литературу с классической татарской литературой. В обеих поэмах создается картина, соответствующая канонизированным в арабо-персидской литературной традиции принципам.

Безусловно, канон в эту эпоху – «заданные порождающие принципы произведения искусства» [5: 120–122]. С одной стороны для Кул Гали роль такого образца выполняет Коран и философия Единобожия. С другой стороны, мы полагаем, что в функции такого образца для татарского автора выступает и поэма «Благодатное знание». Развивая идеи Й. Баласагуни, чьи творческие усилия в русле *адаба* были направлены на поиски основ гармонического мироустройства и которых он нашел в выборе одного из двух путей, Кул Гали предлагает свою модель, согласно которой остающийся верным указанному Аллахом пути совершенствования человек приносит пользу своему народу, сохраняет благоденствие в своей стране. Идеальным образом выступает Йусуф. Поэма Кул Гали возникает как диалог с текстом предшественника.

Каноничность проявляется на разных уровнях текста. На структурном уровне это, в частности, наличие традиционного зачина, включающего в себя пролог, в котором восхваляются Аллах, пророк Мухаммед (сгв) и четыре праведных халифа, воспеваются самоотверженность всех мусульман; подчеркивается сакральный характер поэтического Слова. Во-вторых, почти четверть текста поэмы включает в себя обращения к Аллаху и каждая описываемая ситуация утверждает Его справедливость, мудрость и терпеливость Аллаха. В-третьих, представление поэтом себя своего рода медиумом между Аллахом и людьми, а также упоминание своего литературного прозвища (тахаллус). Эти правила являются общепринятыми, каноническими при написании крупных произведений арабского Востока.

Вместе с тем, «рассуждение автора о выборе темы, источниках сюжета, предшественниках, развивавших ту же тему, об отличиях собственного творения от всех имеющихся вариантов» [4: 23] специалисты рассматривают как особенность персидской поэтики.

«В средневековье не сам сюжет решал проблему оригинальности, а трактовка его, которая воплощалась в нюансах» [7: 584], – пишет Н.Ш. Хисамов, объясняя «тюркский колорит» «Кыйссаи Йосыф» тем, что поэт в поисках образца обращался и «к опыту тюркского эпоса». Исследователь отмечает множество деталей, восходящих к тюркскому эпосу.

Таким образом, ареал обнаружения рукописей и влияние поэмы на дальнейшее развитие татарской культуры, и главное – ее роль в становлении канона в период расцвета – казанского ханства – позволяют рассматривать «Сказание о Йусуфе» Кул Гали как начало формирования татарского художественного канона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Короглы Х.Г.* Древнетюркская письменность // Средневековая татарская литература (VIII–XVIII вв.). – Казань: Фэн, 1999. – С. 11–40.

2. *Кляшторный С.Г.* Степная империя тюрков и ее наследники // История татар с древнейших времен: В семи томах. Т. 1: Народы Степной Евразии в древности. – Казань: Изд-во «Рухият», 2002. – С. 218–267.

3. *Рэхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. 1 жилд. 1 бүлек. Мәдхәл. – Казан, 1923. – 174 б.

4. *Рейснер М.Л., Ардашников А.Н.* Персидская литература IX–XVIII веков: в 2 томах. Т. 1: Персидская литература домонгольского времени (IX – начало XIII в.) Период формирования канона: ранняя классика. 2-е изд., испр. и дополн. – М.: ООО «Садра», 2021. – 392 с.

5. *Стеблева И.В.* Жизнь и литература доисламских тюрков: историко-культурный контекст древнетюркской литературы. – М.: Вост. лит., 2007. – 208 с.

6. Теория литературы: в 2-х т. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 368 с.

7. *Хисамов Н.* Литература. «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали // История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 2: Волжская Булгария и Великая степь. – Казань: Изд-во РухИЛ, 2006. – С. 583–587.

УДК 94(3) 930.2

ЕВРОПЕЙСКИЙ АРЕАЛ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (обзор некоторых археологических источников и литературы)

Г.М. Давлетшин

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Данная статья рассматривает европейский регион распространения тюркской рунической письменности и проблему определения ее языковой и этнокультурной принадлежности. Автор указывает на то, что в литературе существуют две основные точки зрения относительно языковой и этнокультурной среды этих надписей: традиционно тюркская и алано-осетинская. Автор отмечает, что многие основополагающие вопросы о рунической письменности до сих пор остаются неразрешенными из-за множества причин и препятствий.

Ключевые слова: руны, надписи, письменность, регион, алан, тюркская.

This article examines the European region of the spread of the Turkic runic script and the problem of determining its linguistic and ethno-cultural affiliation. The author points out that there are two main points of view in the literature regarding the linguistic and ethno-cultural environment of these inscriptions: traditionally Turkic and

Alano-Ossetian. The author notes that many fundamental questions about runic writing still remain unresolved due to many reasons and obstacles.

Key words: runes, inscriptions, writing, region, alan, Turkic.

Европейский регион распространения тюркской рунической письменности достаточно велик. Это юго-восточная Европа, включая районы Каспийского и Аральского морей, Приазовье, Северный Кавказ, Крым, Дон, Кубань, Балканы, Дунайская Болгария, Венгрия и территория бывшей Югославии. Некоторые исследователи доводят регион до границ Италии. Руническая письменность региона охватывает VI–X века.

Этот регион с древних времен был заселен многочисленными разнообразными племенами. В раннем средневековье характерной особенностью была мобильность и изменчивость этнокультур и мест проживания племен. Например, при прибытии на эти земли, часть племенного союза огуз/угров разделилась на различные племенные объединения, такие как оногуры, кутригуры (тридцать племен огузов) и сарагуры (белые угры). Здесь также проживали алано-сарматские племена, которые сыграли важную роль в этногенезе древних болгар [18: 16–27]. Позже появились печенеги, а затем кыпчакские племена [16; 25; 7]. В процессе формирования своей государственности некоторые из них разработали собственную систему рунической письменности.

Данная тема длительное время исследуется многими учеными разных стран. Это археологические, исторические, филологические и т.д. труды. Но все же их можно разделить на две большие группы. Это статьи, публикации, посвященные отдельным памятникам руники: А.М. Щербак [27; 28; 29], С.Г. Кляшторный [8: 270–275], И.Л. Кызласов [12; 13], Э.М. Тенишев [19], М.И. Артамонов [1: 263–268], J. Nemeth [32; 33], А.Ф. Кочкина [9], и многие другие.

Самое большое количество таких протоболгарских письменных памятников обнаружены в Сев. Добруджи, 15 км к западу от г. Констанцы, на стенах скальной церкви деревни Мурфатлара (X–XI вв.) (ныне Румыния) [6], Маяцком [13; 21], Хумаринском городищах [10], Плиске, Преславе Силистре [6] и т.д. на многих памятниках, как стены строений, камни, керамическая, металлическая посуда, на серебряных сумах, бытовых предметах, оружии, пряслицах и т.д. И вторая группа исследований – обобщающие, теоретические, методологические труды, в основном ряд важных монографий. Рассмотрим некоторых из них.

Абхазский ученый Георги Федорович Турчанинов (1902–1989) впервые пришел к выводу, что древнеболгарская письменность не была тюркской, а принадлежала аланской (сарматской) среде. Он утверждал, что язык салтово-маяцких надписей на самом деле восточно-иранский (алано-сарматский), что означает, что аланы и «черные болгары» использовали общий язык для общения. Исследователь также считал, что протоболгары также использовали эту письменность и говорили на восточно-иранском языке, близком к аланскому языку, который является предком современного осетинского языка в его двух разновидностях – восточной иронской и западной дигорской. Вероятно, аланы и протоболгары, на практике, пред-

ставляли две родственные части одного народа, которые в прошлом были объединены в алано-сарматскую общность [21; 22; 23; 24].

Книга Живко Войникова «Алано-древнеболгарская письменность», написанная в память проф. Г.Ф. Турчанинову, посвящается выяснению происхождения и транскрипции древней рунической письменности. Он расширяет и дополняет идеи, высказанные своим предшественником. Ж. Войников в результате изучения различных источников, в том числе новых, пришел к выводу, что так называемые «протоболгарские» руны были использованы аланами и протоболгарами, которые использовали общую систему письма. Кроме того, автор считает, что эти народы говорили на родственных восточно-иранских «сармато-аланских» диалектах. Их письменность является прямым продолжением более древнего «скифского» письма, но дополненное влиянием среднеазиатских письменностей – парфянским, согдийским. Славяно-болгарский народ использовал двуязычие почти до конца Первого Болгарского царства. Древние болгары составили часть однородной восточно-иранской, сарматской общности. Автор полагает, что алано-древнеболгарское (донско-кубанское) письмо оказало основное влияние на возникновение германского рунического письма [4].

В 2007 г., в городе Казани состоялась научная конференция на тему «Средневековая Русь, Волжская Болгария и Северное Черноморье в контексте русско-восточных связей». С интересом приняли доклад болгарской представительницы, доктора Венского университета Христианы Милчевой «Болгарская культура и ее отношение к древнеиранской культуре: новейшие тенденции в болгарской историографии», которая говорила о связи древнеболгарской культуры с древнеиранской и критиковала разработки современных исследователей Болгарии [15].

Игорь Леонидович Кызласов, выдающийся специалист в области рунологии, признает возможность ираноязычного происхождения рунических надписей из Маяцкого городища (донско-кубанская письменность), Ферганской долины (исфаринская письменность) и района реки Сырдарья (ачикташское письмо), которые отличаются от классической древнетюркской письменности. Однако надписи в орхоно-енисейском стиле (VIII–IX века) следует отнести к тюркским, и их нельзя сравнивать с алано-протоболгарскими и волжско-болгарскими руническими надписями [12; 14].

Согласно исследованиям Игоря Кызласова, в древности существовали два различных этнокультурных центров развития евразийской рунической письменности. Он связывает древних болгар с раннесредневековыми племенами из Ферганской группы, такими как усунь, юечжи, кушаны и эфталиты. Автор также считает, что протоболгарские рунические знаки не являются тюркскими, а имеют сходство с древнеосетинской рунической письменностью [14].

Методологической основой, чрезвычайно важным ключом для будущих исследований, решающей корректировкой прежних научных положений является статья И.Л. Кызласова «Особенности тюркской рунологии» [11]. Автор утверждает, что «Сегодня можно уверенно говорить

о тюркоязычности лишь двух новоявленных рунических алфавитов: южно-енисейского и кубанского». Вторым он считает памятник, обнаруженных на Северном Кавказе и Поволжье (от рубежа VIII–IX до XI–XII вв.). Кубанские надписи присущи культуре Волжской Болгарии [8]. Тюркскую рунологию он обоснует как самостоятельную дисциплину, «более всего принадлежащая эпиграфике, в меньшей степени – к археографии [11: 431]. Таким образом, рунологические исследования, основанные на разнородные источники и методические приемы, могут разрабатываться только разными специалистами [11: 433].

Важны палеографические основы рунологии, сформированные в енисейской и орхонской эпиграфике, которые «могут быть распространены и на кубанскую руническую письменность тюркоязычных болгар» [11: 438].

Автор опровергает гипотезу, одобренную при изучении происхождения первых письменностей тюркских народов [11: 441].

Руническая письменность во многом служила религиозным, обрядовым целям. Такую функцию рунической письменности использовали и религиозные служители новых религий. Например, множество рунических надписей, восславляющие Иисуса Христа, начерченные на стенах христианской церкви в Мурфатларах (X–XI века) [4]. Манихейство было широко распространено и среди древних тюрков. Оно стало официальной идеологией в тюркоязычных каганатах (Уйгурский, Древнехакасский и Кимакский). Манихейские священнослужители хорошо овладели и руническим письмом. Дублирование рунической азбуки манихейскими буквами в то время широко распространенное явление [11: 446]. Примечательно в этом отношении сообщение арабского писателя X в. Ибн ан-Надим о том, что болгары и тубаты пользуются китайской или манихейской письменностью [5: 241–242].

Болгарский историк, эпиграфист и филолог Веселин Бешевлиев (1900–1992) собрал и опубликовал разные загадочные и нерасшифрованные протоболгарские рунические надписи. Он называет болгарскую письменность «рунической»; по его мнению, как и у германцев, у протоболгар руны имели в их жизни больше магическое значение [3].

Болгарский археолог и историк Рашо Рашев (1943–2008) уделял значительное внимание исследованию истории болгарских рун. Он классифицировал протоболгарские надписи как принадлежащие к руническому типу письменности, распространённого на территориях от Центральной Азии до Европы. Рашев представил аргументацию, согласно которой протоболгары делились на две группы, различающиеся не только социальным статусом, но и языком, а также традиционной культурой. Аристократическая группа использовала тюркский язык и была проникнута тюркской культурой [34; 35].

В своей книге «Древнетюркские рунические памятники Европы» караево-балкарский тюрколог Сосланбек Якубович Байчаров (1939–2022) анализирует более 150 надписей, которые свидетельствуют о широком распространении тюркской грамотности в Восточной и Центральной Европе. Он пришел к выводу, что эти надписи были написаны на болгарском языке и обнаружил в них диалектные особенности: рунические надписи

из Дунайского, Волго-Донского и Северокавказского регионов являются памятниками болгарских диалектов. Байчаров разработал собственную концепцию чтения и толкования европейской (негерманской) руники как единой «системы», имеющей общие правила правописания с орхонскими, енисейскими и таласскими надписями. На основе предложенных им чтений была создана обширная система рунических надписей Европы [2].

Исследователи предполагают различные истоки древнеболгарских рун, такие как финикийские, кушанские, сирийские, иранские, аланские, алано-древнеболгарские (донско-кубанская) и другие.

Таким образом, тема, посвященная европейским тюркским рунам, является многогранной и многоаспектной. Она уже более века изучается многими учеными, но до сих пор не все основополагающие вопросы в ней разрешены. Анализ важнейших трудов показывает, что к настоящему времени сложились по языковой, этнокультурной и т.д. принадлежности рунических надписей два противоположных мнения. Одна группа исследователей придерживается традиционно тюркской, другая — алано-осетинской этнокультурной среды.

Это обусловлено множеством причин и препятствий. Они подробно анализированы в объемной статье И.Л. Кызласова. Автор главным образом указывает на недостаточное внимание исследователей на палеографические и историко-культурные основы рунологии [11]. Вопросы этнокультурной принадлежности рунической письменности также остаются сложными. До сих пор не полностью определены понятия протоболгар, праболгар и древние болгары, а также их этнокультурная принадлежность.

Северокавказский (кубанский [12]) вариант рунического письма вместе с болгарскими племенами пришел и на Волжско-Камское побережье. Здесь он продолжал существовать и после появления арабского алфавита на одном уровне с этим алфавитом, о чем речь идет в специальных статьях И.Л. Измайлова и Ф.Ш. Нуриевой, включенных в данный сборник. Но ясно одно, что в свете новых трудов, требуются новые критические комплексные исследования по теме тюркских рунов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // Советская археология. – 1954. – XIX. – С. 263–268.
2. Байчаров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского. ареала древнетюркской. рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – Ставрополь, 1989.
3. Бишевлев В. Прабългарски епиграфски паметници. – София, 1981. – 184 с.
4. Войников Ж. Алано-древнеболгарская письменность (в память проф. Г.Ф. Турчанинову). – 2009. – 230 с.
5. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. (С пол. VII в. – до конца X в. Р.Х.) – СПб., 1870. – 308 с.
6. Кандимиров В. Писмеността от Мурфатлар и Плиска. – София: ИК «Проф. Петко Венедиков», 2015. – 145 с.
7. Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках: к 80-летию академика А.Н. Кононова // *Turgologica*. – Л., 1956. – С. 153–164.
8. Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // Советская археология. – 1979. – № 1. – С. 270–275.

9. *Кочкина А.Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С. 75–80.
10. *Кузнецов В.А.* Надписи Хумаринского городища // Советская археология. – 1963. – № 1. – С. 298–305.
11. *Кызласов И.Л.* Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия: источники, история, культура. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – С. 427–449.
12. *Кызласов И.Л.* Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. – 2000. – 1–2 (6–7). – С. 5–18.
13. *Кызласов И.Л.* Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 10–40.
14. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: «Восточная литература», 1994. – 328 с.
15. *Милчева Х.* Българите са с древно-ирански произход. URL: <https://protobulgarians.com/Saavremennti%20temi/Hristina%20Milcheva%20-%20Kazan.htm> 15 Октомври 2007 (дата обращения 25.10.2023).
16. *Плетнева С.А.* Кочевники русских степей IV–XIII века. – М.: Ломоносовъ, 2017. – 228 с.
17. *Рашиев Рашо.* За произхода на прабългарите: в честь профессор Веселин Бешевлиев // От Studia protobulgarica mediaevalia europensia. – Велико Търново, 1992. – С. 23–33.
18. *Смирнов А.П.* Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры. – № XL. – М., 1951. – С. 16–27.
19. *Тенишев Э.Р.* Камень с рунической надписью из Юрьева // Лингвистический сборник (В. В. Решетову в связи с шестидесятилетием со дня рождения посвящается). – Ташкент, 1971. – С. 21–23.
20. *Тенишев Э.Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica (к 70-летию акад. А.Н. Кононова). – Л.: Наука, 1976. – С. 164–172.
21. *Турчанинов Г.Ф.* О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. – 1964. – № 1. – С. 72–87.
22. *Турчанинов Г.Ф.* Древние средневековые памятники осетинского письма и языка. – Владикавказ: «Ир». 1960. – 240 с.
23. *Турчанинов Г.Ф.* Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа / Ин-т языкознания РАН, Моск. исслед. центр абхазоведения. – М., 1999; *Турчанинов Г.Ф.* Древние средневековые памятники осетинского письма и языка. – Владикавказ: «Ир», 1990. – 263 с.
24. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971. – 300 с.
25. Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы: Сб. ст. – Серия «Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века». – Вып. 2. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 228 с.
26. *Щербак А.М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 75. – С. 362–414.
27. *Щербак А.М.* Несколько слов о приёмах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Советская археология. – 1954. – № 19. – С. 269–282.
28. *Щербак А.М.* О рунической письменности в юго-восточной Европе // Советская тюркология. – 1971. – № 4. – С. 76–82.
29. *Щербак А.М.* Тюркская руника: происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Наука, 2001. – 152 с.
30. *Эрдейи И.* Новая руническая надпись из Венгрии // Эпиграфика Востока. – 1958. – XII. – С. 59–61.
31. *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós // ВОН. – 1932. – II. – С. 17–44.
32. *Németh J.* The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe // ALH. – 1971. – XXI. – P. 1–52.

33. *Róna-Tas A.* A runic inscription in the Kujbyšev region // АОН, 1976. – XXX. – P. 267–271.
34. *Róna-Tas A.* Die Inschrift des Nadelbehälters von Szarvas (Ungarn) // UAJb, NF. – 1990. – 9. – S. 1–30.
35. *Thomsen V.* Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós // Samlede Afhandlinger. – III. – P. 334.

УДК 003.345

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПОВОЛЖСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Ф.Ш. Нуриева

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

В настоящее время в Поволжье обнаружено больше десяти археологических находок с руническими надписями, определена их хронология. При прочтении наблюдаются разные трактовки текстов. Назрела необходимость создания единого архивного хранилища для сохранения и изучения оригиналов рунических памятников, они являются ценным источником, свидетельством ранней письменности татарского народа.

Ключевые слова: письменность, рунические памятники, история, система письменности, археология.

At present moment there are more than ten runic inscriptions were found on such archaeological findings as tableware, saber, spindles, stone and other items in the Volga region. Examined attempts of reading and different interpretations of the texts show that at present moment working with the sources is not complete. There is also a need to create a single archive repository for the preservation and study of original runic monuments, detailed representations, prints as they are evidence of early writing of Tatar people.

Key words: writing, runic monuments, history, writing system, archeology.

Изучением письменности волжских болгар исследователи занимаются более двух столетий. Выявление и расшифровка памятников способствуют раскрытию особенностей развития языка населения Булгарского государства, который остается одним из самых спорных в тюркологической науке. Представить характер языковой ситуации в Поволжье в период VIII–XIII века сложно, так как сохранились очень отрывочные сведения. Ее можно реконструировать на основе анализа сохранившихся тюркоязычных письменных памятников на рунической и арабской графиках. В настоящее время в Поволжье обнаружено более десяти рунических надписей на таких археологических находках, как посуда, пряслица, сабля, на камнях и др. Небольшие рунические надписи представляют, помимо лингвистического интереса, значительный историко-этнографический интерес.

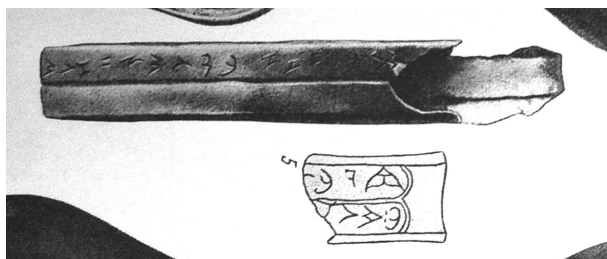
Говоря о результатах рунологических исследований в Татарстане, следует отметить, что все находки известны в науке, описаны археологами, прочитаны историками языка, проведен палеографический анализ.

По мнению исследователей, руническая система письма была принесена в Среднее Поволжье той частью населения, которая непосредственно

генетически была связана с салтово-маяцкой культурой и приняла активное участие в оформлении этнокультурного облика Волжской Булгарии в целом [4: 80]. В свое время М.М. Артамонов отмечал, что рунические надписи, найденные на памятниках салтово-маяцкой культуры, скорее всего, принадлежат тюркоязычным булгарам. Благодаря этим племенам такие знаки широко распространились в то время и в Дунайской Булгарии. Исследователи при чтении текстов придерживаются мнения, что в Волжско-Камском регионе буквы и знаки рунических надписей «ближайшим образом напоминают буквы и знаки рунических письмен донского и кубанского ареалов» [5: 274; 8: 157].

Хронологически рунические надписи Поволжья укладываются в рамки истории Волжской Булгарии: раннебулгарский, домонгольский и золотоордынский. К раннебулгарскому этапу (вторая половина VIII в. – X в.) относятся Афанасьевская (Кировская область, верховья р. Кама – надпись из пяти знаков на дне серебряной кружки), Седьярская (д. Седьяр в Удмуртии, надпись на вертикальной ручке серебряного кувшина), Юриноская (с. Юрьево, Марий Эл, надпись на камне из восьми знаков) надписи. Домонгольский и золотоордынский периоды (X по XIII вв.) включают в себя надписи: Микушкинская (с. Микушкино, Самарская обл., надпись на камне из пяти знаков), Мурзихинская (р. Кама Мурзихинское селище, пряслице с рунической надписью из восьми знаков на две строки), Сарабиккуловская (д. Сарабиккол Лениногорского района Республики Татарстан, надпись на камне с пятью руническими знаками), Билярская (Билярское городище Республики Татарстан, надпись из шести знаков на ручке сосуда) и Кураловская (Старокуйбышевское городище, надпись состоит из трех знаков) и другие [8: 170].

Седьярская надпись

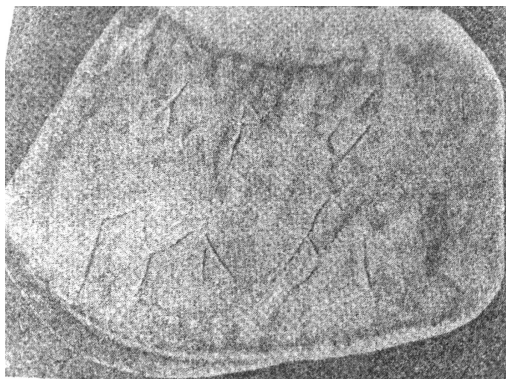
Деталь сосуда – ручка кувшина (Фотография: Даркевич, 1972.). Описание. Надпись на ручке серебряного кувшина. Найдена в 1884 году при пахоте около починка деревни Седьяр в Удмуртии, хранится в Эрмитаже. Чтение надписи на ручке из 25 знаков сделано П.М. Мелиоранским в 1902 году. В настоящее время имеются три варианта прочтения.

1) П.М. Мелиоранский (1902, 017–022 с.): *Käg (kiğ) gäg (giğ) känčä gärünčüä kälünčä Г... мү (ä si) «За младшую дочь Герюнчу (как) невесту (получен) подарок».*

2) Х.Р. Курбатов (1990, 17 с.): *Оағи дәг қиңча гәлүнчә (jә) қавуғи гүити (ši) «Лебедеподобный княжне – невестке серебро в честь бракосочетания».*

3) Э.Р. Тенишев (2006, 164–166 с.): *Käg ...b(ä)g: känčü: g (i) päncü: K (ä) länc g: tä* «Сокровища бека – жемчуга и молодухи»

Юриноская надпись

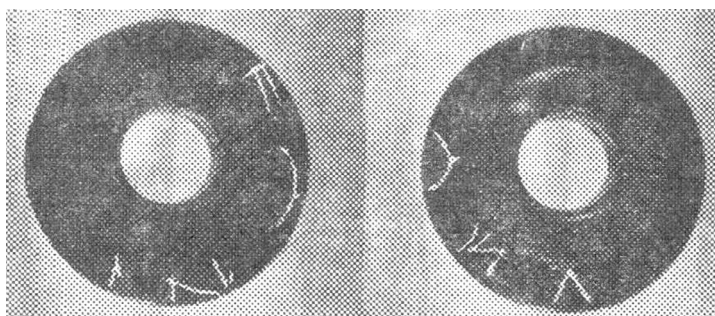
Найдена в 1958 году в селе Юрьево Марийской республики при рытье траншеи, представляет собой кусочек камня размером 8x12 см. Надпись из восьми знаков. Относится к X веку. Хранится в коллекции Института истории АН РТ.

Имеются два варианта чтения:

1) Э.Р. Тенишев (1971; 21–23 с.): *a) t (a) cq (y) zu m(a)+ (ä) b* «Обманчивая стеснительность от имущества и хозяйства».

2) Х.Р. Курбатов (1990, 15–16 с.): *küč üza dašut* «Против насилия мой камень».

Мурзихинская надпись

Пряслице из сланцевого материала с рунической надписью найдено Е.А. Беговатовым во время археологической экспедиции в разливе левого берега Камы на месте Мурзихинского селища среди других булгарских вещей (керамика, бусы, металлические изделия). Пряслице содержит две строки с руническими знаками, прочерченными острым предметом на обеих боковых сторонах его. Пряслице сделано в XI–XII вв., по-видимому, в это же время была нанесена и надпись. Хранится пряслице у Е.А. Беговата.

Имеются три версии чтения надписи:

1) Е.А. Беговатовым и Р.Г. Ахметьяновым надпись на первой строке прочитана как *brk* ‘подарок’, вторая – как *rkŋ*.

Транскрипция надписи такова: *b(e)rk(e) (e) rk(e)ŋ(e)* ‘подарок Эркене’;

2) Х.Р. Курбатовым предложено чтение справа налево. Схема букв и их звуковые обозначения:

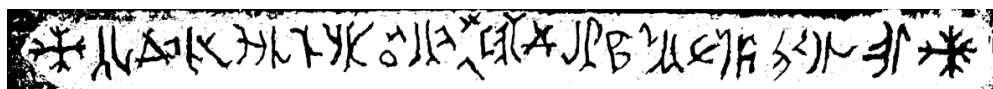
		
v ^I š	ğ	b

				
i	z	ä	b	k

Транскрипция надписи: *b(a)g(y)š k(ü) bäzi* 'радость для зрения'.

3) Э.Р. Тенишев предложил новое чтение надписи: а) *j(a) y(i)š*, б) *(a)lčī-j(ä)k*, а) «жертвенный подарок», б) «возьми-ка, демон!». Три слова в целом составляют сберегательное заклинание – оградить владелицу пряслицы и ее близких от нечистой силы [8: 162].

Именьковская надпись

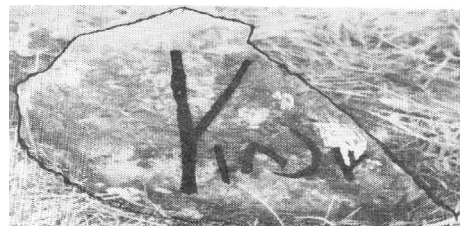
В 1909 году известный коллекционер В.И. Заусайлов продал в национальный музей Финляндии в Хельсинки археологические находки, обнаруженные в конце XIX – начале XX века в Прикамье. Среди них оказались две болгарские сабли XI–XII веков с руническими надписями, на которые обратил внимание казанский ученый – археолог П.Н. Старостин [7: 14–16].

В каталоге (инв. номера 4318 и 4319) отмечено, что обе находки происходят из села Именьково Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне Лаишевский район Республики Татарстан). На сабле (№ 4319) возле рукоятки П.Н. Старостиным были зафиксированы рунические надписи, длина строки 13 см., ширина 1 см. Надпись прочитана Х.Р. Курбатовым.

																																			
šy	ly	qu	v	ñ	ü	a	in	g	kü	ci	v	ü	l	v	kü	i	v	i	k	v	gy	l	a	kü	ä	b	üz	ä	k	a	k	in	ä	m	i

Чтение – справа налево: *Imän kiskä üzä bākü alqyš kiši küčlüš čikügin sünjüš qylčy*. Перевод: Боевая сабля бека (над) Имен-киске – человека прославленного, сильного Джюкуга.

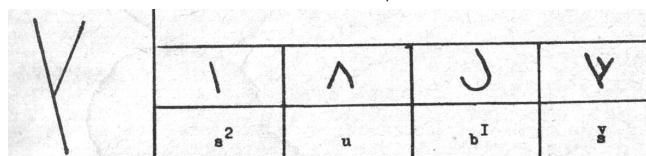
Сарабиккуловская надпись

Надпись на камне серого цвета длиной 50–60 см с пятью руническими знаками, расположенными ближе к правому нижнему краю камня. По характеру букв Э.Р. Тенишев относит надпись к XI–XII вв. Обнаружено В.Х. Хаковым

в 1967 году во время экспедиции в Лениногорском районе Татарстана вблизи деревни Сарабиккулово.

Первым прочитал надпись сам В.Х. Хаков. Большую букву Υ он относит к символу. Рядом с символом находится первая буква, текст нужно читать слева направо [9: 13]. И.Л. Кызласов знак Υ расценивает как тамгу [5: 68].

В.Х. Хаков прочел надпись как *sibaš*, т.е. «глава войска, военачальник»

Э.Р. Тенишев вносит корректировку в чтение надписи: «Читать букву как *ii* недопустимо, для *ii* в западной рунике есть серия знаков. Следовательно, правильная версия *subaš*, т.е. «источник реки». Но есть ли в том месте река или русло иссохшей реки? Если есть, тогда чтение оправдано» [8: 161]. Э.Р.Тенишев предложил еще один вариант прочтения Υ ∟ ∪ Y – справа налево. «Первую букву Υ можно читать как *š*, но и как *š̄*. Тогда получается поучительная надпись, состоящая из (а) *š̄* «милость» (встречается в одном из египетских памятников) и повелительной формы II л. мн.ч. от глагола *jas* «строй, делай, устраивай» (встречается в большой надписи памятника Кюль-тегину): (а) *š̄ jas(a)η*. «Делайте добрые дела (милости)».

Биллярская надпись

В 1983 г. при раскопках на территории Биллярского городища археолог А.Ф. Кочкина обнаружила болгарский керамический сосуд XII века.

Надпись из шести знаков прочерчена по сырой глине на ручке сосуда. Все знаки четкие, высота строки составляет 1–1,5 см; общая длина 4,7 см.

1) Ф.А. Кочкина, издавшая в 1985 году фотоснимок надписи, предлагает следующее чтение: «*aš* – есть, *aš tat* – отведать пищу, *aš tatiy* – пища, *tajna* – кислое молоко. Поэтому вполне можно допустить, что надпись на сосуде представляет собой благопожелание к принятию пищи» [4: 79].

2) Чтение Х.Р. Курбатова: *acytqan* «посуда для закваски» [6: 29].

3) Чтение Э.Р. Тенишева: *aš̄ t(u)](a) n* «открывающая благодать» [8: 159].

А.Ф. Кочкина, опубликовавшая биллярскую находку, пришла к выводу, что данная надпись позволяет более уверенно включать Волжскую Болгарию в ареал распространения древнетюркской рунической письменности, близкой к своей основе к северокавказскому (протоболгарскому) варианту [4: 75–80]. И.Л. Кызласов также акцентирует на этом внимание: «Условия этой находки впервые надежно связали с булгарами серию руноподобных написаний, обнаруженных к тому времени в разных местах Восточной Европы – от Северного Кавказа и Подонья до Прикамья [5: 216].

Руническое письмо продолжало существовать у болгар, поселившихся в Среднем Поволжье и в Прикамье. Предметы с руническими письменами XI–XII веков свидетельствуют о том, что руническая графика продолжала употребляться в Волжской Булгарии в 922 году, через 200–250 лет после принятия ислама с его священной арабской письменностью. Хотя и существуют разночтения надписей, порою возникают споры об их языковой принадлежности, ученые склоняются к мнению, что язык поволжских рунических надписей имеют общетюркский характер. В языке памятников зафиксированы древнетюркские формы типа *q (a) lti k (ä) länc suliq*. В Трой-Урийской и Сарабиккулской надписях встречается прочтение *su* «вода» как в современном татарском языке, а в древнетюркском – *sub*. Возникает вопрос: это региональная форма или неправильная дешифровка? Рассмотренные варианты прочтения и разные трактовки текстов показывают, что работа с источниками не закончена по настоящее время. Также назрела необходимость создания единого архивного хранилища для сохранения и изучения оригиналов рунических памятников, прорисовок, эстампажей, так как они являются свидетельством ранней письменности татарского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. – Ставрополь, 1989. – С. 251–253.
2. Беговатов Е.Л. Руническая надпись на пряслице с болгарского селища // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 17–19.
3. Давлетишин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 429 с.
4. Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. – Баку, 1985. – № 4. – С. 75–80.
5. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. – С. 274–275.
6. Курбатов Х.Р. Татар әдәби теленең алфавит һәм орфография тарихы. – Казан, 1999. – Б. 29.
7. Старостин П.Н. Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 14–16.
8. Тенишев Э.Р. Тюркские рунические надписи Поволжья. – Уфа, 2006. – С. 159.
9. Хаков В.Х. Камень с рунической надписью из деревни Сарабиккулово Лениногорского района Татарии // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 12–13.
10. Халиков А.Х. Рунические знаци и надписи от Волжья Болгария и техните дунавски параллели // Археология. – София, 1988. – № 3. – С. 52.

УДК 003.335

ПИСЬМЕННАЯ ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Л.Н. Тыбыкова

Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск)

Письменная история Республики Алтай прошла многовековой путь развития, которая оказалась глубокой и разнообразной. Алтай выдвинулся как один из центров распространения рунического письма, изучение древнетюркских рунических надписей Алтая проводятся в последние годы с применением трёхмерных методов документации, в частности, метода цифровой грамметрии. Предки

алтайцев в течении своей длительной многовековой истории владели разными системами письма: от рунической письменности до тодо-бичик (*üzük bičik*) во времена Джунгарского ханства, в XIX веке перешли на кириллический алфавит.

Ключевые слова: письменность, древнетюркские рунические памятники, фотограмметрия, старомонгольская письменность, кириллица, *üzük bičik*

The written history of the Altai Republic has gone through a centuries-long path of development, which turned out to be deep and varied. Altai has emerged as one of the centers of distribution of runic writing; the study of ancient Turkic runic inscriptions of Altai has been carried out in recent years using three-dimensional documentation methods, in particular, the method of digital grammetry. The ancestors of the Altai people, during their long, centuries-old history, owned different writing systems: from runic writing to Todo-bichik (*üzük bičik*) during the Dzungar Khanate, in the 19th century they switched to the Cyrillic alphabet.

Key words: writing, ancient turkic runic monuments, photogrammetry, old mongolian writing, cyrillic, *üzük bičik*.

Алтайская письменная культура восходит к древнетюркскому периоду, когда на обширных территориях Южной Сибири бытовала руническое письмо. Многие современные тюркские народы этого региона имеют общую историю и глубокие письменные традиции. Горный Алтай в этом ряду за последнее время выдвинулся как один из самых перспективных районов для изучения все новых памятников древней рунической письменности алтайских тюрков.

Древнетюркские рунические надписи Алтая, в отличие от надписей Монголии, Тувы и Хакассии, традиционно считались представителями угасающей рунической традиции. Действительно, большинство известных в двадцатом веке науке алтайских надписей были или сильно разрушенными, или очень короткими, или написанными на скалах с уже имеющимися или нанесенными позже рисунками; во всех этих случаях, они с большим трудом поддавались расшифровке.

Работа по фиксации и изучению рунических памятников Алтая особенно оживилась в последние годы. На территории Горного Алтая происходят важные открытия все новых и новых памятников. К настоящему времени в Горном Алтае обнаружено более 120 рунических надписей. Районы распространения рунических памятников Горного Алтая охватывает в основном его центральные аймаки. Основная масса надписей сконцентрирована в долинах рек Каракол Онгудайского района, Бар-Бургазы Кош-Агачского района и Чарыш Усть-Канского района. Гора Калбак-Таш в Онгудайском районе – это уникальный историко-культурный памятник не только республики Алтай, но и России в целом. Калбак –Ташские рунические надписи, состоящая из 29 строк, является крупнейшей в Южной Сибири по концентрации надписей в одном месте [5].

Электронный корпус рунических письменных памятников Алтая доступен посредством Интернета как всем тюркологам России, так и зарубежным ученым на сайте www.altay.uni-frankfurt.de.

В 2017–2020 гг. проводились совместные экспериментальные работы Томского и Горно-Алтайского государственных университетов по цифро-

вому трехмерному документированию древнетюркских рунических надписей Горного Алтая. Эти работы проводились сотрудниками Лаборатории цифровой археологии Томского государственного университета О.В. Зайцевой, Е.В. Водясовым и М.В. Вавулиным. С 2019 г. только М.В. Вавулиным в кооперации со специалистами-тюркологами Л.Н. Тыбыковой (к.ф.н., ГАГУ) и И.А. Невской (д.ф.н., Институт филологии СО РАН, Франкфуртский университет). Трехмерная оцифровка скальных поверхностей производилась с помощью технологии цифровой фотограмметрии и на сегодняшний день все имеющиеся надписи в Республике Алтай оцифрованы.

Фотограмметрия оказалась как наиболее дешевым, так и наиболее эффективным методом документации надписей, находящихся на скалах, часто в очень отдаленных местах. Работу эту нужно продолжать, чтобы сделать надписи Алтая более доступными для исследования всеми тюркологами, а также чтобы способствовать применению методов трёхмерной фиксации к другим корпусам рунических надписей России. Эта работа является редким опытом таких исследований в России, где подобные методы ещё в очень недостаточной степени используются не только в рунологии, но и в целом в археологии. Применение данных методик для фиксирования древнетюркских рунических надписей является скорее исключением и за рубежом России [1: 37].

Многими тюркологами высказывалось мнение, что значение алтайских древнетюркских надписей для тюркологических исследований не особенно велико. Мы с этим не можем согласиться. Последние годы наших исследований на Алтае, как и недавние исследования енисейских надписей, показали, что именно в этих надписях мы можем найти формы разговорного языка тюркского населения, а не наддиалектную литературную норму надписей на стелах Монголии.

Руническая письменная культура, широко распространенная в раннем средневековье, отложила свой неизгладимый отпечаток на алтайскую словесность. В эпических сказаниях алтайского народа часто упоминаются о письменах на камнях **таш бичик** «руническое письмо (букв. каменное письмо)», о разных видах письма **ойгор бичик** «уйгурское письмо», «**судур бичик**», произошедшая из санскрита «сутра» имеет значение в эпосе как священная книга-предсказание. Буддийский трактат «Сутра золотого блеска» была переведена древними тюрками Центральной Азии еще в IX веке и была известна как «Алтун-Йарук» и, по-видимому, эпическая память алтайцев сохранила ранние формы буддизма. Все эти данные говорят о широкой грамотности населения и существования богатой письменной культуры, которая была прервана нашествием монголов Чингис-хана.

В ходе экспедиций выяснилось, что на камнях писали не только рунами, но старомонгольским письмом. Так как эти районы труднодоступны, то наша группа решила фиксировать любые надписи, которые нам встречались. В этом нам большую помощь оказали местные жители, которые показали эти камни с надписью. Мы зафиксировали старомонгольские надписи на скалах и надпись на знаменитом оленном камне около Чуйского тракта. В настоящее время найдено около семи надписей в Онгудайском

и Кош-Агачском районах, где было наибольшее распространение ламаизма. Дальнейшие поиски таких надписей будет продолжаться.

Письменная культура Алтая оказалась достаточно разнообразной: в последние годы стали находиться не только письменные памятники на камнях, но и рукописи, спрятанные в горах.

То, что на Алтае имеется ряд древних книг буддийского содержания, подтверждают

находки, сделанные в горах в недавнее время. В архивах Национального музея Республики Алтай находятся рукописи, найденные в 90-х годах в Кош-Агачском районе в районе с. Кокори, написанные на монгольском языке. При этом использован древнемонгольский алфавит, а также алфавит Зая-Пандиты, то есть *üzük bičik*. Эти рукописи должны быть тщательно исследованы специалистами, владеющими древнемонгольским языком. В 2003 году в Онгудайском районе близ села Кулада в местности Текпенек алтайцами, занимавшимися поисками мумия, в пещере был найден ящик, в котором находились буддийские религиозные предметы: статуэтки Будды, четки, 2 льва (из альгомталита), колокольчик и сутра на тибетском языке. По словам современных алтайских ламаистов, знакомившихся с этой сутрой, манускрипт датируется примерно XIV веком [2: 51]. Алтайцы после революции 1917 г. были вынуждены прятать религиозные книги в различных скальных недоступных пещерах в горах, так как советская власть, объявившая религию «опиумом для народа» преследовала и отправляла людей в лагеря только за подозрение на нелояльность коммунистической идеологии. Поэтому в течении семидесяти лет многие древние книги были таким образом потеряны, так как людей, спрятавших их, уже нет в живых. Сейчас нам остается только надеяться, что некоторые рукописи могут также находиться до сих пор в горных пещерах и в скалах.

Письменная культура Алтая имела свое продолжение, но руническая письменность была забыта, и предки современных тюркских народов Сибири перешли на новый алфавит вместе со сменой государственности. Алтайцы в позднем средневековье в период вхождения Алтая в состав Джунгарского государства с XVIII века начали использовать новый алфавит, созданный ученым и просветителем и ламой Зая-Пандитой Огторгунин на базе древнего монгольского алфавита. За новой системой письма закрепились различные названия: *тодо бичик* 'ясное письмо', алтайцы его называют *üzük bičik*. Новая письменность получила в Джунгарии широкое распространение, вытеснив прежние системы письма. Официальным языком этого государства был ойратский язык, принадлежащий монгольской группе языков.

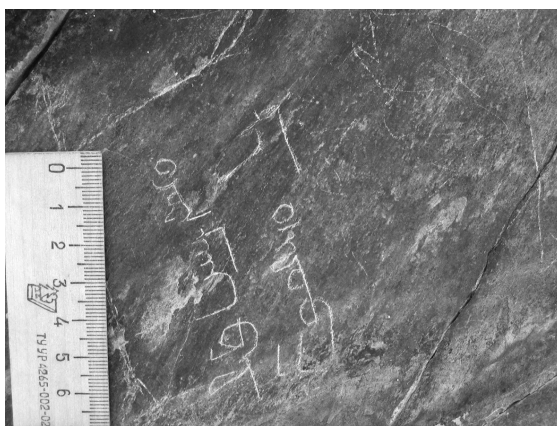

Рис. 1. Старомонгольское письмо на скале в местности Чирик-Таш (Онгудайский район)

Долгое время этот факт замалчивался и считалось, что алтайцы до создания миссионерами алтайского алфавита на базе кириллицы были народом бесписьменным. Алтайские зайсаны, хорошо владевшие ойратским языком, активно использовали его в дипломатических переписках не только с ойратскими князьями, но и с русскими властями, и эти документы, находящиеся в центральных архивах были изучены историком Самеевым Г.П. Им найдено около трех десятков документов в Центральном государственном военно-историческом архиве и Центральном государственном архиве древних актов [3: 93]. Русская администрация тогда была обеспечена штатом переводчиков, владевших ойратским языком и соответственно читавшим на *üzük bičik*. Алтайские зайсаны вынуждены были вести переписку на этом языке, так как обращения составленные на алтайском языке остались бы непонятыми русскими властями.

В XIX веке, когда алтайцы уже давно находились в составе Российской империи, письменность на основе алфавита Зая-Пандиты в Горном Алтае продолжала бытовать. В.В. Радлов, проводивший научные экспедиции по Горному Алтаю в 1860–1861 годах отмечает, что он встретил алтайца, который владел доставшимся от отца собранием текстов, написанных алфавитом «үзүк бичик». Вплоть до XIX века встречались еще алтайцы, умевшие писать на этом алфавите.

В XX веке сведения об использовании «үзүк бичик» засвидетельствованы в разных источниках. В Государственном архиве есть записи Г.Н. Нящина, который в тридцатых годах в Чергинском улусе Оруска Шабураков и его сын в судебных и других официальных документах подписывались знаками монгольского типа. Этой письменностью владели не все алтайцы, а отдельные лица, которые имели до революции возможность вести торговлю с Западной Монголией.

Следующим этапом в истории письменности алтайцев становится процесс добровольного вхождения алтайских племен в 1756 г в подданство Российской империи.

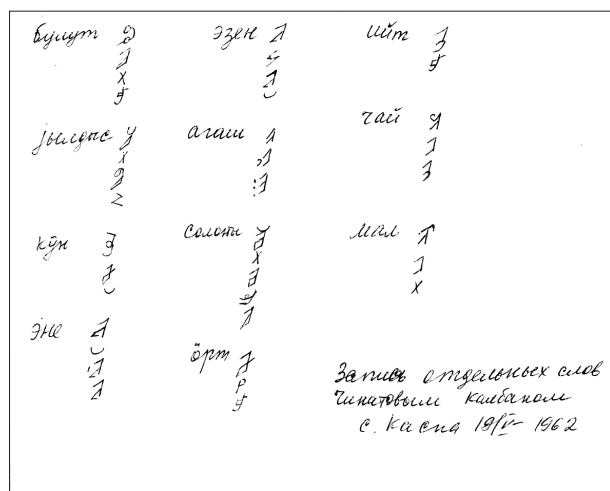

Рис. 2. Записи үзүк бичик, переданные Калбаном Чинаатовым в ГАНИИЯЛ (архив А.Т. Тыбыковой)

История Горного Алтая с этого времени будет связана с деятельностью Алтайской духовной миссии и с именем его основателя-архимандрита Макария Глухарева. Письменность на основе русского алфавита с добавлением некоторых специальных букв была разработана в 40-х годах XIX века представителями Алтайской духовной миссии в целях христианизации алтайцев. Алфавит, созданный миссионерами, состоял из 27 знаков с добав-

лением специфических алтайских знаков *ö, ü, ɳ, i* (и). Знаки, отражающие звуковой состав русского языка (в, ф, х, ц), отсутствовали в алфавите миссионеров. Заднеязычные \bar{K} \bar{k} и *ɣ*, (*қар* – снег, *соғоно* – лук) и палатальные *к, ç* (*кӧл* – озеро, *сегис* – восемь) отличались друг от друга диакритическими знаками.

В своем становлении и развитии алтайская письменность в XIX–XX вв. прошла следующие этапы:

1) алтайская письменность, основанная на русской графике, которая в свою очередь делится на два периода: а) дореволюционный (40-е годы XIX века – 1922 г.); послереволюционный (1922–1928 гг.);

В 1922 г. в связи с образованием Ойротской автономной области, вопрос о базе литературного языка был пересмотрен, так как миссионерская литература основывалась на базе телеутского диалекта, который представлял собой меньшинство населения области. В основу письменного литературного языка был положен диалект алтай-кижи, являвшийся языком большинства центральных районов области. В существующий миссионерский алфавит вводится ряд дополнительных знаков (в, ф, х, ц, щ, ю, ъ, я, ь, э) из русской азбуки для передачи звуков, имеющих в словах, заимствованных из русского языка.

2) алтайская письменность, основанная на латинизированной графике (1928–1938 гг.).

В 20-х годах XX века широко распространилась идея создания алфавита на латинской основе, имевшая сторонников как у представителей национальных меньшинств СССР, так и среди ученых-лингвистов. Инициаторами перехода на латинскую графику в середине 20-х годов – начале 30-х стал Азербайджан, где в 1922 г. был создан Комитет нового тюркского алфавита. Представители Горного Алтая проявляли осторожность и заявили о том, что будут ждать пока все тюркские народы Сибири не придут к единому мнению о переходе на латинскую графику.

В марте 1926 г. А.М. Сабашкин принял участие в работе Первого Всесоюзного Тюркологического съезда и как большинство делегатов отдал свой голос за латинизированную письмо. В 1928 г. вопрос о введении латинизации в Горном Алтае обсуждался и получил одобрение на VI областном съезде Советов. Проект алфавита был утвержден научным советом Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦК НТА) в декабре 1928 г.

Для тюркских народов был принят унифицированный алфавит, состоящий из 39 букв-знаков, в алтайском варианте было 32 буквы.

Сибирский комитет НТА определил срок завершения перехода на 1931–1932 учебный год, из-за ускоренных темпов процесс латинизации проходил с большими трудностями: не хватало средств на издательскую деятельность, на подготовку квалифицированных кадров, замену библиотечного фонда, введения делопроизводства и т.д. В 30-х годах наметилась тенденция свертывания латинизации и перевод на славянское письмо. Многие представители алтайской интеллигенции были признаны буржуазными националистами и контрреволюционерами, внесшие

разобщение между алтайским и русским народами. До сих пор некоторые местные исследователи пишут о «концептуальной несостоятельности данной реформы в национально-языковом строительстве», что говорит о том, что прежние догмы и идеологические установки ставятся превыше исторической правды.

3) алтайская письменность, основанная на русской графике (1938 г. – реформа алфавита в 1944 г).

Переход на кириллицу осуществлялся стихийно, прежняя унификация пропала, что привело к разнобою в обозначении одной и той же фонемы в близкородственных тюркских языках. При переходе на ойротский (алтайский) алфавит местные органы не учли замечания комиссии под председательством С.Е.Малова о введении четырех дополнительных знаков: **ö, ü, нь, дь**. Они стремились не выходить за рамки русского алфавита, но поскольку фонетическая система алтайского языка не совпадала с русской, в 1944 г. в алфавит были введены буквы **ö** и **ü** вместо **ё, ю**, знаки **дь, н'** (с апострофом) были заменены буквами **ј** (йот) и **н̄** (с лигатурой). Йотированные сочетания [**йа**], [**йо**], [**йу**], которые передавались русскими буквами **я, ё, ю** были заменены сочетаниями букв **йа, йо, йу**. Все эти дополнения хотя и улучшили состояние алфавита, но такие недостатки, как заднеязычные глухой и звонкий и палатальные (среднеязычные) фонемы не различаются на письме и обозначаются знаками **к** и **г** [4: 28–29].

Таким образом, письменная культура Горного Алтая оказалась глубокой и разнообразной, предки алтайцев в течении своей длительной многовековой истории владели разными системами письма. Расхожее мнение о том, что это был бесписьменный народ, и только христианские миссионеры смогли дать им письменность, основанную на кириллице, является глубоко ошибочным и только в последние десятилетия, благодаря новым исследованиям лингвистов и историков удалось открыть новые страницы в истории письменности алтайского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавулин М.В., Зайцева О.В., Водясов Е.В., Невская И.А., Тыбыкова Л.Н. Документирование древнетюркских рунических наскальных надписей Горного Алтая на основе технологии фотограмметрии // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее): Материалы Международного форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 года. – 2018. – С. 29–37.

2. Невская И.А., Тыбыкова Л.Н. Письменная история Республики Алтай по результатам экспедиции 2003–2008 гг. // «Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона»: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности (г. Кызыл, 1–4 июля 2010). – Ч. I. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010 – С. 48–52.

3. Самаев Г.П. «Ўзүк бичик» у алтайцев // Язык и культура алтайцев. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 92–99.

4. Тыбыкова Л.Н. История становления и развития алтайской письменности // Становление и развитие науки в Туве. (Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности 12–14 сентября 2000 г.). Часть 1. – Кызыл, 2000. – С. 28–29.

5. Тыбыкова Л.Н., Эрдал М., Невская И.А. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 146 с.

РУНИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ В БУЛГАРИИ X–XIII ВВ.: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

И.Л. Измайлов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

Важным маркером, позволяющим судить о государственности, является регулярное использование письменности, которая обеспечивала такие важнейшие функции сословного общества и являлась способом символической координации общества. Грамотность в средневековых обществах являлась знаком, определяющим положение в обществе, и таинством, дающим пропуск в довольно узкий круг посвященных – служилую и духовную элиту. К началу X в., когда началось складывание основ Булгарии, правящая элита владела письменностью на основе тюркской руники. В настоящее время список надписей на тюркской руники из Среднего Поволжья нуждается в проверке и верификации. Анализ показывает, что графического фонда совершенно недостаточно, чтобы их читать и строить гипотезы о характере языка. Пока можно только уверенно констатировать, что в Булгарии средневековой Булгарии X–XIII вв. наряду с арабской графикой использовалась рунка, а ее использование носило сословный характер.

Ключевые слова: Волжская Булгария, археология, система письменности, руническая письменность, арабская графика, тюркский язык, огурский язык.

An important marker that allows us to judge statehood is the regular use of writing, which provided such important functions of class society and was a way of symbolic coordination of society. Literacy in medieval societies was a sign that determined the position in society, and a sacrament that gave access to a rather narrow circle of initiates – the service and spiritual elite. By the beginning of the 10th century, when the foundations of Bulgaria began to be laid down, the ruling elite owned a written language based on the Turkic runic. Currently, the list of inscriptions on the Turkic runic from the Middle Volga region needs to be checked and verified. The analysis shows that the graphic fund is absolutely not enough to read them and build hypotheses about the nature of the language. So far, we can only confidently state that in Bulgaria, medieval Bulgaria of the X–XIII centuries, along with Arabic graphics, a handbrake was used, and its use was of a class character.

Key words: Volga Bulgaria, archeology, writing system, Runic script, Arabic graphics, Turkic language, Ogur language.

Мистер Блоттон, побуждаемый презренным желанием очернить бессмертное имя Пиквика, лично отправился в Кобем, а по возвращении саркастически заметил в речи, произнесенной в клубе, что он видел человека, у которого был куплен камень, что этот человек считает камень древним, но решительно отрицает древность надписи, ибо, по его словам, он сам кое-как вырезал се в часы безделья, и из букв составляет всего-навсего следующая фраза: «Билл Стампс, его рука»; что мистер Стампс, не искушенный в грамоте и имевший обыкновение руководствоваться скорее звуковой стороной слов, чем строгими правилами орфографии, опустил «л» в своем имени.

*Посмертные записки Пиквикского клуба
Ч. Диккенс*

Средневековая Булгария являлась одним из крупнейших государств Восточной Европы X–XIII вв. Особенности его становления и развития

привлекали повышенное внимание исследователей на протяжении почти двухсот лет, поскольку именно в этот период произошел прорыв народов Волго-Уральского региона к цивилизации к передовым формам социального и культурного развития.

Важным маркером, позволяющим судить о становлении цивилизации, является регулярное использование письменности. Именно она обеспечила такие важные функции организации сословного общества или раннего государства, как разработка официальных сводов законов, обеспечение податной системы, а также возникновение способов символической координации общества [см.: 5: 264–265]. Все это подсказывает, что даже ранняя государственность не могла бы функционировать без существования своей системы письменности. Однако многие конкретные аспекты этой проблемы ускользают от взора исследователей. Связано это главным образом с дискретностью наших данных о системе письма и способах их конкретного использования в государственной и повседневной практике того или иного социума.

Письменность в средневековых обществах – прежде всего таинство, а посвящение в него было знаком статуса. Грамотность или владение письмом не объединяли, а скорее разъединяли общество. По степени владения той или иной системой письма можно было в идеале определить его социальный статус. При этом довольно часто письмо и грамотность, а также языки имели сакральный характер и не предназначались, по крайней мере, на раннегосударственном этапе, для утилитарного использования. Иногда сама система письма была понятной, но социальный статус определялся знанием главного кода – сакрального языка. Общество распадается на тех, кто умеет читать и писать, и на тех, кто этого не умел. И даже не мог уметь. Грамотность становится знаком, определяющим положение в обществе, и таинством, дающим пропуск в довольно узкий круг посвященных [14: 106–111]. В некоторых обществах грамотность была, очевидно, выше (например, в мусульманских странах), а в других распространялась только на городскую торгово-ремесленную верхушку, служилую и духовную элиты. Роль грамотности как атрибута статусных различий становилось еще более ярко выраженной, если на письме использовался мертвый или какой-нибудь особый (как правило, древний, освященный традицией) язык: письменные сообщения отличались от устных уже только тем, что они написаны. Наиболее характерно это выражено у мусульман, где арабский шрифт был боговдохновенным, даже превращаясь в деталь орнамента – нечитаемые арабески. Для всех средневековых обществ Старого Света характерно использование особых языков для письма и культовой практики [8: 23–32; 9: 132–145]. Например, санскрит в Индостане, арабский в тюрко-татарских государствах, латынь в Западной Европе, иврит у иудейских общин).

В этом смысле Волжская Булгария не представляет собой исключения. Наоборот, при массе косвенных и общих сведений о системе письма, сохранилось недостаточно конкретных сведений. Только исследование всего комплекса источников позволяет наметить путь понимания функ-

ционирования различных письменных систем их соотношения, а также о месте письма в государственной инфраструктуре [9; 14].

К началу X в., когда началось складывание основ болгарского государства, правящая элита булгар, несомненно, владела письменностью [17: 178–185] (рис. 1).

При этом некоторые тюркологи рассматривали некоторые тамгу или руноподобный знак на кувшине из погребения 877 Танкеевского могильника (рис. 2), как свидетельство существования рунической письменности [32: 162–163], представляется преждевременным.

Основывалась на находках рунических памятников в регионе Волжской Булгарии и сопредельных территорий, некоторые авторы считают, что это ареал распространения восточноевропейской руники (ВЕР), но с регионально-племенными особенностями в алфавите (донская и кубанская системы [23: 13–42, 241–279; 24: 5–18; 4: 136–148]). Судя по некоторым знакам, эта система письменности была принесена, видимо, булгарами на Среднюю Волгу и в дальнейшем продолжала использоваться определенной частью населения Булгарии (рис. 3). Акцент именно на булгар вызван тем, что письменность – это признак государственности, а носителями

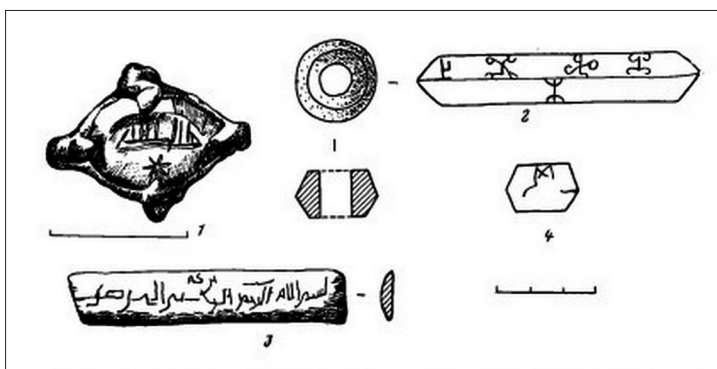

Рис. 1. Знаки и надписи из Булгарии. 1. – Танкеевский могильник, погр. 999; 2–4. – Измерское I селище (по Е.П. Казакову, 1985).

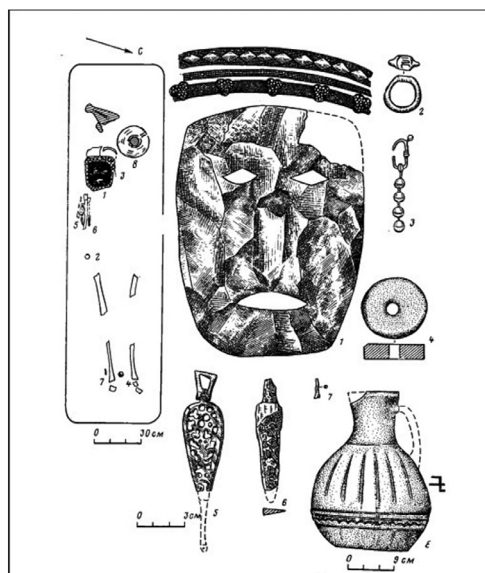

Рис. 2. Комплекс погр. 877 Танкеевского могильника. 1 – серебро, ткань; 2, 3 – серебро; 4. 8 – керамика; 5 – бронза; 6, 7 – железо

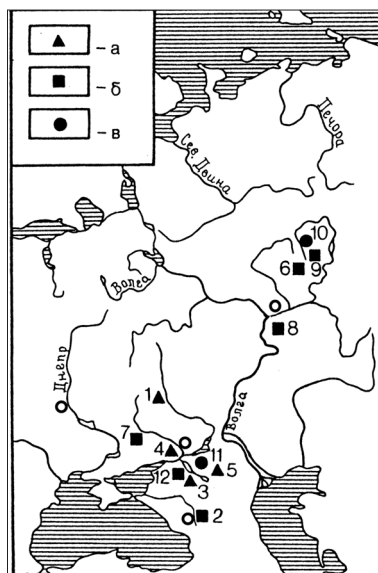

Рис. 3. Карта распространения знаков ВЕР (по И.Л. Кызласову, 1994).

этой государственности (даже с согласия Хазарии) в Среднем Поволжье являлись именно болгары.

О характере использованного булгарами письма известно чрезвычайно мало, а сами сведения или косвенные, или весьма туманные. Так, арабский автор, переписчик книг и книготорговец Мухаммад б. Исхак ан-Надим (Абу-л-Фарадж б. Аби Йакуб ал-Варрак) (935–990 гг.) в своем труде «Фихрист» наряду со сведениями об арабских авторах, сообщил сведения о письменности у разных народов. По его сведениям «*ат-турк, ал-б.л.г.р, ал-булгā, ал-бургаз, ал-хазар, ал-лан* [с] маленькими глазами и слишком белых, то об их письме неизвестно, кроме *ал-булгар* и *ат-туббат*, которые пишут по-китайски и по-манихейски» [18: 388]. Есть предположение, что речь идет о рунической письменности [см.: 7: 114]. Хотя, скорее всего, Ибн ан-Надим, компилируя различные сведения, распространил на болгар сведения о других тюркских народах. Во всяком случае, прямого указания на использование руники это сведение не содержит.

Но проблема с рунической письменностью еще и в том, что нет единого списка предметов с болгарской руникой, а те, которые есть прямо противоречат друг другу и не совпадают. Нет ни списка графем, ни их связей с другими графемами из других регионов распространения руники. В значительной степени это связано с тем, что не проведен анализ и верификация всех этих материалов. Даже поверхностный взгляд на список рунических текстов, связанных с Булгарией, показывает значительное расхождение между ними – 3 [7: 113–114]; 7 [8]; 4 [26], 6 [27], 10 [32: 159–166]. При этом не совпадает не только количество, но и состав рунических текстов. Это заставляет более серьезно и критично отнестись к их верификации и научной достоверности.

	Давлетшин, 2008	Тенишев, 2006	Нуриева, 2009	Нуриева, 2014
1.	Юрино	Юрино		Юрино
2.	Биляр	Биляр	Биляр	Биляр
3.	Седьяр	Седьяр		Седьяр
4.		Куралово		
5.	Троицкий Урай	Троицкий Урай	Троицкий Урай	
6.	Сарабиккулово	Сарабиккулово	Сарабиккулово	Сарабиккулово
7.	Мурзиха	Мурзиха	Мурзиха	Мурзиха
8.		Танкеевка		
9.		Б.Микушкино		
10		Афанасьев		
11	Именьково		Именьково	Именьково
12				

Анализ всех материалов показывает, что целый ряд находок, которые считаются болгарскими руническими надписями являются весьма сомнительными. Некоторые вообще происходят с территорий, которые заведомо не входили в территорию Волжской Булгарии и при этом, поскольку

это знаки на камнях, очень сомнительно, что они служили предметом торговли или имели какую-либо ценность, чтобы их перемещать. В лучшем случае, мы имеем дело с некими владельческими тамгами, а в худшем фальшивку (например, сколько-нибудь утилитарное значение камня 8 на 12 см из Юрино [31: 21–22) и его контекст трудно представить) (рис. 4). Надпись на камне из села Большое Микушкино [32: 163–164], которое якобы нашел венгерский тюрколог А. Рона-Таш, посетив Чебоксары, является сомнительной во всех отношениях – место находки не входило в состав территории Булгарии, об этой находке ничего не было известно до 1973 г., хотя это было место интенсивных исследований с начала XIX в. Это заставляет думать, что в лучшем случае мы имеем дело с некими тамгами чувашей, но как объект письменности, да еще с таким сомнительным прочтением эти 4 знака не вызывают доверия (рис. 5).

Рис. 4. Камень из Юрино с тамгообразными знаками (Фонды музея национальной культуры при НКЦ «Казань»).

В случае с надписью из окрестностей с. Сарабиккулово Лениногорского района Татарстана [33: 12–13] мы имеем дело с отсутствием достоверных сведений о самом объекте и единственной прорисовкой по фотографии (рис. 6). Ничего другого об этой находке неизвестно. Не входит этот регион и в ареал распространения болгарской культуры. Поэтому нет никаких оснований верить правильности изображения и реальности этого знака нет.

Не имеет отношения к болгарским знакам и надпись на фрагменте горшка именковской культуры из окрестностей Троицкого Урая (Рыбно-слободской район РТ) [29: 19; 26] (рис. 7), т.к. здесь нет болгарских памятников, а сам объект противоречит всем сведениям о носителях именковской культуры, которые нам известны. Ни на одном фрагменте из тысяч фрагментов именковских горшков нет никаких надписей или знаков. Фантастически с точки зрения профессионального археолога выглядит и сам рисунок с изображением места находки, но при полном отсутствии любой археологической информации о самом фрагменте керамики и как он связан с болгарской культурой. Не исключено, что мы имеем дело с невольной ошибкой или даже прямой фальшивкой, сделанной авторами.

Примером явной фальсификации является так называемая руническая надпись на сабле, найденной близ с. Именьково и хранящейся

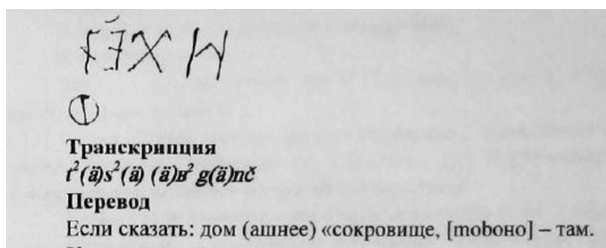

Рис. 5. Прорисовка, транскрипция и перевод надписи из села Большое Микушкино (по Тенишеву, 2006, С. 163–164).

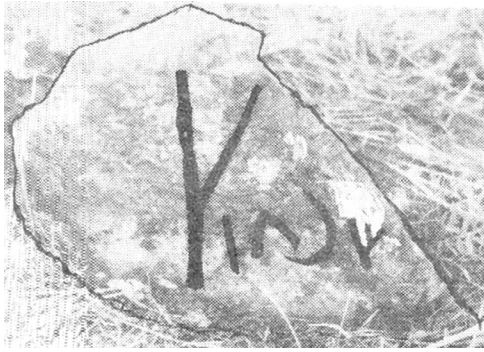

Рис. 6. Прорисовка по фото с изображением «камня из Сарабиккулово» (по Хакову, 1988).

Рис. 7. Рисунок фрагмента керамики и места его находки у Троицкого Урая (по Старостину, 1990).

ныне в составе коллекции Заусайлова в Национальном музее (г. Хельсинки, Финляндия). Опубликовали ее П.Н. Старостин и его соавтор Х.Р. Курбатов, используя фотографию, сделанную А.Х. Халиковым, и которая была хорошо известна археологам. Но при публикации сразу бросается в глаза, что воспроизведена не реальная фотография, а прорисовка по фото. Авторы явно подрисовали знаки, похожие на руны по фото, сделав совершенно фантастическую надпись, которая звучит как скверный анекдот: «Боевая сабля бека Имен-киске – человека прославленного, сильного Джикуга» [28: 14–16] (рис. 8). Не станем даже говорить, что ничего подобного в мировом оружиеведении не было известно. Подписные мечи имеют совсем другие параметры надписей и это или религиозные формулы, или клейма мастеров.

Рис. 8. Надпись на сабле после ее переписывания руническими знаками.

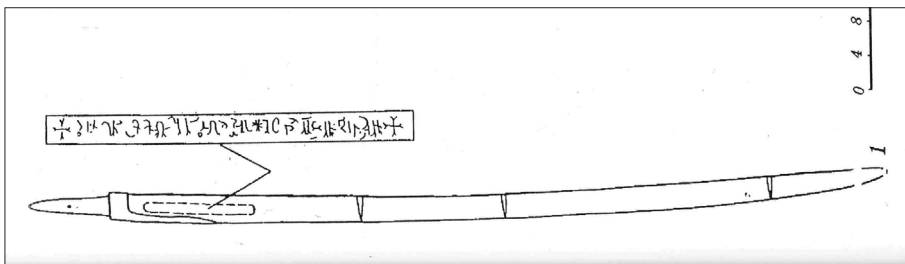

Рис. 9. Реальная надпись (1) и ее фотография (2) (по Измайлову, 1997).

В то время, как в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки) действительно хранится сабля из коллекции казанского купца И. Заусайлова, приобретенная в свое время финским археологом А.М. Тальгrenom. На этой сабле реально читается армянографическая надпись [11: 21, рис. 4-1, 5; 30: 122–134]. По данным, изучавшей ее по моей просьбе, известного петербургского источниковеда и специалиста по арменистике Р.М. Джанполадян, нет никаких сомнений в ее армянском происхождении. Но, к сожалению, надпись эта нечитаемая, поскольку это своего рода кабаллограмма – магическая, зашифрованная надпись (рис. 9, 1–2). Однако ряд деталей – костыльные кресты с процветшими кринами и сама структура знаков, не оставляет в этом сомнений. Есть и другие подобные армянские надписи на саблях этого типа [19: 23–29]. То есть, мы имеем дело с научным подлогом, сделанным Старостинным и Курбатовым, я писал еще в 1997 г. [11: 21], но на нее все равно попались некоторые доверчивые казанские филологи [см.: 26: 99–100; 27: 224–225], а также музейщики, создававшие Музейный парк в Болгаре (обратная сторона камня № 3).

Несколько надписей на серебряных сосудах из Афанасьево и Седьяра [см.: 32: 164–166] не вызывают сомнений в подлинности, поскольку хорошо известны науке с XIX в., но отнесение их болгарской рунике требует решения целого ряда общих вопросов – существовала ли эта система рунической письменности самостоятельно или была частью гораздо более обширных ареалов, включающих Подонье и Предкавказье, а также Зауралья.

Еще одна надпись из Куралово [10: 48] состоит из двух знаков, но, очевидно, арабской графики. Попытки читать их, как тюркские руны не кажется убедительным [32: 158]. Хотя, в целом, этот знак может быть и тамгой, но его руноподобность представляется сомнительной.

Таким образом, из всего многообразия надписей, которые можно отнести к тюркским рунам остаются находки более-менее достоверными только две – на ручке гончарного кувшина из Биярского городища из слоев XI–XIII вв. [см.: 21: 75–80] (рис. 10) и шиферного напярсла из разрушенного водохранилищем болгарского селища X–XIII вв. близ Мурзихи (1: 17–18; 2: 162–164) (рис. 11). Еще одна находка условно может считаться рунической надписью – знаки на альчике из Подлесной Шенталы [30: 95–101].

Рис. 10. Ручка гончарного сосуда из Биярского городища.

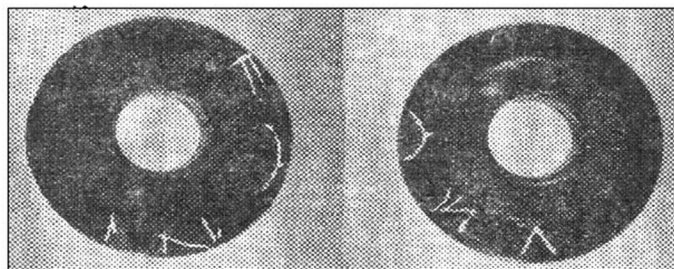

Рис. 11. Шиферное напярсло с руническими знаками (по Беговатову, 1988).

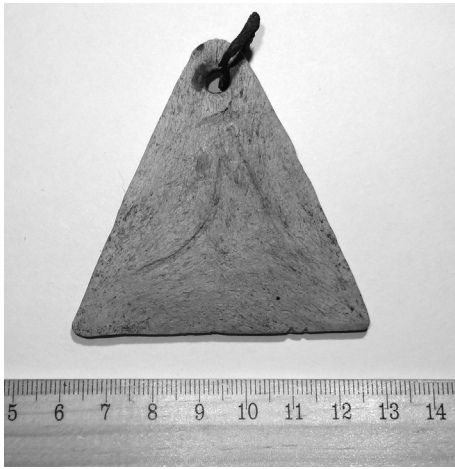

Рис. 12. Костяная подвеска с надписью (по Измайлову, 1991).

Данные надписи практически всеми исследователями считаются, как вполне релевантные [7: 113; 24: 5–18; 32: 159, 161–162; 24: 223–224, 226]. Проблема только в том, что надписи из Мурзихи и Подлесной Шенталы известны только из одной публикации с очень неточной фотографией и ее нынешнее местонахождение неизвестно, как и точность ее воспроизведения. Другие надписи фактически не документированы и не могут быть признаны в качестве источников (например, см.: 16: 20).

Иными словами, вести речь о языке и переводах этих незначительных с точки зрения письма графемах, которые к тому же не пересекаются пока рано. Все переводы этих слов, учитывая, что некоторые авторы с легкостью переводят даже фальсифицированные надписи, показывает насколько это субъективный и весьма дискуссионный вопрос. Сравнить все эти переводы и составить набор графем можно будет только тогда, когда у нас их будет достаточное и верифицируемое количество, удастся составить свод этих знаков, будут выявлены сходства и различия между разными тюркскими письменностями и найдены соответствия с орхоно-енисейской письменностью [3], будут предложены не ситуативные, а комплексные и системные чтения графем. Сейчас мы можем говорить скорее о самом факте использования руники Восточноевропейского ареала (ВЕР) в качестве письменной графики, подтверждая мысль о существовании архаических вариантов письменности, которая формировалась в тюркской среде на раннегосударственном уровне и имела целый ряд графических разновидностей [4: 146–148]. Без выполнения всех этих сопоставлений и отсеивания неверифицируемых (фальшивых и «фоновых») графем (пример, такого конструирования графики на основе тамгообразных знаков см.: Трофимов, 1993), мы не сможем подойти к решению главной задачи – чтения этих надписей.

Следует подчеркнуть еще один весьма важный и принципиальный вопрос о том языке, который передавался на письме этой графикой. Лингвисты, ничтоже сумняшеся, лихо и бойко переводят эти надписи, используя в качестве аналогий графический фонд орхоно-енисейской письменности и соответствующий нормативный тюркский, а иногда и прямо татарский язык [33; 22: 29; 32; 26; 27). Однако, совсем не факт, что использовавшие эту графику тюрки из Булгарии использовали ее для записи именно эти диалекта тюркского языка. Вполне возможно, что они говорили и писали, используя фонетические значения огуро-болгарского языка, как предполагали некоторые тюркологи и археологи [см.: 23: 35–42]. Соответственно, их чтение без проведения сопоставительных исследований не имеет и не будет иметь никакой научной ценности, основываясь лишь на субъектив-

ном мнения и грамотности того или иного автора и не может быть однозначно поддержано. Можно просто констатировать, что ни одна из болгарских надписей не имеет обоснованного с точки зрения графики и фонетики прочтения.

Пока мы можем только констатировать, есть определенное количество надписей на бытовых предметах (напрясло, ручка кувшина и т.д.), выполненных руническим письмом [21: 75–80; 24: 5–18]. Поскольку большинство этих предметов датируется в пределах XI – начала XIII вв., то следует сказать, что традиция использования в быту рунического письма сохранялась довольно долго. Причем, это была не только аристократическая, но и городская среда. Важную и значительную часть комплекса рунических памятников составляют надписи на серебряных сосудах, ставших предметом торговли с Прикамьем и Зауральем. Очевидно, что все эти надписи были сделаны еще во время использования их в тюркоязычной среде – Хазарии и Булгарии, но этот вопрос требует особого изучения.

Все это заставляет думать, что в Булгарии в этот период сосуществовало две традиции письма и, соответственно, две системы обучения. Разумеется, арабская письменность имела гораздо более серьезную поддержку государства, но и руника не была какой-то антисистемной. Краткость надписей пока не позволяет соотнести их с различными диалектами тюркского языка, бытовавших в Булгарии и сопоставить между собой, но подобная корреляция вполне возможна. Способность рунического письма сохраняться и долго сосуществовать вместе с арабской графикой в условиях довольно ортодоксального болгарского ислама, вызывает удивление. Сам по себе этот факт заставляет думать, что без поддержки элиты и непроницаемой сословной культуры подобная консервация традиционного вида письма была бы невозможна.

Следует также иметь в виду, что никаких следов руники, которая в той или иной мере развивалась в Булгарии в XI–XII вв., не зафиксировано, хотя объем письменных материалов в этот период вырастает на порядок [25: 122–135]. Можно сделать предположение, что руническое письмо было так или иначе связано с правящей болгарской элитой, которая, видимо, была практически вся уничтожена в период монгольского завоевания.

Наряду с другими евразийскими ранними государствами, болгарские правители использовали свою собственную тамгу в виде перевернутой кириллической графемы «А» – возможно, рунического знака «Б». Подобные знаки известны на монетах Болгара начала X в., предметах вооружения, гончарных клеймах и знаках на отдельно стоящих камнях в пограничной зоне [13: 18–34; 15: 148–159]. Учитывая широкую распространенность подобного знака в разных средах – государственно-политической, военно-дружинном быте, гончарном ремесле и торговле, можно говорить о том, что это была не обычная владельческая тамга, а символ правящего в Булгарии рода. Типологически и функционально подобные тамги были, очевидно, идентичны «знакам Рюриковичей» на Руси и владельческим знакам из Дунайской Болгарии, которые также, по мнению некоторых исследователей, восходят именно к тюркской рунике. Все это заставляет считать,

что Булгария имела развитую систему государственных символов, включая знак родовой собственности рода болгарских эмиров.

В начале X в. в Булгарии произошли важнейшие изменения в цивилизационном плане. Булгарская военно-служилая элита во главе с эльтебером Алмышем принимает ислам в качестве государственной религии. Около 922 г. состоялось дипломатическое признание Булгарии – она обменялась посольствами с Багдадским Халифатом. По крайней мере, с середины X в. ведущей системой письма в Булгарии становится арабская графика [8; 9; 14].

Судя, по основным сведениям, сохранившейся в арабо-персидской историко-географической традиции, ислам довольно широко распространился по стране. По их данным в этой стране в каждом поселении были мечети и медресе. Археологические материалы также подтверждают практически полную исламизацию населения, по крайней мере, на обрядовом уровне. Некоторые путешественники (ал-Гарнати) указывали на существование системы мусульманского права (шариат) и специальных городских судей (кади) [27]. Есть указание на существование особой традиции болгарского историописания [см.: 12: 99–105] и появление литературных произведений на коранические темы («Кысса-и Йусуф»). Как бы то ни было, но факт довольно широкого распространения грамотности и использования письма не подлежит сомнению. Все это указывает, что ислам и мусульманская письменная традиция играли ведущую роль в культуре.

Вместе с тем, археологических свидетельств функционирования данной системы письма сравнительно немного. Если исключить надписи на импортных предметах роскоши и бытового назначения, произведенных в странах Востока, то подобных надписей окажется сравнительно немного. В основном это отдельные прочерченные надписи на бытовых предметах и украшениях (например, на деталях конской узды [10: 48–51] или печатях [6: 87–91]). Не исключено, что основной массив письменных памятников просто не дошел до наших дней, поскольку фиксировался на недолговечных материалах.

Таким образом, можно отметить, что болгарское общество представляло собой довольно сложное этносоциальное явление, где под вуалью из ортодоксального ислама скрывались некоторые элементы сословной элитарной культуры, имевшие длительную традицию, которую подпитывала своя языковая среда и поддерживала непроницаемость сословных границ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беговатов Е.А.* Руническая надпись на пряслице с болгарского селища // Истоки татарского литературного языка. – Казань: ИЯЛИ КНЦ СССР, 1988. – С. 17–19.
2. *Беговатов Е.А.* Рунические надписи болгарских памятников // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. – Казань: Мастер-Лайн, 1997. – С. 162–164.
3. *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. – М.: Наука, 1993. – 158 с.
4. *Васильев Д.Д.* Избранные труды: в 2 т. Т.1. – М.: ИВ РАН, 2021. – 288 с.
5. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

6. *Губайдуллина А.М.* Янтарная подвеска-печать с арабской надписью из Сувара // Археология евразийских степей. – 2021. – № 6. – С. 87–91.
7. *Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период X – нач. XIII в. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.
8. *Давлетшин Г.М.* Булгарская письменность (раннебулгарский и домонгольский периоды) // Эхо веков. – 2008. – № 1. – С. 23–32.
9. *Давлетшин Г.М.* Этапы письменности тюрко-татар (на основе археологических материалов) // Научный Татарстан. – 2009. – № 2. – С. 132–145.
10. *Измайлов И.Л.* Костяная подвеска с надписью из Кураловского городища // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. – С. 48–51.
11. *Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань, Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1997. – 212 с.
12. *Измайлов И.Л.* «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. – М.: Наука, 2000. – С. 99–105.
13. *Измайлов И.Л.* «Зеленых не сочтешь там шелковых знамен...» (Символы болгарской государственности X – первой трети XIII в.) // Эхо веков. – 2009. – № 2. – С. 18–34.
14. *Измайлов И.Л.* Письменность и государственность Волжской Булгарии X–XIII вв.: комплексный анализ источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, г. Москва. 20–23 апреля 2016 г.: материалы конференции / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: ИВИ РАН, 2016. – С. 106–111.
15. *Измайлов И.Л.* Знаки-тамги как символы болгарской государственности X – первой трети XIII века // Археология евразийских степей. – 2022. – № 1. – С. 148–159.
16. *Исмагилов Н.Ф.* Надпись на бронзовой статуэтке // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. – С. 20.
17. *Казаков Е.П.* Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // Сов. археология. – 1985. – № 4. – С. 178–185.
18. *Калинина Т.М.* «Фихрист» Ибн ан-Надима (X в.) о письме и письменности некоторых восточноевропейских и западноевропейских народов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 годы: Ранние формы и функции письма. – М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2018. – С. 383–405.
19. *Кирпичников А.Н., Джанполадян Р.М.* Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале // Эпиграфика Востока. – 1972 – № 21. – С. 23–29.
20. *Кирпичников А.Н., Коваленко В.П.* Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и Татарстане) // Археологические вести. – 1993. – № 2. – С. 122–134.
21. *Кочкина А.Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра // Сов. тюркология. – 1985. – № 4. – С. 75–80.
22. *Курбатов Х.Р.* Татар әдәби теленәң алфавит һәм орфография тарихы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 139 с.
23. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.; Вост. лит., 1994. – 328 с.
24. *Кызласов И.Л.* Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. – 2000. – № 1–2 (6–7). – С. 5–18.
25. *Мухамадиев А.Г.* Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по источниковедению истории Татарии. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1980. – С. 122–135.
26. *Нуриева Ф.Ш.* Опыт исследования поволжских рунических надписей // Научный Татарстан. – 2009. – № 4. – С. 96–101.
24. *Нуриева Ф.Ш.* Поволжские рунические памятники: варианты прочтения // УЗ Таврического нац. ун-та. – 2014. – Т. 27 (66). № 3 – С. 221–228.
27. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М.: Наука, 1971. – 136 с.

28. *Старостин П.Н.* Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии // Истоки татарского литературного языка. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1988. – С. 14–16.

29. *Старостин П.Н.* Надпись на глиняном сосуде // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990. – С. 19.

30. *Старостин П.Н.* Новые находки у Подлесной Шенталы // Формы взаимодействия татарского и русского языков на современном этапе. – Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. – С. 95–101.

31. *Тенишев Э.Р.* Камень с рунической подписью из Юрина // Лингвистический сборник [в честь 60-летия В.В. Решетова]. – Ташкент: Фан, 1971. – С. 21–22.

32. *Тенишев Э.Р.* Тюркские рунические надписи Поволжья // Тенишев Э.Р. Избранные труды. Т.1. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 159–170.

33. *Хаков В.Х.* Камень с рунической надписью из деревни Сарабиккулово Лениногорского района Татарии // Истоки татарского литературного языка. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1988. – С. 12–13.

УДК 003.3

ДИАХРОНИЯ ИСТОРИИ ПИСЬМА: РУНИКА-УЙГУРИКА-АРАБИКА

В.Р. Ахметов

(Казань)

В этом труде автор показал диахронное изменение различных исторических письменных языков древних тюрков (на примере рунической, уйгурской, арабской графики), от самого появления письменности древних тюрков до времени применения татарами арабской графики. Основной объект исследования, это сохранение терминов 12-летнего календаря древнетюркского языка VIII века Центральной Азии у татар Поволжья и Урала до середины XX века.

Ключевые слова: руника, уйгурика, арабика, история письма, 12 летний календарь, татары, древние тюрки.

In this work, the author showed the diachronic change in various historical written languages of the Old Turks (using the example of runic, uyghur, arabic script), from the very appearance of the writing of the Old Turks to the time of the use of Arabic script by the Tatars. The main object of the study is the preservation of the terms of the 12-year calendar of the Old Turkic language of the 8th century of Central Asia among the Tatars of the Volga region and the Urals until the middle of the 20th century.

Key words: Runic, Uighuric, Arabic, history of writing, 12-year calendar, Tatars, Old Turks.

В истории тюркского письма есть не очень-то изученная проблема: это преемственность широко известных трех видов письменных языков: руника-уйгурика-арабика, использованная в истории предками татарского и других тюркских народов.

Если преемственность письменных традиций при переходе от руники до уйгурики и далее от уйгурики до арабика несколько исследована, например, у Э.Р. Тенишева [16, 17], то на примере татарского народа эта тема еще недостаточно раскрыта. До середины XX века татары использовали арабскую графику, и автору этих строк удалось доказать преемственность от древних тюрков к татарам, на примере фольклора, эпиграфики, нумизматики и письменного наследия на бумаге [3: 4, 5, 6: 143–147, 12: 34–39].

Основные проблемы перед проведением современных исследований это компьютеризация. Кроме руники-уйгурики-арабики, есть остальные 15 исторических видов письменности предков татар¹, эту проблему автор начал с руники, которую разрешил в 1997–1998 гг. путем создания 1) шрифтов Тузъяз² [12: 3–4]) и 2) конвертера с кириллических символов на рунические и обратно, при этом менялись не только символы, но и направление письма³. Теоретические положения были опубликованы заранее, еще в 1997 г., когда автором этих строк были проанализированы основные виды рунических писем и представлены там в виде таблицы [11: 2]. Таким образом, были выбраны формы и количество знаков, необходимых и достаточных для использования в первоначальных научных исследованиях Орхонского и Енисейского ареала древнетюркского рунического письма⁴.

Если рассматривать какие элементы письма были законсервированы в традициях и перешли на новый вид письма, то эти выбранные маркеры могут успешно показать, как исторические источники могут быть проанализированы. Вот некоторые из них:

¹ Доказательство преемственности исторических культур в основном натывается на проблемы неясности в историко-сравнительном изучении татарского языка, неясности в истории происхождения и географии происхождения, глоттогенеза татарского народа. Есть и более второстепенные вопросы, которые автор этих строк, также, решал и публиковал результаты, начиная с 1997 года [11, 2–4].

² Название «Tuzjaz» для пакета программ и шрифтов, особенно для самой древней из них: руники, автор выбрал не имея другого выбора для обозначения самой древней письменности у татар. Самая древняя письменность или источник письма упоминается в татарской пословице: «Тузга язмаганны сөйләмә» (не говори того, что не написано на «тузе»). Смысл пословицы туманна и непонятна, из-за неясности термина «туз», это «туез» береста, или «тоз» соль, или название одноименной книги. Но в народном сознании понятен лишь общий контекст: речь идет о названии самой древней и сакральной письменности у татар.

³ Компьютеризация на практике решена автором: 1) распознаванием печатной или рукописного текста на рунике и перевод его на текстовый формат на компьютере, еще в эпоху Windows 98, 2) использованием в Татарстане в печати периодики (ᠶᠢᠨᠠᠵᠢᠵᠠᠵᠤ) и для создания учебника в КФУ 2007 году (Нуриева Ф.Ш. Борынгы төрки тел. Орхон-енисей язмалары теле (VII–VIII гасырлар). – Казан: Казан ун-ты нәшрияты, 2007. – 144 б.), 3) нанесение исторических видов письма на каменных монументах Болгарского (музей письма) и Иске-Казанского музей-заповедника (стела).

⁴ В своих исследованиях автору этих строк давали импульс такие ученые, как филолог, ученик Э.Р. Тенишева (1921–2004) А.Г. Шайхулов (1945–2022), сам Э.Р. Тенишев и С.Г. Кляшторный (1928–2014), с которыми я начал общаться 1997 г., в Уфе, на международной тюркологической конференции. Они дали направление поисков, и автор поехал к известным ученым в области древнетюркской письменности, в Алма-Ату, где его тепло приняли А.С. Аманжолов (1934–2012) и Г. Айдаров (1921–2001), который оценил его труды, написав рецензию, как заслуживающую научного уровня кандидатской степени. Так, постепенно автору посчастливилось познакомиться почти со всеми мировыми рунологами, общаться и советоваться по различным аспектам своей работы. Автору предлагали стать научным руководителем Э.Р. Тенишев (в 2000 г.), С.Г. Кляшторный (в 2013 г.), А.Г. Шайхулов (в 2002 г.), Ф.М. Хисамова (1936–2018) (в 2006 г.), но, к сожалению, материальные проблемы не дали автору решимости воспользоваться их предложением. Стажировки 2013–2014 годы в ИВР РАН, в секторе Центральной Азии, где автор участвовал в инвентаризации копий рунического письма, позволили автору сравнить некоторые аспекты своих исследований с точкой зрения С.Г. Кляшторного и Л.Ю. Тугушевой, за что им выражает благодарность.

1) Направление письма¹. Автор этих строк может объяснить некоторые элементы происхождения руники китайским влиянием, что вполне убедительно, учитывая соседство в течении многих тысячелетий². Первоначальное направление рунического письма сохранилась в самых древних текстах, уверенно датированное 731 и 734 годами соответственно, и это направление письма – китайское³. Известна одна арабографическая надпись из городища Булгар, имеющая направление письма, как на уйгурском⁴.

2) Направление символов. Для рунического и уйгурского письма, направление символов не менялся⁵.

3) Перебои в орфографии или борьба диалектов и говоров за место в литературном языке. В первых текстах рунических памятников 731 и 734 годов, существует больше слов, написанных на разных орфографиях

¹ Происхождение рунического письма до сих пор не нашло аргументированного объяснения, хотя существуют различные теории, на которые в рамках этого небольшого труда невозможно останавливаться. Влияние на происхождение руники, вероятно, оказали несколько видов письма, также имеются и незаимствованные самостоятельные источники.

² Если это предположение верно, то первоначально рунические тексты брали китайскую письменную традицию, поэтому их направление справа налево и сверху вниз. Следующий за руникой уйгурское письмо заимствовало только направление письма сверху вниз. Тогда это значит, что процесс над выбором направления письма и усовершенствованием руники даже в VIII веке еще не была завершена. В то же время, имеются идеи и сведения о более древнем происхождении руники.

³ В этом случае, енисейские памятники рунического письма имеют позднюю хронологию, чем орхонские. Среди них встречаются смешанное направление письма, по-другому, бустрофедоном (про хронологию появления руники есть различные теории, на которые в рамках короткой статьи нет возможности остановиться). После которых появляются памятники письма с направлением письма, ставшие прообразом для уйгурского. Вариант направления вертикально стоящих памятников при горизонтальном положении (Например, надписи Сулекские, из Кёк кая, из Тогыс ас и народа чиков и другие, их уверенно следует отнести к горизонтальным). Это направление рунического письма, свойственная всем семитским видам письменности, как уйгурская, арабская, арамейская. К нему же относятся и надписи по кругу (например, из Копёнского чаатаса и монета из Каптырева). В книжном исполнении надписи такого же направления, например, в Ырк битике 945 года. Эти фазы развития руники, фаза выбора и эксперимента направления письма произошли во время Второго тюркского каганата (682–745 гг.). После него, во время уйгурского каганата и поздних уйгурских государств, направление рунического письма совпадает с появившимся уйгурским письмом.

⁴ Памятник со строками сверху вниз и слева направо (4 строки), затем из-за размеров камня, надпись продолжена как привычная арабографическая (2 строки). Она на болгарском языке и не датирована, учитывая конец болгарского языка 1350-ми годами, надпись может быть уверенно датирована на таком диапазоне лет (1288–1357 гг.) [11: 99–120] и это время, когда использовался как уйгурика, так и арабика, и жил болгарский язык [18: 162–163; 19: табл. 38; 13: 47–48]. Причем, если в издании Хакимзянова Ф.С. [18: 162–163] фото не очень четко воспроизводит один элемент письма, то у Малова С.Е. четко прочерчена тамга [13: 48], что редкость для памятников Золотой Орды и Казанского ханства в Поволжье. Это подчеркивает нетипичность данного явления интерференции двух видов письма и уйгурики и арабики, да еще с тамгой, условно трех видов письменности. Другая нетипичная черта: палеография арабских символов насечены на камень похожими на уйгурские символы. Пропорция межстрочного расстояния и высоты символов также указывает на влияние уйгурской графики.

⁵ Но сохранился единственный документ рунического письма, где символы повернуты на минус 90 градусов и точно как в китайской письменности (причем, направление письма также сверху вниз). Вероятно, памятник такого письма возник под прямым влиянием китайского письма, произошло в период параллельного сосуществования и руники и уйгурики, и относится ко времени угасания традиций, исчезновения самого рунического письма.

письма или под влиянием устных диалектов¹. Самое позднее применение уйгурского письма в татарской географии татарских государств, то пример ярлыка Тохтамыш хана (1393–05–20)² и Тимур Кутлуга (1398–04–24). Как видно, что руническое письмо, что уйгурское от самого начала до конца своего существования, имели эту проблему орфографии S/Š³. Живые тюркские языки с S/Š диалектами, тысячи лет поддерживали живучесть этого перебоя. Но в арабском письме перебоя S/Š не встречается, кроме одного случая в начале XX века⁴.

4) Гласные. Существует рунические тексты (датируемые как поздний период угасания руники), которые используют больше гласных, поэтому приближаются к нормам потребления гласных других письмен. Такое явление можно назвать обратным влиянием новых традиций нового типа письма (уйгурики) на старое, традиционно-консервативное (рунику).

В свою очередь, то же самое можно сказать про обратное влияние арабского письма на уйгурское письмо, когда писался Каирский и Венский список Кутадгу билик⁵.

¹ Особенно интересен перебой гласных S/Š, который на последующих памятниках стабилизируется как символ Š (если не считать позднее по времени граффити «Сакйамуни бурхан», хотя тут S/Š перебой можно объяснить как транслитерацией санскритского письма на руническую). Это явление может быть объяснено тем, что создатели письма имели S или Š диалект разговорного языка, как на древнетюркском, так и на древнекитайском. В то время, китайский язык имел S-диалект, который только через несколько столетий сменился на Š диалект. На эту тему у автора с Э.Р. Тенишевым состоялась дискуссия в 2000 году, в результате которого выяснилось сходство позиций как основа, в то время будучи знаком с его статьей на эту тему [16, 17] и воспользовался возможностью задать ему прямой вопрос. Следует учитывать, что эти памятники были изготовлены китайцами. Третий по величине недатированный памятник Тонйокуку, мог быть создан позже и имеет S-диалект древнетюркского и надо учесть, что сам автор знал тогдашний китайский язык (тоже с S-диалектом). Кроме того, в уйгурском и арабском письме, графическая передача S/Š близка, в обоих первоначально пишется символ S, даже для написания Š. Поэтому, для удобства, при быстром письме, точки по умолчанию могли и не ставить, поэтому письмо с Š языком легко мог превратиться в S-язычное.

² Тохтамыш хан, сам жил на территории современного Казахстана и Каракалпакстана, народ которого до сих пор представляет собой S-диалект тюркских языков, если выразиться точнее, S-язык.

³ Встречаются реже в рунических текстах и другие диалектные особенности, например перебой Š/Š̄. Если в уйгурике они не встречаются, но в татарских арабографических текстах изредка как диалектное влияние разговорного языка они имеются. Есть целые географические регионы, рукописи откуда сохранили этот оттенок. Например, как термин 12 летнего календаря написание термина «Сычкан», как «Шычкан». Для более глубокого изучения данной проблемы, не достаточно сохранились рунические тексты древнетюркского языка, а вот архивы с арабографическими тексты татарского языка, доступны лишь для служебного пользования, что тормозит научные исследования татарского языка с момента их собрания в советское время и ныне в постсоветское время.

⁴ Реформы арабского письма в начале XX века, после создания в 1912 году Ахметом Байтурсуновым (1872–1937) варианта письменного языка казахов на арабской графике (төте жазу) адаптировав к фонологии устного языка. В медресе Галия в Уфе в 1914 дискуссия с его участием о необходимости разрушения общетюркского литературного языка путем создания письменных языков на основе разговорных языков поддержал учитель Галимджан Ибрагимов (согласно воспоминаниям С.Кудаша, а также материалов дискуссии в газетах «Қазақ» и «Вақыт»).

⁵ Более короткий пример, стих на керамике, найденное в золотоордынском городе Сарайчик, от чего следует такой же вывод. Автором этих строк, эта эпиграфическая надпись на керамике была исследована на месте хранения 2015 году, что позволило дополнить прочтение Самойлович А.Н. [15: 38–47].

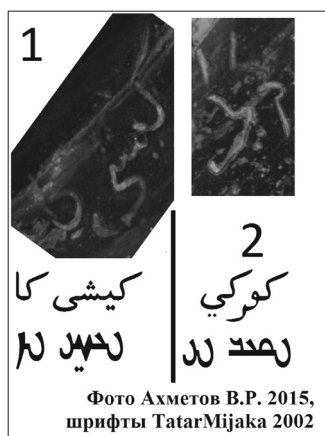

Рис. 1. Стих из караханидского Кутадгу Билиг в золотоордынской керамике. Показ примера влияния на пробелы по законам уйгурского письма на арабское: 1) «кеше-кә», 2) «күр-ке».

5) Пробелы в графическом оформлении.

Поскольку руника не является курсивом и его символы слитно не пишутся, данный маркер исследования справедлив для сравнения перехода уйгурики в арабику или обратно.

Самыми яркими примерами являются немногочисленные сохранившиеся ханские ярлыки времен Золотой Орды Тохтамыша и Темир Кутлуга [12], Казанского ханства копия от Ибрагим хана [2]. Примеры пробелов¹ в ярлыке Тохтамыша за 1380 год².

6) Устойчивые словосочетания, изафеты, созданные при предыдущей письменности³ и перешедшие из руники в уйгурику, из уйгурики в арабику. Особенно заметны стиль юридических документов, указов правителей, перешедшие от уйгурики в арабику⁴. **Квадратная печать** татарских ханов, это уже китайское влияние⁵, где тамгу

¹ 2010 году, автором для этой цели были изучены в Крыму ханские ярлыки и письма. Заодно выяснилось, что после исследований 1974 г. М.А. Усмановым (1934–2010), они не изучались.

² Пробелы у Тохтамыша: «тәмәне-нен» (строка № 3), «мөфти-ләрәң» и «мәшәйех-ләрәң» и «беткече-ләрәң» (строка № 4), «хажи-га» (строка № 6), «Сөткүл-гә» (строка № 8) и прочие. Согласно правилам арабского письма, там не нужны пробелы. Когда ярлык написан и на уйгурике и рядом на арабике (как в ярлыке Тимур-Кутлука 1398-04-24), то надпись на арабской графике вспомогательная, поэтому подчиняется закономерностям пробелов уйгурского письма. Возможно, сопровождение уйгурики арабикой стала еще одной причиной появления подобной традиции неправильных пробелов на арабской графике высокого стиля феодального класса. Пример частого деления на пробелы: «замандин», «тәгермән-ләрә-гә», «нәмә-ләрә-не» у Тимур-Кутлуга по И.И. Березину [12: 19]. Пробелы в уйгурике чаще могут ставить, из-за художественной красоты письма, чаще чем на арабике, что еще раз указывает на большую близость уйгурики к китайской традицией каллиграфии, чем арабская.

³ Э.Р. Тенишев выделяет такие «некоторые стилистические черты тюркского рунического койне» [16: 165] поэтические формулы, ораторские, правовые, обиходные, стилистически окрашенная лексика. Вслед за Самойловичем, он считает уйгурику: «второе письменное койне в истории тюркских языков – сыграл в дальнейшем огромную роль в формировании других тюркских книжно письменных койне – литературных вариантов» [16: 171]. Следуя такой же логике, арабику можно считать третьим большим письменным койне. «Второе письменное койне в истории тюркских языков – сыграл в дальнейшем огромную роль в формировании других тюркских книжно письменных койне – литературных вариантов».

⁴ 1) Сами названия документов у уйгур йарлык и битик; 2) в разделе intitulatio «сүзүм» во всех известных ярлыках: Тохтамыш хана 1380, Тимур-Кутлук хана 1398-04-24, Ибрагим хана (1467–1479) и прочее, оставлять 2–3 строки без надписи после этого раздела; 3) юридические термины: албан, калан, салык, ясак, төтөн, олак, согласно исследованиям Melek Özyetgin; 4) но следует выделить и термины, перешедшие из тюркского языка в монгольский и обратно, например, «өлөш», и уже от монгол перенятое «олос», снова для подобного искажения произношения и орфографии, причиной могло быть устные S/Ş диалекты носителей письма и особенности написания рунического, уйгурского и арабского письма, а также письменные традиции.

⁵ Тюркские печати с тамгами были в домонгольских уйгурских юридических документов.

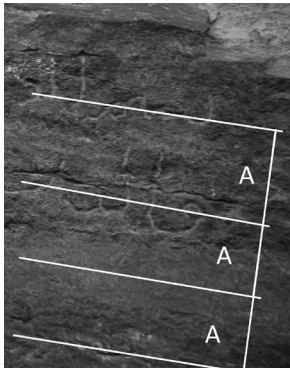

Рис. 2. Карсакпайская эпитафия Тимура, 1390–1391 гг. Фото В.Р. Ахметова, 2006-05-12. Где, А – примерное межстрочное расстояние между двумя первыми строками intitulation и две строки между ними и начальной строкой текста на уйгурике.

Рис. 3. Монеты. Три примера.

заменяли на куфический стиль арабского письма, хотя тамги изредка продолжают там устанавливаться (например, в Крымском ханстве).

7) Посетительские надписи. Традиция была больше в рунике, а на уйгурике меньше, на арабской еще меньше. Карсакпайскую надпись Тимура (см. рис. 2) автору этих строк удалось изучить на месте¹. Вот этот случай, по описанию в своей статье И.М. Миргалеевым² [14: 121].

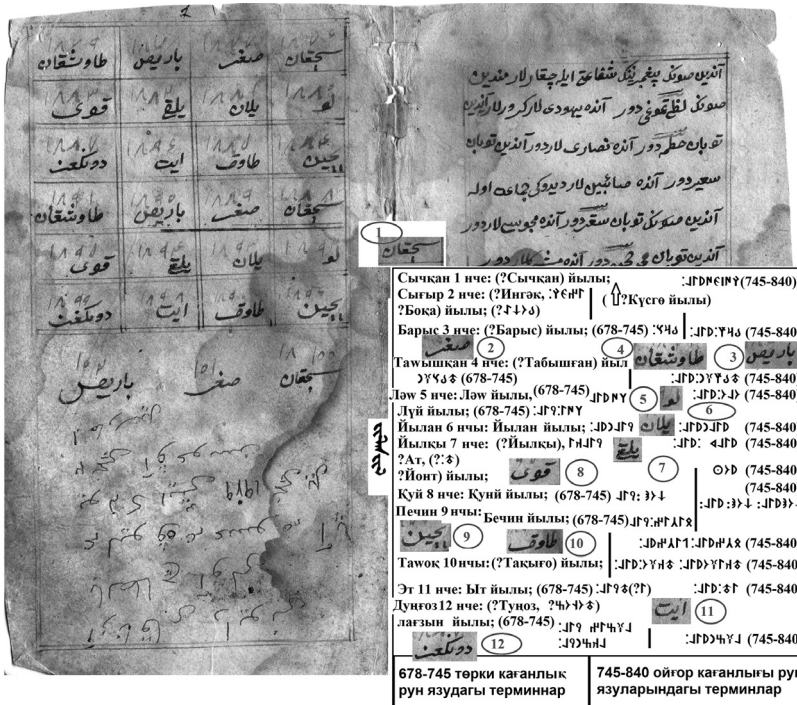
8) Надписи на монетах: на арабике и уйгурике (см. рис. 3).

9) Термины. Они были достаточно полно исследованы автором 2007–2023 гг., особенно термины 12 летнего календаря. Ценно для подтверждения диахронного развития истории письменностей, сохранение орфографии при переходе из одной системы письма на другую (по принципу транслитерации). Сравнение терминов 12 летнего календаря в руническом написании в VII–IX вв. и уйгурского VIII–XVIII вв. и арабографического написания у татар до середины XX века. Ниже приведем для примера извлечения из трудов автора [3: 4, 5, 6: 143–147, 11: 34–39]:

Древнетюркские рунические надписи (678–745 гг.): № 1: (?Сычқан) йылы, (?Күсгү); № 2: (?Ингэк, ?Бока); № 3: Барыс; № 4: Табышған; № 5: Ләw, Лүй; № 6: Йылан; № 7: Йылкы, (?Ат, ?Йонт); № 8: Кунй; № 9: Бечин,

¹ Надпись Тимура 793 г.х. (1390–12–16 по 1391–12–05), была выставлена в Казани 2006 году и в мае эту выставку убрали и готовили увозить. Автор этих строк, случайно посетил эту выставку и увидев эту важный исторический памятник письма, сразу же добился разрешения его внимательного осмотра и фотофиксации у Марка Крамаровского. Надпись была на арабской и уйгурской графике.

² «Данный камень был привезен в Казань в 2005 году в составе экспозиции Эрмитажа и с позволения музейных работников нами изучен. Благодаря такой возможности, я, А.Г. Мухамадиев и аспирант М.И. Ахметзянова, прекрасно владеющим уйгурской и рунической письменами В.Р. Ахметов совместно выписали надпись», «В.Р. Ахметов все досконально переписал, он прекрасно владеет уйгурским письмом. Он тогда не подтвердил прочтение слова булгар» [14: 121]. Изучение на месте, дало много интересного материала по истории.

Татарстан ФА ИЯ.ЛИ архивынан 12 еллык татар календаре, 19 июз уртасы, Азнакай районында сакланган. Скан һәм рун язуды таблицаны Әхмәтов В.Р. ясады.

Рис. 4. Факсимиле арабографической рукописи 12 летнего календаря на татарском языке [1].

Печин; № 10: (?Тақығу); № 11: Ыт; № 12: Лағзын, Лакзын, (?Тунуз); **Уйгурские рунические надписи (745–840 гг.):** № 1: Күсгү йылы; № 2: (?Ингәк, ?Боқа); № 3: Барыс; № 4: Табышған; № 5: (?Ләw), Оло; № 6: Йылан; № 7: Йылкы, (?Ат, ?Йонт) йылы; № 8: Куй; № 9: Бечин; № 10: Тақығу; № 11: Ыт; № 12: Лағзын (?Тунуз); **Татарские арабографические на бумаге:** № 1: Сычкан; № 2: Сығыр; № 3: Барыс; № 4: Тавышқан; № 5: Ләw, Лү; № 6: Йылан; № 7: Йылкы; №8: Куй; № 9: «Бечин **بچين**», «Печин **پچين**», «Мечин **مچين**» йылы; №10: Тавук; № 11: Эт; № 12: Дунуз йылы; **Татарские эпиграфические:** № 1: Сычкан йылы; № 2: Сығыр; № 3: ?; № 4: Тавышқан; № 5: Ләw; № 6: Йылан; № 7: Йылкы; № 8: Куй; № 9: ?; № 10: Тавык; №11: ?; № 12: Дунгуз йылы;

Таким образом, в татарской культуре и языке XX в., имеются достаточно доказательств преемственности наследия древнетюркского периода² VIII в., которая подтверждается при диахронном исследовании на примере некоторых видов исторического письма предков татарского народа по цепочке руника-уйгурика-арабика.

¹ На татарской эпиграфике: 1059 х. (1649 г.) «Сычкан» и «Сығыр» [10: 36–37], 1062 х. (1652 г.) «Ләw» [10: 36–37], [8: 203–205], 1069 х. (1658–1659 гг.) «Дунгуз» [4: 76, 9: 148, 10: 88], 1086 х. (1675–1676 гг.) «Сычкан» [10:36], (1677–78 гг.) «Йылкы» [4: 76, 9: 148; 10: 91], (1679–80 гг.) «Тавык» [9: 93], (1688–89 гг.) «Йылан» [9: 108], (1689 г.) «Куй» [9: 68], (1692 г.) «Сығыр» [9: 114], (1736 г.) «Тавышқан» [9: 177, 258].

² Термины 12-летнего календаря на уйгурской и на других видах письменности, в связи их фрагментарностью, а также и географической и хронологической разбросанностью, автор не счел нужным сравнивать здесь из-за ограниченного объема этой статьи.

На его фоне сравнение орфографий рунического написания для тюркского (678–745 гг.) и уйгурского (745–840 гг.) государств. Используются авторские шрифты и пакеты компьютерных программ Ахметов В.Р. 1997–2023 © Tuzjaz-2.0, пакет шрифтов TatarMijaka-2002¹, для исследования татарских и тюркологических текстов на 15 видах исторического письма татар на рунике, уйгурике, арабике и прочих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Центр письменного наследия Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова АН Татарстана. Колл. 39, оп. 1, ед. хр. 5163.
2. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1173 Уфимская приказная изба, оп. 1, д. 196, л. 1. Ярлык хана Ибрагима, Казанское ханство.
3. *Akhmetov V.R.* Tatar calendar based on epigraphy, manuscripts, folklore, numismatics // The Second International Scientific Session The historical heritage of Tatars. Program. – 2010. – 10. 06-09. Constanța, Romania. – P. 4.
4. *Ахметзянов М.И.* О лексике татарских эпитафий 17–18 вв. // Историко лингвистический анализ старописьменных памятников. – Казань, 1983. – С. 75–83.
5. *Ахметов В.Р.* Термины 12-летнего календаря у современных татар, как один из источников для изучения древнетюркских рунических памятников // Итоговая годичная конференция 2013-12-05 Института Восточных Рукописей с докладом в Секторе Центральная Азия по 12 летнему календарю http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=3424&Itemid=48
6. *Ахметов В.Р.* Тюркский календарь по материалам татарской эпиграфики и рукописей // Отандык түркология: мәселелер, изденістер, нәтиже (Л.Н.Гумилев атындагы Еуразия ұлттық университетінде 2007 жылдың 2 маусымында өткен халықаралық ғылыми-теориялық конференцияның материалдары). – Астана: ЕҰУ, 2007. – Б. 143–147.
7. *Әхмәтҗанов М.И.* Касыйм шәһәрәндәге татар дәрбәләре // Татарская археология. – 2006. – № 1–2 (16–17). – Б. 197–217.
8. *Әхмәтҗанов М.И.* Татар кулъязма китабы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 270 б.
9. *Әхмәтҗанов М.И.* 17–18 гасыр татар ташбилгеләре. – Казан, 2011. – 260 б.
10. *Әхмәтҗанов М.И.* Болгар теленәң язмышы (эпиграфика материаллары буенча) // Татар археологиясы. – 1998. – № 1 (2). – Б. 99–120.
11. *Әхмәтов В.Р.* 12 еллык татар жәнлек календаре язма һәм тел чыганақларында // Безнең мирас. – 2018. – № 1. – Б. 34–39. *Әхмәтов В.Р.* Туз язү // Безнең юл. **ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ** – 1997. – № 2. – Б. 2–4.
12. *Березин И.И.* Тарханные ярлыки Тохтамышы, Тимурь-Кутлука и Саадеть-Гирея. – Казань: Издание Казанского Университета, 1851. – 56 с.
13. *Малов С.Е.* Булгарская и татарская эпиграфика // Эпиграфика Востока. – 1948. – Выпуск 2. – С. 40–48.
14. *Миргалеев И.М.* Надпись Аксак Тимура: несколько замечаний по прочтению // Золотоордынская цивилизация. – 2009. – № 2. – С. 121–127.
15. *Самойлович А.Н.* Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика / А.Н. Самойлович // ЗВОРАО. – 1913. – Т. 19, вып. 1. – С. 38–47.
16. *Тенишев Э.Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turkologica. – 1976. К семидесятилетию акад. А.Н. Кононова: сб. статей. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – С. 164–172.
17. *Тенишев Э.Р.* Перебой S/Ş в тюркских рунических памятниках // Структура и история тюркских языков. – М.: 1971. – С. 289–295.
18. *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники волжских булгар и их язык. – М.: Наука, 1987. – 101 с.
19. *Юсунов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М.-Л.: Издание Академии Наук, 1960. – 183 с.

¹ В качестве благодарности: все исследования и создание пакета компьютерных программ и шрифтов разработки текстологии независимого исследователя, Ахметов В.Р., были проведены собственными средствами и ресурсами в течении 1997–2023 годов.

УДК 003.332.5

АРАБСКОЕ ПИСЬМО В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.А. Тимерханов

Академия наук Республики Татарстан (Казань)

Арабское письмо в контексте европейской цивилизации по разному проявилось на западе и востоке континента. В средние века достижения ученых мусульманского мира переводились на латынь. Европейские учёные, стремившиеся быть в курсе научных достижений мусульманского Востока, учили арабский язык, признавая его языком науки. В России царские указы и государственные законодательные акты публиковались на арабской графике на татарском языке.

Ключевые слова: арабская письменность, европейская цивилизация, восточная цивилизация, арабский язык, арабская графика, татарский язык.

Arabic writing in the context of European civilization manifested itself differently in the West and East of the continent. In the Middle Ages, the achievements of scientists of the Muslim world were translated into Latin. European scientists, who sought to keep abreast of the scientific achievements of the Muslim East, studied Arabic, recognizing it as the language of science. In Russia, royal decrees and state legislative acts were published in Arabic script in the Tatar language.

Key words: Arabic script, European civilization, Eastern civilization, Arabic language, Arabic graphics, Tatar language.

Письменность европейской цивилизации, вступившей в третье тысячелетие своего развития, сегодня использует два алфавита: латинский и кириллический. Однако народы Европы на разных этапах своей истории использовали и другие алфавиты, в том числе арабскую письменность, которая в разных частях европейского континента имела исторические особенности распространения и влияния на европейскую культуру, науку и технологии. В своём выступлении хочу обозначить, где-то напомнить некоторые особенности этого процесса. Они в целом хорошо известны узким специалистам, вместе с тем важны и для понимания контекста сегодняшнего проекта, призванного обозначить общее и особенное в методике изучения текстов, документов и кодексов, которые составлены на графиках, использовавшихся в Европе.

Как известно, появление арабского письма связано с возникновением и распространением ислама. Разработка письма во много была обусловлена необходимостью письменной фиксации арабского текста Корана.

Стремительное расширение территории халифата и огромный приток новообращенных мусульман, для которых арабский язык не был родным, выдвигало на первый план задачу научить их переписывать и читать Коран без ошибок. В этих условиях к разработке графики и грамматики арабского языка подключились и филологи неарабского происхождения. Так, одной из

наиболее удачных лаконичных грамматик арабского языка была предложена среднеазиатским математиком Мухаммадом ал-Хорезми (ок. 783 – ок. 850).

Феноменом мусульманской цивилизации стало создание именно удобной графики и хорошо структурированной грамматики арабского языка уже в начале правления Аббасидов (с VIII в.). С этого времени полиэтническое население мусульманского государства вошло в число письменных народов Ближнего Востока, тесно связанных с письменной традицией Античного мира. На огромной территории от Индии до Испании, от Йемена до Поволжья арабский язык становится языком науки и делопроизводства, выражаясь в современных категориях, – государственным языком; хотя простой народ продолжал говорить на местных языках и диалектах.

При аббасидах проводится огромная работа по переводу на арабский язык научного наследия античности с сирийского, арамейского, древнегреческого, древне-персидского и индийских языков. В этой работе принимали участие ученые, исповедовавшие разные авраамические религии. Благодаря переводам на арабский язык до нас дошли тексты трудов античных авторов, а многих из них на языках оригиналов были утрачены. В эпоху Возрождения труды некоторых древнегреческих мыслителей были переведены с арабского на латынь. Надо иметь в виду и то, что для перевода на арабский язык отбирались совсем не случайные произведения античных авторов, а значимые с точки зрения научной аргументации источники. Например, при переводе важных в навигации морских лоций (т.е. разъяснений навигационных особенностей) предпочтение отдавалось индийским, поскольку греческие лоции имели погрешность в полградуса – такая, казалось бы, незначительная погрешность грозила морским путешественникам большими ошибками. Более того, учёные халифата не ограничивались просто переводом, а продолжали дальнейшую разработку многих научных направлений. Например, математики халифата, усовершенствовав графику индийских цифр, ввели в научный оборот известные нам как «арабские» цифры десятичной системы (вместо римских). Сегодня мало кто помнит, что слово «цифра» в переводе с арабского значит «ноль». Развитие математики стимулировало развитие очень многих прикладных направлений в сфере техники и технологии. Например, математические расчеты легли в основу создания изысканных по красоте и изяществу архитектурных сооружений на всём пространстве огромного халифата (разница видна при сравнении Собора Св. Софии / мечети Айа Сафия и мечети султана Ахмада, расположенных на одной площади в Стамбуле).

До сих пор поражает сознание высокий уровень развития медицины в мусульманском мире. Строились огромные лечебные комплексы, объединявшие лазарет, аптеку, учебные классы для будущих врачей и фармацевтов. Кстати, впервые практику карантинных зон при эпидемиях также ввели мусульмане. Что особенно важно, развитие медицины находило выражение и в создании трудов по хирургии, офтальмологии, фармакологии, которые переводились на европейские языки, поначалу на латынь. Помимо широко известных трудов Авиценны и Разеса, на латынь был переведён тридцатитомный труд андалусского врача Абу-л-Касима

аз-Захрави *Albucasis*¹ (936-1013) «Ат-Тасриф». Раздел о хирургии этого труда в течение 500 лет оставался важнейшим пособием для практикующих врачей Европы. Безусловным преимуществом данного труда было то, что он содержал графические изображения хирургических инструментов, геометрия которых до сих пор не меняется (меняется материал, из которых делают скальпели, пинцеты и др.). Доктор из Амасьи Шараф ад-дин Сабунчи-оглу составил большой иллюстрированный труд по хирургии на староосманском языке. Уже в средние века врачи халифата оперировали катаракту и другие глазные болезни.

Кроме того, на арабском языке писали свои сочинения иудейские и христианские богословы. В связи с этим отметим и такой факт, что современная арабистика в Европе зародилась в дополнение к гебраистике (еврейская филология – иврит) с целью изучения библейских текстов, о которых много трактатов написано на арабском языке.

Переводы с арабского на европейские языки выполняли сами европейцы, преимущественно выходцы из пограничных территорий: Андалусии, Сицилии и др. Более того, надо иметь в виду, что в средневековой Европе, где языком науки была латынь, среди учёных было нормой и обычным явлением и знание арабского – второго в Европе языка науки.

В современной России примерно седьмая часть населения исповедует ислам, и в недавнем прошлом использовало арабское письмо не только для написанных по-арабски религиозных произведений, но и для своих национальных языков.

Казанские татары – один из первых мусульманских народов, интегрированных в состав растущего российского государства в середине XVI века. Казанские татары, предки которых были знакомы с исламом ещё до его официального принятия в 922 году, хотя и находились на периферии мусульманского мира, в полной мере оказались в культурном и научном пространстве ислама.

За свою историю татарский народ трижды прошёл смену графики: с принятием ислама руническое письмо было вытеснено арабским, которым наши предки пользовались более тысячи лет; в советское время примерно пять лет использовался модернизированный вариант письма на арабской графике – слоговое письмо, известное как «яналиф» (новая азбука); в 1927–1939 гг. использовалась латинская графика; с 1939 года – кириллическая.

В болгарский, золотоордынский и ханский периоды своего развития татарские интеллектуалы создавали научные и литературные произведения как на арабском, персидском, так и на старотатарском языках, о которых мы знаем как по физически сохранившимся источникам, так и по упоминаниям в арабо-мусульманской библиографической литературе.

¹ Альбукасис написал 30-томный труд «*ат-Тасриф*» с главами, посвящёнными хирургии, медицине, офтальмологии, ортопедии, фармакологии, одонтологии, питанию и др. В XII веке «*ат-Тасриф*» был переведён на латинский язык и иллюстрирован Герардом Кремонским.

Уникальным примером классики старотатарской литературы является поэма «Сказание о Йусуфе» (Кысса-и Йусуф) автора Кул Гали, написанная незадолго до монгольского нашествия на Булгар. Поэму условно можно рассматривать как мусульманский извод (разновидность текста рукописного памятника) авраамической песни об Иосифе прекрасном. Это популярная в тюркском мире поэма, особенна тем, что только в татарском письменном наследии она представлена более чем 300 (триста) рукописными списками (хранятся в разных собраниях России) и многочисленными казанскими изданиями. В книжных собраниях других тюркских народов такого количества рукописных списков поэмы нет.

К отмечавшемуся в прошлом году 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией был подготовлен и издан в Москве в издательстве «Наука» религиозно-философский трактат учёного-мыслителя первой половины XII в. Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини «Зухрат ар-рийад...» (= Красота садов и утешение страждущих душ)¹. Этот труд ученика известного учёного-богослова Хамида ал-Булгари из Булгара представляет собой назидания мусульманам, построенное как толкование аятов Корана хадисами – классический приём мусульманской литературы. Это сочинение ас-Саксини на арабском языке известно в тридцати списках, хранящихся в собраниях Ближнего Востока и Европы (в том числе в Казани – 1 экземпляр, в Петербурге – два). Самый ранний список сочинения, датированный 1329-м годом, хранится в стамбульской библиотеке «Сулейманийя». Эта география подтверждает оценку признанного османского историка арабской литературы, автора библиографического сочинения Хаджи Халифы (Кятиб Челяби, 1609–1657): «Зухрат ар-рийад...» ас-Саксини очень популярно, но не включено в «Кутуб ас-ситта» (шесть книг), т.е. не вошло в число канонически выверенных основных сборников хадисов, представляющих сунну Пророка.

Признание в мусульманском мире получили труды фармаколога начала XIII в. Тадж ад-Дина ал-Булгари. Арабские историки медицины приводят разные оценки его деятельности. Ему принадлежит три написанных по-арабски сочинения по фармакологии: «Ал-Адвиййа ал-муфрада» (Простые лекарства), «Мухтасар фи-л-адвиййа» (Краткое изложение о простых лекарствах) и «Ат-Тирйак ал-кабир» (Большое противоядие). Последнее сочинение – кульминация профессиональной деятельности Тадж ад-дина ал-Булгари, подтверждающее его высокий профессионализм. Антidot – универсальное противоядие – удавалось составить только фармакологам, имевшим большой успешный опыт врачевания. Списки этих сочинений удалось найти в собраниях рукописей библиотек Турции и Ирана.

В Казани арабографические рукописные собрания сосредоточены в Центре письменного наследия ИЯЛИ АН РТ, Отделе редких рукописей и книг Научной библиотеки К(П)ФУ, Национальной библиотеки РТ,

¹ Сулейман ибн Дауд ас-Саксини. Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад = Красота садов и утешение страждущих душ / Авт.-сост. : И. Г. Гумеров, С. Т. Рахимов, А. М. Ахунов; рук. проекта А.А. Тимерханов; под науч. ред. И. Г. Гумерова. – Болгар: Болгарская исламская академия, 2022. – 704 с. Издание состоит из трёх томов: 1 том – факсимиле арабского текста, 2 – перевод на русский язык, 3 – перевод на татарский.

Государственном архиве РТ, а также в меньших количествах – в Национальном музее РТ, Библиотеке Казанского научного центра РАН и др. Общее число кодексов превышает 25 тысяч (?) единиц хранения. Главная особенность этих собраний в том, что они содержат рукописные книги, созданные и собиравшиеся татарскими интеллектуалами. Кроме того, татарские рукописи составляют значительную часть арабографических собраний Москвы и Петербурга. Например, начало коллекции восточных рукописей Восточного факультета Петербургского университета положили рукописи, поступившие вместе с Восточным разрядом, переведённым в 1855 году из Казанского университета. Треть современного арабографического собрания Института восточных рукописей РАН составляют рукописи, собранные в Поволжье во время археографических экспедиций 1933–1934 годов, а также частных собраний татарских археографов Сайида Вахида (1887–1938) и Вали Забирова (1897–1937), передавших их Институту до Отечественной войны.

Одна из характерных черт многогранного понятия мусульманской культуры – это библиофильство – исключительная любовь к книге – важнейшему средству накопления, хранения и передачи опыта, выраженного в слове. Оно в полной мере нашло воплощение в книжной культуре казанских татар. Татары сами создавали рукописные книги: не только копировали труды известных авторов, но писали и свои произведения. Татарские интеллектуалы имели вкус и к собиранию особо ценных книг. Как показывает обзор редких рукописей казанских собраний, коллекционеры руководствовались следующими критериями: древность списка, редкость сочинения, полнота текста сочинения, красота оформления рукописи.

Рукописные книги всех арабографических собраний содержат сочинения, написанные на арабском, тюрко-татарском и персидском языках. Большая часть сочинений в этих рукописных книгах представляет списки хорошо известных трудов, копировавших в рамках мусульманского образования.

В России арабографическое письмо существовало не только в практике мусульманского сообщества. Здесь, видимо, надо иметь в виду дипломатическую переписку Посольского приказа, а затем Министерств иностранных дел Российской империи. К документальному делопроизводству на арабской графике было допущено составление метрических книг для татарского населения. К тому же, в России татарский язык был своеобразным *lingua franca*, которым пользовались не только путешественники (например, Афанасий Никитин), но и многочисленные купцы, выезжавшие в Среднюю Азию, Туркестан и другие страны Востока.

Не случайно во время персидского похода Пётр I подготовил Манифест к народам России на татарском языке.

На татарском языке на арабской графике были опубликованы Уложения законов Российской империи и многие другие документы.

Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (Мирасханэ) располагает комплексом памятников на арабской графике. Коллекция арабографических кодексов насчитывает более восьми тысяч единиц хранения. Большую часть рукописей составляют сочинения на татарском

языке, вторую группу по численности составляют сочинения на арабском языке. Чуть более тысячи списков – сочинения на персидском языке. Собрание сформировано благодаря деятельности археографических экспедиций, работавших многие годы и продолжающих работать в районах Татарстана и других регионах России, где исторически компактно проживают татары. Старейшие рукописи собрания, датируемые XIII–XVI вв., преимущественно поступили из личных библиотек Сайида Вахиди и Ахмад-хади Максуди, интересные рукописи получены из библиотеки мечети Ш. Марджани.

Подготовлен каталог персидских рукописей в трех книгах, каталог Коранов из собрания Центра. Успешно функционирует электронный портал Центра «Miras.info», где представлены для широкого круга пользователей часть арабографической рукописной коллекции. Также ведется работа по дальнейшей каталогизации рукописей собрания. Исследуются рукописи сочинений татарских авторов, издаются их переводы. Тюрко-татарские рукописи востребованы специалистами Казахстана, Узбекистана, Азербайджана и стран дальнего зарубежья.

УДК 003.332.5

**ОБЕРЕГАЯ МИРОВОЕ НАСЛЕДИЕ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМЕНИ АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ПО СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
АРАБОГРАФИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ**

Б.А. Абдухалимов

Академия наук Республики Узбекистан (Ташкент)

Обладая одной из наиболее значимых коллекций рукописных и литографированных источников в мировом масштабе, Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан занимает важное место в реализации государственной политики Узбекистана по сохранению и популяризации арабографических манускриптов. В данной статье приводятся общие сведения о репертуаре источников, хранящихся в Институте, и различных направлениях деятельности этого учреждения – от масштабных археографических экспедиций, проводимых на территории Узбекистана, до создания уникальных музейных экспонатов, демонстрирующихся на международных выставках. Кроме того, в статье подчёркивается, что на пространстве СНГ столицы Узбекистана и Татарстана, по-видимому, обладают наиболее богатыми и многочисленными коллекциями арабографических манускриптов. Именно это обстоятельство может стать одной из прочных основ для многогранного сотрудничества профильных академических учреждений Казани и Ташкента и плодотворного взаимного научно-культурного обмена.

Ключевые слова: арабографические рукописи, государственная политика по сохранению и популяризации культурного достояния, Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан, археографические экспедиции, реставрационная лаборатория.

With one of the most important collections of manuscripts and lithography sources in the world, the al-Biruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan plays a significant role in the implementation of Uzbekistan's state policy on the preservation and popularization of manuscripts in the Arabic script. This article provides a general overview of the repertoire of sources held at the Institute and the various activities of this institution, from large-scale archaeological expeditions conducted within Uzbekistan to the creation of unique museum pieces displayed at international exhibitions. In addition, the article emphasizes that the capitals of Uzbekistan and Tatarstan appear to have the richest and most numerous collections of manuscripts in the Arabic script on the territory of the Commonwealth of Independent States. This fact can serve as a solid foundation for multifaceted co-operation between the relevant academic institutions of Kazan and Tashkent and fruitful mutual scholarly and cultural exchange.

Key words: manuscripts in the Arabic script, state policy on preservation and popularization of cultural heritage, al-Biruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, archeographic expeditions, restoration laboratory.

Благодаря своему важному местоположению на перекрёстке путей, связывавших различные цивилизации, Центральная Азия на протяжении всей истории была не только зоной соприкосновения и взаимовлияния различных культур, но и их активного взаимопроникновения. После того как в восьмом веке регион стал частью *Pax Islamica*, его культурное развитие было тесно связано с арабским языком в самых разных его проявлениях. Вплоть до первой четверти XX века манифестации арабского письма в Центральной Азии наблюдались практически повсеместно – эпиграфика на архитектурных сооружениях, различных погребальных камнях (т.н. кайраках) и плитах, на монетах, предметах быта, украшениях, оружии и, конечно, в рукописях.

На сегодняшний день именно арабграфичные манускрипты составляют абсолютное большинство рукописного наследия Узбекистана. Причём это могут быть как рукописи на арабском или персидском языке (*фарси*), который приблизительно с восьмого-девятого века адаптирует арабское письмо для собственного письменного выражения, так и рукописи в арабской графике на караханидско- и хорезмско-тюркском языках, на среднеазиатском и поволжском тюрки, на азербайджанском, османском и уйгурском тюрки¹.

В современном Узбекистане сохранению, исследованию и популяризации богатого культурного наследия, в том числе памятников письменности, в которых запечатлены многовековые культурные и научные достижения именитых учёных прошлого, придаётся особое значение. Свидетельством этому служит всесторонняя государственная поддержка этой сферы и целый ряд специальных постановлений Президента Узбекистана. В частности, Постановление за № 2995 Президента Республики Узбекистан от 24 мая

¹ Об истории процесса упрочения позиций персидского языка в различных общественных и научных сферах в восточной части Арабского Халифата (632–1258), в том числе в Центральной Азии, начиная с династии Саманидов (888–999) см.: *Фрагнер Б.* «Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии / пер. Э.Н. Сагетдинова. Москва, 2018.

2017 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы хранения, изучения и пропаганды древних письменных источников» способствовало интенсификации и расширению масштабов работ по сохранению, реставрации, обогащению и систематизации восточных рукописей в Узбекистане, исследованию письменных памятников и образцов эпиграфики на арабском языке, их публикации в оригинальном виде и научно-комментированному переводу на узбекский, русский, английский и другие языки.

Институт востоковедения имени Абу Райхана Бериуни Академии наук Республики Узбекистан на протяжении долгих лет занимает одну из ключевых позиций в реализации указанного спектра задач. Рукописный фонд Института представляет собой одно из крупнейших хранилищ восточных рукописей мирового значения. В 2000 году фонд Института был занесён в список ЮНЕСКО «Память мира» как один из уникальных научных и культурных объектов.

* * *

Собрание рукописей Института состоит из шести коллекций и насчитывает более 26 тысяч томов рукописей и свыше 40 тысяч томов литографированных книг. Наряду с указанными источниками, в Институте имеются коллекции исторических документов, миниатюр и образцов каллиграфии. Хронологический диапазон манускриптов простирается с IX века и до первой половины XX столетия. Произведения написаны на арабском, персидском, тюркском, урду, пушту, хинди и ряде других языков народов Востока. Хранящиеся здесь источники охватывают самые различные отрасли средневековых наук – историю, литературу, философию, право, астрономию, физику, химию, медицину, фармакологию, лингвистику, географию, музыку, математику, минералогию, сельское хозяйство, изобразительное искусство и другие области знания. Рукописная коллекция является ценным источником в изучении истории, в том числе, политико-экономических, культурных и дипломатических связей Центральной Азии и стран зарубежного Востока. Коллекция включает произведения таких крупных учёных, как Абу Райхан Бируни, Ибн Сина, Имам Бухари, Бурханиддин Маргинани, Джалаладдин Руми, Мирзо Улугбек и многих других выдающихся личностей. Кроме того, здесь представлены диваны Алишера Наваи, составленные при его жизни, и автографы Абдаррахмана Джамии¹.

Наш фонд также располагает рукописями сочинений именитых богословов Поволжья. Среди них труды Абу ан-Насра ал-Курсави (1776–1812), Абдаррахима Утыз-Имяни (1754–1834), Шихабалдина ал-Марджани (1818–1889), Хисамаддина б. Шарафалдина ал-Булгари (жил в период Тимуридов) и ряда других учёных². Первичный обзор рукописей татар-

¹ Краткий и вместе с тем весьма содержательный обзор коллекции Института см.: Сокровищница восточных рукописей Института востоковедения имени Абу Райхана Бируни Академии наук Республики Узбекистан / отв. ред. Б.А. Абдухалимов, Х.И. Эспинал. Ташкент, 2012.

² Подробнее о хранящихся в ИВ АН РУз рукописях за авторством учёных Поволжья: Мухаммадаминов С.А. Рукописное наследие татарских учёных в фондах Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан // Islamology, 2019. Т. 9. № 1–2. С. 195–206. Doi: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.09.1.14>

ских учёных, хранящихся в фонде Института, показал, что большинство из них – сочинения религиозной тематики, среди которых также встречаются труды по комментированию и толкованию юридических, медицинских и суфийских терминов. Работа по составлению реестра рукописей и других письменных источников, касающихся татарских учёных и находящихся на территории Центральной Азии, остаётся делом будущего. Между тем эти материалы позволят дать более полное представление о роли татарских учёных в культурной и религиозной жизни мусульман региона, их взаимодействии и взаимном влиянии.

Чтобы у присутствующих сложилось более ясное представление о нашем Институте, я кратко остановлюсь на основных аспектах его деятельности. Сотрудники занимаются как научным исследованием рукописных памятников, их описанием и переводом на различные языки, составлением критических текстов и факсимильным изданием, так и сканированием манускриптов, их реставрацией и консервацией; созданием муляжных экземпляров и рядом других академических и искусствоведческих практик.

Важной составляющей в деятельности Института являются регулярные археографические экспедиции. Одна из наиболее масштабных длилась на протяжении двух лет, в период с 2018 по 2019 год. Её цель состояла в мониторинге наличия и состояния рукописей, литографий, а также рукописных исторических документов, хранящихся в различных государственных учреждениях. Экспедиция охватила 107 государственных учреждений, расположенных по всей территории Узбекистана; 80 из них такими источниками обладали. В результате было определено, что государственные учреждения Узбекистана (без учёта многочисленных частных коллекций) располагают более 42,5 тыс. томов рукописей, 70 тыс. литографий и более 510 тыс. единиц исторических документов¹.

Одной из ярких страниц истории научной деятельности Института стал реализуемый при финансовой поддержке германского Фонда Герды Хенкель проект по «Созданию электронного каталога рукописей Основного фонда Института востоковедения имени Беруни Академии наук Республики Узбекистан». Проект длился с 2008 по 2016 год и оказался самым масштабным среди проектов Фонда Герды Хенкель в рамках специальной программы «Центральная Азия». О масштабе этого проекта говорит и то обстоятельство, что для его реализации был создан специальный Международный научный совет, в который вошли, пожалуй, одни из наиболее именитых востоковедов мира. География членов Совета включала в себя специалистов из России, Казахстана, Германии, Швейцарии, США, Франции и Японии. Итогом этого проекта стало создание полноценного Электронного каталога, официальное торжественное открытие которого состоялось в мае 2022 года.

В 2018 году в истории Института началась новая глава – состоялось долгожданное открытие нового здания Института. При его возведении учитывались такие наиболее важные требования при хранении рукописей, как

¹ Сведения были предоставлены куратором данного мониторинга, ведущим научным сотрудником ИВ АН РУз Санжаром Гуломовым.

температурный режим, уровень влажности, освещённость, техника безопасности, система наблюдения и противопожарные мероприятия, система циркуляции воздуха с учётом местных климатических условий. Принимая во внимание все международные стандарты, были организованы хранилище рукописей, реставрационная лаборатория и отдел сканирования.

Деятельность реставрационной лаборатории заслуживает самого пристального внимания. Создание в 2018 году новой полностью оборудованной реставрационной лаборатории вдохнуло новую жизнь в её деятельность. Помимо традиционных задач, состоящих из реставрации рукописей, литографированных источников и исторических документов, подверженных естественным процессам повреждения, своё развитие получили такие направления, как:

- изучение и воссоздание традиционных практик местных региональных школ изготовления переплёта;
- воссоздание и изучение стилей школ живописи и миниатюры;
- изучение местных и других региональных стилей искусства «Абри бахар»;
- изготовление муляжных экземпляров для музейных экспозиций и выставок;

Можно сказать, что последнее направление деятельности лаборатории мотивировало дальнейшее развитие всех вышеназванных. Мы были солидарны с мнением специалистов и международных экспертов, что экспонирование муляжных копий рукописей послужит сохранению их оригиналов. Поэтому в последние годы вместо экспонирования ценных рукописных произведений, их фото- или электронных копий в музеях республики вводится практика демонстрации профессионально выполненных муляжей. Муляжи примечательны тем, что воспроизводят оригинальную рукопись, детально отражая её материально-технические особенности – тип бумаги, переплёт и полная идентичность внутреннему оформлению и содержанию. Зачастую даже экспертам сложно отличить поддельные копии, подготовленные специалистами лаборатории, от подлинника. В то же время одной из характерных черт муляжных экземпляров является то, что для экспонирования предназначен только определённый разворот рукописи, а остальные страницы муляжа оставляются пустыми. Это позволяет легко отличить его от оригинала. Однако в нашем арсенале имеется опыт по подготовке муляжных копий полного рукописного тома. И в этом случае идентификация «на глаз» становится весьма затруднительной.

В настоящее время более чем в десяти музеях республики экспонируются около ста муляжей, выполненных сотрудниками Института. Кроме того, наши экспонаты выставлялись на первой биеннале исламского искусства в Джидде, в парижском Лувре, в штаб-квартире ЮНЕСКО, на выставке ВДНХ в Москве, в музее Международного научно-исследовательского центра Имама ал-Бухари в Самарканде, в Центре исламской цивилизации в Ташкенте, на выставке мечети Имама ал-Бухари в Джакарте, в музее Хорезмской академии Мамуна, а также на специальной выставке, организованной по случаю прошлогоднего Саммита ШОС в Самарканде. Муляжи

рукописей даже преподносились в дар главам государств, посещавших Узбекистан.

* * *

Таким образом, Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан олицетворяет собой настоящую сокровищницу восточных рукописей и содержит уникальные образцы высокого книжного искусства, которые бережно хранятся, исследуются и популяризируются в Узбекистане и за его пределами.

Республика Татарстан так же обладает богатейшим культурным достоянием. Её многовековая история способствовала формированию самобытной культуры и появлению уникальных памятников, отражающих специфику развития современного Татарстана.

В качестве заключения я хотел бы заметить, что, пожалуй, единственным городом на пространствах СНГ, который в количественном отношении и по качественному богатству обладает столь же значительной коллекцией арабографических манускриптов, как и Ташкент, является столица Татарстана¹. Именно в Казани, по оценкам специалистов, сконцентрировано порядка тридцати тысяч таких рукописей – это огромное богатство, которого нет больше нигде в Российской Федерации. Если сложить вместе коллекции Казанского университета, Академии наук Республики Татарстан, Национальной библиотеки Республики Татарстан, архива и музея, то перед нами предстаёт внушительных размеров сокровище. На мой взгляд, это прекрасный повод для многогранного сотрудничества наших профильных учреждений как в плане исследования этих письменных памятников, их совместного издания, переводов, так и в отношении их реставрации и консервации. Я уверен, что совместные усилия по сохранению и трансляции нашего общего культурного наследия станут прекрасным подспорьем на будущее. Такая кооперация будет содействовать восстановлению некогда утраченных связей и плодотворному взаимному научно-культурному обмену.

УДК 003.3

ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАЗАХСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ ПИСЬМА

А.М. Фазылжанова

Институт языкознания им. Ахмета Байтурсынулы (Алматы, Казахстан)

Статья посвящена обзору предпосылок современных исследований в казахской лингвистике в области теории письма, сформировавшихся за постсоветский период. А также в статье дается краткое описание параметров казахского языка и научного наследия Ахмета Байтурсынулы как основателя современной казахской национальной графики и орфографии.

¹ См., напр.: *Усманова Д., Мустафина Д.* Традиции восточной археографии в Казани и Казанском университете // *Slavistica Vlnensis*. 2015. № 60. С. 203–223.

Ключевые слова: казахский язык, казахская лингвистика, теория письма, Ахмет Байтұрсынұлы, графика, орфография.

The article is devoted to the review of the prerequisites of modern research in Kazakh linguistics in the field of writing theory, formed during the post-Soviet period. The article also gives a brief description of the parameters of the Kazakh language and the scientific heritage of Akhmet Baitursynuly as the founder of the modern Kazakh national graphics and spelling.

Key words: Kazakh language, Kazakh linguistics, theory of writing, Akhmet Baitursynuly, graphics, spelling.

Наша эпоха – эпоха письма: время, когда письменное общение обрело высокий статус, чем общение устное.

Ахмет Байтұрсынұлы

Предлагаемая нами статья посвящена обзору предпосылок современных исследований в казахской лингвистике в области теории письма, сформировавшихся за постсоветский период. Но прежде чем перейти к главному вопросу, считаем целесообразным вкратце изложить основные особенности казахского языка и его современного состояния.

Современное развитие языковых пространств постсоветских государств, в том числе и Казахстана, отличают две важнейших тенденции:

1) возрождение национальных языков и обретение ими государственного статуса; 2) полиязычная языковая политика. Если первое является закономерным отражением сложных процессов, связанных с изменениями в национальном сознании обществ постколониальных, посттоталитарных государств как возврат к этнокультурным истокам, этнической самоидентификации, поиск этносимволизов [1], национальной идеи, а также мирового процесса этнизации как естественной реакции на культурную глобализацию, проявляющаяся в противопоставлении национальной культуры культуре массового сознания, всеобщего потребления. То второе, т.е. поддержка полиязычия, является одним из необходимых условий получения качественного образования в информационном обществе, так как для полноценного развития современной личности требуется знание двух, даже более языков, и именно поэтому XXI век назван ЮНЕСКО «Веком полиглотов» [2].

Все расширяющееся и углубляющееся включение Казахстана в глобализационные процессы ставит казахстанское общество перед новыми вызовами, от правильно выбранных ответов на которые зависит не только экономический рост, процветание, но и духовная безопасность, единство и согласие народа страны. Это, с одной стороны, мощные интеграционные процессы в мировой экономике в финансовом, производственном и рыночном отношениях, постоянное совершенствование информационных технологий, средств и методов автоматизации материального производства, а с другой, как следствие высоких темпов роста производства материальных ценностей, физического комфорта, отставание от них полноценной духовно-нравственной и культурной интеграции всех участников процесса, что стало причиной возникновения массовой потребительской культуры, нечувствительной к этническому многообразию, духовному обогащению, культурному диалогу.

Поэтому актуален вопрос модернизации Казахстана в новой человеко-созидающей и развивающей парадигме, которая должна быть направлена на изменение не только путей расширения доступа к информационным технологиям (экстенсивный путь), но и создания пространства взаимодействия на основе ценностей, поддерживающих жизнь, поиска инноваций, повышающих качество человеческого потенциала, творческих способностей современного растущего и взрослого человека (интенсивно-инновационный путь). Одним из универсальных средств, отвечающих на все эти вызовы, а также одним из оптимальных путей решения актуальных вопросов и науки, и образования является рациональное, гармоничное использование государственного языка во всех направлениях, т.е. в инновационно-информационном, а также в духовном обеспечении общества.

Прежде чем описать современное состояние развития исследований в области теории письма следует обозначить основные параметры казахского языка, определяющие его место в списке языков мира. Таким образом, казахский язык:

- древний язык, сохранивший исконно тюркский облик (природу);
- язык с древнейшей письменной культурой, имеющей более двухтысячелетнюю историю:
 - 1) *древнетюркский период* (III, V–VIII века);
 - 2) *средневековый тюркский период*, состоящий из Караханидского и Золотоордынского периодов;
 - 3) *новотюркский период* – с XV века по настоящее время;
- язык, имеющий веками сформированные письменные формы: *старописьменный казахский язык* (с XV века до начала XX века); *алфавит Ахмета Байтурсынулы*;
- национальный литературный язык казахского народа: язык государствообразующего этноса;
- государственный язык Республики Казахстан, фактор общегосударственной идентичности;
- автохтонный язык, распространенный и за пределами Казахстана: в КНР, России, Туркменистане, Турции, Узбекистане и в других странах [3].

Такая всесторонняя информация о казахском языке, раскрывающая его подлинную природу, должна присутствовать в сознании каждой языковой личности. А также она важна для понимания новых объектов исследований по теории письма.

Социальный портрет казахского языка за постсоветский период тоже стал важной предпосылкой для исследований проблем письма и письменной коммуникации [4, 5, 6]. Конец XX века для Казахстана с обретением независимости ознаменовался началом новой эпохи в развитии. Изменились пафос (дыхание), этос (движущая сила), логос (голос) общества как социального организма. Сформировалась и прочно укрепилась в общественном сознании идея о конкуренции как о движущей силе социально-экономического развития, о том, что витальность государства, нации, народа, производства, техники, науки, культуры, языка и языковой личности тоже зависит от их конкурентоспособности. Наиболее важную роль

в эпоху глобальной конкуренции в жизни страны обрели «три И – интеграция, интеллектуализация, информация» [2].

Кардинальные изменения в государстве, модернизации и инновации в экономике и политике страны отразились и в языковом сознании общества. В советскую эпоху в сознании языковой личности доминантным определением языка было: «язык – средство общения», не более того, т.е. одно средство можно было легко поменять на другое. Но в постсоветский период произошел сдвиг в сознании до полного понимания глубины значимости каждого отдельного языка – ныне языковая личность чувствует себя не только носителем одного из языков, но и субъектом отдельной этнической культуры, отраженной, созданной и создающейся этим языком. Таким образом, сформировался концептуальный тезис о том, что «язык – не только атрибут нации (этноса), но и сама специфика бытия нации, сама нация».

Общеизвестно, что любое этно-языковое сообщество относится с осторожностью к иностранным словам как единицам чужой культуры, даже вовсе избегает их. И казахи в этом не исключение. Языковая личность, привыкшая до независимости называть новые предметы и явления иностранными словами, пренебрегая ресурсами собственного языка, ныне начала активно искать и находить их в нем, а также в выборе иностранных слов стала более критичной. Тем самым, на сегодня наметилась активация двух векторов пополнения лексического фонда: 1) потенциал родного языка и 2) адаптированное заимствование с иностранных языков.

Важно иметь в виду, что состав языкового сообщества по уровню культуры речи и лингвистической культуре вообще не бывает одинаковым. Основная масса языкового коллектива в усвоении норм литературного языка делает упор на автоматизированность (навыки). Необходимо различать наличие кодифицированной нормы литературного языка, также некодифицированной, так называемую литературную разговорную речь. Языковая личность, использующая в повседневном бытовом общении некодифицированную литературную разговорную речь, тоже относится к субъекту литературного языка. В этой связи важно признать необоснованными заключения некоторых современных экспертов, которые определяют критерием знания языка только кодифицированную норму, т.е. письменный язык и выносят неправильные вердикты, заниженные показатели по отношению количества казахов, владеющих родным языком. Также наблюдается значительное снижение доли диалектизмов в собственно некодифицированной литературной разговорной речи казахов, что свидетельствует о росте культуры речи в массах.

Однако снижение доли языкового коллектива, строго придерживающейся кодифицированной нормы литературного языка, неблагоприятно повлияло на современную культуру речи. Периодические издания, творческие издательские коллективы, делопроизводственники, СМИ, которые должны строго придерживаться кодифицированных норм литературного языка, идя на поводу собственных субъективных сомнений, зачастую, нарушая даже самые устоявшиеся орфографические правила, отрицательно

вливают на письменную культуру языкового коллектива. А также на низком уровне оказались стилистические знания и навыки выпускников средних и высших школ. Снизилась планка этической и эстетической оценки устной и письменной речи.

Высокий языковой статус, принадлежавший ранее художественной литературе, перешел в руки СМИ, особенно телевидения. Но увеличение числа печатной продукции, изданной без строгой редакторской и корректорской работы, эфирных программ, передающихся слабо подготовленными дикторами, снизили уровень культуры языка СМИ. В массовом сознании успело сформироваться ошибочное мнение: важно что сказать, а не как сказать, т.е. не передается значение форме, оформлению мысли, даже языку его передачи, что чревато для дальнейшего развития языкового сознания. В связи с изменениями общественно-экономических отношений появились языковые личности-копирайтеры, рекламодатели, увеличилось количество рекламных текстов. Рекламные прецеденты начали «вносить» свои корректировки, порой даже собственные ценности и антиценности в систему ценностей общества. Копирайтеры и рекламодатели монополизировали такие концепты общественного сознания как «сила», «красота», «удовольствие», «наслаждение», «удача», «богатство», и исказили их истинное значение. Например: «вино-водочная продукция «сила»; автомобиль «богатство, престиж»; парфюмерия, ювелирные изделия «красота», «привлекательность», лоторейные и азартные игры «удача» и т.д. А концепты, обозначающие такие ценности как «человеколюбие», «совесть», «милосердие», «трудолюбие», «справедливость», не получив достойную общественно-социальную значимость, деактуализируясь, из ядерной зоны когнитивного сознания языковой личности стали вытесняться на периферийную. Телеканалы все меньше и меньше эфирного времени стали выделять для передач, посвященных духовности, воспитывающих общество гуманизму, толерантности, трудолюбию, терпимости, принципиальности, честности, национальному достоинству. Таким образом, нельзя игнорировать тот факт, что в общественно-социальной жизни нарушен баланс приоритетных ценностей, на которых зиждется здоровье и иммунитет любого общества, а также духовная безопасность государства.

Нововведения, характерные логос у постсоветского периода, в первую очередь были связаны с изменениями и позитивными факторами в обществе. Это легко прослеживается в социальном контексте, а именно:

– в результате получения Казахстаном независимости казахский язык обрел статус государственного языка. Не только потому, что казахский язык являлся языком государствообразующего этноса, а также учитывалось и то, что особо опасно оставлять язык титульной нации на своей же Родине в миноритарном состоянии, такая ситуация могла сильно задеть национальную гордость языковой личности;

– разработана правовая база казахского языка как государственного. В соответствии с Конституцией РК был принят закон РК о языках;

– сформирована учебно-методическая база государственного языка: разработаны учебники, учебные пособия, разговорники, система Казтест,

тестирования уровня знания языка, методика и новые технологии обучения казахскому языку как иностранному и др.;

– сформирована лингвистическая база государственного языка для улучшения преподавания предметов по специальности на казахском языке. Были изданы многотиражные, академического характера труды: «Грамматика казахского языка», «Русско-казахский словарь», «Казахско-русский словарь», Орфографический, Орфоэпический и Терминологические словари, 15-томный толковый словарь литературного языка, словарь Синонимов, Сравнений, Антропонимов, Топонимов и др. словари казахского языка;

– по республике изданы учебники и учебные пособия по всем предметам вузов, в том числе и естественных, технике, медицине и т.д. По этим предметам на казахском языке защищены множество научных диссертации. Таким образом, казахский язык постепенно стал средством обучения знаниям и науке, а также объективизации научной мысли;

– функционирует и политическая база казахского языка. Казахский язык стал рабочим языком Мажилисов Парламента и Правительства Республики, иногда в них используется полностью только казахский язык; если раньше проекты законов Республики в основном готовились на русском, а уже затем переводились на казахский язык, то теперь увеличивается число проектов законов, подготовленных первоначально на казахском, а затем переведенных на русский язык;

– одной из мер, повысивших статус казахского языка в общественно-политическом сознании, явились обязательные экзамены по казахскому языку перед лингвистической комиссией всех кандидатов в президенты во время выборов Президента Республики;

– постепенно улучшается демографическая база казахского языка. Возвращение оралманов в свою этническую родину, миграционная политика РК, реализация Правительством социальных мер, намеченных в Посланиях Президента Республики положительно повлияли на демографическое положение в стране; наладились все коммуникации с казахоязычной диаспорой, обмена информацией с ней и культурного контакта;

– казахский язык в СМИ по сравнению с прошлым в правовом плане охватил наибольший объем информационного пространства. Несмотря на малое количество тиража периодической печати, увеличилось их число. Возросло многообразие передач теле- и радиоэфира, около 50% теле-, радиопередач начали транслироваться на государственном языке;

– такие государственные программы как «Культурное наследие» укрепили позиции государственного языка во всех отраслях науки и культурной жизни общества, которые были охвачены ей.

Перейдем к обзору современного исследования в казахской лингвистике в области теории письма. Основателем современного национально-казахского письма является выдающийся ученый и просветитель Ахмет Байтурсынулы [7].

В тезисном порядке обозначим основные оценки учеными его исследований в области теории письма:

– «Математическая формула» построения алфавита» – это высокая оценка дана Яковлевым алфавиту, разработанному Ахметом Байтурсынулы на базе арабицы для казахского языка в начале XX века [8];

– «весьма удобная и очень условное в фонетическом отношении приспособление арабского алфавита казак-киргизскому звуковому строю» оценка Е.Д. Поливанова [9]

– в результате диссертационного исследования профессора М. Жусупова на соискание ученой степени доктора филологических наук его теория построения алфавита получило собственное название как «сингарморфонологическое учение Ахмета Байтурсынулы» [10];

– разработанная им орфографическая база национального письма оценена академиком З. Базарбаевой «фонологическое письмо Ахмета Байтурсынулы»;

– по оценкам профессоров Н.Уали, К.Кудериновой результатом деятельности Ахмета Байтурсынулы по реформированию национального письма стала ее демократизация – общедоступность и понятность всему народу.

Он совместил арабографический алфавит старописьменного языка, служивший в то время лишь небольшой социальной группе казахского общества, со звуковой системой общенародного языка, на основе которого разработал национальный алфавит – «төте жазу» и новое правописание, таким образом, проложив всему народу путь к освоению грамоты за короткий период. Он изменил ход развития казахского языка, направление формирования литературного языка от узкого использования на основе старописьменного языка к широкому руслу общенародного устного языка; сделал письмо достоянием не только высшей социальной группы культурно-языкового сообщества, но и широких масс и народа в целом.

«Письменный язык в то время был не точной графической манифестацией лексической, грамматической, звуковой системы народного (“живого”) языка. Поэтому языковую ситуацию того времени можно назвать гомогенной диглоссией. Ситуация гомогенной диглоссии в XIX–XX вв. начала усложнять дело просвещения широких масс. Стояла цель превратить письмо в достояние широкой общественности... А. Байтурсынулы создал графическую, орфографическую систему национального (литературного) языка, ранее существовавшую только в устной форме, и заложил основы ее функционирования в письменной форме... Казахское письмо и правописание взяли курс на демократическое направление (народный язык)» [12]. Таким образом, Ахмет Байтурсынов создал современную казахскую письменную культуру, создал предпосылки для превращения казахского языка в государственный язык, язык официального общения и науки.

Важными особенностями современного казахского письма также является:

– доминирование и всепокрываемость фонологического принципа;
– при орфографической кодификации предпочтение принципа демократичности, т.е. выбору более употребительных орфограмм, популярных в общенародном письменном языке;

– предпочтение креативности, например, при разработке кирилографического казахского письма отечественными учеными были разработаны специфические знаки Қ, Ұ, Ү, ставшими для своего времени ноу-хау;

– гибкость и учет тенденции, происходящих в языке: например, слитное написание как средство обозначения новых реалий ресурсами исконного языка;

– придерживание принципа экономии на письме: например, графемы У и И в современном кирилографическом казахском алфавите служат для обозначения не только согласных монофоном <й>; <у>, но и бифоном <ый>, <ій>; <уу>, <іу>, <үү>, <үу>.

Вышеизложенный обзор позволяет выделить следующие предпосылки для появления современных исследований и научной рефлексии по теории письма, связанные с расширением сферы употребления государственного языка:

– снижение доли языкового коллектива, строго придерживающейся кодифицированной нормы литературного языка в конце 90-х – начало постсоветского периода, времена кризиса;

– высокий статус цифровых СМИ, возросшая роль чат-коммуникации: снижение уровня культуры языка СМИ;

– неологизация, требующая быстрой кодификации: лексико-фразеологическая система казахского языка обогатилась за счет заимствования иноязычных слов (*селфи, спичрайтинг, копирайтер, кибербуллинг, нейминг, гаджет, мобилограф*) и активизации внутреннего потенциал языка как один из источников обогащения словарного запаса: *егемен, егемендік, абаттану, абаттандыру, галамдану, галамдастыру, жаһандану, жаһандастыру, демешілік, демешу, дернәсіл, ақпарат*;

– возрождение лексико-фразеологических единиц старописьменного литературного языка: *сынып, құжат, мәтін, пайыз, шәкіл* и т.д.;

– возрождение лексико-фразеологических единиц текстов репрессированной литературы: *ашалаң, ауырдаулет, буылдық, азбеніш, сандырама*;

– усиление словообразовательных функции исконных аффиксов: *шылық (-шілік): заң бұз(у)+шылық > заңбұзушылық; лық (-лік): бір партия+лық > бірпартиялық, -ғыш (-гіш): қалдық сақта(у)+ғыш+тар > қалдық-сақтағыштар әртаратандыру, // айқындамалану, // ұлтжандылану, // галамдастыру, демократиясыздандыру*;

– увеличение числа лексикализированных сочетаний слов: *ашық қоғам, азаматтық бірегейлену, зияткерлік меншік*;

– увеличение числа гибридных слов: *аудиомәлімдеме, велошабандоз, автошеру, велосапар, метатұрақтылық, микрожоба, телеарна, көппалаталы, телетіліші, телефонхат, трансұлттық* и т.д.;

– усиление процесса делексикализации таких лексем (аффиксоидов), как *әсіре-, көп-, -аралық, -ішілік, -хат, -қағаз, -жай* и т.д.;

– повышение сочетаемости значительного ряда слов, расширение их семантического поля: *бағаның ырықсыздандырылуы, азаматтық қоғам, балама ұсыныс, төлтума оқулық, бағалы қағаз, кешенді тестілеу* и т.д.;

– увеличение числа лексикализованных сочетаний слов: *ашық қоғам, азаматтық бірегейлену, зияткерлік меншік* и т.д.;

– увеличение числа гибридных слов: *аудиомәлімдеме, велошабандоз, автошеру, велосапар, метатұрақтылық, микрожоба, телеарна, көппалаталы, телетіліші, телефонхат, трансұлттық* и т.д.;

– активизация аналитических форм словообразования: увеличение количества слов со слитным написанием: *қараөрік, ауылшаруашылық, қаларалық, жолсерік, жарықсөндіргіш, жарғаққанатты* и т.д.

В связи с тем, что нами затрагивается вопрос теории письма, нельзя обойти тему реформирования письма на основе перевода алфавита на латиницу. Данная проблематика ставит перед исследователями-грамматологами ряд задач:

– переосмысление исторического опыта письма;

– переосмысление истории казахского письма с древнейших времен до наших дней;

– переосмысление мирового опыта латинографического письма;

– переосмысление опыта латинографического письма тюркоязычных стран;

– разработка научных основ ортологической кодификации лексико-фразеологических, терминологических единиц, заимствованных слов и др. элементов письменного текста на новом алфавите;

– разработка теории построения национального алфавита: принципы, критерий, аспекты;

– разработка новых правил правописания на новом алфавите: традиции, инновации;

– разработка научных основ и самих ортологических средств на новом алфавите;

– разработка научных основ и механизмов ортологической кодификации иноязычных слов на новом алфавите: возрождение иммунитетных механизмов языка – освоение заимствований на письме;

– работа с общественным мнением: «грамматологический бум».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадыржанов Р.К.* Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана (1342.4 кВ) / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.

2. *Уали Н., Фазылжанова А.* О современном состоянии развития казахского языка как национального и государственного языка Республики Казахстан // *Тілтаным.* – 2013. – № 1.

3. *Уәли Н.* Қазақ тілі қандай тіл? // *Тілтаным.* – 2004. – № 3.

4. *Сыздық Р.* Тілдік норма және оның қалыптануы. Астана: Елорда, 2001.

5. *Уәли Н.* Қазақ графикасы мен орфографиясының фонологиялық негіздері (филология ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация). – Алматы, 1993.

6. *Күдерінова Қ.* Қазақ жазуының тарихы мен теориясы. Оқу құралы. – Алматы: Елтаным, 2013. – 345 б.

7. *Рәбига Сыздық.* Ахмет Байтұрсынұлы – қазақтың ұлттық ғылымының көшбасшысы // «Алаш-Орда» газеті. 2017.

8. *Яковлев Н.Ф.* Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // «Культура и письменность Востока». – М., 1928. – Кн. 1. – С. 41–64.

9. Поливанов Е.Д. Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография (спорные вопросы киргизской графики и орфографии) // Ұлттық рухтың ұлы тіні. Ғылыми мақалалар жинағы / Жауапты ред. Жанпейісов Е. Алматы: Ғылым, 1999. – С. 52–66.

10. Жүсіпұлы М. Ахмет Байтұрсынұлы және қазіргі қазақ тілі фонетикасы. – Алматы: Ғылым, 1998.

11. Базарбаева З. Қазақ тілі: интонология, фонология. – Алматы: Жібек жолы, 2008.

12. Уәли Н. Ахмет Байтұрсынұлы және қазақ жазуының онтогенезі // Ұлттық рухтың ұлы тіні. – Алматы: Ғылым, 1999.

УДК 1751

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ АРАБСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ИСТОРИИ ТЮРКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.Б. Наджафов

Институт рукописей им. М. Физули НАНА (Баку)

Велика и многогранна социально-культурная роль арабской письменности в истории азербайджанского народа. Ценнейшие жемчужины народной мудрости, поэтические шедевры и труды ученых дошли до наших дней из глубины веков именно благодаря рукописям арабской вязью. Рукописные книги представляют огромную ценность не только по своему содержанию, но и как продукт художественного созидания. Почерки письма, художественное украшение страниц, оформление переплета и т.д. теснейшим образом связаны с культурным уровнем эпохи создания рукописей. И поэтому рукописные книги – это уникальные памятники истории материальной и духовной культуры народа.

Ключевые слова: арабский алфавит, тюрко-азербайджанская письменная культура.

The socio-cultural role of Arabic writing in the history of the Azerbaijani people is great and multifaceted. The most valuable pearls of folk wisdom, poetic masterpieces and works of scientists have reached to our days from the depths of centuries precisely thanks to manuscripts with Arabic script. Handwritten books have great value not only for their content, but also as a product of artistic creativity. Writing style, artistic decoration of pages, binding design, etc. are closely related to the cultural level of the time when the manuscripts were created. And therefore, handwritten books are unique monuments of the history of the material and spiritual culture of the people.

Key words: Arabic alphabet, Turkic-Azerbaijani written culture.

С середины VII в. в общественно-экономической и культурной жизни азербайджанского народа началась новая эпоха. После завоевания Азербайджана арабами здесь, как и во многих других странах Ближнего и Среднего Востока, местное население вместе с исламской религией приняло арабский алфавит. *«В целях широкого распространения ислама арабы повсюду в стране открывали медресе, проводя обучение и воспитание (просвещение) на арабском языке, стремились утвердить свой язык в качестве государственного языка, языка науки и литературы. Это привело в первую очередь к вытеснению существовавшего до того в Азербайджане местного албанского алфавита»* [3: 4].

Принятие арабской письменности тюркскими народами, в том числе азербайджанскими тюрками, оказало глубокое влияние на субъективное восприятие объективной реальности в мышлении образованных людей. Например, буквы арабского алфавита имеют философское содержание в творчестве поэтов Азербайджана, которые писали свои произведения и на арабском, и на персидском, и конечно же на родном тюркском языке. Несомненно, это было связано прежде всего с тем, что некоторые суры священного Корана начинались с определенных сочетаний букв. Например, «Я Син», «Алиф. Лям. Мим», «Та Ха» и т.д. Конечно, такой мистическо-философский подход к буквам достиг наивысшего уровня в творчестве гениального поэта, хурифита Имадеддина Насими. Он мог умело использовать буквы арабского алфавита не только при выражении философских идей с помощью символов, но и при эстетическом представлении текста художественного произведения.

Интересны произведения Сеида Имадеддина Насими (1369–1417), которые называются «Алиф лам» («алиф», «лам» – названия букв арабского алфавита) и «Тарс алифба» (алфавит в обратном порядке). В «Алиф лам» первое слово каждого двустопия, а порой – каждой строки начинается с буквы том порядке, в каком они расположены в арабском алфавите. Таким образом, в первых (заглавных) буквах строк стихотворения воспроизводится весь арабский алфавит. В стихах же «Тарс алифба», первая строка которых начинается с последней буквы алфавита, арабский алфавит воспроизводится в обратном порядке. В некоторых из этих стихотворений воспроизводятся все 28 букв арабского алфавита, в других – 32 буквы персидского алфавита. Интересно и то, что создание стихов по принципу «Алиф лам» и «Тарс алифба», имеющее место в творчестве Насими, впоследствии широко распространяется в [азербайджанской] ашугской [ашуг – народный певец-поэт] поэзии Азербайджана. В творчестве Насими мы встречаемся и с газелями, напоминающими по принципу построения загадки.

К примеру:

*Fatihə ümmül-kitabın göstər ayası nədir?
Bistü həştü sivü dü hərfin xülasası nədir?
Doqquz ata, yeddi ana, dörd tayadan ver xəbər,
Dü çəharü pəncü şeşin saqü bünyası nədir?
Üç yüz altmış altı mənzil, qırx səkiz yerdə mizan,
Ey ki yetmiş yeddi hərfin on iki xası nədir?
Çöhrənin şövqü nədən, məhəbbətin qulları nə,
Aşiqü mə'suq nə demək, eşqin əsası nədir?* и т.д. [4: 233].

Начиная с таких азербайджанских поэтов, как Катран Табризи (1012–1072), Хагани Ширвани (1126–1199), Низами Гянджеви (1141–1209) и Мехсети Гянджеви (кон. XI в. – 2-я пол. XII в), являющихся наиболее яркими представителями тюркско-мусульманского возрождения, и произведениями поэтов литературных собраний XIX–XX веков Гянджинской, Карабахской, Нахичеванской, Бакинско-Ширванской литературной среды, отождествляли буквы арабского алфавита с человеческими образами. К примеру, в их стихах прямая осанка человека уподобляется букве

«алиф», а состояние согбенного старика – букве «дал». Поэты-хуруфиты читают лик прекрасной как мусхаф, черты лица красивых девушек сравнивают со аятами Корана: прекрасные глаза – «айн», рот – «ха», зубы – «син», губа – «мим», а нос уподобляется букве – «лам». А это происходит от названия и написания некоторых арабских букв. Как знаем, «айн» по арабский обозначает глаз, «син» обозначает зуб, или при написании буквы «лам» рисуем прямую линию и сгибаем нижнюю часть, что напоминает нам вид человеческого носа сбоку.

است پذیر خم لام دو چو پایم
است گیر شکنج یا دو چو دستم

В арабском алфавите «лам» пишется в виде крючка для ловли рыб, а буква «йа» пишется в виде крючка для вешенья мясо. Меджнун говорит, что «от боли я сложил колени, как два «лама», и руки, как два «йа», и из сочетания этих букв и образовалось имя моей возлюбленной, а именно «Лейли». [5: 296].

Поскольку при системе абджадия также используются арабские буквы, поэты Азербайджана пользовались этим при записи даты написания произведений, то есть «маддеи-тарих». Например, дата смерти великого азербайджанского поэта Мухаммада Физули с помощью «маддеи-тарих» в «Риязуш-шуара» пишется как «Кочду Физули». Это написание равно 963 при счете по алфавиту. А это соответствует 1556 году нашей эры [2: 35].

Символическое значение, придаваемое арабским цифрам, отражено не только в произведениях представителей древней и средневековой поэзии Азербайджана, но и даже в памятниках архитектуры. Например, Девичья башня, которая всем известна как символ столицы Азербайджана Баку, выглядит как цифра девять, если смотреть сверху, с высоты птичьего полета. А если смотреть наоборот, то, как цифра шесть. Это символизирует девянносто шестое имя из девяноста девяти имен Всемогущего Бога, которые известны нам как «Эсмаул-Хусна» – имя «Баки». Что означает вечное и бесконечное. Наличие двадцати восьми зубов на одной стороне этого памятника также указывает на арабский алфавит. Общая высота башни составляет тридцать два метра, что соответствует количеству букв персидского алфавита. Башня имеет сем окон и одну дверь. И это олицетворяется с сурой «Фатиха» Корана. Потому что в этой суре семь аятов. Эту сурю еще называют «Уммал-китаб». То есть та, которая открывает книгу, означает мать книги. Девичья башня была символом женского достоинства и приветствовала гостей, прибывших в Баку через порт. То есть кто приходил в город Божий, первое, что представал перед взором, была Девичья башня. Ранее в Ичеришехере (старая часть города Баку) было 28 кварталов, 28 мечетей и 28 бань. Это указывает на то, что алфавит, на котором был ниспослан Коран, имел свое влияние на тюрко-исламскую цивилизацию [1].

Но, несмотря на все это, азербайджанские поэты и писатели, начиная от Мухаммада Физули (1494–1556) и заканчивая Мирзой Фатали Ахундовым (1812–1878), заявляли, что арабский алфавит не соответствует орфоэпическим требованиям азербайджано-тюркского языка, и жаловались на

сложность письма несмотря на то, что это алфавит, на котором был ниспослан Коран. Мухаммад Физули в своем диване на тюркском языке отмечал неграмотность переписчиков:

*Qələm olsun əli ol katibi-bədtəhririn,
Ki, fəsadı-rəqəmi surumuzu şur eylər.
Gah bir hərf süqutilə qular nadiri nar,
Gah bir nöqtə qüsurilə gözü kur eylər. [6: 46]*

Хотелось бы отметить, что среди мусульманских просветителей первый, кто предложил реформировать арабский алфавит, был азербайджанец. Это был Мирза Фатали Ахундов. Он подготовил «реформу нового алфавита». А также Азербайджан стал первым среди тюркоязычных стран, отказавшимся от арабского алфавита и перешедшим на латиницу. В 1922 году по решению правительства Азербайджанской ССР был создан Комитет по новому алфавиту. А в 1929 году азербайджанские школы и вся печать перешли на новый алфавит.

В заключение хотелось бы отметить, что гениальные поэты и мыслители Азербайджан оставили нашему народу богатую духовную сокровищницу, созданную на арабском алфавите. Эта сокровищница служила просвещению и образованию азербайджанских тюрков с седьмого века вплоть до тридцатых годов XX века. Мы обязаны хранить и беречь унаследованные духовные богатства народа, чтобы передать будущим поколениям. Так как, эта письменность была также средством выражения мировоззрения азербайджанских тюрков.

Рукописи, созданные на арабском алфавите, считаются духовным достоянием азербайджанского народа. Ныне они хранятся в государственных и личных библиотеках бывших советских республик. А также в Турции, Иране, Германии, Великобритании, во Франции, Италии, Ирландии, Швеции, Болгарии, Венгрии, Боснии, США, Пакистане, Египте и в других странах.

Институт Рукописей имени Мухаммеда Физули НАН Азербайджана располагает редкой и богатой коллекцией рукописей на азербайджанском, турецком, арабском, персидском и других языках. И по всем отраслям средневековой науки: по медицине и астрономии, математике и минералогии, поэтике и философии, теологии и права, грамматике и литературоведению, истории и географии, художественной прозе и поэзии. В настоящее время в фондах Института Рукописей в специальных климатических условиях хранится более 40 тысяч материалов. Из них около 12 тысяч – это рукописи с арабской графикой, которые были написаны или же переписаны в IX–XX веках. Рукописи, которые написаны на азербайджанском, турецком, узбекском, арабском, персидском, и др. языках были собраны на территории нынешнего Азербайджана. Они привлекают внимание разнообразием и междисциплинарностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашурбеيلي С.Б.* История города Баку: период средневековья. – Баку: «Азернешр», 1992. – 408 с.

2. *Гельпынарлы А.* Диван Физули. – Стамбул: «Инкылап», 2016. – 238 с.
3. Каталог тюркских рукописей – том II, Институт рукописей имени Мухаммеда Физули, – Баку: «Нурлан», 2009. – 264 с.
4. *Насими С.И.* Я не вписываюсь в этот мир. – Баку: «Гянджлик», 1991. – 384 с.
5. *Низами И.Ю.* Лейла и Меджнун. – Баку: «Язычы», 1958. – 303 с.
6. *Физули М.С.* Сочинения. В 5 т., Т. 1. – Баку: «Кызыл Шарк», 1958. – 466 с.

УДК 003.332.5

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ АРАБОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ «МИРАСХАНЭ»

И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Статья знакомит с деятельностью Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимов – «Мирасханэ», который является уникальной источниковедческой базой для специалистов. Автор дает краткий обзор материалов арабографических фондов, показывает основные направления работы Центра по вводу в научный оборот данных источников и их популяризации.

Ключевые слова: Центр письменного наследия ИЯЛИ АН РТ, «Мирасханэ», арабографические источники, письменность, рукописи, письменное наследие татарского народа.

The article introduces the activities of the Center of Written Heritage of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibrahimov – «Mirashane», which is a unique source base for specialists. The author gives a brief overview of the materials of Arabographic funds, shows the main directions of the Center's work on the introduction of these sources into scientific circulation and their popularization.

Key words: The Center of Written Heritage of IYALI of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, «Mirashane», Arabic sources, writing, manuscripts, written heritage of the Tatar people.

Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова – «Мирасханэ» является одним из ведущих профильных учреждений. Целенаправленная плановая работа по сбору материалов была начата еще Академцентром при Народном комиссариате просвещения ТАССР в двадцатых годах прошлого столетия.

После образования 7 октября 1939 года Татарского научно-исследовательского Института языка и литературы, большое внимание было уделено выявлению, сбору и изучению письменных памятников, личных архивов писателей.

Основной **целью** Центра является сбор, хранение, исследование и ввод в научный оборот письменного наследия татарского народа. По своему характеру и целям Центр существенно отличается от государственных и ведомственных архивов. Хранение материалов – одна из его многих функций. В целом, он является Центром научно-исследовательского направления.

В настоящее время в хранилище Центра имеются 218 фондов (это более 50 000 единиц хранения), которые включают в себя:

- рукописные и старопечатные книги на татарском, арабском, персидском, староосманском и др. языках;
- фонды личного происхождения – архивы писателей, деятелей культуры и искусства;
- коллекция научных материалов по татарскому литературоведению, языкознанию, истории, этнографии, фольклору, просвещению;
- коллекция татарской периодики начала XX века и многое другое.

Количество рукописных книг сегодня составляет более 8000 единиц, а печатные книги на арабской графике – более 2000 единиц. Ценной частью этого фонда являются редкие рукописные источники, охватывающие многие области исламских наук, филологии, медицины, астрономии и т.д. Среди них имеются редкие рукописи, датируемые XIV–XIX веками. Также уникальными источниками Центра являются рукописные списки Корана.

Значительное место занимает источники с сочинениями татарских богословов – алимов, написанных на арабском и старотатарском языках. В фонде есть списки известных сочинений Мавля Куляя, Абдурахима Утыз-Имяни, Абдуннасира Курсави, Каюма Насыри, Шигабуддина Марджани, Ахмадхади Максуди и других религиозных деятелей.

В хранилище Центра находится самая большая коллекция образцов татарского фольклора. Среди музыкальных источников имеются уникальные самодельные металлические пластинки татарского музыкального мастера Гилязутдина Сайфуллина с записями татарских народных мелодий нач. XX века.

Фонды хранилища пополняются благодаря ежегодным комплексным (археографическим, фольклорным, диалектологическим) экспедициям; ученые, литераторы, деятели культуры (либо их наследники) передают в дар Центру личные архивы. Здесь созданы хорошие условия для консервации и хранения рукописей.

Коллектив Центра занимается подготовкой к печати материалов из фондов Мирасханэ, организывает конференции, выставки.

Сотрудниками Центра ведется работа по научному описанию архивных документов, по дигитализации рукописных материалов и созданию электронных баз данных.

Также при поддержке государственной программы Республики Татарстан ведется планомерная работа по переводу рукописей и старопечатных книг на цифровой формат. На сегодняшний день уже оцифрованы около 5000 единиц архивного материала из фондов Мирасханэ. Среди них рукописи, старопечатные книги, различные документы из фондов личного происхождения. Таким образом формируется электронная база данных архивных материалов.

Результатом работы стал электронный ресурс – сайт Центра письменного и музыкального наследия, на страницах которого размещена часть оцифрованных материалов. Это рукописи, старопечатные книги и некоторые архивные документы. По нашему мнению, все это позволит восполнить потребность в архивных материалах, интерес к которым существенно вырос в последние годы.

Отдельным проектом, представленным на страницах сайта является проект «Мусульманские эпитафические памятники татар». База данных эпитафических памятников, пополняемая в процессе формирования сайта, является открытым ресурсом, доступным всем, интересующимся татарской эпитафикой.

Эпитафические памятники – надмогильные камни, как правило, являются наиболее ранними письменными источниками той или иной культуры. Ценность их в том, что они сохранили нам сведения по многим вопросам истории татарского народа (в том числе по определению времени возникновения сёл и деревень), топонимической номенклатуре, этнических переселениях в прошлом, деятельности мастеров-камнерезов, роли сельской общины и т. д.

Сегодня ведется пополнение раздела сайта, который по нашему мнению в будущем мог бы стать сводной электронной базой по всем татарским эпитафическим памятникам, с целью сохранения, систематизации и распространения знаний о монументальной эпитафике. Включению в этот свод подлежат наиболее ценные татарские эпитафические памятники, как сохранившиеся, так и утраченные – но известные по публикациям, рукописным спискам, фотографиям.

На сегодняшний день в этом разделе представлены метаданные более двухста эпитафических памятников. Исследователи, интернет-пользователи могут ознакомиться как научным описанием каждого памятника, так и визуальными материалами, т.е. фотографиями камня. При изучении памятников эпитафисты документировали не только самих надписей, но и ее контекста – носителя, то есть орнаментов и изображений, а также геометрии надмогильной плиты и её координаты.

В целях ускорения и автоматизации этих работ, сотрудниками Центра создана система (рабочее название – Miras-Tat) для чтения, оффлайн распознавания (OCR) арабографического старотатарского печатного текста и его конвертации в современный татарский кириллический текст. В прошлом году данное программное обеспечение прошло государственную регистрацию в Роспатенте (Федеральная служба интеллектуальной собственности).

Сам процесс транслитерации происходит в два этапа. Сканируется исходный текст (или же фрагмент текста) и загружается в программу. После загрузки программа автоматически из сканированного фотоизображения документа извлекает графическое написание, то есть арабографичный текст в электронном формате. Таким образом происходит процесс оффлайн-распознавания. Это очень важный момент, так как результат дальнейшей конвертации на кириллицу зависит от точности распознанного текста. (Если имеются какие-то ошибки, неточности, то их можно редактировать).

Во втором этапе эти данные конвертируются в кириллический текст. Процесс конвертации арабографичного текста на кириллический происходит за счет определенного алгоритма, разработанного филологами-языковедами и текстологами, а также словарной базы данных программы. Этот алгоритм составлен исходя из морфологических и фонетических правил

словообразования в татарском языке. (То есть программа не просто переводит символ на символ, а определяет аффиксы, основу (корень) слова, находит его в словарной базе программы, добавляет нужное окончание). И в итоге получается транскрибированный на кириллицу текст.

Да данный момент результат машинного распознавания достигает 65–70%. При дальнейшем обучении программы и обогащения словарной базы данных, распознаваемость арабографического текста и его корректная конвертация на современную графику может достигнуть 90–93%.

Как уже было отмечено, данная программа изначально была разработана для транслитерации печатного старотатарского арабографического текста. Она включает в себя возможности масштабирования: разработки языкового функционала для работы с арабографическими источниками на других тюркских языках; внедрения новых алгоритмов для различных вариаций арабографического письма; расширение и совершенствование системы до уровня распознавания рукописных арабографических текстов и т.д.

Таким образом, Центр письменного наследия открыт к сотрудничеству и, по мере сил и возможностей, готов принять посильное участие в любых проектах, связанных с сохранением и популяризацией письменного наследия народов России.

УДК 801.82

ТАТАРСКИЕ СПИСКИ КОРАНА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Н.Г. Гараева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В собраниях Казани сосредоточено более 280 рукописных списков Корана. Доминирующую часть этих списков составили татарские копиисты. Старейший татарский список датируется XVII веком. Наибольшее число татарских списков датируется второй половиной XVIII – первой половиной XIX веков, которые составлялись для личного пользования. В воспроизведении приводимых на полях отметок кодификации Коранического текста и межстрочных знаков *таджвида* татарские копиисты следовали в большей степени Среднеазиатской традиции, чем Ближне-Восточной.

Ключевые слова: Коран, кодификация текста, знаки таджвида, ритуальные деления, маргиналии.

The collections of Kazan contain more than 280 hand written copies of the Qur'an. The dominant part of these items were made by Tatar copyists. The oldest Tatar copy of the Qur'an dates back to the 17th century. The largest number of Tatar copies date from the second half of the 18th – first half of the 19th centuries, which were done for personal use. In the reproduction of the marginal marks for the codification of Qur'anic text and the interlinear marks of *tajwid*, Tatar copyists followed the Central Asian tradition to a greater extent than the Middle Eastern one.

Key words: Qur'an, text codification, tajweed marks, ritual divisions, marginalia.

Татары, предки которых официально приняли ислам в 922 году, как и все мусульмане, распространяли текст Корана в своей среде в рукописных

копиях в течение более, чем тысячи лет. Даже с началом в 1801 г. книгопечатания на арабской графике в Казани, где в течение более, чем 115 лет печатался большими тиражами арабский текст Корана, его рукописное копирование не было вытеснено. Составление рукописных списков арабского текста Корана продолжалось даже после смены графики на кириллицу¹. Делалось это скрытно в силу проводимой в те годы политики воинствующего атеизма.

В собраниях различных учреждений Казани выявлено около 280 списков Корана. Это число основано на открытых данных учёта Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета, Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, Национальной библиотеки Республики Татарстан, Национального музея Республики Татарстан, Центральной научной библиотеки Казанского научного центра РАН. По мере последующего изучения количество списков Корана в казанских собраниях будет возрастать как за счёт новых или ещё неучтённых поступлений, так и за счёт собраний (например, Государственного Архива РТ), которые пока остались вне нашего поля зрения.

Одно из крупнейших собраний арабографичных рукописей в Казани принадлежит ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Оно содержит более восьми тысяч единиц хранения, в их числе 200 списков Корана. Согласно карточному каталогу Отдела рукописей и редких книг (уже давно не отражающем реальный объём фондов) Научная библиотека Казанского университета располагает 27 списками Корана, которых несомненно значительно больше в ещё обрабатываемой части собрания. В собрании Национальной библиотеки РТ числится 47 списков Корана. Среди арабографичных рукописей и старопечатных книг рассматриваемых собраний остальных вышеназванных учреждений имеются единичные экземпляры рукописей Корана.

В этом количестве доминируют списки, составленные татарскими копиистами, среди них есть около сорока рукописей Корана Средне-Азиатского и Ближне-Восточного происхождения.

Исследование коллекции Коранов в собрании ЦПН ИЯЛИ АН РТ, выразившееся в издании «Каталога...» [4], определило особенности составления татарских списков Корана в сравнении с общими правилами соблюдения правил кодификации текста и обозначения знаков для правил *таджвида*. Наблюдения, сделанные в процессе работы над «Каталогом...», находят подтверждение в рукописях Корана в собраниях НБ РТ, НМ РТ [5], НБ К(П)ФУ и ЦНБ КазНЦ РАН.

Как известно, отметки кодификации (деление на части) текста Корана преимущественно обозначались на полях рукописи; в лицевых рукописях эти отметки декоративно украшались (не только графикой, но и орнаментом, фигурной рамкой, золочением и др.). Обзор рукописей Кора-

¹ Например, экземпляр Корана, переданный в фонды музея-заповедника «Казанский Кремль», представляет собой рукописную копию полного текста казанского издания 1913 года. Мастерство каллиграфа проявилось в абсолютно точном воспроизведении печатного текста: и графики шрифта, и постраничного набора текста.

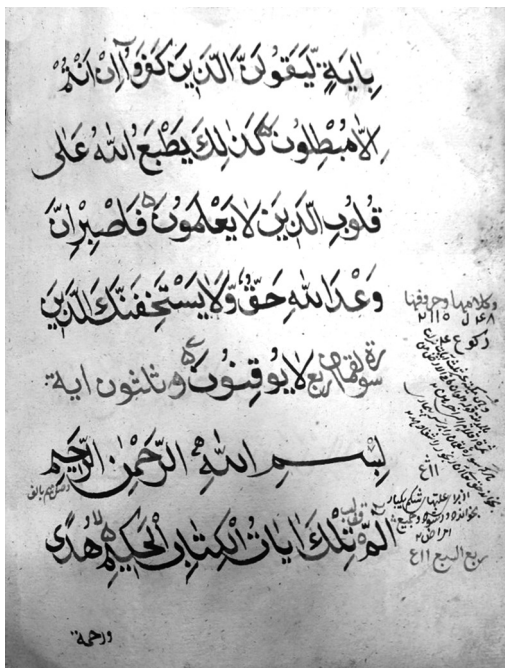

Рис 1. Название и пометки на полях. Сура «Лукман» тридцать четыре айата. Маргиналии: красными чернилами прописаны слова «её слов и её букв», количество указано цифрами арабской графикой галловыми чернилами «слов 648 и букв 2115». Рядом пометка «4 руку». Ниже красными чернилами: «руб' ас-суб'» (четверть седьмой части), рядом галловыми чернилами буква «'айн» с цифрой «11». ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 39. Ед. хр. 1614

на Ближне-Восточного и Средне-Азиатского происхождения, имеющих в собраниях ЦПН ИЯЛИ АН РТ, ОРРК НБ К(П)ФУ и НМ РТ, показывает, что в Средне-Азиатских списках больше, чем в Османских, приводится межстрочных знаков правил *таджвида*. Возможно, это наблюдение не достаточно фундирвано и нам не хватает насмотренности в массовом материале. Не исключено, что в великолепно исполненных лицевых рукописях, где основное внимание уделялось каллиграфии, декору, золочению в том числе и межстрочного пространства текста, меньше внимания уделялось включению полного набора знаков таджвида, хотя три знака основных остановок (вукуф: Лям-алиф, Та, Ха) обязательно ставились. Точное число практиковавшихся знаков *таджвида* пока не исследовано. Вероятно, они имели и региональные отличия. Знаки, имевшие общее распространение по всему мусульманскому миру,

дешифрованы частично, значение некоторых уже забыто [8].

Для того, чтобы показать особенности оформления татарских списков Корана напомним общую структуру кодификации его текста.

За четырнадцать веков рукописного распространения Корана (после письменной фиксации при халифе 'Усмани) внешний вид его текста стал очень отличаться от ранних рукописей, записанных почерком *хиджази* (вертикально вытянутые графемы) и почерком *куфи* (горизонтально вытянутые графемы).

Одна из особенностей этих древних почерков была в том, что буквы писались отдельно друг от друга и передавали только согласные звуки. Для дальнейшего продвижения развития письма были заимствованы два принципа из арамейского и набатейского алфавитов: написание справа налево и соединение вместе графем одного слова лигатурой (буквы в одном слове стали писаться слитно). Кроме лигатуры были приняты ещё две другие их особенности: форма и размер начальных и последних букв слова. Самое раннее арабское письмо называется *расм* или *расм ал-хатт* (так называемый «скелет» слова). Оно использовало группы согласных без каких либо диакритических знаков. Для графического начертания слов Корана использовалось 18 графем (без диакритики и огласовок). Последующие

Рис. 2. Разворот с началом текста Корана в списке, составленном по джузам. Названия первой и второй сур и сведения, включённые в название. Справа : Сура «Ал-Фатиха ал-Китаб»; мединская, / а говорят мекканская; она [состоит] из семи аятов; в ней 25 слов / и 123 буквы. Слева: Ал-Джуз ал-аввал (Первая часть) / Сура «Ал-Бакара» Мединская Она [состоит] из двухсот восьмидесяти / шести аятов; кроме аята йаум ал-арафа... / 35500 букв, 621 слово, 41 руку¹, 820 и'шар (десятих долей / десятков?) и шесть аятов (количество букв, слов, руку¹, десятих долей прописано цифрами; количество аятов прописью; сохранена орфография оригинала). ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 39, Ед. хр. 4021

совершенствования арабского письма сделали графику не только полностью лигатурной, но и количество графем возросло с 18 до 28 (в соответствии с числом согласных звуков арабского языка), благодаря введению надстрочных и подстрочных точек, в дополнение к ним была разработана система обозначения гласных звуков – *харакаты* (огласовки), которые ставились над или под согласной буквой.

Со временем в арабском письме утвердилось обозначение диакритики, а гласные на письме ставились и ставятся редко¹. Неизменным правилом составления письменного текста Корана стала обязательная его огласовка для исключения ошибок в чтении и понимании. В огласовании начертания слов (*расм ал-хатт*) Корана доминирующими стали два подхода: *Расм 'Усмани* – огласовки, объединяющее все *кира'аты*, и *Расм кийаси* – огласовки по правилам грамматики.

Одновременно множилась число каллиграфических почерков, из которых для составления текста Корана наибольшее распространение получил почерк *наسخ*, чёткий и простой, удобный для чтения.

В последующие столетия текст Корана получил дополнительную кодификацию помимо деления на *суры* и *аяты*. Она была связана с делением текста Корана для чтения, поскольку при

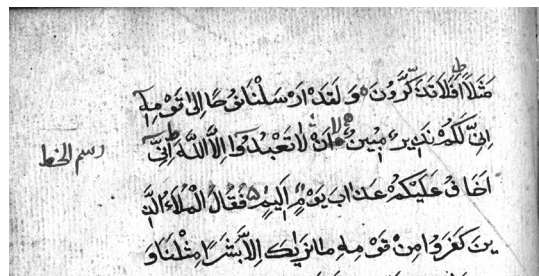

Рис. 3. Отметка на полях галловыми чернилами: «Расм ал-хатт» (начертание письма). Встречается во многих татарских списках Корана. ЦПН ИЯЛИ АН РТ. Ф. 39, Ед. хр. 1022

¹ Особенность и современного арабского языка – на письме прописаны только согласные и долготы гласных звуков. Если текст огласован, то, скорее всего, это цитата из Корана или хадисов, могут быть огласованы иностранные слова, редкие личные имена, топонимы, узко-специальные термины.

ритуальном чтении не желательно и даже не допустимо останавливаться в любом месте текста Корана. Это структурирование является второстепенными делениями текста, которые соответствующим словом обычно указывались на полях рукописей, а позднее и в изданиях (часто с пометкой слова в тексте с которого начинаются или заканчиваются эти деления).

В рукописях эта кодификация получает разную степень подробности и является неотъемлемой частью оформления текста Корана.

Традиционно Коран делится на семь равных частей (*манзил*, мн. ч. *маназил*) для чтения каждый день в течение недели. Помимо деления на 114 *сур* (установленного Пророком), это единственное деление, которое упомянуто в *сунне*. В тексте деление на *манзили* разграничивается по окончании *манзиля*, т.е. в конце текста первого *манзиля* на полях прописывается слово *манзил* без его номера и т.д. Отметим во избежание путаницы, что ни один из *манзилей* не тождественен тексту популярного у татар Хафтийак¹, в котором также собраны *суры*, составляющие одну седьмую часть Корана.

Наиболее распространено деление на тридцать примерно равных частей – *джузы* (*джуз'*, мн. ч. *аджза'*)² для чтения каждый день в течение месяца Рамадана. Номера *джуз*ов обычно прописывались словами, редко – цифрами, ещё реже одновременно и прописью и цифрами. *Джузы* имеют названия, обычно по слову с которого начинается. *Джуз* делится на половины и четвери. *Джуз* и его части в тексте указываются в их начале.

Более дробное деление текста – деление на *хизбы* (*хизб*, мн. ч. *ахзаб*), 1/60 часть Корана, составляющая половину *джуза*. *Хизб* также делится на части, которые обычно называются «четвертями» (*руб'*, мн. ч. *арба'*) и указываются в конце текста четверти. Так, отметка *руб'* *ал-хизб* (ربع الحزب), иногда просто *руб'* обозначает конец первой четверти и начало второй четверти *хизба*; в конце второй четверти *хизба* указывали «половина хизба» – *нисф ал-хизб* (نصف الحزب) и начало третьей четверти; а третья четверть писалась как *саласа арба'* *ал-хизб* (ثلاثة ارباع الحزب) «третья четверть хизба», т.е. конец третьей четверти – начало четвёртой, последней четверти *хизба*.

Менее известно деление текста Корана на четыре части, больше связанное с темами и значениями текста Корана, чем с его делением для чтения. Каждая из этих частей начинается словами «Ал-Хамду ли-л-Лахи» (Хвала Аллаху)³. Но это деление в тексте рукописей и изданий не обозначалось.

¹ «Хафтийак» (персид.) – «Суб' ал-кур'ан» (арабск.) – «Седьмая [часть Корана]» или «Седмица», включает первую суру «Ал-Фатиха», пять начальных аятов второй суры «Ал-Бакара», 36 суру «Йа Син», 48 суру «Ал-Фатх» и все остальные до 114 суры включительно.

² Персидское: *пара* پاره или *сипара* سپياره.

³ Первая часть – от суры 1-й – «Ал-Фатиха» до конца суры 5-й «Ал-Маида» – обсуждает концепцию Аллаха как Единственного и Единственного Творца всего сущего. Центральная тема второй части – от суры 6-й «Ал-Ан'ам» до суры 17-й «Бани Исра'ил» – Аллах – Единственный, Кто несёт ответственность за заботу и воспитание всего после их создания. Тема третьей части – от суры 18 «Ал-Кахф» до конца суры 33 «Ал-Ахзаб» – Аллах имеет полную власть контролировать и управлять Вселенной, как Ему угодно, подчёркивается, что Он – Верховный Властелин и нет Ему равных. В четвёртой части – от суры 34 «Ас-Саба» до конца суры 114 «Ан-Нас» – тема: Аллах будет Господом и Верховным судьёй в Ссудный день (*йаум ал-кийама*), и ни один заступник не может отменить Его решение.

Ещё одним характерным элементом оформления текста Корана является обозначение на полях на уровне соответствующих аятов мест совершения поклонов *саджда* (земных) и *руку'* (поясных). Земной поклон *саджда* желательнее совершать при чтении определённых пятнадцати аятов Корана.

Сложнее и многочисленнее обозначения для совершения поясных поклонов *руку'*. Термином *руку'* в Коране называют группу аятов, объединённых одной темой. Всего в Коране выделяют 540 (иногда 558) частей *руку'*). В рукописях и некоторых изданиях их помечают на полях знаком ξ ('айн) с его порядковым номером в *суре*, реже – словом *руку'*. Это деление определяет чтение Корана без прерывания смыслового повествования. После чтения этой группы *айатов* совершают поклон *руку'*. Смена темы повествования обозначается изменением при чтении Корана ритмики *айатов* и их длины. Смена ритма позволяет на слух определить смену темы даже без знания арабского языка. Первые семь *айатов* Корана, т.е. *сура* «Ал-Фатиха», составляют один *руку'*. Наибольшее число – 40 *руку'* приходится на самую большую *суру* «Ал-Бакара». В 60–79 *сурах* совершается по два *руку'*; а в 80–114 *сурах* – по одному *руку'*. Деление текста Корана на *руку'* было введено *'улама* Бухары примерно в XII–XIII вв. для чтения в намазе *таравих*. Это деление получило распространение и среди мусульман России. Оно не является обязательным (*ваджиб*).

В некоторых рукописях «выделялись группы из пяти и/или десяти аятов». Пожалуй, это было своеобразным учётом (и отчасти нумерацией) аятов Корана.

В художественно оформленных списках «для обозначения их границы могли использоваться специальные украшения на полях рукописи, а в тексте Корана – отличные по форме, более пышные и крупные розетки» [13], иногда со вписанной в них цифрой «пять» ۵ арабской графикой или с буквой ۵, цифровое значение которой по *аджаду* «пять». Каждый десятый *айат* от начала Корана, так называемый *'ушр* (عشر) «десяток», чаще отмечался на полях прописью каллиграфически и/или цветными чернилами¹.

Что касается татарских списков Корана, на примере рассматриваемых коллекций, отметим, что рукописи распадаются на полнотекстовые списки Корана и *Хафтийаки*. Например, в собрании ЦПН ИЯЛИ имеется около 55 *Хафтийаков* из 200 списков Корана. В преобладающем большинстве рукописи имеют утраты, и часто значительные. Единственно известный, составленный татарским хаттатом старейший список Корана в собраниях Казани датируется XVII в. [3]. Однако основной объём сохранившихся, дошедших до нашего времени татарских списков охватывает хронологический период от второй половины XVIII до начала XX века. Среди них большая часть рукописей относится к первой половине XIX века. Имеющиеся татарские списки Корана составлялись для личного пользования, поэтому не получали особого украшения, но изобиловали межстрочными знаками таджвида, а также имели предпочтения в обозначении структурных делений Корана. Например, для татарских списков не характерно указание на

¹ В Коране 1200 делений *'ушр*. Это деление было введено на Индийском субконтиненте для чтения по десять аятов после суры «Ал-Фатиха».

хизбы и его части. Деление на *манзили* обозначалось словом *суб*'. Предполагаем, что указание *руку*', которых в Коране не менее 540, на полях отмечалось буквой *ع* ('*айн*'), под которой или рядом ставился его номер.

На полях словами маркировались число аятов *хамс* или '*ашар* (соответственно, пять или десять), для этого в тексте иногда использовались два вида разделителей аятов большего и меньшего размера, соответственно десять или пять аятов.

В названиях сур татарские переписчики, как и среднеазиатские, нередко указывали не только место ниспослания суры и количество аятов, но и количество слов, букв и *руку*' в этой суре.

Ещё одной особенностью татарских списков Корана является их формат. Немало рукописей, выполненных в формате ½ листа; такая большая книга, видимо, была не очень удобной в использовании. Во всяком случае, списков формата ¼ листа значительно больше: чаще всего они представляли собой два тома одного рукописного списка Корана – от суры «Ал-Фатиха» до суры «Ал-Исра'» и от суры «Ал-Кахф» до суры «Ан-Нас».

Введение формата в ¼ листа может быть следствием влияния казанского издания Корана 1803 года, которое состояло из двух томов в соответствии с поздней традицией деления коранического текста на два тома.

Влияние казанских изданий на татарские списки Корана проявляется и в повторе маргинальных пометок, приведенных в изданиях, например, «вакф ан-набий...», «треть Корана», «половина Корана по количеству букв», «расм ал-хатт», «вакф куфр», «манзил ан-набий» и многие другие.

Влиянием казанских изданий, пожалуй, можно считать и популярность составления списка Корана в десяти рукописных книгах по три джуза в каждой. Таким был второй вариант казанского издания 1803 года. Однако, общемусульманская традиция составления списков Корана по одному джузу и у татар была распространена.

Среди татарских списков, выполненных умелыми, опытными копиистами (назовём их условно *профессиональными переписчиками*) также нет классически изысканно оформленных экземпляров, они не соответствуют строгим требованиям арабской каллиграфии, тем не менее эти списки по качеству исполнения можно рассматривать как местную, казанскую традицию арабского письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева О.В.* Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки. – С. Петербург: Изд-во: «Российская национальная библиотека», 2008. – 131 с

2. *Гараева Н.Г.* Рукописи Корана и тафсиров в коллекции Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии Наук Татарстана // Рукописная и старопечатная книга: проблемы сбора, сохранения и изучения: тез. докл. и выст. науч.-практ. конф., посвященной 130-летию Нац. библиотеки Респ. Татарстан, 14–15 дек. 1995 г. – Казань, 1995. – С. 52–53.

3. *Гараева Н.Г.* Старейший список Корана в собрании Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета // Восточные рукописи: современное состояние и перспективы изучения: материалы круглого стола (Казань, 1 декабря 2011 г.) / сост.: Р.Ф. Исламов, С.Ф. Галимов. – Казань, 2011. – С. 93–105.

4. *Гараева Н.Г.* Татарская рукописная традиция: Кораны в собрании ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Каталог. – Казань: ИЯЛИ, 2022.

5. *Гараева Н.Г.* Грани мусульманской книжности Казани. Каталог // Памятники исламской культуры в собрании Национального музея Республики Татарстан. – Казань: «Заман», 2023. – С.12–45.

6. *Гилязутдинов С.М.* Описание рукописей Корана из хранилища Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ. – Казань, 2013. – 92 с.

7. *Резван Е.А.* Коран и коранистика в России // Ислам. Историографические очерки. – М.: Наука, 1991. – С.15.

8. *Резван Е.А.* Коран и его мир. – СПб: Петербургское востоковедение, 2001. – 608 с.: 1 л. ил.

9. Рукописный Коран в духовной жизни татарского народа [Буклет выставки]. – Казань, 2013. – 14 с.

10. *Саблуков Г.С.* Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения. – Казань, 1884. – С. 14–15.

11. *Саламех Х.* Манускрипты Корана в исламском музее ал-Харам аш-Шариф в Иерусалиме. – М: ИД «Магистр-Пресс», 2004. – 206 с.

12. *Самигуллин К.И.* Вклад татарских богословов в коранические науки и в изучение *расма* (правил записи) Корана: автореф. дис. ... д-ра исламских наук. – Болгар, 2022. – 21 с.

13. *Ястребова О.М.* Особенности художественного оформления списков Корана. – Режим доступа: <https://expositions.nlr.ru/ve/RA3999/rukopisnye-korany-oformlenie>

УДК 93/94:091

«ТАВАРИХ-И ГУЗИДА – НУСРАТ-НАМЕ» – КАК ПРИМЕР РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Л.Ф. Байбулатова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

В статье рассматривается позднесредневековое сочинение «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», которое представляет собой образец рукописной мусульманской книги среднеазиатского ареала. Это сочинение соединяет в себе синтез жанров, среди которых преобладает историческая хроника, раскрывающая подвиги Мухаммеда Шейбани-хана. В книге наблюдается большинство черт, присущих для письменной мусульманской культуры. Это – синкретичность жанров, построение текста, язык, наличие художественных украшений списка.

Ключевые слова: Таварих-и гузида Нусрат-наме, Мухаммед Шейбани-хан, рукопись, Средняя Азия.

The article examines the late medieval work «Tawarikh-i Guzida Nusrat-name», which is an example of a handwritten Muslim book from the Central Asian area. This work is a synthesis of genres, among which the historical chronicle predominates, revealing the exploits of Muhammad Sheibani Khan. The book presents most of the features inherent in written Muslim culture. This is the syncretism of genres, the construction of the text, the language, the presence of artistic decorations of the list.

Key words: Tawarikh-i guzida Nusrat-name, Muhammad Shaybani Khan, manuscript, Central Asia.

По словам Л.В. Дмитриевой тюркоязычная рукописная книга представляет собой сложное и специфическое явление, заключающееся в том, что исторически она выражалась в нескольких видах письменности и наиболее долговечной была арабская [2: 407]. Одним из примеров тюркоязычной книги на арабской письменности является «Таварих-и гузида –

Нусрат-наме» – историческое сочинение начала XVI в. Оно было написано по велению Мухаммед Шейбани-хана с целью запечатлеть и сохранить в памяти народа свои подвиги. Специфика достижения указанной цели заключалась в том, чтобы читателям необходимо было предоставить обоснование завоеваниям и легитимности власти на завоеванных землях, поэтому данное произведение, несмотря на все богатство фактического материала, носит хорошо продуманный политический характер [5: 174–175].

Авторство этого сочинения до сих пор окончательно не установлено. По существующим на сегодняшний день версиям автором может быть и сам Мухаммед Шейбани-хан, обладавший литературным даром. Известны несколько его произведений, это – поэтический сборник «Бахр аль-худа» и прозаическое произведение «Рисалия магарифи Шейбани». Согласно второй версии, автором «Таварих-и гузида...» Мухаммед Салих. Он был придворным историком Шейбани-хана, наиболее известна его поэма «Шейбани-наме», в которой описываются события 1499–1505 гг. [1: 602].

«Таварих-и гузида – Нусрат-наме» состоит из трех частей, где первая часть является переводной и составной из разных сочинений, в частности, трудов Джувейни, Рашид ад-Дина и Казвини. В этой части дана информация о Чингиз-хане и его потомках. Во второй части речь идет о Тимуре, третья полностью посвящена Мухаммеду Шейбани-хану. В настоящее время существует только один полный перевод сочинения на турецкий язык Харуна Кайа, изданный в 2022 г., до этого были опубликованы только отрывки, выполненные В.П. Юдиным. Также большая работа была сделана А.М. Акрамовым, который провел критический анализ двух списков сочинения [4: 15].

«Таварих-и гузида – Нусрат-наме» является образцом среднеазиатской позднесредневековой письменной культуры и представляет собой, как отметила Л.В. Дмитриева, редкий исторический труд [2: 426]. Редким она назвала его, возможно, потому, что в период Шейбанидов кроме этого сочинения других исторических трудов не выявлено.

Основная цель «Таварих-и гузида...» заключалась, как отмечалось выше, в сохранении в памяти народа ратных подвигов Шейбани-хана, чему и посвящена третья часть. Первые две части также служат основой для возвеличивания хана, по сути они являются базовой исторической подоплекой третьей части. Первая часть должна была показать, что Мухаммед Шейбани-хан является потомком великого Чингиз-хана и благодаря этому он имеет право владеть завоеванными его предками землями и народами. Вторая часть о Тимуре должна была показать, что Тимур является незаконным правителем земель, которые ранее принадлежали чингизидам. Но также эти две части решают и другие задачи, например, распространение исторических сведений о более ранних временах и формирование исторической памяти. В этом проявляется один из моментов преемственности тюркских рукописных книг исторического жанра. В «Таварих-и гузида...», несмотря на то, что это историческое произведение, нельзя сказать, что история представлена здесь в чистом виде. Все три части достаточно синкретичны, здесь соединены переводная литература, фольклор, хроника.

Переводная литература среди средневековых тюркоязычных рукописных книгах появилась, как отмечает Т.И. Султанов, с тех времен, как тюркоязычные народы стали плохо понимать арабский и персидские языки, поэтому сочинения, особенно если там были сведения о тюркских народах, стали переводить на понятный им язык [6: 141–144]. В «Таварих-и гузида...» включение переводов исторических работ исходит от заказчика сочинения, которым выступает Мухаммед Шейбани-хан. Так было повелено перевести на тюрки «Таварих-и джаханкушай-и Менгу-хан ибн Тулуй-хан» (сочинение Ала ад-Дин Ата-Малика Джувейни), «Таварих-и гузида-йи Исламшах Газан-ханнаң кызы» (сочинение Хамдаллаха Мустауфи Казвини), «Мунтахаб-и джами» (труд Рашид ад-дина) и «Таварих-и шахи». Кроме того были переведены на тюрки сочинения монгольских бахши [3: 9]. Таким образом благодаря этим переводам была выполнена задача, во-первых, по распространению среди читателей сведений о тюркских народах, во-вторых, эти переводы послужили основой для показа Мухаммеда Шейбани-хана наследником великих предков-чингизидов, которые завоевывали эти земли и управляли народами этих земель.

Автор «Таварих-и гузида...» используя эти сочинения подходил к ним избирательно и переводил только те части, которые были необходимы для достижения указанной во введении одной из задач. Задача эта заключалась в том, чтобы рассказать народу о Чингиз-хане, его женах и потомках, их деяниях [9: 3об]. Однако следует отметить, что при переводе автор не искажал текст, не добавлял своей информации. Об этой аккуратности можно судить, например, по отрывку о татарах. Рассказ о племени татар был взят «Сборника летописей» Рашид ад-Дина и, сравнивая перевод средневекового автора с переводами, изданными в 1952 г., можно сказать, что были только сокращения текста, но изменений не наблюдается.

Несмотря на использование переводов в большей части сочинения, автором подчеркивается оригинальность произведения. По мнению Т.И. Султанова об оригинальности средневековых трудов говорит употребление термина *та'лиф*, в то время как термин *тасниф* говорит о компилятивном характере [7: 479]. В «Таварих-и гузида Нусрат-наме» используется оба термина следующим образом: «*ким бу китабнаң тәснифигә бу тәварихниң та'лифигә сәбәб ул булды*» («кто стал причиной появления этой книги и сочинения этих событий» – перевод мой. – Л.Б.) [9: 3об]. Таким образом, автором скорее всего подчеркивается самостоятельность написания части, посвященной Мухаммед Шейбани-хану.

Примером приверженности традициям в рукописных книгах служит также язык сочинения. В «Таварих-и гузида...» мы видим использование трех языков: основного – тюрки, на котором и было велено написать это сочинение, а также арабского и персидского. Следует отметить, что в первой и второй части сочинения использование арабского и персидского языков наблюдается больше, чем в самостоятельной части. Последняя часть отличается простым, доступным для понимания тюрки. Арабский язык использовался для толкования некоторых религиозных моментов, на персидском языке были записаны беиты. Таким образом, автор видимо

старался подчеркнуть назначение каждого из языков, то есть арабский язык – язык богословия и в сочинении он использовался при религиозных дискурсах Мухаммеда Шейбани; персидский – язык поэзии; использование же тюрки объяснялось доступностью для населения. Как отметил В.В. Бартольд, хотя тюркская литература и находилась в зависимости от арабской и персидской, она была более искренней из-за простоты языка и близости к повседневной жизни [7: 481].

О распространённости «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» говорит наличие списков. Известны два наиболее полных списка, также 7 сокращённых [8: 25]. Говоря об одном из наиболее полных списков «Таварих-и гузида...», а именно списке 1562–1563 г., необходимо отметить его оформление. Судя по всему, оно было предназначено для высокопоставленных особ, возможно, сделанное по заказу, т.к. его отличает наличие переплета, красивый почерк, использование цветных чернил для выделения разделов, беитов, некоторых имен. Здесь же представлены миниатюры художественной школы Мавераннахра, которая возникла на базе Гератской художественной школы [2: 429]. Миниатюры представлены в разных частях сочинения, иллюстрируют сопутствующий текст, т.е. они не разбросаны по всему тексту, а соответствуют содержанию. В основном, представлены миниатюры, изображающие собрание по какому-либо поводу, либо военные действия.

Таким образом, «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» представляет собой один из примеров тюркоязычной исторической рукописной книги среднеазиатского ареала, созданная в позднезолотоордынский период. Причины и место написания сочинения придали ему характерные черты, заключающиеся в содержании, выборе языка и оформлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбулатова Л.Ф. Отражение роли ислама в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» // Золотоордынское обозрение. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 601–611. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.601-611 EDN: BUQHYH
2. Дмитриева Л.В. Тюркоязычная арабописьменная рукописная книга по ее ареалам // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга первая. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1987. – С. 407–450.
3. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII ввек. Извлечения из персидских и тюркских сочинений. – Алма-Ата: «Наука», 1969. – 655 с.
4. Сабитов Ж.М. Анализ генеалогий Джучидов на основе данных двух списков «Таварих-и гузида-и нусрат-наме» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2023. – С. 15–17.
5. Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 304 с.
6. Султанов Т.И. Некоторые вопросы тюркской средневековой переводной исторической литературы // Тюркологический сборник. 1976. – М.: «Наука», 1978. – С. 141–152.
7. Султанов Т.И. Среднеазиатская и восточнотуркестанская позднесредневековая рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга первая. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1987. – С. 479–504.
8. Таварих-и гузида – Нусрат-наме / Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений канд. филол. наук А.М. Акрамова. – Ташкент, 1967. – 128+ ϵ v \circ .
9. Таварих-и гузида – Нусрат-наме // British library. Or. 3222. 149 p.

ВЛИЯНИЕ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТАТАРСКИЙ ЭПОС: КНИЖНЫЕ ДАСТАНЫ

Л.Х. Мухаметзянова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье представлено обобщенное изложение ключевых сведений о рукописном эпосе татар. Влияние письменной культуры на формирование и развитие татарских книжных дастанов автор определяет как фундаментальные основы эпической культуры народа. Объектом исследования выступают татароязычные тексты эпос-дастанов в различных вариантах, имеющие непосредственное отношение к письменным традициям татар. Наблюдения и выводы автора статьи позволяют рассматривать татарские эпос-дастаны в ракурсе исторической эпохи, общественного и творческого сознания.

Ключевые слова: татарский эпос, книжные дастаны, письменная культура, арабграфичные рукописи.

The article presents a summary of the key information about the handwritten epic of the Tatars. The author defines the influence of written culture on the formation and development of Tatar book dastans as the fundamental foundations of the epic culture of the people. The object of the study is the Tatar-language texts of epos-dastans in various versions, which are directly related to the written traditions of the Tatars. The observations and conclusions of the author of the article allow us to consider the Tatar epics in the perspective of the historical epoch, social and creative consciousness.

Key words: Tatar epic, book dastans, written culture, arabographic manuscripts.

ТАТАР ЭПОСЫНА ЯЗМА МӘДӘНИЯТ ТӘЭСИРЕ: КИТАБИ ДАСТАННАР

Л.Х. Мөхәммәтҗанова

Дастаннар – күләме, эпиклыгы, камиллеге белән язма әдәбиятның саллы һәм затлы әсәрләре, урта гасыр әдипләре ижатының чын мәгънәсендә тажы. Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф»ы, Хәрәзминенң «Мәхәббәтнамә», Хисам Кятибнең «Жәмҗәмә солтан», Сәйф Сараиненң «Сөхәйл вә Гөлдәрсен», Мөхәммәдьярның «Төхвәи Мәрдан»ы – энә шундый ядкаръярдән. Дастаннар борынгы чорлардан алып бүгенге буын шагыйрьләре һәм әдипләре ижатына төрле яклап тирән тәәсир ясаганнар, мәртәбәле үрнәк ролен үтәгәннәр. Шул ук вакытта дастан дип атала торган күләмле әсәрләр инде күптәннән әдәбиятта гына түгел, татар фольклорындагы эпик жанр буларак та мәгълүм. Татар халык эпос-дастаннарына язма мәдәниятнең йогынтысы биниһая. Бу йогынты фәлсәфи һәм дини категорияләр, социаль һәм хокукый доктриналар эволюциясе белән тыгыз бәйләнгән.

Мең елдан артык язуы булган халык өчен язма әдәбиятка хас жанрның халык ижатына тәәсир ясаган булуы, шул һәм башка сәбәпләр аркасында татар эпосының язма мәдәният кысаларында үзенчәлекле үсеш алган булуы табиғый, әлбәттә. Алай да дастан нәрсә дә эпос нәрсә, татарларның язмага күчкән күләмле эпик ижатын якутлардагы, кыргызлардагы, казакълардагы, каракалпак яисә нугайлардагы сөйләмә эпоска тинләп буламы, татар эпосы да дөнья эпик мәдәнияте югарылыгындагы кыйммәтле ижатымы кебек сораулар фәнни даирәдә һаман баш калкытып тора.

Татар эпосы борынгы төрки һәм фарсы әдәбиятындагы мәшһүр әдәби дастаннар белән зур уртаклыкка ия. Башкача әйткәндә, бу – сөйләүгә корылган традицияләр белән дә, шул ук вакытта индивидуаль язма ижат белән дә үтә житди керешкән өлкә, феноменаль күренеш. Башка төрки халыкларда чичән-жырау телдән башкара торган эпос янәшәсендә татар эпос-дастаннарының төп хасияте дә нәкъ менә шунда. Күп кенә төрки халыкларда тел-сөйләм ижаты буларак киң таралган, эпос дип билгеләнә торган әсәрләрнең дә татар версияләре язма дастаннар мисалында үсеш алган.

«Дастан» – фарсы сүзе, «хикәяләү», «бәян итү» дигәнне аңлата, эпос кануннарына яраклаштырылган миф, әкият, легенда, риваять һәм тарих материалларына нигезләнә ижат ителгән әсәрләр атамасы буларак кулланыла. Шул ук вакытта ул шундый төр әсәрләрнең жанрын да белдерә. «Дастан» төрки телләрдә дә «тарих», «хикәя», «үткән эшләр хикәясе» дигән мәгънәләрдә йөри [1: 547]. Энциклопедияләрдә дастан текстының гадәттә ашуг, бахшы, акын, чичәннәр тарафыннан музыкаль башкарылуы хакында әйтелә, башкарган вакытта декламациянең музыкаль өлешләр белән чиратлашуы искәртелә. Димәк, әле урта гасырларда ук дастаннар кәгазьгә теркәлү белән генә чикләнмәгән, ә башкаручысы укып-көйләп бирү белән характерлана торган ижат төре булган. Шул ук вакытта «эпос» та – «дастан» сүзенә тәңгәл төшенчә, грек сүзе, сүз, бәян итү, хикәя дигәнне аңлата.

Дастан дип билгеләнгән әсәр күпчелек очракта үзенә тамырлары белән кайчандыр тарихта булган, инде риваять-легендага әверелгән яки уйдырма-фантазия белән үрелгән вакыйгаларга барып тоташа, ә аның сюжеты я әкияти-мифологик, я тарихи-героик, я булмаса халык күңелен жәлеп итәрдәй тетрәндергеч-эмоциональ мэхәббәт интригасына корылган була, кызыклы, гыйбрәтле хәлләрне һәм вакыйгаларны мавыктыргыч бәян итә. Дастаннарның барысына да эпиклык хас, алар күләмле эпик жанрга карыйлар. Тарихи шулай килеп чыккан: урта жанр билгеләренә ия булу язма мәдәният белән тыгыз бәйләнгән фольклор дастаннарын чичән телдән башкарган эпос белән тәңгәлләштергән. Бүгенге көндә фольклор һәм әдәбият белемендә, дастанны эпос дип атап, бу төшенчәләргә синоним дәрәжәсендә куллану алар арасында уртаклык булудан килә.

Бүгенге көндә бер халык ижатында жанр атамасы белән дастан дип атала торган әсәрләр – кулъязмаларда һәм басма китапларда дастан, кыйса, хикәят, хикәя, китап исемнәре белән теркәлгән татар эпосы. Тикшеренүләр күрсәткәнчә [5], терминнар янәшәлеге асылда бер үк жанрны белдерүгә кайтып кала һәм алар, эчтәлеге ягыннан булсын, формасы ягыннан булсын, халык дастаны терминының гомум мәгънәсенә тулысынча туры киләләр.

Сөйләмә эпос-дастаннарда алмашка килгән язма-китаби дастаннарыбыз гарәп язулы кулъязмалар булып, китап басу чорында исә басма китапларга әвереләп, хәзерге көннәргә килеп житкәннәр. Алмашка килгән дисәк тә, сөйләмә дастаннар стилиндәге традицияләр китаби дастаннарда да эзсез юкка чыкмаганнар. Татарларда озак еллар буена бер үк дастанның сөйләмә

төрә дә, китаби төрә дә параллель яшәгән булуга да мисалларны күпләп китерергә мөмкин булыр иде. Хәлбуки бер үк сюжетка иң камил дастанны сайлый башласак, нәкъ менә китаби вариантның югары эпик канунарны да саклаган, шул ук вакытта әдәби камиллеккә житкән иң тулы әсәр булуын таныйбыз.

Татар дастаны «эпос» дигән төшенчәне дә, «хикәяләп бирү», «тарих сөйләү» дигәнне дә, «поэма» дигән мәгънәне дә үз эченә ала. Дастанда һәрвакыт каһарман була. Халык телендә аларны «батыр» дип атау бар. Зур батырлар зур вакыйгалар барышында туа. Батыр ул – халык өчен әһәмияте биниһая вакыйгаларда кыю катнашучы көрәшчә, гадәттән тыш батырлыктар кылучы ир-егет. Мондый батырлар ил азатлыгы, халык бәхетә өчен югары идеяләрне тормышка ашырам дип көрәшәп яшиләр, көрәш юлында я стихиялә табиғат көчләре, я идарәчә түрәләр, я аерым бер кеше, я язмыш белән каршылыкка кереп, гадәттә һәлакәткә дучар булалар. Менә шундый гадәттән тыш көчлә рухлы батырларның тууы, үсүе, көченә ташып торып, куәтен илен-халкын, сөйгәнән яклау-саклау максатында куллануы, тарихи жирлеккә ия зур вакыйгалар эчендә акылы-куәте белән массадан аерылып торуы, зур эшләр башкаруы хакында нейтраль формада сөйләп-хикәяләүне жырлар, сарын, тулгаулар, елау-сыктау, назымнар кебек тәзмә юллар белән аралаштыру яисә тоташ шигъри тәзмәдә бирү дастан дип атала. Дастанда алга хис-кичерешләр түгел, ә халык тормышының эпик картинасы чыгарыла, сурәт һәр детальдә сәнгати югарылыкны саклап, сабырлыгына, хәтта фажиғай күренешләргә дә мөнәсәбәтне ачыктан-ачык белдерми генә тудырыла. Шушыларның барысын да исәпкә алып, фольклор канунарын тиешле дәрәжәдә үтәп оешкан катлаулы бер әсәр эпос-дастан була. Татар дастаны батырлык темасы белән бергә ике гашыйкның мөхәббәт тарихын да бәян итә, төзелешә белән тоташ шигъри, чәчмә яисә катнаш характерда була.

Эпосны телдән әйтү күчмә тормыш шартларында озаграк яшәгән, мөселман культурасын соңрак үзләштергән яисә ислам тәэсирән бөтенләй кичермәгән халыктарда стабил сакланган. Татар чичәнә туй-мәжлесләрдә көтелгән кунак булган, төрлә вәзгыяттә оста сөйләвә белән жәлеп иткән. Кагыйдә буларак, ул – үзә яшәгән төбәкнең оста теллә, мәгълүм мөхтәрәм кешесә, фольклор музыка коралларында да уйный белгән. Н.Исәнбәт «чичән» сүзенә халыкта сүз остасы мәгънәсендә йөрүен әйтә [6: 67]. Татар халкына жырау-чичәнлек традицияләре, әлбәттә, чит-ят түгел. Кайбер дастаннарыбызның шигъри өлешләрен дутар, думбра, саз белән көйләп әйтү традициясә әле дә исән булу яисә эпос-дастаннарға якын торган кайбер сөйләмә әсәрләренә бүгенгә көннәрдә дә халыкта актив жанрлар рәтендә йөрүе – шуңа дәлил. Татарстан Фәннәр академиясә Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты тарафыннан 2000нчә еллар азагыннан интенсив төстә уздырыла килә торган, Институт эшчәнлегенә зур бер юнәлешән тәшкил иткән комплекслы фәнни экспедицияләрдә галимнәр татар дастаны эзләренә әле дә тап була торалар. Әле бүгенгә көндә дә татарлар яши торган төбәкләрдә дастанны фабула характерында, я

булмаса эсәрдән дастан жырын көйләп бирүчеләр – чичәнлек традициясен бүгенге көнгә китереп житкерүчеләр.

Шул ук вакытта татар дастанының төп үзенчәлеге шунда: алар китап культурасын үстерүгә зур йогынты ясаганнар, язма әдәби-мәдәни процессны югары баскычка күтәрүдә эһәмиятле функция үтәгәннәр. Хикмәт шунда: халкыбыз күләмле дастаннарны берничә гасыр элек кәгазьгә төшергән, ягъни мәгълүм дастани сюжетлы иң камил, иң төзек вариантлар язмага теркәлеп, кулъязма нөсхәләр яисә китапка эверелеп таралган. Язулы һәм дүүләтле халыклар эпосының язмышына карата Х.К. Короглы түбәндәгечә яза: «Язулы борынгы халыкларның (фарсы, һинд һ.б.) күбесендә эпос, язуга күчәрелү белән үк, сөйләмә формада яшәүдән туктаган, чөнки дастан әйтүченә (сказитель) кыйссахан (чтец) алыштырган һәм ул авыл һәм шәһәрнең озын кичләрендә шул ук эпосны үзә «канунлаштырган» формада халыкка укып бирә торган булган. Шәһәр һәм авыл культурасы югары утрак тормышлы иранлылар, һинд, греклар, тарихи үсешләренә билгеле бер чорында, телдән башкарыла торган эпоска караганда язма эпосны кулайрак күрәп, тулысынча язма эпоска күчкәннәр» [3: 114].

Күп гасырлык язма мираска ия татарларда да эпик ижәтның язмышы әлеге закончалыкка тәңгәл: иртә язмачылык, утрак тормыш, шәһәрләшү, укымышлылыкның югары дәрәжәдә булуы, грамоталылыкны һәм белемне пропагандалый торган ислам тәэсире татар дастанының язма-китаби юнәлештә үсүенә йогынты ясаган. Халыкның уку-язу белән турыдан-туры шөгылләнүче катламы даирәсендә туган күләмле эпик ижәт язуга теркәлгән. Татар халкы үзенә яшәү-тереклек итүе дәверендә эпос-дастаннарны бик күп ижәт иткән. Мондый ядкарлар, кулдан язып күчәреләп һәм таратылып, тарихи үсешнең татарлар өчен үзенчәлекле чорларында халыкка милли ұзаңны, милли үзбилгеләнүне саклап калу чарасы булып та хезмәт иткән.

Россия халыклары арасында татарларның иң дисперс халык булуы да дастаннар үсешенә үзенә уңай йогынтысын ясаган. Сибеләп урнашкан татар халкының себер этник төркемендә яисә Әстерхан татарларында сөйләмә характердагы дастаннар күбрәк сакланып калып, Идел һәм Урал буендагы татарларда исә язма-китаби эпос-дастаннар тотрыклы үсеш алган булу шуны раслай. Оештыручы сәясә үзәктән ераклык, шулай ук территория киңлеге һ. б. факторлар Себердә, Әстерхан өлкәсендә яшәүче татарларда сөйләмә эпос-дастаннарның яшәве өчен уңайлырак шартлар барлыкка китергән.

Шунысын искәртү мөһим: Идел бие татарларында эпосның язма әдәбиятка гына түгел, гомумән язмачылыкка, язма культурага бәйләлеге, хәтта буйсынган булуы төрле факторлар аркасында гаять киң жәеләп, тора-бара халык дастаннары таралыш-яшәешендә масса характерын алган. Чыннан да, Казан татарлары дастани мирасының иң зур күпчеләген китаби дастанар тәшкил итә. Башка төрки халыклардагы версияләре чичәннәрнең авыз-тел ижәты буларак таралган дастаннар да Идел буенда китаби булып формалашканнар. Мәсәлән, атаклы «Идегәй» (фәндә мәгълүм Н. Исәнбәт варианты, Н. Хәким варианты, А. Ходзько, С. Чыгатай вариантлары һ.б.) дә, яисә «Чура батыр», «Түләк китабы», «Бүз егет»

Һ.б. – барысы да татар рухи тормышына иң беренче чиратта жыручы-чичән башкаруында түгел, ә язма-китаби эпос булып кереп урнашканнар. Ә «Кыйссаи Сәкам», «Каһарман Катил», «Гыйсә улы Амәт», «Чыңгыз хан нәселе турындагы дастан» һ.б. – болар, гомумән, башлангычы белән үк язмада таралыш алган дастаннар.

Татарлар халык сүз сәнгатендә дастаннарның китаби төре популяр булуны күчәрәп таратылган кулъязмаларның күпләгә дә, басма китап чорына кергәннән соңында аларның бик зур тиражлар белән басылып чыккан булуы да раслый. Мисал өчен, «Каһарман Катил» дастанына карата шул мәгълүм: күчәрелүе XVIII йөзгә караган кулъязмаларыннан башлап, бу эсәр XX гасырның 20 нче елларына кадәр гарәп язулы китаплар булып шактый зур тираж белән басыла килгән. 1912 елда «Кәримия» нәшриятында китапның 6000 гә якын, ә 1913 елда «Ш.Хөсәеновлар нәшере»ндә төгәл 6000 данә белән басылуы мәгълүм [2: 148–149], димәк, дастанга халыкта, шиксез, ихтыяж булган, эсәр кабул ителгән, яратып укылган, таралган һәм – иң әһәмиятлесе – XX гасыр башында да әле «Саф татар телендә, һәркемгә аңлап укырга бик кызыклы» [4] дигән тәкъдимнәр белән өндәп, рекламалау рәвешендә халыкка аңлы һәм максатчан рәвештә таратылган. «Сәйфелмөлек», «Ләйлә белән Мәжнүн», «Йосыф китабы» һ.б. сюжетка корылган дастаннар турында да шундый ук фактларны китерергә мөмкин булыр иде. «Идегәй», «Чура батыр», «Гыйсә улы Амәт», «Дастане Чыңгызнамә», «Алпамша», «Жик мәргән», «Таһир белән Зөһрә», «Бүз егет», «Түләк китабы», «Сары Салтык», «Хурлуга белән Хәмра» «Мактым-сылу», «Кыйссаи Зәркум», «Хикәят Былбылнамә», «Хикәя Маһфируз вә солтан илә Разанхан», «Каһарман Катил» «Кыйссаи Сәкам», «Кыйссаи Сәед Баттал», «Хикәятә Күр углы солтан» кебек дастаннар да халыкта күпләгән вариантларда кулъязмалар һәм басма китаплар булып таралган булган.

Татарның бик борынгыдан килә торган кулъязма китабы да, XIX гасырның башыннан дөнья күрә башлаган тулы канлы милли басма китабы да – мәдәниятебез һәм әдәбиятыбыз тарихын өйрәнү өчен үтә кыйммәтле чыганак. Идел һәм Урал буйларында гына түгел, гомумән Евразия далаларында таралып яшәүче татарларда киң таралып, татар дастаны гасырлар буена халык тормышында эмоциональ-экспрессив дәрәжәдәге рухи азык, тәэсирле язма укып, күңел юату чарасы гына булмыйча, тарихның халык өчен хәлиткәч әһәмияткә ия этапларында үзенә күрә бертөрле идеологик функция дә үтәп килгән булуын да онытмыйк. Шуңа да Казанда Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында, аннан тыш Милли китапханә һ.б. фәнни үзәкләрдә татар дастаннарын жыю-туплау һәм сакланышын тәэмин итү юнәлешендә хаклы рәвештә максатчан эш алып барыла килә.

Язма традицияләр үрнәгендә урта гасырлардан ук формалаша килеп, гомер-гомергә халкыбызга рухи азык ролен үтәгән китаби дастаннарда эпик һәм индивидуаль ижат башлангычлары бер-берсе белән гармониядә. Шунысын ассызыкلامый мөмкин түгел: татарларның китаби дастаннары дәрәжәсенә житкерелгән ядкаръләр, мисалга башка төрки халыкларда да версияләре таралыш алган «Идегәй»не генә алсак та, башка бер генә төрки

халыкта да юк. Татар дастанының китаби камиллеккә ирешкән булуы – милләтнең аңы, укымышлылыгы, алдынгылыгы белән бәйле сыйфат. Бу төр ижат – халкыбызның асыл кыйммәтләреннән берсе.

ӘДӘБИЯТ

1. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1869. – 814 с.
2. *Гилязов З.З.* Татарская литература начала XX века в книжных изданиях. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2005. – 160 с.
3. *Короглы Х.Г.* Огузский героический эпос. – М.: Наука, 1976. – 239 с.
4. Кыйссаи пәлван Каһарман Катил. Саф татар телендә, һәркемгә аңлап укырга бик кызыклы. – Казан: Матбагаи «Кәримия», 1914. – 116 б.
5. *Мухаметзянова Л.Х.* Татарский эпос: книжные дастаны. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. – 380 с.
6. Татар халык мәкальләре: 3 томда / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – Т. 1. – 915 б.

УДК 003.23

ВОПРОСЫ АЛФАВИТА И ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТРУДАХ Г. АЛПАРОВА (на основе личного архива ученого)

Л.Ш. Гарипова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматривается деятельность ученого-тюрколога, языковеда, педагога, переводчика Гибадуллы Алпарова (1888–1936), внесший огромный вклад в развитие образования и просвещения тюркских народов. Учитывая его значительные труды в деле сохранения и развития татарского письма на арабской графике, особое внимание в публикации уделяется его исследованиям посвященным реформированию старотатарской письменности, отмечаются проектные работы по разработке облегченной и доступной версии печатных шрифтов. В рамках статьи дается небольшой обобщенный аналитический экскурс научного наследия профессора в области языкознания.

В качестве первоисточников в публикации использованы материалы из личного фонда Г. Алпарова, хранящиеся в ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Ключевые слова: Г. Алпаров, языкознание, учебники, письменность, латиница, реформа печатной арабской графики.

The article examines the activities of the Turkologist, linguist, teacher, translator Gibadulla Alparov (1888–1936), who made a huge contribution to the development of education and enlightenment of the Turkic peoples. Taking into account his significant works in the preservation and development of Tatar writing on Arabic graphics, special attention in the publication is paid to his research on the reform of the old Tatar script, project work on the development of a lightweight and accessible version of printed fonts is noted. An additional material to the topic is a small generalized analytical excursion of the professor's scientific heritage in the field of linguistics presented by the author of the article. As primary sources in the publication, materials from the personal fund of G. Alparov, stored in the Central Research Institute of the Institute named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, are used.

Key words: G. Alparov, M. Gildiev, linguistics, textbooks, writing, grammar.

**Г. АЛПАРОВ ХЕЗМЭТЛӘРЕНДӘ
ИМЛЯ ҺӘМ МӘГАРИФ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ
(галимнең шәхси архивы нигезендә)**

Телебезнең үсеше өчен озак еллар армый-талмый хезмәт күрсәткән, үзеннән соң зур хезмәтләр калдырган галимнәр арасында мәшһүр тел белгече, тюрколог, педагог һәм жәмәгать эшлеклесе Гыйбадулла Алпаровның (1888–1936) лаеклы урыны бар.

1993 елда ТР ФА Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтына Гыйбадулла Алпаровның шәхси архивы кабул ителә. Аны галимнең улы архитектор Үзбәк Алпаров тапшыра. Шунысын да әйтеп үтәргә кирәк, институт Мирасханәсе искиткеч зур мирас тупланган үзәкләрнең берсе. Биредә Ш. Мәржани, К. Насыйри, Г. Тукай, Г. Ибраһимов, Ф. Әмирхан, Г. Исхакый, С. Вахиди һ.б. күп күренеклеләрнең фондлары саклана, алар, өйрәнеләп, халыкка житкерелә [7: 274; 2: 125].

Г. Алпаров фондында (111 нче фонд) сакланган материаллар арасында галимнең көндәлекләре, хатлары, мәкаләләре басылган газеталар, фотографиялар, китаплары бар, шулай ук чыгышларының, мәкаләләренең каралама вариантлары, шәхси документлары белән дә танышырга мөмкин. Татар тел белеменә гаять зур өлеш керткән галим Гыйбад Алпаров 1888 елда элекке Стәрлетамак өязе Корманай авылында туа. Галим архивында аның 1926 елның 20 апрелендә язылган «Автобиографиясе» саклана. «Госманья», «Галия» мәдрәсәләрендә белем алган Гыйбадулла Алпаров алга таба укуны, белем алуны максат итеп куя: «Укуда алдынгы булуым миңа көч бирә килде» дип яза ул үзенең тәржемәи хәлендә. Гыйльми эшчәнлеген исә галим тәржемәләрдән башлап жибәрә. М. Ибраһимов белән берлектә «Бичара колның тормышы», «Миллионнар табу» эсәрләрен тәржемә итеп бастыралар. Матбугатта да языша башлый. 1910–1911 елларда Казанда, 1913–1914 елларда Оренбург губернасының Троицк шәһәрндә балалар укыта. 1914–1918 елларда Г. Алпаров Стәрлетамак өязенә кайтып, мэдәни-агарту эшләрендә хезмәт итә. Ләкин сәламәтлеге какшап, ул Урта Азиягә китәргә мәжбүр була, биредә дә эшчәнлеген туктатмый: «1922 нче ел азагында Ташкентка кереп, казакъча “Чулпан” журналы секретаре, “Ак юл” газетасының сотруднигы булып эшли башладым. Казакъ, төрекмән телләрендә хәрәф, имля, тел мәсьәләләрендәгә эшләргә катнаштым», – дип яза ул [6: 111 ф., 2 тасв., 1 сакл.бер.]. Мәгълүм ки, уку-укуту, хәрәф, имля мәсьәләләре буенча галим зур эш башкара. Үзбәк, казакъ, кыргыз, төрекмән телләрен яхшы белүче буларак, ул әлегә милләт халыкларына фәнни-практик ярдәм күрсәтә, төрки телләренең дәрәслекләрен төзүдә катнаша. Төрекмән теле гыйлеменә зур өлеш керткән, Г. Алпаров кебек «Галия» мәдрәсәсендә укыган Мөхәммәд Гильдиев белән берлектә төрекмән мәктәпләрен төрле дәрәслекләр, уку әсбаплары белән тәэмин итә: 1923 елда бастырылган «Dil saraklyqu» («Тел буенча дәрәсләр») китабында тамыр сүзләр, калын һәм нечкә әйтелешле сүзләр, алынма сүзләр, жөмлә, ябык һәм ачык ижек, кушымчалар классификацияләнгән һәм аларның һәрберсенә билгеләмә бирелә. Әлегә ярдәмлектә синтаксис төшенчәсенә аңлатма биреләп, жөмләдәгә ия һәм хәбәр турында кыскача мәгълүмат та

урнаштырыла. Шушы исем белән чыккан 1926 елгы басма, алдагы чыгарылышның дәвамы итеп каралса да, биредә морфология һәм синтаксиска тулырак тукталып, тагы да камилләштерелә, гади һәм аңлаешлы мисаллар белән баетыла. 1929 елда М. Гилдиев һәм Г. Алпаров урта мәктәпләр өчен «Төрөкмән теле грамматикасы»н эшлиләр. Әлеге чын мәгънәсендә фундаменталь хезмәт булып саналган китап 3 өлешкә – фонетика, морфология һәм синтаксиска бүленеп өйрәнелә, китап ахырында басмада кулланылган грамматик терминнарның кыскача сүзлегә (төрөкмән-рус) китерелә.

1925 елда ике галим – Г. Алпаров һәм М. Гилдиев тарафыннан эзерләнгән тагын бер китап – «Әлипби» китабы да дөнья күрә. Бу – икенче басма. «Әлифба» китабының беренчесе 1924 елда 8000 данә итеп чыкса да, күп уку йортларына, ул әлбәттә, житми кала. Һәм шуны күздә тотып, тиз вакыт эчендә икенчесен чыгарырга насыйп була. Сүз башында язылганча: «1 нче басманы мәгариф комиссарлыгы янадан бастырырга дип карар бирсә дә, имля, язу билгеләре турысында жәнжал чыгып, һәм башка сәбәпләргә күрә, сентябрь мәктәпләргә килеп житә алмады, берәз кичекте». Ләкин, соңарып булса да, китап укучыга барып ирешә. Ул сурәтле итеп, укучыны жәлеп итәрлек итеп эшләнгән, ахырда кыска шигырь-әкиятләр китерелгән. Китап ахырындагы «укучыларга кыскача кулланма»да дәрәслек төзү эшендә бу беренче тәжрибәләрдән булган китапны төзүдәге ысуллар, аларның хәзерге көн укучысына ярашлы булуы хакында да тәфсилле аңлатыла, укуйтканда нәрсәләргә игътибар ителергә тиешлек тә житкерелә. Билгеле булганча, 20 нче еллар башында «Америка ысулы» (грамотага өйрәтүдә бөтен сүзләр методы) килеп керә. Күп әлифбалар шуңа нигезләнеп төзелә. Ләкин авторлар әлеге ысулның максатларына туры килмәвен күрсәтеп, аваз методына нигезләнәләр. Китап ул елларда кабат-кабат бастырыла – мәктәпләр дәрәслек белән тәэмин ителә. Шунысы да куанычлы, әлеге китап белән галимнең шәхси архивында [б: 111 ф., 1 тасв., 17 сакл. бер.] танышырга мөмкин. Шу ул елда Г. Алпаров һәм М. Гилдиев тарафыннан «Олыларга уку-язу үгрәтмәк өчен сабаклык» китабы да дөнья күрә. Өлкәннәрне уку-язуга өйрәтү өчен эзерләнгән басмаларның өченчесе булган бу китап алдагы икесенең дәвамы буларак кына түгел, ә бәлки янадан эшкәртеләп, тагын да тулыландырыла һәм мөкаддәмәсендә укутучыларга мөрәжәгать итеп, укуту барышында китапның туры килү-килмәвен, алга таба камилләштерү өчен басмада булган житешсезлекләрен дә күрсәтү сорала. Зурларның психологик, һөнәри, яшь үзенчәлекләрен күздә тотып эшләүдә методик кулланмаларның тәүгеләреннән булган, укуту барышын күзаллау өчен мөмкинлек бирүче чыганак буларак та әлеге дәрәслекләр игътибарга лаек. Имля, хәрәф мәсьәләләре иң житди мәсьәләләргә әверелгән бу чорда, әлифба һәм төрле дәрәслекләр эшләүдә туган кыенлыklar, беренче тәжрибәләр, сузык авазлар санын билгеләүдә төрле агымнар арасындагы бәхәсләр, әлбәттә, булган. Шундый вазгыять, төрле каршылыklar булуга карамастан, татар тел гыйлеме һәм башка төрки телләр белеме үсеше тарихында Г. Алпаровның хезмәте искиткеч зур. Әйтеп кителгән басмалар, аерым алганда, төрөкмән теленең грамматикасын эшкәртеп, өйрәнәп, аның нигезендә дәрәслекләр бастырыла башлау алга таба да зур этәргеч булган.

Ә болар, «үз нәүбәтендә, көньяк төрки телләрнең әлифба һәм орфографияләрән эшләүдә, эшкәртүдә актив катнашырга мөмкинлек бирсә, киләчәктә үзенең гыйльми эшләрәндә бу телләрне чагыштырма-тарихи метод белән өйрәнүгә бик нык ярдәм итә» [5: 4].

1911 елда «Шура» журналында галимнең Рәсим Солтанов белән берлектә язылган «Матбага вә хәрефләремез» исемле күләмле мәкаләсә басылып чыга. Язмасында ул гарәп хәрефләре кассаларының (типографиядә шрифтлар алфавит тәртибәндә тутырып куелган күп оялы тартма) күплегә хәреф тезүчегә бик авыр булып, аның өчен күп вакыт сарыф ителүен яза. Башка милләтләрнең хәреф кассалары 2–3 өләш аз, димәк, эше дә 2–3 тиз була. Бездә исә, киресенчә, 2–3 өләш кыйммәт, артык, әкрәнрәк килеп чыга. Китаплар тиз вакыт аралыгында басылып чыга алмый, халыкка вакытында барып житә дә алмый. Моның исә милләтнең артта калуына китерә торган сәбәпләрнең берсе итеп күрсәтә. «Безнең хәрефләренә азайту мөмкинме? Азайтканда ничек азайтырга була? диярсез. Әйе, безнең гарәп хоруфатын ислях итү бик мөмкин, фәкать аз гына һиммәт итеп, бу көннән эшкә башларга гына кирәк. Фәкать матбага хәрефләрен кулъязмага ияртергә генә тырышмагыз!» ди ул [6: 111 ф., 1 тасв., 11 сакл. бер.] һәм үз вариантын тәкъдим итеп китерә – хәрефнең, сүзнең кайсы урынында килүенә карамастан, һәрвакыт бер генә төрле, бер генә шәкелдә күрсәтүне яклап чыга. Шулай ук «ялгыз хәреф»ләр белән бастырып өчен бер мөкәммәл «Әлифба» китабын да эшли башлауларын хәбәр итәләр (басма 1913 елда басылып чыга).

Галим тагын бер мәсьәләне күтәрәп чыга: «Китаплар кыйммәт булганга күрә үтми, фәкыйрь халык алалмый (бу үтмәүчелек үзе дә китапның кыйммәт булуына сәбәп). Китаплар үтмәгәч, гыйлем дә таралмый. Гыйлем таралмагач, нәрсәдән тәрәккый өмет итәбез инде?!» [6: 111 ф., 1 тасв., 11 сакл. бер.]. Әлбәттә, дәрәслекләр, башка китаплар, шулар белән беррәттән газет-журналларның вакытында халыкка барып ирешмәвә мөгариф үсешенә комачау итә, милләт алгарышына аяк чала торган сәбәпләрнең берсе. Татар халкының күпгасырлык тарихында исә уку китаплары, дәрәслекләр элгәрәдән зур урын тотканнар, халыкны тәрбияләү, агарту эшендә искиткеч зур эш башкарганнар.

1926 елда ТАССРның Мөгариф Халык Комиссариаты Гыйльми үзәгә татар хәрефләрен (шрифтларын) яңадан карап төзәтү хакында карар итә. Мөхәммәд Идрисов проекты буенча төзелгән баш хәрефләренә байтак кына уңайсызлыклары булу, әлегә эшнә алга таба камилләштерү жәһәтеннән татар шрифтларын уку өчен уңайлырак хәлгә китерерлек итеп эшләргә юллар эзли. Шулар мақсат белән Гыйльми үзәк хозурында аерым бер комиссия төзелә. Төрле проектлар тәкъдим ителә. Мәсәлән, «Безнең юл» журналының 1926 елгы 5 санында «Татар шрифтларын төзәтү чаралары турында» исемле баш астында Г. Алпаровның проекты беренчеләрдән булып тәкъдим ителә. Ул басу машиналары өчен баш хәрефләр ни рәвешле булырга, алар ничек урнашырга кирәклеген тәфсиллә аңлата, шулар рәвешле машинаның «басмак»ларында хәрефләренә тәртибе дә хәтерләүгә, тиз басуга уңайлы рәвештә төзелгән вариант итеп тәкъдим итә. Узган гасырның егерменче

елларында гарәп графикасында татар язуын саклау, аны камилләштерү өлкәсендә зур эшләр башкарыла. Ләкин шул арада латинга күчү хәрәкәте көчәеп китә, мең ел кулланылышта булган гарәп язуы, кызганычка каршы, төшөп кала. Бу хәрәкәتكә, әлбәттә, Г. Алпаров үз фикерен житкермичә калмый. Матбугатта аның «Латин түгел, гарәп» мәкаләсе («Безнең юл», № 4) дөнья күрә: «Электән әлифбалы, язулы бер халыкның бер зур фажигале хәл булмаганда үз иреге белән әлифба алыштыруы, яңаны сайлап алуы – булмый торган нәрсә. Бер халык үзенә ана телен үз иреге белән алмаштыра алмаган кебек, тел кебек үк үзләшкән язуын да алмаштыра алмый». Бу яктан алар Галимжан Шәрәф белән бер фикердә: «...төрки халыклар өчен латин графикасына күчеш берничек тә алгарыш була алмый, чөнки халыкның гасырлардан килгән язма мәдәнияте бар: “без латин хәрәфләрен алуга караганда, гарәп хәрәфләреннән үзгәртеләп, бер шәкелгә калдырылган яңа татар хәрәфләрен алу күп алда дип табабыз”» [4: 3].

«Яңа әлифбага күчәбез дип булашу – тирәнлеге, киңлеге беләнмәгән диңгезгә кереп, йөзәргә тотыну белән бер булачагында шик юк. Тарих безгә моны ачык күрсәтә», – ди Алпаров. Әйе, ул вакытларда имля-хәрәф мәсьәләләрен тикшерү, карар өчен чакырылган съездларда кызу фикер алышулар, кайнар көрәшләр, бәхәсләр дә күп булган. Ләкин тарихта зур борылыш була – рәсми рәвештә 1927 елда яңалифкә күчәләр. Яңалиф нигезендә инде яңа орфография төзү буенча проектлар эшләнә башлый. Г. Алпаров биредә дә нәтиҗәлә эшли, аның 1933 елда «Татар әдәби теленә орфография кагыйдәләре» басмасы дөнья күрә. Тел галиме Х. Курбатов үзенә «Татар теленә алфавит һәм орфография тарихы» китабында әлеге хезмәتكә уңай бәя бирә: «Әйтергә кирәк, бу кагыйдәләр татар әдәби телен стандартлаштыруда, аны ныклы бер нормага салуда зур роль уйный, татарча язуны югары дәрәҗәдәгә төгәлләккә, эзлеклелеккә китерә. Шуңа күрә ул кагыйдәләр рус алфавитына күчкәндә дә орфографиянең нигезенә салыналар һәм бүгенге көндә дә артык зур үзгәрешләр таләп итмиләр», – ди ул. [3: 45].

1923 елда «Мәгариф атнасы» дигән мәжмугада Г. Алпаров «Яшәү өчен белем кирәк» дигән мәкаләсен бастыра: «Тормыш үзгәрә барган саен тереклеккә кирәкле нәрсәләргә хәзерләү ысулары да, бу юлда көрәш өчен кирәкле гыйлемнәр дә бертуктаусыз төрләнә, катлаулана. Кичә алган белем, иртәгә, берсекәнгә эшкә ярамый, житми башлый, шуңа күрә һәр көн белемне яңартып, арттырып бармаган кеше артта кала. Көрәш мәйданындагы яңалыкларга карап жайлаша белмәгән халык үзенә позициясен берсе артынан берсен югалта бара, ахырыда, хәяттән читкә ыргытылып, бетәргә хөкөм ителә» дип яза. Галимнең бу сүзләре бүгенге көндә дә бик актуаль яңгырый.

Г. Алпаровның гомере бик кыска була. Ул 1936 елда 48 нче яшендә үпкә авыруынан вафат була. Ләкин гомереңең соңына кадәр ул халкы, аның алгарышы өчен янып яши. Гомуми тел белеменең үзәк мәсьәләләрен аңларга тырышканда без, һичшиксез, төрки телләр, шул исәптән татар теле белемен фәнни өйрәнүгә гаять зур өлеш керткән Г. Алпаров хезмәтләренә мөрәҗәгать итә алабыз. Галим архивында әле кулъязмада гына калган кайбер мәкаләләре, хатирәләре белән берлектә гарәп, латин язуында гына

сакланганнары бар. Инде укучыга билгеле хезмәтләре татар тел гыйлеми һәм төрки телләр белеми өлкәсендәге мәсьәләләргә хәл иткәндә төп чыганаclarның берсе булып торса, башкалары да әдәбият мәйданында үз урынын алыр дип ышанабыз.

ӘДӘБИЯТ

1. *Алпаров Г.* Сайланма хезмәтләр. – Казан, 2008. – Б. 10.
2. *Гарипова Л.* Үз илемдә гомер кичерсәм әгәр... (Гаяз Исхакый һәм Сәгадәт Чагатайның көндәлек дәфтәрләреннән) // Гасырлар авазы. – 2022. – № 3. – Б. 125–137.
3. *Курбатов Х.Р.* Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. – 132 б.
4. *Мифтахетдинова Н.Г.* Шәрәфнең гарәп графикасы нигезендәге татар язуын реформалау өлкәсендәге эшчәнлеге // Фәнни Татарстан. – 2021. – Б. 7–14.
5. *Фаткуллин Ф.* Йөз елларга торырлык дәвернең бер батыры // Кызыл таң. – 1998. – № 213. – Б. 4.
6. ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге. Г. Алпаров фонды. Ф. 111.
7. *Ханнанова Г.М. И. Рәхмәтуллинның татар тарихын өйрәнүгә керткән өлеше (С. Вахидигә язган хатлары мисалында) // Сборник статей итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ / Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. – 2018. – С. 274–279.*

УДК 930.272

ПО СЛЕДАМ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ТАТАР (коллекция арабских рукописей Амброзианской библиотеки города Милана)

Э.Г. Сайфетдинова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)

Статья посвящена реконструкции собрания рукописей на арабском языке, которое хранится Амброзианской библиотеке города Милана (Италия), связанных в историей средневековых татар. Каталог представляет собой 4-х томное издание, в котором на английском языке кратко описаны фонды с арабскими рукописями, среди них редко встречаются и рукописи на персидском и турецком языках. В коллекции зафиксировано более 2000 рукописей, основную долю из которых представляют образцы арабской исламской литературы.

Ключевые слова: история татар, арабские рукописи, коллекция, Амброзианская библиотека, Милан, Италия.

The article is devoted to the reconstruction of a collection of manuscripts in Arabic, which is stored in the Ambrosian Library in Milan (Italy), related to the history of the medieval Tatars. The catalog is a 4-volume publication in which the collections with Arabic manuscripts are briefly described in English, among which manuscripts in Persian and Turkish are rarely found. The collection contains more than 1,000 manuscripts, the bulk of which are examples of Arabic Islamic literature.

Key words: Tatar history, Arabic manuscripts, collection, Ambrosian Library, Milan, Italy.

Амброзианская библиотека (Авросианская библиотека, Амброзиана) – библиотека в городе Милане (Италия) была учреждена кардиналом

и архиепископом Федерико Борромео в начале XVII века. Строительство началось в 1603 году, библиотека была открыта для публики 8 декабря 1609 года, считается, что это вторая публичная библиотека Европы. Древнейшие рукописи были перевезены в Милан из провинциального монастыря св. Колумбана. При библиотеке была открыта типография, здесь размещалась также школа классических языков. Кроме того, в библиотеку вошли Академия и Пинакотекка, учрежденные тем же Федерико Борромео. Он поручал многим ученым закупку книг, посылая их путешествовать по Европе и даже Азии. Впоследствии библиотека значительно обогатилась приобретением, главным образом, Пинельских рукописей. Борромео имел в виду основать при библиотеке коллегия из шестнадцати ученых, на обязанность которых, по каждой специальности отдельно, возлагалось ознакомление общества с вышедшими в свет сочинениями и содействие иностранцам. Недостаток денежных средств заставил коллегия ограничиться лишь немногими членами, которые носили титул *Doctores bibliothecae Ambrosianaе*. Благодаря дальнейшим покупкам и завещаниям библиотека в настоящее время содержит 160000 печатных томов и 8000 рукописей.

Библиотека была названа по имени отца церкви Святого Амвросия Медиоланского, епископа и покровителя Милана. Во время Второй мировой войны здание библиотеки было повреждено, восстановлено в 1952 году, новые реставрационные работы прошли в 1990–1997 годах.

К редкостям ее принадлежат, кроме палимпсестов, опубликованных Маем, Кастилионом и Маццелли, издание Вергилия, в котором Петрарка сделал собственноручную пометку о своей первой встрече с Лаурою. С библиотекой соединена галерея изящных искусств, в которой, кроме картин Брюеллеса, Бароччи, Луини и Альбрехта Дюрера, хранится картон Рафаэля «Афинская школа» и студия Леонардо да Винчи, а также и старинная копия с его «Тайной Вечери» [2].

Каталог арабских манускриптов представляет собой 4-х томное издание, в котором на английском языке кратко описаны фонды с арабскими рукописями, среди них редко встречаются и рукописи на персидском и турецком языках. В коллекции зафиксировано около 2000 рукописей, основную долю из которых представляют образцы мусульманской литературы. В перечень каталога также входят христианские арабоязычные религиозные книги, в большинстве своем коптские христианские евангелие, псалтыри и другая литература богословского характера, другая часть представляет собой собрание рукописей Корана, тафсиров и различной литературы: книги по теологии, исламскому праву (фикху), по грамматике арабского языка, медицине, философии¹ [7: 10].

Каталог классифицирован по номерам фонда, что затрудняет поиск интересующих нас рукописей, более того каталог не дает полной информации о содержании рукописи, лишь краткую библиографическую справку.

Интерес для нашего исследования представляют авторы и сочинения, касающиеся средневековой истории татар. Из обнаруженных нами рукописей, связанных с историей средневековых татар, в каталоге Амброзианской

¹ Каталог арабских манускриптов.

библиотеки представлены уже известные нам сочинения авторов средневекового мусульманского Востока, некоторые отрывки из которых зафиксированы в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузена [6] или введенные в научный оборот другими исследователями [1; 5]. А именно:

1. Абу-л Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди (ок. 896 г. Багдад – сентябрь 956 г. Фустат) – арабский историк, географ и путешественник, которого называли «арабским Геродотом». В его сочинении «*Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир*» («Золотые копи и россыпи самоцветов») представлены некоторые сведения о булгарах и татарах. Народ булгар он называет бургарами, однако не разделяет их на дунайских и волжских, хотя указывает на то, что именно через их земли проходят торговые караваны в Хорезм и часть времени у них ночи коротки, что говорит о том, что ал-Масуди имел представление о жизни поволжских булгар [1]. Что касается использования термина «татар», о них он упоминает в разделе о генеалогии китайцев приводит фантастическую легенду о разделении земель Китая между потомками Ноя, которые направились на восток, рассеялись и создали свои государства, среди них были и татары [4].

2. 'Изз ад-дин Абу Хамид 'Абду-л-Хамид ибн Хибату-л-Лах ибн Мухаммад ибн ал-Хусейн ибн Абу ал-Хадид ал-Мадаини и его сочинение «Шарх Нахдж ал-Балага» («Толкование путей красноречия»). В религиозно-дидактическом трактате среди сведений богословского характера, представлены материалы о Чингиз-хане, падении Бухары и Самарканда, раскрываются события, происходившие в Хорезме, о нашествии армии монголов на Иран и Азербайджан, разгроме армии Хорезмшаха, падении Хамадана, вторжении в Грузию и Дербент, нашествии на восточноевропейские степи, падении Исфахана, монгольских набегах на Сирию, нападении на Багдад. Большую часть сведений автор позаимствовал у Ибн Асира, в частности, сведения о периоде с 1220 г. по 1230 г. Однако некоторые эпизоды экспансии монголов первой половины XIII века, изложенные Ибн Аби ал-Хадидом, являются оригинальными. Среди этих материалов, сведения о татарах фигурируют, в частности, в отрывках о завоеваниях монголов, бегстве Хорезмшаха, при описании Чингиз-хана и других [5: 378–385].

3. Бейбарс ал-Мансури и его сочинение «Зубдат ал-фикра», в которой представлена всеобщая история ислама, доведенная до 1324 г., в которой подробно представлены сведения и Золотой Орде и ее правителях [6: 133]. Благодаря тому, что Бейбарс ал-Мансури сам служил при дворе ему удалось собрать много сведений о внутренней политике Золотой Орды.

4. «Шарх ал-Мухтасар» Сад ад-Дина ат-Тафтазани, написанного на сочинение «Талхис ал-мифтах» ал-Казвини¹. Судьба ат-Тафтазани была связана с историей Золотой Орды, поскольку он был приглашен золото-

¹ Талхис ал-мифтах ал-Казвини Ат-Талхис ал-мифтах принадлежит перу Джалал ад-Дина Абу-л-Ма'али Мухаммада ибн Абд ар-Рахмана ибн 'Омара Хатиба Димашки ал-Казвини (1267–1338). Автор был проповедником главной мечети Дамаска (мечети Омейядов), а с 1327 г. – верховным кади Египта. Его труды были популярны в Золотой Орде благодаря тесным дипломатическим связям между Золотой Ордой и мамлюкским Египтом.

ордынским правителем Джанибек ханом в столицу Золотой Орды город Сарай. Именно там он создал и посвятил свой «Шарх ал-Мухтасар» золотоордынскому хану Джанибеку, о чем написал на страницах своего сочинения. Сад ад-Дин ат-Тафтазани имел большой авторитет среди ученых своей эпохи, его также пригласил ко двору Тамерлан (Амир Тимур), у которого он прослужил при дворе вплоть до самой кончины в 1390 г. [3: 55].

5. Ибн Арабшах (Шихаб ад-Дин Абу-л-‘Аббас Ахмед ибн Мухаммед ибн Абдуллах ибн Ибрахим ад-Димашки ал-Ханафи ал-Аджами) – 15 ноября 1389 г. Дамаск – 24 августа 1450 г. Каир) – арабский писатель и историк. Его сочинение-панегерик Тамерлану (Амиру Тимуру) «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» широко известно современным исследователем, в котором он подробно описывает взаимоотношения между Тамерланом и золотоордынским ханом Токтамышем [6: 455–474].

6. Ибн Хаджар ал-Аскалани (Шихаб ад-Дин Абу-л Фадл Ахмад ибн Али) (18 февраля 1372 г. Каир – 2 февраля 1448 г. Каир) – исламский ученый-богослов, правовед-шафиит, историк и хадисовед. Автор около 150 сочинений, которые затрагивают почти все области исламской науки. В своей летописи «Извещение неразумных о детях века» [6: 449] рассказывается о ситуации в золотоордынской истории второй половины XIV – начала XV в.

Среди неизвестных нам сочинений, но возможно связанных с историей татар можно выделить рукопись под название Касыда ат-Татарийа адресованная некоему Ахмаду ибн Муниру [10: 27]. В каталоге указано, что это книга относится к жанру поэзии. Однако более подробных сведений каталог не предоставляет, поэтому появляется необходимость изучения напрямую рукописи сочинения.

В целом нужно отметить, что ценность рукописного фонда Амброзианской библиотеки, касающейся средневековой истории татар, высока ввиду возможности обнаружить новые письменные источники. Однако для полной оценки значимости фондов Амброзианской библиотеки для наших исследований необходимо более детальное изучение рукописной коллекции итальянской библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мас‘уди*. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / сост., пер. с араб., прим., комм. и указатели Д.В. Микульского. – М: Наталис, 2002. – 800 с.
2. Амброзианская библиотека [Электронный ресурс]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Biblioteca_Ambrosiana
3. *Амин ал-Холи*. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. – 58 с.
4. *Сайфетдинова Э.Г.* Термин «татары» в средневековых арабских сочинениях [Электронный ресурс]. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/283125-termin-tatary-v-srednevekovyh-arabskih-sochineniyah>
5. *Сайфетдинова Э.Г.* Сведения Ибн Аби ал-Хадида о татарах // Золотоордынское обозрение // 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 378–385. DOI: 10.22378/2313-6197.2020- 8-2.378-385
6. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – 564 с.
7. *Catalogue of the Arabic Manuscripts in the Biblioteca Ambrosiana. Vol. I. Antico Fondo and Medio Fondo / Neri Pozza editore. – Italy, 1975. – 253 p.*
8. *Catalogue of the Arabic Manuscripts in the Biblioteca Ambrosiana. Vol. II. Nuovo Fondo / Neri Pozza editore. – Italy, 1981. – 455 p.*

9. Catalogue of the Arabic Manuscripts in the Biblioteca Ambrosiana. Vol. III. Nuovo Fondo / Neri Pozza editore. – Italy, 1995. – 242 p.

10. Catalogue of the Arabic Manuscripts in the Biblioteca Ambrosiana. Vol. IV. Nuovo Fondo / Neri Pozza editore. – Italy, 2011. – 385 p.

УДК 069.5

РУКОПИСИ ЗАЙНАП МАКСУДОВОЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Р.А. Абзалина

Национальный музей Республики Татарстан (Казань)

Архив Зайнап Абдулджамилевны Максудовой (1897–1980) – самого крупного знатока истории, языка, литературы татарского народа состоит из ее личной библиотеки (рукописных книг – 221 ед. хр., печатных – 85 ед. хр.), библиографического каталога известных авторов среди татар и их произведений (9 каталожных ящиков с карточками, хронологически охватывающих с XI по конец XX века), ее личных научных изысканий в виде многочисленных рукописей.

Библиотека первоначально была описана доктором филологических наук М.И. Ахметзяновым, позже доктором философских наук, профессором исторического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге А.К. Бустановым в его монографии «Библиотека Зайнап Максудовой».

В данной статье сообщается об интересных находках З. Максудовой, обнаруженных нами при описании ее личных рукописей для внесения в Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации, которых она считала в числе самых важных источников для изучения прошлого татарского народа. Среди них родословная (нэсэп язуы) и завещание Минуша бин Мустая (1759–1853) – «представителя последнего поколения из Булгарских мурз». – З.М.). Родословная Минуша бин Мустая ведет начало от самого первого деда, принявшего ислам в VII веке Бикташа бин Тукий, заканчиваясь Габдрахманом бин Шигабудином – всего 40 колен. Потомки этого рода эту информацию считали утерянной, так как кто-то из родственников взяв книгу с завещанием и родословной, чтоб переписать их для себя, не смог вернуть.

Зайнап Максудовой, как непревзойденному специалисту по восточной текстологии (не только своего времени, но и до сих пор), приносили книги для атрибуции. Когда она в этих книгах встречала интересную информацию – выписывала в свои тетради. Родословная и завещание Минуша бин Мустая сохранились в двух тетрадях с очень подробными выписками и ее личными дополнительными подсчетами при расчете возможных дат жизни предыдущих поколений. Возможно она эти выписки делала еще в 1912–1916 годы, когда учительствовала в деревне Нижние Тарханы (ныне Тетюшский район РТ), но сами рукописи похожи на то, что выполнены в 50–60 годы XX века.

«Как женщина с прекрасным образованием, сочетавшим традицию медресе с советской школой (она всю жизнь проработала учителем русского языка и литературы в казанских школах. – Р.А.) и университетом, Зайнап Максудова сформировала альтернативный взгляд на прошлое исламской культуры в России. Для нее рукописная книга не была чужой – отсюда ее право напрямую вторгаться в древние тексты...». Так завершил свою первую книгу о ее библиотеке А. Бустанов. Что откроет для науки личное рукописное наследие З. Максудовой – дело Времени.

Ключевые слова: Национальный музей, Зайнап Максудова, рукописная книга, родословная.

The archive of Zainap Abduljamilievna Maksudova (1897–1980) – the largest connoisseur of the history, language, literature of the Tatar people consists of her personal library (handwritten books – 221 units, printed – 85 units), a bio-bibliographic catalog of famous authors among the Tatars and their works (9 catalog boxes of material chronologically covering from the XI to the end of the XX century), her personal scientific research in the form of numerous manuscripts.

The library was originally described by Doctor of Philology M.I. Akhmetzyanov, later Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of History of the European University in St. Petersburg A.K. Bostanov in his monograph «Library of Zainap Maksudova».

This article reports on the interesting findings of Z. Maksudova, discovered by us when describing her personal manuscripts for inclusion in the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation, which she considered among the most important sources for studying the past of the Tatar people. Among them are the pedigree (nasap yazu) and the will of Minush bin Mustai (1759–1853), «a representative of the last generation of the Bulgarian Murz» – Z.M.). The lineage of Minush bin Mustai originates from the very first grandfather who converted to Islam in the VII century, Biktash bin Tuky, ending with Gabdrahman bin Shigabuddin – only 40 tribes. The descendants of this family considered this information lost, so someone from relatives took a book with a will and a pedigree to rewrite for themselves, could not return.

Zainap Maksudova, as an unsurpassed specialist in Oriental textual studies (not only of her time, but still), was brought books for attribution. When she found interesting information in these books, she wrote it out in her notebooks. The genealogy and testament of Minusha bin Mustai were preserved in two notebooks with very detailed extracts and her personal additional calculations when calculating possible dates of life of previous generations. Perhaps she made these extracts back in 1912–16, when she was teaching in the village of Nizhni Tarkhany (now Tetyushsky district of the RT), but the manuscripts look like they were made in the 50–60 years of the XX century.

«As a woman with an excellent education, combining the tradition of madrasah with the Soviet school (she worked all her life as a teacher of Russian language and literature in Kazan schools. – R.A.) and university, Zainap Maksudova formed an alternative view of the past of Islamic culture in Russia. For her, a handwritten book was not a stranger – hence her right to directly invade ancient texts...»

This is how A. Bustanov completed his first book about her library. What will Z. 's personal handwritten legacy reveal to science Z. Maksudovoy is a matter of Time.

Key words: National Museum, Zainap Maksudova, handwritten book, pedigree.

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МИЛЛИ МУЗЕЕНДА ЗЭЙНӘП МАКСУДОВАНЫҢ КУЛЬЯЗМАЛАРЫ

Татарстан Республикасы Милли музейе фондларында сакланган мөһим коллекцияларнең берсе – күренекле мөгаллимә һәм татар әдәбияты тарихы белгече Зәйнәп Габделжәмил кызы Максудова архивы. Ул музейга 1981 елның 24 июнендә кызы Гөлнар Ризатдин кызы Газизовадан музей директоры Люция Гали кызы Вәлиева һәм заманында Казанда татар мәдәнияте үзәге булган әдәбият бүлеге житәкчесе Дания Борһанеддин кызы Баһаветдинова (1932–2005) тырышлығы белән музейга алына. Архивның гыйльми кыйммәтен һәм әһәмиятен Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты галимнәре тикшереп билгели, 1980 елның 19 декабрендә бирелгән белешмәгә институтның директор урынбасары Азат Гыйльмулла улы Әхмәдуллин кул куйган. Архивның кулъязма китаплар өлешен беренче тасвирлап фәнни карточкалар язучы – филология фән-

нәре докторы Марсель Ибраһим улы Әхмәтжанов. Архивта 221 саклау берәмлеге кулъязма, 85 саклау берәмлеге басма китаптар. Басма китаптарның барысына да диярлек Зәйнәп апа кулы белән төрле өстәмә-комментарийлар язылган – алар барысы да философия фәннәре докторы, Санкт-Петербургтагы Европа университетының тарих факультеты профессоры Әлфрит Кашшаф улы Бустановның (1987) 2019 елда Мәскәүдә Мәржани фонды нәшриятында басылып чыккан китабына кергәннәр.

Бүген сүзебез Зәйнәп Максудованың шәхси кулъязмаларынан торган һәм хәзерге көндә тасвирлап, акрын гына Дәүләт каталогына – фәнни әйләнешкә кертеп бару стадиясендә булган өлеше турында булыр. Моңы аңлау өчен аның турында беркадәр биографик белешмә бирү кирәк.

Зәйнәп Габделжәмил кызы Максудова 1897 елның 28 мартында Вятка губернасы Алабуга өязе Уразай авылында туган. Әтисе Габделжәмил Габделмәннан улы Максудов авылның имамы, укымышлы, 17 ләп шәрык телен белә, авылда игенчелек, терлекчелек белән көн күрә. Алар хатыны – абыйстай белән бергәләп, авыл балаларына башлангыч белем бирәләр. Борынгыдан мулла нәселеннән булган бу гаилә 7 яшендә үзләре укырга-язарга өйрәткән Зәйнәпне Иж-Бубый мәдрәсенә жиберәләр. Ул аны 1911 елда «бик яхшы» тәмамлап, укытучы дәрәжәсә ала. 1911 елда Иж-Бубый мәдрәсәсә мөдәррисләре куып таркатылгач, мәдрәсәне яптырмый, укытуны монда белем алган шәкертләр, шул исәптән Зәйнәп Максудова дәвам итә.

Аннан ул Сембер губернасы Юнә авылында, Олы Тархан районы Түбән Тархан авылында (1912–1914) сигезьеллык мәктәптә укыта. 1914 елда Мәгъсүмә апасы белән Фәтхерахман жинзәсә Әфләтуновлар Зәйнәпне үзләре белән Казакхстанның Атбасар шәһәрәнә укытучылык итәргә алып китә.

Атсабарда чакта ул рус телен камил өйрәнә. Икееллык педагогик курсларда укып, гимназия программасы буенча Атсабар югары педагогия училищесында экстерн рәвештә имтихан тотып, «рус теле укытучысы» дигән һөнәр ала.

1920 елда Ташкентка китә. Ташкент университетының социаль-иқтисадый факультетына укырга керә. Бер үк вакытта үзбәк хатын-кызлары өчен оештырылган Мәгариф институтында эшли, төрки телләргә укыта. Монда аның остазлары профессорлар С.П. Покровский, Чердынцев, Трапезниковлар була.

Институтны тәмамларга бер ел калгач, аңа, авыру сәбәпле, Казанга кайтып китәргә туры килә.

Казанда ул сәүдә техникумында, 50 нче (1931–1937), 35 нче (1941–1944) һәм 80 нче (1944–1957) мәктәпләрдә укыта. Казан дәүләт педагогия институты һәм Казан дәүләт университетында гарәп теле буенча факультатив дәресләр бирә.

Университет һәм Галимжан Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты галимнәре белән борынгы төрки-татар кулъязмалары өстендә эшли. Андагы галимнәр белән бер авторлыкта аларны матбугатта бастырып чыгара.

Бу тикшеренүләр нәтижәсендә туган һәм хәзерге көндә музей архивында саклана торган 9 тартмалы шкафтан торган био-библиографик каталогына татар мәдәниятына кергән һәм аңа зур йогынты ясаган, хронологик яктан XI гасырдан алып XX гасыр ахырына кадәр авторлар һәм аларның эсәрләре кертелгән.

Архивның бер өлешен З. Максудованың гаиләсеннән үзенә мирас булып килеп ирешкән һәм үзе яшәешендә совет чорында (ул бу вакыт бу язмаларны укый алырлык сирәк галимнәрнең берсе, хәтта бердәнбере була) туплап, өйрәнәп килгән кулъязма һәм басма китаплар булса, калган өлешен борынгы үзе жыйган китапларда очраган, татар тарихына файдалы булырдай гыйлем-тикшеренүләреннән торган үзенә шәхси кулъязмалары тәшкил итә.

Алар арасында тикшереп, матбугатта бастырып чыгарылганнары да, өйрәнелүнең төрле дәрәжәсендә сакланып калган каралама хәлендәгеләре дә байтак.

Шуларның берсе Тәтеш районы Үтәмеш авылы кешесе Минуш бине Мостайның нәсәп язуы [7].

Аны Зәйнәп Максудова (кәгазь-карасы буенча) борынгы китаплардан 50–60 нчы елларда күчереп алганга охшый. Дәфтәрнең тышына ук «Шәһри Болгар мирзаларының соңгы буыны Минуш бине Мостай (1759–1853) хатыны Маһисәрвәр һәм барлык балаларына язган васыятьнамәсе һәм үз тормышындагы кайбер еллар язмасы «нәсәп язуы» дип язып куйган. Ә дәфтәрнең исемен «Татар халкы арасында төрле мәсьәләләр хакында язылган хатлар, битекләр, шәжәрәләр үрнәге» дип атаган, үзен «жыючысы Зәйнәп Максудова» дип куйган.

Бу шәжәрә турында З. Максудова үзе XIX гасырда язылган кулъязмалардан күчереп яздым һәм халкыбызның үткән өйрәнүдә азмы-күпме материал булыр дигән уй белән: «Татарстанны өйрәнү жәмгыяте хәбәрчесе» дигән журналда урнаштыруыгызны үтенәм», – ди. Бу үтенечтә галимәнең тормышы, гомере нәрсәгә багышланганы, нияте тулысы белән чагылыш тапкан [7: 6].

Минуш бине Мостайның нәсәп язуы барлыгы 9 биттә шәмәхә буяу, тимер каләм белән татарча гарәп хәрефләре белән язылган. Нәселендә билгеле булган иң беренче бабасы 1) Тукий – сәхабәләрдән элгәре, 2) Бикташ – сәхабәләр алдында исламга килгән, 3) Бибкәй, 4) Бәкри, 5) Нәдер, 6) Габделсаттар, 7) Зәйнелгабидин, 8) Гали, 9) Хәмзә, 10) Шәмседдин, 11) Фәхреддин, 12) Насреддин, 13) Габдрахман, 14) Әбүбәкер, 15) Мөхәммәд, 16) Әхмәд (Тарханга килгән Болгар чорында X гасырда), 17) Габделкәрим, 18) Мөхәммәдшәриф мирза (бик галим кеше булып, Болгарда яшәгән), 19) Габдулла, 20) Габдулла, 21) Габбас (1390 елда Аксак Тимер фетнәсе вакытында Болгардан Шәмәк дигән жиргә күчеп киткән), 22) Габдеррахим, 23) Габделфәиз, 24) Габдулла, 25) Габдерраззак, 26) Габдулла, 27) Габделлатыйф, 28) Ишмөхәммәд, 29) Әлмөхәммәд, 30) Әлмәмәт, 31) Уразгилде, 32) Уразай, 33) Уразлы, 34) Хәмәткол мирза, Әхмәд (Ундор, Гурьевка, Жиләкле Тархан хужалары), 35) Исмәгыйль (хатыны Гайшәбикә), 36) Мостай (Тархан), 37) Минуш (Тархан), 38) Хәйретдин (Үтәмеш), 39) Шиһабеддин (Самара мулласы), 40) Габдеррахман (1916); шул рәвештә

40 буын итеп XX гасыр башына тоташтыра. Нәсәп язуы дигән өлешендә үзеннән Минуш бине Мостай бине Исмагыйльдән башлап, бабалар ягы юнәлешендә барып, Бикташ бине Тукыйга (750) хәтле төшеп житә.

Аннан «Мән Минуш бине Мостай» дигән бүлектә нәсел тарихы сәхифәләренен үзенә килеп житкән риваятьләренә тасвирлый. Үзенә ничек килеп житкәнән аңлата. Бу нәселнең хәзерге заман зыялы буыннары үз шәжәрәләрен Минуш бабаларыннан башлап төзегәннәр. Сугыш вакытында борынгы буыннар язылган китапны бер туганнары алып тора, ул аннан кире кайтмый – язмышы билгесез кала. Зәйнәп Максудова кулына бу китап ничек эләккән? Атбасарга китәр алдыннан ул 1912–1916 елларда Тарханда балалар укытып ала, бәлки шул вакыт күчәрәп алынгандыр. Ничек кенә булмасын, З. Максудова архивында сәхабәләрдән ислам динә кабул иткән бабаларыннан калган нәсәп язуы, васыятьнамә табылу алар өчен сөөнечлелә вакыйга булды. Васыятьнамәне дә кайчандыр бер төп дәфтәрдә булса да, З. Максудова архивында аерым саклана [8].

Васыятьнамәнең төп эчтәлеген хатыны Маһисәрвәргә юнәлдереп, үзеннән соң башка иргә бармыйча, балаларны ятим итмәскә нәсыйхәт итә, дәлилли.

Бу тарихи мөһим документлар тиздән теше үткән текстолог-галимнәрәбез тарафыннан тасвирланып, дөнья күрер дип ышанып калабыз.

З. Максудова кулъязмалары арасында аның тарафыннан укылган борынгы Казан жиз савыты язучулары да, бик күп авыл-шәһәрләр исемнәре, төрле халык авыз ижаты ядкәрләре, аның үзе ижәт иткән истәлекләр дә бик күп.

Моннан 20–30 еллар элек Милли китапханәдә, китапханәнең юбилее-на багышланган бер конференциядә бу архивта һәм, гомумән, музей фондларында сакланган кулъязмаларны гыйльми даирәгә тәкъдим иткән идея. Кайберләре тулысы, кайберләре өлешчә тормышка ашты. Музейның эше – жыю һәм халыкка күрсәтү, галимнәргә тәкъдим итү. Бүген дә шулай иттек. Ахыры хәерле һәм бәрәкәтле булсын.

ӘДӘБИЯТ

1. *Абзалина Р.А.* Татарские рукописи в Государственном музее Татарстана. Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции, посвященной 130-летию Национальной библиотеки Республики Татарстан. – Казань. – 1995. – С. 67–70.

2. *Бустанов А.К.* Библиотека Зайнап Максудовой. – М.: «Фонд Марджани», 2019. – 463 с.

3. *Исхаков Н.* Үтәмеш. Беренче мөхәллә тарихы // Безнең мирас. – 2021. – № 5 – Б. 44–49.

4. *Исхаков Н.* Үтәмеш. «Үтәмеш – дини хәрәкәт» // Безнең мирас. – 2021. – № 6. – Б. 55–59.

5. *Хайруллина М.М.* Татарские рукописные книги Национального музея Республики Татарстан (по материалам архива З. Максудовой) // Материалы Международного музейного форума в Казани «Музей и общество: современные модели интеграции». – Казань: Фолиант, 2011. – Т. I. – С. 161–169.

6. Татарстан Республикасы Милли музей: 18369-74 – Биография ветерана труда, педагога, языковеда З.А. Максудовой, 8 л.

7. Татарстан Республикасы Милли музей: 18369-554 (13–19 лл.) – Родословная Минуша бин Мустая.

8. Татарстан Республикасы Милли музей: 18369-699 (4–6 лл.) – Завещание Минуша бин Мустая.

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ МОТИВОВ В ПИСЬМЕННОМ ПАМЯТНИКЕ «ГУЛИСТАН БИТ-ТЮРКИ» СЕЙФА САРАИ

А.А. Сейтбекова, Г.М. Мамырбек

Институт Языкознания им. Ахмета Байтурсынова (Алматы)

В статье рассматриваются философско-эстетические и нравственно-гуманистические идеи восточного поэта Сагди Ширази и тюркского поэта Сейфа Сараи. Выявлены в тексте письменного памятника Сейфа Сараи «Гулистан бит-тюрки» влияние восточных мотивов, анализированы стихи, написанные в жанре рубаи. Выделены примеры схожие черты в пословицах и поговорках с казахскими понятиями. Определены особенности и причины употребления арабских и персидских слов.

Ключевые слова: письменный памятник, восточный мотив, арабские и персидские слова.

The article examines the philosophical-aesthetic and moral-humanistic ideas of the Oriental poet Saadi Shirazi and the Turkic poet Seif Sarai. The influence of oriental motifs is revealed in the text of the written monument of the Sarai Safe «Gulistan bit-Turki», poems written in the rubai genre are analyzed. Examples of similar features in proverbs and sayings with Kazakh concepts are highlighted. The features and reasons for the use of Arabic and Persian words are determined.

Key words: written monument, oriental motif, Arabic and Persian words.

Восточные поэты средневековья, такие как Сагди Ширази, Низами, Жами и др. прославились своими произведениями, всесторонне воспевающими философию жизни будущему поколению, воспитывающими честности и гуманности, здравомыслию и интеллигентности, сближающими народ с новым духовным миром. Основная идея, затрагиваемая восточными поэтами – признание и почитание присущих человеку благородных качеств. Эти поэты приходят к такому заключению: весь мир изначально создан для человека, ключом всего живого является человек, все в мире служит во благо человечества, для обеспечения его счастья. Восточные поэты-гуманисты требовали у людей быть с моральной точки зрения чистыми, безупречными, воспитанными, совестливыми, вежливыми, примерными, сдержанными. Известно, что истоками общечеловеческой духовности являются учения известного китайского философа Конфуция, труды Аристотеля, аль-Фараби.

Перечисленные восточные поэты восхищались своими тематическими идеями и художественными достижениями восточного языка не только тюркский народ, но и русский, европейские народы. Тюркскими поэтами средневековья, освоившими восточную литературу и культуру, ставившими в пример восточный традиционный образец, были Сейф Сараи, Хутыб, Хорезми и др. Они методом *назира* повторили произведения, воспетые восточными поэтами, сформировали новые произведения. Сюжет, хотя и был восточным, изменялся, воспевался с самого начала, перепевался снова и снова. Они оставили своеобразный штрих в тюркской поэтике. В их про-

изведениях отражаются гуманистические идеи Востока. В связи с этим можно особо отметить произведение Сейфа Сараи «Гулистан по-тюркски». Данное произведение является реликвией с дидактическим содержанием, написанной в виде пропаганды и состоит из восьми глав. В каждой главе затрагивается беседа на различные темы: о правителях стран, народной массе, довольствовании тем, что есть и совестливости, пользе слежения за языком, юношеском возрасте, быстром наступлении беспомощной старости, влиянии воспитания и деликатности при ведении беседы. Хотя данный письменный памятник принадлежит другой эпохе, в нем встречаются интересные рассказы о важности воспитания, афоризмы, легенды, крылатые выражения, сказанные благородными словами, пословицы и поговорки. Все это Сагди записывал в течение всей жизни, странствуя по свету, подводя итоги увиденного и услышанного.

В каждой пословице и поговорке можно наблюдать выводы из жизни, философские мысли. Например: *Үч нема даим қалмас бірі тежаратсыз мал екіншісі бахсыз ілім үчіншісі сиасатсыз мүлік* (Три вещи не вечны: одна из них – богатства без торговли, другая – наука без диспутов, третья – царь без политики).

В произведении «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи находят отражение гуманистические идеи, восхваляющие хорошие и плохие качества человека. Автор берет за основу чистоту духовного добра, формирующее личность «человека».

Согласно общественно-социальному положению своего времени, передает через «правителя» (представителей правящих кругов) основные хорошие-плохие качества, составляющие феномен человека. Призывает к доброте и благодетельности, критикуя жестокость, жадность, невежество и другие отрицательные черты правителей. Основным кредо строчек произведения является правитель народа, обладающий безграничным разумом и рассудительностью, благонамеренный, сладкоречивый, искусный и начитанный, щедрый, великодушный, умеющий справедливо управлять народом. В связи с этим, в письменном памятнике микрополе «веры», «щедрости», «доброты», «знания», «честности», составляющие духовное богатство человека, являются основными компонентами достижения «богатства» и «счастья». В строчках произведения поэта микрополя, сосредоточенные вокруг *человечности*, преподносятся восточным мотивом арабскими и персидскими эмотивными сопоставлениями. Например:

Һәр кішінің кім сураты көрікті дүрүр сураты көрікті дағұл тышына етбар йоқ ары керек көңүл. Бірі даулат білән мағрур-у рафия, бірі михнат білән ранжур-уса’ ил. Ей ділбар-и манзур бұ көркінге болұб махрұр қойылар қылмағыл ранжур кечер бұ хұсн дәурені. Даим зар-у сим таш ішіндә маужуд ликин қаму таш ішінде йоқтұр зар-у сим. Малул қылмайысар ‘ариф ер кіші.

Автор напоминает о том, что нужно обращать внимание на чистоту души человека, нежели на его внешнюю красоту.

*Ұлғұлғ тілесең сахи бол сахи
Сахині сүйер хақ тағала ахи.*

Коль ищешь величья, будь щедрых щедрей,
Тебя наградит бог любовью своей [1].

Арабские и персидские элементы в письменных памятниках, согласно подсчету Э. Фазылова, охватывают 2076 (1466 – арабских, 610 – персидских) слов [2]. То есть, по сравнению с другими письменными памятниками Золотой Орды, больше половины лексического запаса данного письменного памятника составляют арабские и персидские слова. Одной из причин этого, возможно, является то, что данный письменный памятник был написан в Египте. Во-вторых, законно и то, что состоящее из 372 страниц объемное произведение содержит большое количество заимствованных элементов. В первый период распространения ислама в Золотой Орде, естественно, уделялось большое внимание созданию и переводу книг богословского содержания. Языком религии считался арабский, поэтому религиозные книги писались на арабском языке. Но вскоре религиозные книги, как оригинальные, так и переводные, начали твориться на тюркском языке. Причем в книгах религиозно-богословского содержания преобладают арабские и персидские элементы и архаизмы, а язык художественных произведений стоит ближе к общенародному языку, хотя поэзия, принявшая в качестве метрической системы арабо-персидский аруз, характеризуется увеличением числа арабских и персидских элементов, архаизмов, диалектизмов.

Обычно средневековые тюркские поэты в своих произведениях, переводимых с восточных языков, в качестве одного из методов украшения использовали готовые арабские и персидские фразы, нежели по-новому рифмовать слова. И все-таки, в какой степени переводчик использовал заимствованные (арабские и персидские) слова и готовые восточные фразы? Повлияли ли чужеземные языковые элементы на непонятность произведения? Тюрколог Г. Баттал-Таймас, рассматривая некоторые языковые факты произведения, пришел к заключению, что основа языка произведения близка к «кипчакскому» языку [3]. Действительно, некоторые трудные понятия в первоисточнике произведения переводчик старается преподнести через их эквиваленты на кипчакском языке, очень много моментов, где читателю даются крылатые выражения, присущие кипчакским понятиям.

Таким образом, наблюдаются схожие черты в пословицах и поговорках древнетюркских народов с казахскими понятиями.

В Гулистане: Сығар бір һужраға екі сұлтан бір ықлыма сығмас екі сұлтан.

В сов. каз. яз. Екі қошақардың басы бір қазанға симайды.

В Гулистане: Ташы ғимарат ічі хараб.

В сов. каз. яз. Сырты бүтін, іші түтін.

В Гулистане: Иаман адет табиғатта отырса, ол андан кетмесер олманча.

В сов. каз. яз. Ауру қалса да, әдет қалмайды.

«Гулистан-Бустан» Сагди Ширази является прозаическим произведением, написанным вперемежку со стихами на персидском языке под названием *наспр-амихте бе назым*. Тем не менее, поэт-переводчик Сагди со своей стороны напевал, красочно рассказывал, приукрашивал свои эпосы.

В знак доказательства этому автор переводит следующим образом вот эти строки:

Сагди Ширази:

*Вақт зарурат жу намонэд кериз
Даст бегирад сэр-е шамси тез.*

При необходимости, когда нет возможности бежать
Рука хватается за острый мяч.

Перевод С. Сарай:

*Зарурат халатында кім қачарға табмаса бір йол
Иүрүб қаршу елі бірлән тұтар етті қылычны ол.*

В случае необходимости, если не найдет он дорогу для бегства
То, выступая навстречу, рукой хватается он за острый мяч [1].

Сагди Ширази:

*Әбр әгәр об зендәги борд һәркәз шох нәбид бәр нахури
Бо фру майе рузкар сабр казни бур иа шакар нахури.*

Если (даже) облоко польет живую воду –
Никогда не вкусишь плодов от ивы.
Не трать времени на человека с дурной природы
Ведь из камыша ты не получишь сахара.

Перевод С. Сарай:

*Әгәр иагса булутдан об хайван
Иақын біл тал ағашындын жеміс жоқ
Жаман бірлә гұмырыны саги етме
Қури неденкіші шакар жемісі жоқ.*

Если даже из тучи прольется живая вода,
Знай хорошо: ива не станет плодоносить.
Не теряй жизнь, живя с плохим человеком,
Ведь из простого тростника человек не вкушал сахар [1].

Также, как мы замечаем, переводчик полностью переводит содержание с оригинального стиха. Видно, что он заменил арабские и персидские элементы их эквивалентами, понятными для тюркских народов своей эпохи.

Сагди Ширази:

*Бәд әз таубе уа тавон растан әз газаб-е Худай
Уалик натауан әз забон-н мардом аст.*

Перевод С. Сарай:

*Қылыб таубе құтұлмаққа болұр тәңрі газабындын
Уа ликән бу халайықның тіліндан құртұлұб болмас.*

Покаянием можно спастись от наказания бога
Но нельзя спастись от людских языков [1].

Переводчик заменил персидское слово *худай* с первоисточника подходящим по смыслу кипчакскому словом *тәңгри*, арабские же слова *газаб*, *таубе* не были чужими в свое время для всей тюркской общины. Потому

что слова, отсутствующие в тюркском словарном фонде, передавались арабскими и персидскими словами. Переводчик даже не ставил перед собой цель переводить такие слова и оставлял их без изменений.

К примеру, «*таубе*» – философское понятие, это духовное измерение всякого явления. Это понятие означает, что и радость и горе человека имеет предел, что надо довольствоваться тем, что имеешь. Такая философия впиталась в социальную психологию и социальное мировоззрение нашего народа, законно и то, что особенности мировоззрения нашего народа наблюдаются в его быте.

Поэтому казахский народ не только сохранил арабско-персидскую мистическую философию в изначальной форме, но и принял его за обычай, согласно своему образу жизни. Тем не менее, переводчик использовал арабские и персидские слова в качестве рифмы для размера стиха. Написанные в стихах строчки эпоса Сагди изображает своими красками, используя виды жанров *баит*, *месра*, *рубай*, *маснауи*, *газел*, *касида*. Из написанных Сейфом Сараи наследий самым наилучшим и привлекательным является *рубай*. При восхвалении самых ценных человеческих качеств как справедливость, доброта, благонравие, щедрость, и др. переводчик использовал жанр *рубай* и украшал заимствованные языковые единицы для витиеватой рифмы. Например, *саху* (щедрый), *ахи* (брат), *саха* (щедрость), *руа* (не забывай) сочетаются с языковыми единицами.

Ұлұғлұғ тілесен сахи бол сахи
Сахині сүйер хақ тағала ахи.

Коль ищешь величья, будь щедрых щедрей,
Тебя наградит бог любовью своей.

Бір кішідан дайма көрүб саха
Ғұмыр барынча иүгүн чықсаң руа.

Коль человек всегда к тебе был щедрым,
Всю жизнь не забывай, что ты ему обязан.

Отырмас жаһал ер көңілінде хукмат
Нечүн кім таш уза ұрса темүр мих.

Сердце невежды не воспринимает премудрости,
Подобно тому, как железный гвоздь, сколько по нему ни били,
не входит в камень.

Сөзлемек хикмат дағул ей жуш мақал
Болмас ол иерде сөзге мажал
Ол такаллумдан жушдур сәкут
Кім хата сөзде иегінча енфаал.

Если ты красноречив, помни же всегда,
Мудрость в том, чтоб говорить, когда есть нужда.
Если ж надобности нет, лучше промолчать,
Чем сказав не то, что надо, сгореть со стыда.

Ариф білә олтұрмақ жахилға ерүр зындан
Жаһил білә олтұрмақ арифқа жаһаннам.

Сидеть с мудрым человеком для невежды наказание,
Мудрому сидеть с невеждой хуже адского мученья [1].

Сейф Сараи мастерски использовал трудные арабские и персидские слова при перевоплощении и подаче с подтекстом значения каждого слова, в качестве средств украшения, взяв их за основу размера стиха. Автор витиевато выражает как его ученик должен говорить обдуманно, следить за своим языком, следующим образом:

*Нече болса сөзін музун уа ширин
Муфарих лайық тасдиқ уа тахсин
Бір айтқанны иана атқан мукаррар
Ки халваны дағы бір құрла иерлер.*

Как бы твоя речь ни была размеренной и сладкой
Веселящей душу, достойной согласия и похвалы.
Уже сказанное не повторяй еще раз
Ибо и халву едят понемногу.

*Камал фазил сенде йоқтур
Тіліңні сақлаб, ағзында отұртек
Қылұр ерні тілі дайым фасихат
Жүрек қузы нечук қылса иүңкүллік.*

Если в тебе разумения мало,
Язык за зубами держать не грех.
Язык человека всегда может быть выдать
Так же, как легкость – гнилой грех [1].

Если учесть, что в строчках стихов арабские и персидские слова используются на уровне сложных глаголов, то основная семантическая нагрузка ложится на именные слова и наречия. То есть, именные слова и наречия на языке средневековых произведений выполняли функцию ключевых слов для образования сложных глаголов. Итак, такая духовная связь между тюркской поэзией и восточной классической поэзией, с помощью традиции *назира*, в основном щедро обогатила тюркскую поэтику относительно темы, содержания, формы, средств украшения, стиля и языка.

Тюркские поэты писали свои произведения, используя образцы восточного жанра, и полностью внедряли заимствованные языковые единицы для рифмовки, принимая их за основу размера стиха, что позволяло контролировать количество слогов в строчках стихов. Возможно поэтому арабские и персидские изафетные конструкции, встречающиеся в письменных памятниках и создающие трудности в понимании, основывались на размеры стихов восточных жанров и использовались в виде готовых клише.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наджин Э.Н.* Тюркоязычный памятник XIV века Гулистан Сейфа Сараи и его язык. Ч. I. – Алма-Ата: Наука, 1975. – 208 с.
2. *Фазылов Э.* Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. I. – Ташкент: Фан, 1966. – 650 с.; Т. II. – Ташкент: Фан, 1971. – 777 с.
3. *Aptalla Battal Taymas.* Seyf Sarayı'nın Gülistan Tercümesini gözden geçiriş. Türk Dili Araştırmaları Yılığ. – Ankara, 1955. – S. 73–98.

РУКОПИСИ ПОЭТА КУЛ МУХАММЕДА (конец XVIII – начало XIX в.)

Г.Н. Зайнеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются все известные на сегодняшний день рукописные списки произведений поэта Кул Мухаммеда (конец XVIII – начало XIX века), хранящиеся в фондах Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Рукописи найдены во время научных экспедиций, написаны на арабской графике. Несут в себе ценную информацию о той эпохе, в которой жил поэт.

Ключевые слова: письменность, рукописи, наследие, Кул Мухаммед, поэт, конец XVIII – начало XIX века, история татарской литературы.

The article examines all the currently known handwritten lists of the works of the poet Kul Muhammad (the end of the XV century – the beginning of the XIX century), stored in the fund of the Center for Written Heritage of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The manuscripts were found during scientific expeditions, written on Arabic graphics. They carry valuable information about the era in which the poet lived.

Key words: writing, manuscripts, heritage, Kul Muhammad, poet, the end of the XV century – the beginning of the XIX century, the history of Tatar literature.

ШАГЫЙРЬ КОЛ МӨХӘММӘД КУЛЪЯЗМАЛАРЫ (XVIII йөз ахыры – XIX йөз башы)

Г.Н. Зәйниева

Кулъязма китаплар – халкыбызның үткәннән килеп ирешкән кыйммәтле мирасы. Тарихында бик күп фажиғалар күрсә дә, халык әлеге бәһасез хәзинәсен саклап калырга тырышкан. Татар кулъязмаларын туплау һәм өйрәнү эше исә XVIII гасырның беренче чирегеннән башланып, Габдерәхим Утыз Имәни (1754–1834), Ибраһим Хәлфин (1778–1829), Хөсәен Әмирханов (1816–1893), Шиһабетдин Мәржани (1754–1834) һ.б. бик күп зыялылар, язучылар, дин эшлекләре, галимнәр күп хезмәт куйган һәм хәзер дә бу эш уңышлы дәвам итә. Безнең көннәргә кадәр килеп житкән кулъязмалар аша ничәмә-ничә әдип исемнәре әдәбият майданына кайтарылды һәм тиешле бәясен алды. Кулъязмаларның күбесе бүгенге көндә шәхси китапханәләрдә сакланып, археограф галимнәр тарафыннан археографик экспедицияләр вакытында табылып алып кайтыла да инде. Шулар рәвешле кулъязма күчәрмәләре өйрәнеләп, татар әдәбияты тарихында лаеклы урын алган XVIII йөз ахыры – XIX йөз башы шагыйре Кол Мөхәммәд бине Солтанбәк әл-Ушмави әл-Болгари исемен атап була. Беренчеләрдән булып аны әдәбият майданына чыгаручы галим Марсель Әхмәтжанов санала. Аның тарафыннан бик күп исемнәр тарихка кайтарылды, кулъязмаларны жыю, барлау, эшкәртүгә искиткеч зур хезмәт куелып, мирасыбызның тиңсез бер өлеше юкка чыгудан саклап калынды.

Кол Мөхәммәд әдәби мирасының кулъязма күчәрмәләре 1970–1980 елларда Татарстанның Балтач, Саба, Кукмара районнары авылларында табыла.

Эзләнүләр нәтижәсендә, Кол Мөхәммәд нәселенә баглы булган кешеләр белән элементгә кереп, алар ярдәме белән Ташкенттан кулъязма шәжәрә һәм аның шигъри аңлатмасының копиясе кайтарылды. Әлеге чыганак бик кыйммәтле һәм уникаль, чөнки ул Кол Мөхәммәд турында моңа кадәр беркайда да билгеле булмаган яңа фактларны ачты, шагыйрьнең тормышы, аның якыннары хакында өстәмә хәбәрләр биреп, шәжәрәсен тулыландырырга ярдәм итте.

Кулъязма шәжәрәдән күренгәнчә, Кол Мөхәммәд нәселе 1610 елдан билгеле, араларында мулла, имам, мөдәррис, гаскәриләр дә булган.

Кол Мөхәммәд 1775 елда Эстәрлетамак өязе Карамалы авылында (хәзерге Авыргазы районы Яңа Карамалы авылы) дөньяга килә. Мөхәммәдрәхим бине Йосыф әл-Ашытый мәдрәсәсендә (хәзерге Арча районы Иске Ашыт авылы) белем ала. Югарыда күрсәтелгән чыганакта шагыйрь ижат иткән әсәрләренң исемнәре дә саналып үтә: «Тәгърифел-вилдан», «Мөһиммәс-сыйбьян», «Әйкыйз» тәржемәсе, «Тәгаллемел-ихван». Соңгы икесе хакында әлеге мәгълүмат юк. Кол Мөхәммәд 1803–1830 елларда Югары Ушмыда имам вазыйфасын башкара. Поэмаларыннан аңлашылганча, 1810 елда Морзаларда (хәзерге Мамадыш районындагы Акчишмә авылы), 1815 елда Олыязда яши. Димәк, Югары Ушмыда имам булу белән беррәттән, башка жирләрдә дә шул вазифаны башкарган дип фаразлый алабыз. 1830 елда янғын булып, Кол Мөхәммәд Уфа якларына юл тотта. Анда Кормантау авылында (хәзер Башкортстанның Гафури районына керә) мөдәррис булып эшли башлый. Гомеренең соңгы көннәренә кадәр шунда яши һәм 1845 елда вафат булып, шунда күмелә.

Кол Мөхәммәд яшәгән дәвердә татар жәмгыятендә ислам дине тормышның һәрбягына үтеп кергән була. Патша хөкүмәтенең көчләп чуқындыру, руслаштыру сәясәтенә каршы реакция буларак, бу процесс тагын да тирәнәя. Халыкның азатлык өчен көрәше дини төсмер ала. Кол Мөхәммәднең әлеге юнәлештә тоткан позициясе әсәрләрендә дә чагыла. Аның поэмалары фәлсәфи-дидактик планда язылган, нигезендә дини, тәрбияви, эхлакый мәсьәләләр ята. Шагыйрь дини һәм дөньяви проблемаларны бергә бәйләп бирә. Хәзерге көнгә аның «Мөһиммәс-сыйбьян» («Сабылларның бурычлары»), «Тәгърифел-вилдан» («Балаларга аңлатма») исемле поэмалар һәм шигырьләр жыентыгы билгеле.

Кол Мөхәммәд әсәрләренең беренче кулъязма вариантын [1] 1977 елда археограф М.И. Әхмәтжановка Казанда яшәүче пенсионер-педагог Миңнур Галиәкбәров тапшырган була, ул Татарстанның Балтач районы Алан авылыннан табыла. Әлеге кулъязма китап такта тышлыкка төпләнгән, 210×162 мм зурлыкта, егерме өч кәгаздән тора, һәр бите икешәр рәт шигырь баганалары белән язылган. Кәгазенә караганда, ул XIX йөзнең утызынчы елларына туры килә, соңгы берничә бите югалган. Кулъязма татар телендә язылган өч поэтик әсәрдән тора. Өч әсәрнең берсе – шагыйрь Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгариның (1754–1834) «Горбәтнамә» поэмасы, калган ике әсәр – Кол Мөхәммәднең «Мөһиммәс-сыйбьян» һәм «Тәгърифел-вилдан» поэмалары. Поэмаларның үзләрендә теркәлгән мәгълүматларга караганда, алар икесе дә хәзерге Татарстан Республикасының

Мамадыш районы Мирзалар (Акчишмә) һәм Олыяз авылларында язылганнар.

«Мөһиммәс-сыйбьян» поэмасы 1810 елда ижат ителгән, 238 икеюллыктан гыйбарәт. Поэма фәлсәфи-дидактик планда язылган. Анда иман белән исламның бер-берсеннән аерылгысыз булуы, иманны күнел һәм тел белән тану, Коръән, өммәт, Аллаһы Тәгалә, пәйгамбәрләр, кыямәт көне, кабердәге газәпләр, тәмуҗ, оҗмах хакында сүз алып барыла. Поэмада укый-яза белү, гыйлем алу, мәҗрифәтле булу сыйфатлары югары бәяләнә.

«Тәҗрифел-вилдан» поэмасы 1815 елда язылып, 262 икеюллыктан гыйбарәт, нигездә, әхлак мәсьәләләренә багышлана. Беренче планга дин, шәригать мәсьәләләре түгел, кешеләр арасында була торган әхлакый кимчелекләрне төзәтү чыгарыла. Поэма бу ягы белән Габделжәббар Кандаыйның (1797–1860) «Рисаләи-л-иршад», Габдеррәхим Утыз Имәнинең «Мөһиммәтәз-заман» поэмалары белән аваздаш. Әсәр үз эчендә бүлекләргә бүленгән. Поэма кереш (Аллаһы Тәгаләне олылау, мактау) белән башланып китә һәм җиде бүлекне үз эченә ала:

1) «Фи бәйане сәбәбе тәәлифе рисаләт» («Рисаләнең төзелү сәбәбе бәянында»); шагыйрь поэманы балалар үтенече белән язганлыгын искәртәтә. Балалар соравы буенча әсәр язучы – шул дәвер өчен хас күренешләрнең берсе. Мисалга, Тажетдин Ялчыголның «Рисаләи Газизә»се моңа ачык мисал.

2) «Фи бәйани-л-вәләдин» («Балалар бәянында»); ата-ананы хөрмәт итүгә, аларга карата нинди мөнәсәбәттә булу тиешлеге хакында.

3) «Фи бәйане хакки-л-зәүҗи галә-л-зәүҗәти» («Иренең үз хатынына карата булган хокукы бәянында»); ир-хатын арасындагы мөнәсәбәтләргә багышлана.

4) «Фи бәйани-л-әүләд» («Нәсел бәянында»); әни кешенең роле асызыклана.

5) «Фи хакки-л-остаз галә тәләмизә» («Остазның укучылары алдында булган хакы турында»); остаз-шәкерт арасындагы мөнәсәбәтләргә игътибар юнәлтелә.

6) «Фи бәйане талибе замана» («Замана шәкертләре бәянында»);

7) «Фи бәйане васыяти талибан» («Шәкертләргә васыять бәянында»).

Гомумән, поэмада иман-ислам, белемнең әһәмияте, галимнәргә хөрмәт, остаз-шәкерт арасындагы мөнәсәбәт, хатын-кызга караш, хатын мөнәсәбәте, ата-ана һәм балалар арасындагы мөнәсәбәтләр хакында сүз алып барыла.

Кол Мөхәммәд поэмаларының икенче кулъязма варианты [2] 1979 елда әдәбиятчы Рафис Әхмәтов (1945–2007) Татарстанның Кукмара районы Югары Өскебаш авылыннан алып кайта. Күчәрмәнең сакланышы начар, бик таушалган, егерме сигез биттән гыйбарәт, 2–19 битләргә шагыйрьнең «Тәҗрифел-вилдан» поэмасы, 19–26 битләргә проза белән язылган хикәят алып тора. Соңгысы эчтәлегә, тематикасы белән Кол Мөхәммәд поэмасына якын, ул – Тажетдин Ялчыголның (1768–1838) «Рисаләи Газизә» әсәреннән алынган өзек. Бу кулъязмадагы «Тәҗрифел-вилдан» поэмасының күчәрелү вакыты якынча 1850–1860 елларга туры килә, ул 257 бәеттән гыйбарәт.

Югарыда әйтелгән ике кулъязмадагы поэмаларны чагыштырсак, Кукмара күчермәсендәге поэма Балтач кулъязмасындагы ике поэманы үз эченә алган. «Мөһиммәс-сыйбьян» поэмасыннан 111 бәет күчерелгән (кайбер юллары сүзгә-сүз бара, аерым сүзләр синонимнары белән алыштырылып бирелгән), структура ягыннан «Тәгърифел-вилдан» белән охшаш (кереш һәм жиде бүлектән тора). Ләкин Кукмара кулъязмасы берникадәр житешсезлекләр белән күчерелгән, күп урыннарда хәрәфләрнең тиешле билгеләре куелмаган, рифма бозылу һәм сүзләрне төшереп калдыру очраklары күзәтелә. Эчтәлек ягына килгәндә, ике варианттагы поэмалар бер-беренә бик якын.

Кол Мөхәммәд ижатына караган өченче кулъязма [3] – шигырьләр жыентыгы. Шагыйрьнең әхлакый-тәрбияви темага караган бу күчермәсе экспедиция вакытында Саба районы Байлар Сабасы авылында 1981 елда табыла, аны М.И. Әхмәтжановка пенсионер Шәяхмәтова Әсма тапшыра. Жыентык 1885 елда Нигъмәтулла Солтанбәков (Кол Мөхәммәднең оныгы) тарафыннан күчерелгән, 180×170 мм зурлыкта, йөз утыз биттән гыйбарәт. Кулъязманың житмеш жиденче битенә кадәр Кол Мөхәммәд шигырьләре бирелгән, авторы күрсәтелмәгән, имза урынына «Гайре хәзрәт» дип куелган аноним-авторсыз шигырьләр дә урын алган. Алар мөназәрә-бәхәс рәвешендә язылганнар. Шигырь юлларының язылу стиле, теле бик якын. Шуңа да «Гайре хәзрәт» дигән кеше Кол Мөхәммәднең үзе булуы ихтимал. Аларда мөселман әхлагын ныгыту, кешенең эчке рухи дөньясына игътибар итү күзәтелә, күбесенчә фани һәм бакый дөнья күренешләре хакында сөйләнә.

Кол Мөхәммәднең тагын бер кулъязма шигырьләр жыентыгы әдәбиятчы Рафис Әхмәтов тарафыннан Татарстанның Норлат районы Күлбай-Мораса авылыннан алып кайтылган була, кызганычка каршы, жыентыкның табылу тарихы турында мөгълүмат язып калдырылмаган. Кулъязманы М. Әхмәтжанов үтенечә белән 2010 елның октябрендә мәрхүм Р. Әхмәтовның хатыны Салисә ханым ТР Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәгенә тапшыра [4]. Кулъязма жыентык яхшы сакланган, тулы, ләкин тышлыгы юк, күләме йөз алтмыш бит. Текст татар телендә, коңгырт кара белән язылган, язмалар өстенә кызгылт кара белән диокритик билгеләр куелган. Шигъри жыентык Кол Мөхәммәд тарафыннан 1816 елда Мирзалар Ушмысы авылында язылган була. Аны шагыйрьнең оныгы Нигъмәтулла бине Мөхәммәдсафа бине Кол Мөхәммәд бине Солтанбәк әл-Болгари әл-Ушмави күчергән, ләкин күчерелү датасы күрсәтелмәгән. Әлеге жыентыкның шигъри эсәрләре шулай ук дини, әхлакый мәсьәләләргә багышланган.

Шагыйрь Кол Мөхәммәднең бүгенге көндә югарыда атап үтелгән кулъязма күчермәләре генә билгеле. Әдипнең кулъязма мирасы алга таба өйрәнелер, яңа кулъязмаларын ачыкларга мөмкин булыр дип ышанабыз. Язма мирасның кыйммәте дә шунда: гасырлар үтү белән аның бәясе, әһәмияте арта бара.

ЧЫГАНАКЛАР

1. Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе Г.Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге: 39 ф., 1 тасв., 960 сакл. бер.

2. ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге: 39 ф., 1 тасв., 2084 сакл. бер.

3. ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге: 39 ф., 1 тасв., 2686 сакл. бер.

4. ТР ФА Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма мирас үзәге: 39 ф., 1 тасв., 7301 сакл. бер.

УДК 2-25

«КИТАБ АЛЬ-ФИХРИСТ» И «ИНСТИСАБ АЛЬ-ИНТИСАРИЙА»: НОВЫЕ СТАРЫЕ СООБЩЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ О ПРИНЯТИИ ИСЛАМА БУЛГАРАМИ

Р.М. Минвалеев

ИА «Татар-информ» (Казань)

Автор на основе комментариев арабского указателя «Китаб аль-Фихрист» Ибн Надима (X век) и компилятивных сообщений турецкого полигистора конца XVI в. ‘Али Деде анализирует самые ранние известия о факте принятия волжскими булгарами ислама в правление аббасидских халифов Ма’муна (813–833 гг.) и Васика (842–847 гг.).

Ключевые слова: «аль-Фихрист», булгары, ислам, халиф Ма’мун, халиф Васик, источниковедение, история.

The author analyzes the earliest news about the fact that the Volga Bulgars adopted Islam under the rule of the Abbasid caliphs Ma’mun (813–833) and Wasik (842–847) on the basis of the comments of the Arabic index Kitab al-Fihrist by Ibn Nadim, as well as compiled reports of the Turkish polyhistor of the late XVI century in ‘Ali Dede.

Key words: al-Fihrist, Risale-i Intisariya, Bulgars, Islam, Caliph Ma’mun, Caliph Wasik, source studies, history.

Что такое «Фихрист»?

Одним из важнейших источников по истории книжности мусульманского мира первых трех веков является биобиблиографический указатель X века «Китаб аль-Фихрист» («Книжный каталог») Ибн Надима. Полное имя автора – Мухаммад б. Исхак б. Мухаммад б. Исхак ан-Надим, а принятый в науке вариант – Ибн Надим (ум. 385/995 г). Он занимался переписыванием, переплетом и продажей книг в Багдаде. В истории остался благодаря своему указателю «Китаб аль-Фихрист» («аль-Фихрист»), который содержит перечень около 10 000 книг и 2000 авторов на арабском языке.

Среди отечественных арабистов изучением «Фихриста» занимались Татьяна Калинина [2: 383–405] и Валерий Полосин [6].

Татьяна Калинина обратила внимание в «Фихристе» на историю письма европейских народов, включая волжских булгар. В контексте истории болгарской руники исследовательница упоминает об интересной детали, которая ранее оставалась незамеченной другими исследователями: «Ибн ан-Надим в одной из глав упоминал о том, что в библиотеке халифа ал-Ма’муна (913–933) была книга вопросов царя булгар (бургар) к ал-Ма’муну об исламе и единобожии» [2: 392]. Правда, Т. Калинина ограничилась лишь этой короткой ремаркой, не став вдаваться в комментирование.

«Китабу Джаваби Малики'л-Бургар фи ма сеела анху мин умури'л-Ислами ва'т-таухиди»

Подробный анализ этого сообщения из «Фихриста» провел турецкий исследователь Эрман Шан (Erman Şan) из Университета изящных искусств им. Мимар Синана. Свои тезисы он озвучил в Баку 27–29 сентября 2021 года в своем докладе «Как царь Булгар попросил аббасидского халифа Ма'муна (813–833) рассказать об исламе». Статья опубликована в сборнике конференции на турецком языке [14: 201–208].

В изложении д-ра Шана отрывок из «Фахриста» звучит так:

«Среди его (халифа Ма'муна) книг есть следующие.... “Китабу Джаваби Малики'л-Бургар фи ма сеела анху мин умури'л-Ислами ва'т-таухиди” (“Ответы на вопросы царя Бургар о повелениях ислама и единобожии”)... Мухаммад бин Исхак (Ибну'н-Надим) говорит... [Ма'мун], не прибегая ни к чьей помощи, написал для “царя Бургар” книгу на более, чем ста страницах, которые не содержали ни одного аята из книги Всевышнего Аллаха (Коран) и не включали ни одного слова предыдущих философов...».

В английском переводе «Фихриста» этот отрывок звучит так:

«Ответы на вопросы царя Бургар, направленные ему (Ма'муну) об исламе и Единобожии. Его послание доказывает добродетели халифов со времен Пророка, да благословит Его Аллах и да приветствует, признаки Пророчества» [11: 254] Далее продолжение: «Он [аль-Ма'мун] написал королю Бургара письмо объемом более ста страниц, но, хотя он не прибегал ни к чьей помощи и не цитировал ни одного стиха из Книги Аллаха, да будет превознесено Его имя, ни одного слова какого-либо мудреца, жившего до него, аль-Джахиз заставил себя произнести: “Мы сочли, что это письмо взято в благоприятном ключе из рассуждений аль-Джахиза”» [11: 399–400].

Кто такой Ма'мун?

Сын пятого аббасидского халифа, легендарного Харун ар-Рашида (763–809) Ма'мун пришел к власти после братоубийства и достаточно был многогранным правителем. Одним из символов его правления, как последующих двух его предшественников станет, покровительство течению мутазилитов, которое большинством ортодоксальных мусульман сейчас воспринимается как еретическое. Одним из тезисов мутазилитов было утверждение о сотворенности Корана в противовес догмату о «извечности Корана».

Халиф Ма'мун сделал воззрения мутазилитов государственной идеологией. В 833 г он «приказал заставить правоведов и религиозных учителей под угрозой инквизиции («михна») публично заявить о своем признании мутазититского калама» [7: 84].

Переходя к содержанию «булгарского» (точнее «бургарского») трактата «Китабу Джаваби Малики'л-Бургар фи ма сеела анху мин умури'л-Ислами ва'т-таухиди» Ма'муна, мы видим, что при его написании использовались труды один из самых известных богословов и литературных критиков эпохи Аббасидов аль-Джахиза (775–868). Последний был также среди сторонников мутазалитов.

В «Фихристе» упоминается, что труды аль-Джахиза легли в основу письма «Булгарскому царю».

«Малик'ул-Бургар»

Внимание исследователей привлекло и наименование адресата послания – «Царь Бургара» (Melikü'l-Burgar). Российские исследователи отмечают, что написание «бургар» по отношению к булгарам используют и другие мусульманские авторы. В частности, Абуль-Хасана аль-Масуди (X век) в «Мурудж аззахаб ва ма'адин ал-джавахир («Золотые копи и россыпи самоцветов»)). Валерий Полосин считает, что формы «бургар» «восходят к названию кочевого народа бургар, который был упомянут в церковной истории Захарии Ритора (ок. 555 г.)» [2: 391].

Эрман Шан проанализировал все случаи упоминанием дунайских булгар в мусульманских источниках и отмечает следующие варианты использования этнонима: «Бурджан» (Burdžân), «Бургар» (Burgar), «Булгар» (Bulgar и Bulgari), «Булгару'д-Дахил (Bulgāru'd-dâhil, «Внутренние булгары») и персидское «Булгар-и Андаруни» (Bulgār-i Enderûni, «Внутренние булгары») и последний устоявшийся вариант «Булкар» (Bulkār) [14: 43–73].

Вариант «Бурджан», по словам Шана, зафиксирован только в мусульманской географической литературе и появился из-за передачи звуков «г» и «к» через использования арабской буквы ج «(джим). Исследователь отмечает использование дунайскими булгарами самоназвания в виде «Бургарон» (Βουρῳάρων) или «Бургариан» (Βουρῳαρίαν).

Время бытования этнонима «Бурджан», по версии Шана, начало VIII века – середина IX века. На смену «Бурджану» в источниках появляется «Бургары»: оно фиксируется в начале VIII – середине IX в. С начала X до конца X в. бытует вариант «Булгар» и «Булгари» [15: 51–58].

Переписка между римским папой Николаем (858–867) и болгарским царем Борисом (852–889)

Опираясь на использования наименования «бургар» в названии трактата Ма'муна Эрман Шан склоняется к тому, что послание аббасидского халифа было адресовано правителю именно дунайских булгар.

Что же касается, кто мог быть этим «бургарским» царем, которому писал Ма'мун, то с учетом времени правления аббасидского халифа в промежутке 813–833 гг., выдвигается три кандидатуры – болгарский хан Крум (803–814), Омуртаг (814–831) и Маламир (831–835).

В качестве другого довода в пользу своей версии исследователь приводит еще один исторический источник – переписку между римским папой Николаем (858–867) и болгарским царем Борисом (852–889). Перед дунайскими булгарами вновь встал вопрос о выборе религии. В процессе поиска государственной религии болгарский царь переписывался и с Ватиканом. Сама переписка сохранилась лишь в виде ответов Папы на латыни.

В ходе переписки дунайские болгары спрашивают, что им делать с книгами сарацинов: «Глава СIII «Вы говорите о нечестивых книгах, которые вы отняли у сарацин и держите у себя, и спрашиваете, что с ними следует сделать. Хранить их, разумеется, не нужно...» [9: 206–271]. По версии

Шана, это могла быть мусульманская литература, которую передали в ходе переписки между халифом Ма'муном и болгарским правителем.

Что интересно, в той же переписке есть интересное сообщение о каком-то головном уборе, напоминающий мусульманскую чалму: «Глава LXVI. Вы утверждаете, что греки запрещают вам входить в церковь в льняной повязке, которую вы носите на голове. От этого мы сходным образом также вас удерживаем, но, возможно, по другой причине» [9: 250].

Отметим, что в заключении Эрман Шан не исключает, что послание могло быть адресовано и волжским болгар.

Еще об одном сообщении о правлении двух аббасидских халифов и булгарах:

Здесь можно вспомнить еще одно сообщение о том, что болгары приняли ислам в правление двух халифов Ма'муна и Васика (842–847 гг.).

В современной татарстанской историографии сообщение о раннем принятии ислама появляется с подачи археолога Елены Халиковой [8] и встречается у многих авторов [1]. Халикова ссылается на «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» Марджани. В работе Марджани приводится следующая цитата: «В “Рисала аль-интисаб” сообщается: «Булгары приняли ислам во время правления халифов Ма'муна и Васика» [4: 67]. Далее следует продолжение: «В одном предании есть сведения о том, что Ма'мун вторгся на их земли из Джурджана, а в другом говорится, что это произошло в 190 году по хиджре (805 г.). То есть подтверждается, что завоевателями указанных земель был именно Ма'мун. Стоит отметить, что еще во времена правления его отца Харуна ар-Рашида были некоторые племена и отдельные люди, которые приняли ислам. При этом у хакана хазар были сохранены его титул и статус взамен на высказывание им согласие выплачивать джизью. Через некоторое время на них напали некие тюркские племена, и после того, как Хорезм оказал им военную помощь в 254 (867 г), хакан тоже принял ислам. Эти события происходили уже в период правления Васика» [4: 67].

Помимо Марджани Е. Халикова пишет, что сообщение из «Рисале-и интисаб» приводит немецкий востоковед Макрварт [13: 475–476]. Там цитата приводится несколько полнее: «Земля Булгар – это земля тюрок-мусульман. Они стали верующими при династии Аббасидов, при халифатах аль – Ма'мун и аль-Васике би'ллах (227–232 гг.)». В свою очередь сам Маркварт опирается на «дедушку» казанского востоковедения – Христиана Френа (1782–1851) [12: 186].

Появление цитаты про халифов Ма'муна и Васика у Марджани, скорее всего, можно объяснить заимствованием всего отрывка из исследования Френа, работам которого он был знаком благодаря своему ученику Хусаину Фаизханову [5: 6].

«Рисале-и Интисарийа»

Все приведенные авторы ссылаются на один и тот же источник – «Расалат аль-Интисаб» (Risalat al-intisäb) османского автора XVI века Али Деде. В турецком биографическом справочнике «Османские авторы»

Мехмеда Тахира Эфенди Бурсалы мы находим информацию о Али Деде, а точнее о Али Деде Боснави [(10: 47–48)]. Он являлся шейхом тариката Халватийа и умер в 1007/1598 г.

Среди его произведений упоминается «Рисале-и Интисарийа»: «Полезный и сжатый тракт на арабском языке, где собраны главы о достоинствах османской династии и рассказы о великих людях уммы и обладателей распознания. Этот тракт хранится в его личной библиотеке и так не был опубликован», – пишет о труде Мехмед Тахир.

Ясность вносит известный советский востоковед Игнатий Крачковский. Он дает его верное название источника: «Благодаря авторитету Френа это сообщение оказалось закрепленным в науке и повторяется рядом ученых... данное конкретное указание едва ли выдерживает критику. Во-первых, оно идет из очень позднего и мало авторитетного источника. Цитата приводится Френом на основе рукописи «Рисалат ал-интисар» («Послание о победе»), принадлежащей, по-видимому, боснийскому полигистору конца XVI в., 'Али Деде (ум. в 1007/1598 г.). Популярность его основана главным образом на одной компилятивной антологии, которая пользовалась известным успехом за три последних века, однако историческое значение его труда, как было недавно констатировано специалистом по турецкой историографии, «равно нулю» [3: 130].

При всем уважении к авторитету академика Игнатия Крачковского, и несмотря на позднее происхождение «Рисалат ал-интисарийа», для определения авторитетности данного источника необходимо полноценное изучение текста этого турецкого автора XVI века. Полезным может быть сопоставления текста о хазаро-арабских войнах Али Деде с сообщениями историков Табари, Балазури и других. Тема требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давлетшин М.Г.* Волжская Булгария: духовная культура (Домонгольский период X – нач. XIII в.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 192 с.
2. *Калинина Т.М.* «Фихрист» Ибн ан-Надима (X в.) о письме и письменности некоторых восточно- и западноевропейских народов // Древнейшие государства Восточной Европы, 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма / отв. ред. тома Т.В. Гимон. – М., 2019. – С. 383–405.
3. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. – 1957. – Т. 4. – 920 с.
4. *Марджани Ш.* Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть первая / пер. на рус. яз., предисл. и пер. с арабского, старотатарского Р.К. Адыгамова. – Казань: Магариф – Вакыт. – 2022. – С. 67.
5. *Мухетдинов Д.В., Тишин В.В.* История Волжской Булгарии в свете письменных источников: проблемы, дискуссии, решения. – М.: ИД «Медина». – 2023. – 240 с.
6. *Полосин Вал.В.* «Фихрист» Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века. Ответственный редактор А.Б.Халидов. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. – 1989. – 159 с.
7. *Фильштинский И.М.* История арабов и халифата (750–1517). – 3-е изд. испр. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад. – 2006. – 349 с..
8. *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 1986. – 159 с.
9. *Харламова Н.О.* Ответы папы Николая I на вопросы болгар // Труды и переводы. Санкт-Петербургская духовная академия, кафедра древних языков, кафедра иностранных языков. – СПб., 2017. – С. 206–271.

10. Bursalı Mehmed Tahir Efendi Osmanlı müellifleri. – İstanbul: Meral yayınevi. – 1972. – c. 1. – 482 s.
11. The Fihrist of al-Nadim in two volumes. – New York: Columbia University Press, 1970 [complete English translation].
12. *Frahn C.M.* Drei Münzen der Wolga-Bulgharen aus dem X. Jahrhundert n. Ghr. M6m. de l'Acad. de St.-Petersbourg VI Ser. t. 1 p. 186, N. 19.
13. *Marquart Josef.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940) – Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, T. Weicher, 1903, XLVI. – 557 c.
14. *Erman Şan.* Abbâsî Halifesi Me'mûn'dan (813–833) İslâmiyet Hakkında Bilgi İsteyen Bulgar Meliki // 19. Uluslararası Türk Dünyası Sosyal Bilimler Kongresi. 27–29 Eylül 2021 Baku / Azerbeycan. Tam metin bildiri kitabı. – Aralık – 2021. – S. 201–208-604 + 582 p.
15. *Erman Şan.* Ortaçağ İslâm kaynaklarında Tuna Bulgarları İçin kullanılmı olan etnonimler (kronolojik bir değerlendirme) // Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu – Belleten – cilt LXXXIX. – Sa: 284 – Nisan 2015. – Ankara, 2015. – S. 43–73.

УДК 1751

КЛАССИКИ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРЕВОДАХ АННЫ АХМАТОВОЙ

А.Г. Наджафова

Институт рукописей им. М. Физули НАНА (Баку)

Значительную часть творческого наследия Анны Ахматовой составляют художественные переводы. Поэтесса перевела замечательные произведения как европейской, так и восточной литературы на русский язык. В переводческом творчестве поэтессы важное место занимает переводы произведений видных представителей татарской литературы. А.А. Ахматова переведя некоторые труды Габдулла Тукая и Муса Джалиля, представила к вниманию русскоязычных читателей их творчество. Эти сочинения завоевали всеобщую любовь.

Ключевые слова: художественный перевод, татарская литература, Анна Ахматова.

Literary translations make up a large part of Anna Akhmatova's creativity. The poet translated the most famous examples of both European and Eastern literature into Russian. Prominent representatives of Tatar literature were given a wide place in his translation work. A.A. By translating several works of Gabdulla Tukay and Musa Jalil, Akhmatova was able to introduce them to Russian-speaking readers and make them fall in love with them.

Key words: literary translation, Tatar literature, Anna Akhmatova.

О заинтересованности Анны Ахматовой восточной литературой отмечалось и раньше. Много говорилось о ее глубоких знаниях этого литературного наследия. Очевидно, что А. Ахматова, литературный гений своего времени, не только прекрасно знала восточную литературу, также познавала ее идеи. Она великолепно знала славную историю многих восточных народов, также монголов и гуннов. Помимо этого, все об их трагической судьбе: легендарном появлении на арене мировой истории, о величии, утраченной со временем, вследствие внутренней распри.

Объяснять эту заинтересованность поэтессы только ее восточно-татарским происхождением было бы неверно. Она была поистине восхищена

восточной литературой. Если даже подсознательное понятие, названное «кровной памятью», подтолкнуло ее к изучению этой литературы, то совершенство восточных литературных произведений превратило поэтессу в вечного обитателя этого мира художественных иллюзий.

Среди известных личностей русской литературы довольно много представителей других наций и народов. К примеру, В.А. Жуковский по материнской линии имеет тюркские корни. Однако своим переводческим творчеством, в отличие от Анны Ахматовой, он предоставил русской публике не тюркскую поэзию, а монотонную немецкую литературу. Анна Ахматова же в определенный период своего творчества занималась переводом великолепных художественных произведений восточной литературы. Переводы Ахматовой не носили систематический характер. Так как, они не олицетворяли литературу определенного народа или творчество какого-то автора. Поэтесса выбирала из этой многовековой, ценной и изысканной литературной сокровищницы, охватывающей разные эпохи и местности, только те произведения, которые гармонизировали ее духовным миром и сочетались литературным вкусом. Тем самым, дарила вторую жизнь этим произведениям уже в русской литературе.

Одна из исследователей, изучавших литературное наследие Анны Ахматовой, является Светлана Коваленко. Она, ссылаясь на труды В.А. Черных, ученого, исследовавшего биографию поэтессы, отмечает: *«По всей вероятности, род Ахматовых, потомки давно уже обрусевших древних придворных татарских дворян. Еще во время посещения Иваном Грозным Казани его сопровождал Кирилл Васильевич Ахматов. Двое из рода Ахматовых были придворными Петра I. А имена прямых предков Прасковьи Федосеевны (бабушки Анны Ахматовой по материнской линии. – А.Н.) внесены в VI родословную книгу (древнейшей). Этот род начало свое берет от Степана Даниловича Ахматова, служившего верстанным города Алатыря в конце XVII века (“Верстный” русское слово. Так называли людей, записанных на военную службу Российского государства в XVI–XVII веках. Это были дети дворян, бояр и городских казаков. Взамен им давали участок земли и жалованье от государства)»* [3: 25].

Следовательно, Анну Ахматову, потомка уже давно обрусевшего рода, восточная литература привлекала не только по культурной памяти. Все-таки в этой связанности были задействованы и другие невидимые факторы. В числе моментов, обеспечивших неразрывность этих неразрушимых связей, важную роль сыграла переселенческая жизнь Анны Ахматовой. А также время ее литературное наследие доказало, что *«путь России неоднократно пересекался с жизнью восточных народов»* [1: 6]. И в сокровищнице прекрасного слова древнего Востока сокрыт подлинный духовный мир человека, родной для русского народа. Восточные переводы Анны Ахматовой еще называют «бегущими по истории». Это стремление современного человека, оглянувшись на исторический путь развития человечества, охарактеризовать его с современной точки зрения.

Переводы Анны Ахматовой произведений литературы Востока включены в основном в два сборника стихов автора. Сборники, озаглавлен-

ные «Классическая поэзия Востока» и «Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой», охватывают переводы поэтессы произведений мировой литературы. В первом сборнике переданы переводы сочинений древней и средневековой литературы Востока, а во второй переводы произведений более современного мира, в том числе и восточной литературы.

В 1986 году в Москве был издан двухтомник «Сочинений» Анны Ахматовой. Второй том этого издания содержит прекраснейшие образцы прозы и переводов поэтессы. Среди переводов этого издания большее внимание привлекают переводы произведений Габдулла Тукая и Муса Джалиля, представителей татарской литературы XX века, к которым А. Ахматова чувствовала особую любовь.

В книгу вошли такие стихотворения Габдулла Тукая, как «Осень», «Родной земле», «Надежда». Интересно, что даже при переводе на русский язык поэтессы сохранила художественный стиль (форма месневи и структуру бейт) всех трех стихотворений, принадлежащей восточной литературе. Стихотворения «Осень» привлекает особое внимание. Так как, оно начинается как простое описание природы, а ближе к концу выражается надежда на приход весны, тем самым приобретая философские черты. Обратим внимание на отрывок из стихотворения:

*Друзья, уже осень к нам в гости пришла,
Придет и зима, пышной шубой бела.
Уж начали птицы от нас улетать,
Чтоб в дальних и теплых краях зимовать.
Леса уже стали желты, как шафран,
Не видно в полях ни снопов, ни крестьян.
Как темя татарина, голы поля,
Голодных пернатых не кормит земля.
...Когда же, скажи мне мой бедный народ,
Весна твоя, день твой цветущий придет?
Тогда ли, когда я умру и потом,
Быть может, воскресну, но в мире ином [2: 348].*

Творческое наследие Габдулла Тукая, стихотворение которого рассматривали, является одной из жемчужин татарской литературы XX века. Профессор БГУ Панах Халилов в учебнике «Литература тюркских народов и восточных славян» сравнивает Габдулла Тукая с М.А. Сабиром – известным сатириком азербайджанской литературы. Так как, Габдулла Тукай тоже известен больше чем сатирик. П. Халилов, изучая газели Габдулла Тукая, писал: «Поэт обычно обращается газелям, чтобы передать свои лирические и внутренние чувства. А иногда также чтобы выразить свои научно-философские взгляды. Г. Тукай возвысил жанр газели на уровень самой пламенной патриотической лирики» [4: 332]. Утверждения учёного о газелях Габдулла Тукая, смело можно отнести и к его месневи, упомянутой выше. В указанном отрывке стихотворения соответствующие описания природы – картина осени и зимы можно принять как ноты скорби о лишениях. А ожидание весны воспевается как символ освобождения. Иными

словами, здесь форма подчинена содержанию, а по идейному содержанию лирика описания уступает место общественно-политической лирике.

В сборнике прозы и переводов Анны Ахматовой, упомянутой выше, особое место занимают переводы стихов Мусы Джалиля. М. Джалиль еще один талантливый представитель татарской литературы. Он относительно более популярный на постсоветском пространстве. М. Джалиль известен читателям Азербайджана по книге «Моабитская тетрадь». Поэт написал эту книгу в лагере немецких фашистов. В нем содержатся более ста стихотворений. Творчеством воинствующего поэта, азербайджанских читателей познакомил Халил Рза Улутюрк, знакомый с гнетом тюрьмы в личной жизни.

Анна Ахматова перевела два стихотворения Мусы Джалиля: «Костяника» и «После болезни». В переводе первого стихотворения сохранена форма четверостишия, широко используемая в литературе тюркских народов. Эта форма стихотворения, состоящая из двух строф производит эффект незамысловатой миниатюры. И по форме напоминает две баяты:

*С поля милая пришла,
Спелых ягод принесла,
Я сказать ей не решаюсь,
Как любовь моя светла.*

*Угощает цветник мой
Костяником в летний зной.
Но любимой губы слаще
Костяники полевой [2: 351].*

Рассмотрим другое стихотворение поэта:

*Я вновь здоров. И мозг усталый мой
Очистился от мглы гнетущей.
Мой влажен лоб. Он будто бы росой
Покрылся в час зари цветущей.
Я вижу вновь, как светом мир богат,
Я слышу счастья веянья живые.
Так дивно мне, и так я жизни рад.
Как будто в эту жизнь вхожу впервые.
И вижу я в чудесном полусне
Лучистой юности сиянье, –
Сиделка наклоняется ко мне,
И нежно рук ее касанье [2: 351].*

Как и вышеизложенное, это стихотворение также является как бы, художественной миниатюрой, отражающей внутреннее волнение поэтессы в определенный момент ее жизни. Анна Ахматова, как поэтесса, и как переводчик, умело перевела эти сочинения, воплощающие странную гармонию таких чувств, как страдание, жизнелюбие и радость. Так как, сама также испытала в своей жизни все это, и эта гармония была близка к ее собственным поэтическим чувствам. Переводами поэтессы эти стихи приобрели вторую жизнь. Это произошло в октябре 1943 года, что совпадает с периодом творчества Ахматовой во время эвакуации в Ташкент.

В 1965 году Анна Ахматова, отвечая на вопрос музея «Татарин» о переводах, про этого самоотверженного мастера поэзии, чья молодая жизнь закончилась в лагере немецких фашистов, писала: «Я переводила стихи Муса Джалиля с чувством беспокойства и большим волнением. Нельзя было прикоснуться к этим произведениям, не думая о трагической судьбе этого прекрасного человека и в то же время хорошего поэта» [2: 449].

В заключение хотелось бы отметить, сравнивая переводы Анны Ахматовой из классиков татарской литературы с оригиналом, как поэтесса прекрасно передавала замысел оригинального произведения, что мы не вникаем во все тонкости. Так как, осознаем всю художественную целостность. И даже полагаем, что Габдулла Тукай или Муса Джалиль излагали свою мысль именно так, как перевела их Ахматова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А.А. Классическая поэзия Востока: переводы. – М.: Художественная литература, 1969. – 207 с.
2. Ахматова А.А. Сочинения: в 2-х т., Т. 2: Проза, переводы. – М.: Художественная литература, 1986. – 463 с.
3. Коваленко С.А. Анна Ахматова. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 347 с.
4. Халилов П.И. Литература тюркских народов и восточных славян, первая книга, 3-е издание. – Баку: Maarif, 1994. – 432 с.

УДК 003.332.5

ВОПРОСЫ ПЕРЕИЗДАНИЯ КНИГ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ НА АРАБСКОЙ ГРАФИКЕ

Г.Ф. Тухватова

Литературный музей Габдуллы Тукая (Казань)

В статье рассматриваются особенности переиздания прижизненных книг Габдуллы Тукая на арабской и современной графике на основе музейных фондов. Впервые ставится проблема сборника стихов как жанра поэзии Г. Тукая, рассматриваются актуальные вопросы эдиции книг как для Литературного музея поэта, как и для развития современного тукаеведения.

Ключевые слова: Габдулла Тукай, история литературы, история изучения, изобразительное искусство, текстология произведений Г. Тукая, татарская литература.

The article discusses the features of the reissue of Gabdulla Tukay's lifetime books on Arabic and modern graphics based on museum funds. For the first time, the problem of a collection of poems as a genre of poetry by G. Tukay is posed, topical issues of book publishing are considered both for the poet's Literary Museum and for the development of modern Tukay studies.

Key words: Gabdulla Tukay, history of literature, history of study, art, textual works of G. Tukay, Tatar literature.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙНЫҢ ГАРӘП ЯЗУЫНДАГЫ КИТАПЛАРЫН КАБАТ БАСТЫРУ МӘСЪӘЛӘЛӘРЕ

Г.Ф. Төхвәтова

Бөек татар шагыйре, хәзерге татар әдәби теленә һәм милли әдәбиятка нигез салучыларның берсе Габдулла Тукайга (1886–1913) багышланган әдәби музей Казандагы Иске Татар бистәсенә ин матур биналарының

берсе – XIX гасыр ахырына караган, халык телендә «Шамил йорты» дип йөртелгән ике катлы йортта урнашкан. Музей Татарстанның һәм Казанның күренекле мәдәният үзәге булып санала. Биредә шагыйрьнең татар әдәбияты һәм мәдәниятенең тарихын өйрәнергә мөмкинлек бирә торган бәһасез ядкярләре – үзенен, туганнары һәм фикердәшләренең мемориаль эйберләре урын алган. Иң кадерле экспонатларның бер төркемен Г. Тукайның 1907–1913 елларда нәшер ителгән китаплары тәшкил итә. Музей әлеге басмаларны фәнни өйрәнү, укучыга житкерү өчен күп көч куя.

2021 елдан Татарстан Республикасы Милли музейе һәм Г. Тукай әдәби музейе Татарстан китап нәшрияты белән берлектә Г. Тукайның үзе исән вакытта нәшер ителгән китапларына нигезләнеп, шул басмаларның үзенчәлекләрен һәм аерымы бер очракта сурәтләрен саклап, аларны яңадан нәшер итү эшен башлап жиберде. Бу өлкәдә 2021–2023 елларда шагыйрьнең өч китабы: «Габдулла Тукай мәжмугаи асаре», «Күңелле сәхифәләр», «Алтын этәч» дөнья күрдә.

* * *

«Габдулла Тукай мәжмугаи асаре» беренче тапкыр 1914 елда «Мәгариф» нәшриятендә басыла, аны Г. Тукай үзе исән чагында төзеп калдырган [9: 353]. 1913 ел башында Шәрәфләр белән килешү төзегәннән соң [шунда ук], шагыйрь «...шул мәжмуганы төзү өстендә бик басылып эшкә кереште. ... Мәжмуга, Тукайның үзе исән вакытында басыла башлап, Тукай үлгәч ... дөньяга чыкты» [1: 193], – дип яза журналист, нашир һәм педагог Ш. Әхмәров (1882–1966) үзенен бер истәлегендә. «Мәжмуга өч төрле кәгазьдә бастырылган, иң очсызының хагы 1 сум 75 тиендер. Баш склады Казанда, “Мәгариф” көтепханәсендә. Башка мәшһүр китапчыларда да бардыр» [3], – дип яза «Ил» газетасы 1915 елның башында. «Бәһасе гади кәгазьдә әжза¹ – 1 сум 7 тиен, мөжәлләд² – 2 сум, әгъла кәгазьдә әжза – 2 сум 2 тиен, мөжәлләд – 2 сум 55 тиен, коленкорový мөжәлләд – 3 сум, әгъла мөжәлләд – 5 сум, бархат белән тышланган әгъла... – 10 сум. Пучта мәсарифы алуыңдан. Задаткасыз налог йибәрелми» [5], – дигән игълан «Кояш» газетасының 1915 елгы 16 апрель санында басыла.

Китапка шагыйрь үзенен халкына калдырырга теләгән эсәрләрен генә кертә, бу хакта «Кояш» газетасының 1913 ел 18 март (74 сан) санында чыккан «Уянгач беренче эшем» мәкаләсендә түбәндәгечә яза: «1913 ел, менә мин уяндым. (...) Тиз арада үзем браковать итмәгән вә үзем яраткан шигырьләрдән жыеп, 400 сәхифәле зурлыгында рәсемле бер мәжмуга чыгарырга карар бирдем. Валлаһел муаффикъ» [9: 262].

Жыентыкка тел һәм әдәбият галиме, тәнкыйтьче Жамал Вәлиди (1887–1932) тарафыннан кереш сүз эзерләнә. Әлеге мәкаләдә Тукайның тормыш юлы һәм ижаты беренче мәртәбә әтрафлы яңгыраш тапкан [9: 9]. «Бүгенгә чаклы Тукайның тормышы һәм аның әдәби ижаты турында язылган тикшеренүләренең иң мөһиме, шөбһәсез, Жамал Вәлиди каләме берлә язылып, Габдулла Тукаевның «Мәжмугаи асаре»нең беренче басмасына кәргән мәкалә иде» [2: 30], – дип билгеләнә «Яңа милли юл» журналының

¹ Әжза – кисәкләп, бүлекләп.

² Мөжәлләд – төпләнгән, тышланган.

1933 ел, 5 нче санында. Тэнкыйтьче һәм әдип Р. Мөхәммәдиев Ж. Вәлидине бик хаклы рәвештә «тэнкыйтьче һәм әдәбият белгечләребездән беренче тукайчы» дип атый [7: 81].

Мәжмугада әсәрләр «Житди шигырьләр», «Көлке һәм һәжүв кыйсе-ме», «Балалар кыйсе-ме» исемле өч өлешкә бүленеп урнаштырылган. Әмма бүленешне үзенчәлекле колонтитулга (ул битнең өске өлешенә түгел, бәлки аска урнашкан) таянып санасак, жиде булып чыга: өчесе югарыда аталды, калган дүртесе «Шүрәле», «Халык моңнары», яңадан «Балалар кыйсе-ме», «Нәсер кыйсе-ме» дип аталган. Г. Тукайның мәжмугаи әсәре безгә авторның ижат лабораториясен күзәтергә мөмкинлек бирә. Автор жыентыкка әсәрләр туплау барышында алар белән эшләүне дәвам итә.

Жыентык фотолар белән баetylган. Шагыйрьнең 3 фотосы – 1908, 1911 елларда һәм Клячкин хастаханәсендә төшерелгән соңгы фотосурәте кертелгән.

«Мәжмугада «Мәгариф» көтепханәсе тарафыннан махсус фотографлар йибәрелеп алдырылган Г. Тукайның туган өе, укыган мәктәбе, авылының рәсемнәре ... бар» [3]. Тукай урыннары белән бәйлә фотоларны беренче татар фотографларынан Кывам-карий Зөлфокаров (1870–1921) ясаган.

«Габдулла Тукай мәжмугаи асаре» – татар китап графикасының беренче үрнәкләреннән берсе дә. Китапта Г. Тукайның «Шүрәле», «Печән базары, яхуд Яна Кисекбаш», «Кәжә белән Сарык» хикәятә поэмаларына һәм «Тотса Мәскәүләр якан», «Ысулы кадимче» шигырьләре өчен махсус ясалган иллюстрацияләр белән бергә, «Мияубикә», «Су анасы» шигырьләренә ижат ителә, инде дөнья күрергә өлгергән оригиналь иллюстрацияләр басыла һәм «Безнең гаилә», «Гали белән кәжә», «Бичара куян», «Кызыклы шәкерт» шигырьләре рәсемнәренә «Милләт» типографиясендә нәшер ителгән «Күңелле сәхифәләр» [8: 16] китабыннан алынган эзер клишелары да кулланыла. Татарстан Республикасы Милли музей тупланмасында «Б.Э.» имзасы белән билгеләнгән Г. Тукай әсәрләренә жиде иллюстрация саклана: «Шүрәле» әкият-поэмасына – 3, «Печән базары, яхуд Яна Кисекбаш» поэмасына – 3, «Кәжә белән Сарык» әсәренә – 1. Графит карандаш һәм каләм, пумала ярдәмендә тушь белән ясалган әлеге рәсемнәр «Габдулла Тукай мәжмугаи асаре»ндә нәшер ителгән. Әлеге рәсемнәр музей фондына 1985 елда театр эшлеклесе, педагог Саллави (Соловьев) Фуад Тимур улы тарафыннан тапшырыла. Ул нәшир, «Матбагаи Шәраф» һәм «Мәгариф» нәшрияты хужаларының берсе Шәрәф Борһан Шәрәф улының (1883–1942) хатыны Закирә Гыйльман кызының туганнан туган энесе. Рәсемнәренә берничәсе Г.Тукай әдәби музей экспозициясендә дә тәкъдим ителә.

Мәжмуганың тагын бер кыйммәте – биредә Г. Тукай автографы факсимилелары бирелү. Жыентыкка шагыйрьнең «Исемдә», «Васиятем» һәм шифаханәдә язган соңгы әсәрләреннән «Толстой сүзе», «Тәфсирме? Тәржемәме?» шигырьләре кулъязмаларының фотокүчермәләре кертелгән.

«Габдулла Тукай мәжмугаи асаре» китабы, шактый гына кыскартылып һәм шигырьләренә бүлекләргә урнаштыру тәртибенә дә берникадәр үзгәрешләр кертелә, яңадан 1918 елда нәшер ителә, соңрак, 1933 елда Токиода басылып чыга. Кызганычка каршы, Габдулла Тукай үзе күрергә теләгән

элегә эсәрләр жыентыгы XX гасыр буена кабаттан нәшер ителми, ул игътибар үзәгеннән читтә калып килә. Һәм мәнә, ниһаять, 2021 елда элегә басманың бөтен үзенчәлекләре: шигырьләренең, фотоларының, иллюстрацияләренең урнашу тәртибе, эсәрләренең автор ясаган фонетик, стилистик һәм семантик үзгәрешләре – сакланып, китап кириллицада дөнья күрә. Бу шигырьләренең автор исән вакытындагы соңгы вариантлары белән танышырга, шагыйрь әйтергә теләгән фикерне аңларга, заман сулышын тоярга ярдәм итә.

* * *

Габдулла Тукайның «Күңелле сәхифәләр» китабы беренче тапкыр 1910 елда Казанда «Сабах» нәшрияты, «Милләт» типографиясендә гарәп графикасында нәшер ителә. Ул төсле рәсемнәр белән бизәлеп, балалар зәвыгына туры килерлек итеп эшләнгән. Анда шагыйрьнең балаларга багышлап язылган унөч шигыре («Гали белән кәжә», «Безнең гаилә», «Шаян песи», «Ак бабай» һ.б.) һәм бер чәчмә мәсәле беренче тапкыр басылып чыга.

Бу китапның бизәлеше дә үзенчәлекле була. Мәсәлән, гади шрифты тышлыкны модерн стилидәгечә кызыл төстәге типографик орнаментлы рама тагын да жанландырып җибәрә. Иллюстрацияләр сыйфатында төрле стильдәге клишелар файдаланылган һәм алар шагыйрьне шуңа нигезләнгән эсәрләр язарга этәргәндер.

Бу жыентыкта бер иллюстрация – «Безнең гаилә» шигыренә махсус эшләнгән рәсем. Ул М.Я. Чемберс-Белебинаның «Живое слово» китабындагы рәсемнең композициясен файдаланып, катнашучылар санын, татар көнкүреше үзенчәлекләрен, киёмнәрне истә тотып, рәссам Зверев тарафыннан төсле итеп бирелгән. Рәсемнең эзерләнүе турында мөгаллим, дәрәсләкләр авторы, полиграфия эшлеклесе Хәбибрахман Забири истәлекләрендә ачыклык кертә: «Беркөнне художник Зверевка барып, «Су анасы» һәм «Безнең гаилә» дигән шигырьләргә карата рәсемнәр ясарга заказ бирдек. Тукай шулар артыннан йөри-йөри үзе җитәкчелек итте. Хәзер булгач та үзе алып кайтты, ләкин һичбер төсле канәгатьләнмәгәнлеген сөйләде» [4: 365]. «Кара инде, шул да булдымы песи, рәсемнең иң мөһим ноктасы безнең песи икәнлеген аңлата алмадык шул. Йә инде, татарлар чәй эчәргә ярата дигәч тә ун чиләкле самавар ясап куймыйлар бит. Моның самавары нәкъ бабай кадәрле», – дип көлеп куя Г. Тукай [4, 365].

2022 елдагы басма исә Татарстан Республикасы Милли музейе фондларында, Г. Тукай әдәби музейе экспозициясендә тәкъдим ителгән нөсхәләренә нигезләнеп эшләнә. Анда XX гасыр башындагы китап битләре белән бергә бүгенге графикага күчәргән бирелә.

* * *

Г. Тукайның «Алтын этәч» китабы беренче тапкыр Казанда «Сабах» көтөпханәсендә И.Н. Харитонов матбагасында «Мәктәп мәкяфәте»нән икенче китап булып, төсле рәсемнәр белән 1908 елның 14 ноябрендә 5000 данә тираж белән басылып чыга. Икенче басмасы 1909 елның февраль аенда 6000 данә тираж белән нәшер ителә. «Габдулла әфәнде бу эсәрен яш балалар өчен язмыш... Назымы гаять җиңел булу өстенә, тасвирлары да гаять шагыйранәдер», – дип яза драматург Г. Камал.

Китапның тышлыгында ук «Пушкин хикәясеннән алынды» дип бирелә. Ә рус шагыйре А. Пушкин «Алтын этәч турындагы әкият» эсәрән Америка язучысы В. Ирвингның (1783–1859) «Гарәп тылсымчысы турында легенда» исемле новелласына нигезләнәп, 1834 елда язган, 1835 елда бастырган. Г. Тукай Пушкин әкиятен татар әкиятләренә якынайтып, татар мохитенә яраклаштырып ижади тәржемә итә. Ул эсәрне милли детальләр белән баета.

«Алтын этәч» китабы – сәнгатьчә бизәлеше ягыннан зур осталык белән эшләнгән басма. Тышлык фонунда этәчне аерып торган алтынсу буяу белән фирезә төсе зәвыклы итеп үреләп бирелгән. Китапның битләре модерн стилин хәтерләткән типографик орнаментлар белән әйләндереп алынган, лирик пейзажларны чагылдыра торган виньеткалар, текст тәмамлануга ишарә иткән бизәкләр кулланылган [12: 257].

2023 елгы яңа басмада, «Күңелле сәхифәләр»дәге (2022) кебек, XX гасыр башында нәшер ителгән китапның битләре һәм янәшә бүгенге графикага күчermәләре тәкъдим ителә. Гарәп язуындагы Г. Тукай эсәрләренең тел-стиль үзенчәлекләрен кириллицада биргәндә аеруча характерлылары төп нөсхәдәгечә саклана һәм, шул ук вакытта, эсәрнең төп укучысы балалар булуын исәптә тотып, кайбер фонетик үрнәкләр бүгенге традицион форматта бирелә.

Гомумән, Г. Тукайның исән вакытта нәшер ителгән китапларын бүгенге көн укучысына үзгәрешсез тәкъдим итү һәм аларның янәшәсендә бүгенге кулланылышта булган графикага күчermәләрен бирү укучыларга эсәр язылган мохитне тирәнрәк аңларга ярдәм итә, бай әдәби, мәдәни мирас белән кызыксынуларын арттыра.

ӘДӘБИЯТ

1. *Әхмәров Ш.Г.* Тукай турында исемдә калганнар // Тукай турында замандашлары. – Казан: Татар. кит. нәшр, 1960. – Б. 193.
2. *Биктимер Г.* Тукайны аңлар өчен // Ил йолдызы: Татар мөһажирләре матбугатында Габдулла Тукай / төз. З.Г. Мөхәммәтшин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – Б. 30–33.
3. Габдулла Тукай мәжмугаи асары // Ил. – 1915. – 25 гыйнвар.
4. *Зәбири Х.* Шагыйрь Г. Тукай турында истәлекләр // Тукай – ядрәрдә: 2 томда. 1 т. / төз.: Р.Ф. Исламов, Ж.С. Миңнуллин. – Казан: Жыен, 2015. – Б. 350–375.
5. Игълан // Кояш. – 1915. – 16 апрель.
6. *Камал Г.* Эсәрләр: 3 томда. – Казан, 2010. – III т. – 171 б.
7. Мухамәдиев Р. Проблемы формирования татарской литературной критики (1905–1917). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. – 144 с.
8. *Тукаев Г.* Күңелле сәхифәләр. «Мәктәп мөкяфәте»ннән 4 нче дәфтәр. – Казан: «Сабах» көтепханәсе, «Милләт» матбагасы, 1910. – 16 б.
9. *Тукай Г.М.* Эсәрләр: 6 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 4 т. / төз., текст., иск. һәм аңл. эзерл. З.Г. Мөхәммәтшин. 2011. – 431 б.; 6 т. / төз., текст., иск. һәм аңл. эзерл., кереш сүз авт.: Э.М. Галимжанов, Ф.Г. Фәйзуллина. – 2016. – 471 б.
10. *Тукай Г.* Уянгач беренче эшем // Тукай Г.М. Эсәрләр: алты томда. 4 т. / төз., текст., иск. һәм аңл. эзерл. З.Г. Мөхәммәтшин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – Б. 259–262.
11. Тукай – ядрәрдә: 2 томда / төз.: Р.Ф. Исламов, Ж.С. Миңнуллин. – Казан: Жыен, 2015. – 1 т. – 968 б.; 2 т. – 720 б.
12. *Улемнова О.* Рәсемнәр // Тукайга сәяхәт: күргәзмә каталогы. – Казан: Заман, 2016. – Б. 256–273.

ИСТОРИЯ ПИСЬМА И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА ТАТАРСКОГО НАРОДА В ЭКСПОЗИЦИИ И КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ Г. ТУКАЯ

Л.И. Тябина

Литературный музей Габдуллы Тукая (Казань)

*Тогда я в книгу устремляю взгляд,
Нетленные страницы шелестят.
Я исцелен, я счастлив, я живу.
Я пью тебя, отрада из отрад.*

Г. Тукай (пер. М. Петровых)

В экспозиции Литературного музея Г. Тукая прослеживается история использования татарами разных график – арабской, латиницы и кириллицы. Особо ценные экспонаты – дореволюционные татарские книги, напечатанные на арабской графике. В залах музея представлены книги Г. Тукая, изданные на разных графиках. В культурно-образовательной деятельности сотрудники музея обращаются к теме истории татарской книги и письменности. Для посетителей проводятся интерактивные занятия, во время которых особое внимание уделяется этой теме.

Ключевые слова: Литературный музей Г. Тукая, Габдулла Тукай, арабская графика, латиница, кириллица.

The exposition of the Literary Museum of Tukai traces the history of the use of different graphics by the Tatars – Arabic, Latin and Cyrillic. Particularly valuable exhibits are pre-revolutionary Tatar books printed on Arabic graphics. In the halls of the museum there are books by G. Tukai published on different graphics. In cultural and educational activities the museum staff turn to the topic of the history of the Tatar book and writing. Interactive classes are held for visitors, during which special attention is paid to this topic.

Key words: Literary Museum of Tukai, Gabdulla Tukai; Arabic, Latin and Cyrillic graphics.

В наши дни, когда глобализация затронула все стороны жизнедеятельности общества и государства, проблема формирования национального самосознания становится еще более актуальной. Информационные технологии и искусственный интеллект, которые направлены на улучшение качества жизни, в том числе и ее культурной составляющей, и стали неотъемлемой частью жизнедеятельности детей и молодежи, еще недостаточно используются с целью воспитания национальных чувств и формирования этнической самоидентификации. Вопросами формирования национального самосознания занимаются историки, этнологи, философы, антропологи, педагоги, журналисты, музейные сотрудники.

В Литературном музее Г. Тукая, который показывает жизнь и деятельность знаменитого татарского поэта начала XX века экспозиция раскрывает не только эпоху, когда жил и творил Тукай, но и мировую, российскую

и национальную культуру, оказавшую влияние на формирование его личности, на его творчество, деятельность и судьбу. В залах музея это влияние раскрывается в первую очередь через письменные источники – книги и рукописи. История письма и письменной культуры татарского народа неразрывно связана с темой книги, которая красной нитью проходит по экспозиции, в том числе и по электронной. В «Тукай-центре», который оформлен как библиомедиатека, представлены книги поэта, изданные на разных графиках. Начиная с 1907 года, когда увидел свет первый сборник «Стихотворения Габдуллы Тукаева», до наших дней напечатано более 500 его книг на 34 языках, среди которых английский, немецкий, французский, турецкий и др., языки народов СНГ и народов РФ. В «Тукай-центре» представлены публикации поэта и о нем на 28 языках. По книгам Г. Тукая, изданным на татарском языке, можно вспомнить историю татарской графики в XX веке. На арабской графике в России с 1907 по 1927 год было напечатано 87 книг поэта. С 1927 по 1939 год, после перехода на латиницу, в нашей стране свет увидели 19 изданий Г. Тукая. С 1939 года его книги издаются на кириллице. Посетители проявляют большой интерес к истории татарской графики, особенно к использованию арабского письма, часто задают вопрос «На каком языке Тукай творил?», предполагая, что тексты на арабской графике написаны на арабском языке. Еще одна тема, которая интересна посетителям, – «Тукай и русский язык». Как известно, поэт хорошо знал русский язык и русскую литературу. Он переводил произведения И.А. Крылова, А.В. Кольцова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и др. русских литераторов на татарский. Сведений о том, что он писал на русском, нет. Произведения Тукая печатались на русском языке начиная с 1913 года. Первая публикация – перевод стихотворения «Өзелгән өмет» («Разбитая надежда», 1910) появилась в «Оренбургской газете» 29 мая 1913 года в переводе Николая Охотина [2: 11]. В первый сборник избранных произведений поэта «Габдулла Тукай мәжмугаи асаре» («Избранные произведения Габдуллы Тукая»), изданный в 1914 году, включено стихотворение «Нэсыйхэт» – «Проповедь» на русском языке, в переводе главного редактора вышеуказанной газеты, который печатался под псевдонимом «Изгнанникъ», т.е. Н. Охотина [1: 86–87].

При организации культурно-образовательной деятельности в музее внимание обращается на историю татарской письменности, а также на использование татарами арабской графики, латиницы и кириллицы в XX веке. По программе музейно-педагогических занятий «У нас чудес полным-полно...» дошкольникам и школьникам предлагается интерактивное занятие «Учат школе...» – «...Саклым элифбалы дәфтәремне», которое обычно приурочено ко Дню знаний или ко Дню учителя. По заявкам мероприятие проводится в течение всего учебного года, на русском или татарском языке. Во время занятия посетители знакомятся с различными графическими изображениями звуков и азбуками, получают информацию о единственном в мире музее букваря – Музее «Әлифба», расположенном в городе Арск Республики Татарстан. В интерактивной форме дети узнают, как записываются звуки, какие есть письменности, какие в них буквы.

В экспозиции представлены экспонаты, имеющие отношение к письменности и книгопечатанию: чернильницы и чернильные приборы (мемориальные – Г. Тукая, К. Мутыги, Г. Кариева; типологические – в комплексе «Медресе» и условном интерьере «Редакция татарской газеты»); ваза для хранения перьев для письма из семьи Апаковых; клише с деревянной ручкой для набора текста, деревянное клише с арабской надписью, типографические шрифты в металлической коробке и др., которые используются при освещении темы татарской письменности. Особый интерес проявляется у посетителей к предметам, которые рассказывают об образовательных учреждениях татар-мусульман до революции – о медресе. В витрине представлены наглядные и учебные пособия, школьные принадлежности, среди которых учебник «Элифба» («Букварь»), составленный Гимадом Нугайбеком (1881–1943) и изданный в 1912 году в Казани в типографии Братьев Каримовых [4: 39]. Книга открыта на странице, где представлены образцы каллиграфического письма на арабской графике. Во время музейного занятия посетители могут написать арабские буквы из этого учебника.

Еще одно интерактивное музейно-педагогическое занятие «Друзья-книжки» – «Белем башы – китап» знакомит с историей татарской письменности и книги. Занятие приурочено ко Дню библиотек и ко Дню родного языка, но также проводится по заявкам в течение учебного года на русском и татарском языках. Особый интерес вызывают произведения, которые любил и читал Г. Тукай, который хорошо знал, кроме татарского и русского, еще арабский, персидский и турецкие языки. В условном интерьере «Редакция татарской газеты» и в «Тукай-центре» представлены книги татарских ученых и просветителей на арабской графике: «Фэвакиһелжөлэса фил әдәбият» («Плоды для собеседников по литературе», 1884), «Китаб эт-тәрбия» («Книга по воспитанию», 1891), «Ысул жәғрафияи кабир» («Большая география», 1894) Каюма Насыри, «Рисала-и иршадия» («Трактат наставления», 1910) Габдрахима Утыз-Имяни, «Кыссаи-Йусуф» («Кыссаи-Йусуф», 1866) Кул Гали, «Сөбател гаҗизин» («Наставление нуждающимся», 1902) Суфи Аллахияра, «Кыйссаи Сәйфелмөлек» («История Сайфульмулюк», 1887), Маджлиси, «Рисаләи Газизә» («Послание Газизе», 1850) Таджетдина Ялчыгул и др. [4: 23]. В произведениях Г. Тукая упоминаются эти книги и персонажи из произведений (автобиографическая повесть «Что я помню о себе», 1909; очерк «Специальная статья», 1912 и др.).

Среди старинных книг особо выделен мемориальный Коран Зиннатуллы Амирова, представленный в экспозиционном комплексе о роде Тукаевых-Амировых как о представителях мусульманского духовенства [4: 43]. Книга принадлежала дедушке Габдуллы Тукая по материнской линии Зиннатулле хазрату Амирову (1829–1909), имаму деревни Училе Казанского уезда Казанской губернии. Он занимался переписыванием мусульманских книг, сочинял стихи. Коран издан в городе Санкт-Петербурге в 1868 году на арабской графике. В книге 290 страниц, при оформлении которых использован традиционный восточный цветочный орнамент. На них есть пометки, сделанные карандашом. Из библиотеки Зиннатуллы Амирова сохранилось несколько книг, в том числе «Хадисы пророка

Мухаммеда». Книги хранились в доме З. Амирова в деревне Училе, после его смерти Коран перешел его сыну, деревенскому мулле Кашфелкабиру Амирову (1885–1938). Габдулла Тукай проживал в доме Кашфелкабира Амирова с середины декабря 1911 года до начала марта 1912 года. В это время книга хранилась у Кашфелкабира.

История Корана Зиннатуллы Амирова, как и копии или муляжи немногочисленных автографов Г. Тукая, которые хранятся в фондах Национального музея РТ, Национального архива РТ, Отдела рукописей и редкой книги Научной библиотеки им. Н. Лобачевского КФУ, Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, используются в культурно-образовательной деятельности музея. Интерес посетителей вызывает документ, представленный в экспозиционном зале «Вместе с народом ты будешь возвышаться» в комплексе, посвященном началу журналистской деятельности Г. Тукая, который вместе со своим учителем Камилем Мутыйги (1883–1941) стоял у истоков татарской периодической печати. Это копия «Договора на издание газеты «Новая жизнь» с подписью Г. Тукая, датированный 20.07.1907 г. [4: 38]. Документ составлен на русском языке, на нем стоит подпись поэта кириллицей «А. Тукаевъ». Подпись поэта на арабской графике встречается в его автографах – рукописях стихотворений и письмах. Во время занятий и мероприятий используются копии автографов, которые дают представление не только о его творчестве и деятельности, но и о его статусе, почерке, характере, быте. Посетители узнают о его окружении – единомышленниках, родственниках и друзьях. Письма тете Саджиде Хабибуллиной (1903), издателю Гильмутдину Шарафу (1907), руководителю издательства «Китап» Габдрахману Давлетшину (1908), другу, писателю Фатиху Амирхану (1908, 1913), дальнему родственнику Камалетдину Хисамутдинову (1910), другу, поэту, переводчику Сагиту Сунчелею (1911), издателю и редактору Ахмедгирею Хасани (1913), секретарю журнала «Анг» Зайнаб Хасани (1913); тексты стихотворений «Два солнца» (1909), «Книга» (1909), «Маленький музыкант» (1911), «Слова Толстого», «Свободное время», «Школа» (1913) и др., сохранившие стиль письма и почерк поэта используются во время тематических и интерактивных экскурсий, квестов и музейных занятий, дополняя материал экспозиции с информацией по истории письменности и татарской книги.

Тема истории татарской письменности затрагивается во время пешеходной экскурсии «Один год из жизни Марджани» по местам, связанным с его именем в Старотатарской слободе, и экскурсии-квеста «Для нации своей бесценный дар – хазрет...» – «Милләт өчен бәһа житмәс кыйбат хәзрәт» по экспозиции Литературного музея Г. Тукая. Мероприятия разрабатывались в начале 2023 года и посвящались 205-летию со дня рождения Шигабутдина Марджани (1818–1889), но остались в музейном репертуаре, так как затрагивают актуальную в наши дни проблему двуязычия и находят своего зрителя. В «Тукай-центре» экспонируется книга «Мөстәфадел әхбар фи-әхвали Казан вә Болгар» («Очерк истории Болгарского и Казанского царств», 1885) Ш. Марджани, которая, как редкий предмет из фонда письменных источников, вызывает особый интерес посетителей.

Во время мероприятий, посвященных Ш. Марджани, посетители узнают, что 2 февраля 1870 года на заседании Совета Министров народного просвещения Российской империи было принято и позже издано распоряжение «Меры к образованию расселяющих Россию инородцев». Документ изменил существовавшую до этого времени систему образования инородцев, в том числе и татар. В нем говорится об рекомендациях по изучению татарами русского языка в медресе, открываемых после 1870 года. Многие жители Казани были недовольны этим распоряжением. Большая часть татарских мулл считала, что изучение русского языка противоречит устоям шариата, являясь греховным занятием. Ш. Марджани ратовал за изучение русского языка, светских наук, при этом прибегал к традиционному авторитету веры. Необходимость изучения татарами русского языка он обосновал ссылкой на шариат: «Ислам, – доказывал он, – не противоречит изучению различных языков, которые дают возможность получать знания». «Необходимо народу, находящемуся под владычеством [другого народа] знать три вещи: его язык, письменность и законы, касающиеся распоряжения собственностью» [3: 12]. Во время экскурсий в качестве дополнительного материала используются современные издания трудов Ш. Марджани и копии его автографов.

Тема истории татарской книги, письменности и педагогики представлена в зале «Созвездие Тукая». Богатый информационный контент содержит электронное устройство о современниках Г. Тукая, среди которых немало личностей, оказавших влияние на развитие татарской культуры в начале XX века. 12 сентября 1876 года открывается Казанская татарская учительская школа – первое татарское светское учебное заведение, где обучались многие друзья и единомышленники Г. Тукая: писатели Г. Кулахметов (1881–1918), Г. Исхаки (1878–1954), театральный деятель И. Кудашев-Ашказарский (1884–1942), журналист и революционер Х. Ямашев (1882–1912). Информация об истории и месте Казанской татарской учительской школы в культурной и общественной жизни татар в начале XX века озвучивается также во время пешеходных экскурсий «Старотатарская слобода: история и современность», «Тукай и театр» и «Один год из жизни Марджани».

Таким образом, новая экспозиция Литературного музея Г. Тукая, в которой отражены современные научные тенденции, исследования и открытия ученых в первой четверти XXI века по истории и культуре татарского народа, использовано новейшее музейное мультимедийное интерактивное оборудование, позволяет показать посетителям историю письма и письменной культуры татарского народа, историю татарской книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габдулла Тукай. Мәжмугаи асаре.* – Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. – 510 б.
2. *Газизова Л.Р.* Лирика Г. Тукая в переводах на русский язык: история и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань: РИЦ «Школа», 2022. – 22 с.
3. *Очерки Марджани о восточных народах.* – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 174 с.
4. *Экспозиционная топография Литературного музея Г. Тукая.* – Казань: Литературный музей Г. Тукая, 2022. – 56 с.

ВОПРОСЫ АЛФАВИТА И ОРФОГРАФИИ В ТРУДАХ Г. ИБРАГИМОВА

Ф.Г. Файзуллина, Э.М. Галимзянова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются вопросы татарской графики и орфографии в начале XX века. Подчеркивается роль Г. Ибрагимова в реформировании арабского алфавита и его адаптации к правилам татарского языка.

Ключевые слова: история письма, арабографическая письменность, графика, орфография, Г. Ибрагимов.

The article discusses issues of Tatar graphics and spelling at the beginning of the 20th century. The role of G. Ibragimov in reforming the Arabic alphabet and its adaptation to the rules of the Tatar language is emphasized.

Key words: history of writing, Arabic writing, graphics, spelling, G. Ibragimov.

Г. ИБРАҢИМОВ ХЕЗМӘТЛӘРЕНДӘ ИМЛЯ-ХӘРЕФ МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

Ф.Г. Фәйзуллина, Э.М. Галимжанова

Билгеле булганча, төрки халыкларда язма культураның нигезләре VII–VIII гасырларда ук салынган була. Бу чорга караган рун язулы истәлекләр шул хакта сөйли. Соңрак Болгар дәүләтенә ислам дине белән бергә гарәп язуы килеп керә. 922 елда ислам дине рәсмиләштерелгәч, гарәп язуының эһәмияте тагын да арта һәм тора-бара ул болгар-татар халкының «үз әлифбасына» әйләнә. Гасырлар буе татар мәдәнияте үсешенә уңай тәэсир ясап килгән гарәп алфавиты 1927 нче елда – латин, 1939 елда кирилл язуы белән алыштырыла.

Бик озак вакытлар гарәп язуы татарлар тарафыннан үзгәртүләрсез кулланылып килә. XIX гасыр ахыры – XX гасыр башларында татарлар арасында имля төзәтү хәрәкәтләре башлана. Чөнки ул татар теле кануннарына җавап бирә торган әлифба булмый. Мең ел гамәлдә булган гарәп алфавиты үз тарихында берничә мәртәбә үзгәртүләр кичерә.

Г. Ибраһимовның татар тел белеме өлкәсендәге эшчәнлегенә төп юнәлешләренән берсе – алфавит һәм орфография төзәтү, ягъни гарәп язуын татар теле кагыйдәләренә туры килерлек итү. Әлеге эшнәң бик катлаулылыгы һәм четереклегеге хакында ул: «Үзенәң ваклыгы-чуалчыклыгы, шуның өстенә зарурәте илә әллә ничаклы баш ватарга, көч әрәм итәргә мәҗбүр булына торган «Мәлгунь мәсьәләләр»нәң бере дә хәзерге хәлдә безем өчен, һич шөбһәсез, шул хәруф вә имля мәсьәләләредер», – ди [1: 161].

Имля, хәрәф төзәтү хәрәкәте XIX йөз ахырларында ук башланып, XX йөз башларында көн үзәгендә була. Бу чорда, моңарчы язуда чагылыш тапмаган сузык авазлар өчен, әлифба китапларына өстәмә хәрәфләр кертелә башлый.

Беренчеләрдән булып, татар теле орфографиясен төзәтү идеясе белән Каюм Насыри чыга һәм үзенәң «Әнмүзәж» (1895) хезмәтендә татар телендә 10 сузык аваз күрсәтә. Аларны белдерү өчен махсус тамгалар кирәклеген әйтә, өстәмә хәрәфләр тәкъдим итә. Әмма ул елларда әлеге яңалыкны

гамәлгә кую мөмкин булмый, шунлыктан үзе дә иске имля белән язуын дәвам итә.

Аннан соң мәйданга чыккан Һади Максуди, «ишетелгәнчә» язу дигән фикерне алга сөрә. Галим, беренчеләрдән булып, «яңа ысул» – ижекләп укуны кертә. Татар телендәге авазларны белдерү өчен, моңа кадәр гарәп язуында яшәп килгән ɤ (уау) [y], ʾ (әлиф) [a], ɟ (йа) [и] хәрефләренә өстәп, ɔ [о, ө] (кыска уау) һәм [ə] авазы өчен ɔ – ʼ (һаи рәсмия) тәкъдим итә һәм үз мөхәррирлегендә нәшер ителгән «Йолдыз» газетасында, сузык авазларны белдерү өчен, биш хәреф кулланып яза башлый.

Имля мәсьәләләренә игътибар артканнан-артып, бер-бер артлы Гыймад Нугайбәкнең «Башлангыч» (1911), Гыйбадулла Алпаровның «Хәреф вә имлямыз» (1912), Габдрахман Сәгъдинең «Яңа телемезгә мөкәммәл сарыф-нәхү» (1913), «Үз телемезгә мөкәммәл сарыф-нәхү» (1915) кебек хезмәтләр дөнья күрә.

Г. Ибраһимов, имля мәсьәләсе тарихына мөрәжәгать итеп, «Татар имлясында яңа агымнар» (1915) мәкаләсендә, төп өч юнәлешне билгели.

Беренчесе – иске имля. Анда мэд (сузык аваз) хәрефләре өчәү – ɤ (уау) [y], ʾ (әлиф) [a], ɟ (йа) [и]. Шул ук вакытта һәр хәреф дүрт шәкелдә йөри.

Икенчесе, шул өч мэд (сузык аваз) хәрефе янына тагы ике билге (хәреф) ɔ [о, ө] (кыска уау) һәм ɔ – ʼ [ə] (һаи рәсмия) өстәлеп, хәрефләр бишкә житкерелә. Әлеге юнәлеш «урта имля» дип атала. Әлеге имля тарафдарлары ишетелгәнчә язу яклы булсалар да, бер-ике чыгарма да ясыйлар.

Имляда өченче юнәлеш, мэд (сузык аваз) хәрефләрен 10 га житкерүдән гыйбарәт. Каюм Насыри башлап тәкъдим иткән татар телендә сузыкларның өч кенә хәреф белән белдерелә алмыйча, алфавитка хәрефләр өстәргә кирәклегә турындагы фәнни яктан нигезләнгән фикерләренә Г. Нугайбәк, Г. Алпаров, М. Корбангалиевлар да яклап чыга. Әлеге юнәлештә истисналар юк. Бу агым тарафдарларын Г. Ибраһимов «яңа имля»чылар дип атый.

Иске имлячылар гарәп язуы нигезендә язалар. Аларның язуда үз кагыйдәләре, ягъни фәнни нигезләре булмый. Бу юнәлеш тарафдарларынан «Дин вә мәгыйшәт» журналын атарга кирәк. «Шура» журналы да башта иске имляда баса, бары соңгы көннәрендә генә аның урта имлячыларга тартылуы күзәтелә башлый.

«Урта имля» белән «яңа имля» юнәлешләре фәнни аңлатмаларга нигезләнә. Әлеге ике юнәлешнең төп аермалары түбәндәгеләрдән гыйбарәт:

а) Яңа имля тарафдарлары, нигез итеп, мэд (сузык аваз) хәрефләрен алалар. Сүзләренң калынлыгы яки нечкәлегә мэд хәрефенә иярә: бер сүздә калын мэд хәрефе булса, башкалар шуңа иярәп калын укыла, диләр. Урта имлячылар кабул кылган мэд хәрефләрен ике хәрефкә әйләндерәләр. Мәсәлән, киләм, кылам дигән сүзләренң берсендә калын, икенчесендә ɟ (нечкә йа). Яңа имлячылар, моның икесен ике төрле аваз дип алып, ике хәреф ясыйлар. Алар аңлатуынча, мэд хәрефләрен икегә: нечкәгә, калынга аермасаң, тавыш хәрефләрен, ягъни тартык авазларны икегә аерырга туры киләчәк. Мәсәлән, калын ишетелгәндә «б»ны бертөрле, нечкә ишетелгәндә икенче төрле язарга һәм берничә генә хәреф арттырасы урынга, егермегә якын хәреф арттырырга кирәк булчак, дип, мэд хәрефләрен унга житкерәләр.

б) Яңа имлячылар өстәмә ике мәд кертү тәкъдиме белән чыгалар. Алар قنر (кыр) дигән сүздә ق (каф) белән ر (ра) арасында аерым бер аваз бар, диләр. Бу аваз калын сүзләрдә – калын, нечкәләрдә нечкә ишетелә дип, тагы ике мәд хәрефе арттыралар. Мәсәлән, قنر (кыр) сүзендә ق (каф) белән ر (ра) арасына каты мәд хәрефе, كئر (кер) дигәндә ك (кяф) белән ر (ра) арасына нечкә мәд хәрефе тәкъдим итәләр.

Урта имлячылар бу фикергә каршы булалар һәм кыр, кер кебек сүзләрдә «к» белән «р» арасында башка бер аваз да юк, диләр.

Г. Ибраһимов, төрле имля тарафдарлары барлыкка килү нәтижәсендә элеге мәсьәләнең тагын да катлаулануын искәртеп: «Имля төзәтүдә асыл кыенлык төзәтәчәк имляның ни рәвешле булуында, нинди галәмәтләр арттыруда... түгел. ...аны халыкка кабул иттерүдә, аны гамәлгә куйдырудадыр», – ди [1: 229–230].

Г. Ибраһимов: «Мин үзем урта имля ягындамын» [1: 227], – дип, үз позициясен белдерә. Элеге проблеманы махсус тикшерүгә багышланган «Татар сарыфы» (1911), «Татар нәхүе» (1911), «Татар имлясы» (1914) хезмәтләрендә шул урта имляны кагыйдә итеп тәкъдим итә. Г. Ибраһимовның орфография мәсьәләләренә турыдан-туры караган «Татар имлясы» (1914) китабы аеруча игътибарга лаек.

Мәктәпләр өчен эшләнгән элеге хезмәттә Г. Ибраһимов моңа кадәр яшәп килгән имля кагыйдәләрен тамырдан үзгәртүне максат итеп куймый, ә бары реформа ясауны гына күз алдында тотта. Ягъни, «гамәлгә керә алган кадәренәң камилен бирергә генә тырыша» [1: 176].

Беренче чиратта, Г. Ибраһимов һәр аваз бәрабәренә язуда бер генә хәреф булырга тиеш дигән төп кагыйдәне алга куеп: «Бер тел белән сөйләшкәндә ничаклы аваз (звук) булса, аның язуында да шул кадәрле хәреф (буква) булырга тиеш!» [1: 51], – ди.

Г. Ибраһимов иске имлядан килгән و (уау) [y], ا (әлиф) [a], ي (йа) [и-ый, ы-е] хәрефләренә ۇ [o, ø] (кыска уау) һәм [ə] авазы өчен ۋ – ۵ (һай рәсмия) кушу кирәклеге яклап чыга.

«Хәрефләр алмашынуы» мәсьәләсендә Г. Ибраһимов тәкъдим иткән кайбер кагыйдәләрдән түбәндәгеләрне күрсәтергә мөмкин. Элеге кагыйдәләр бүгенге көндә дә гарәп графикасыннан кириллицага күчәргәндә кыенлык тудыралар:

1) د (дәл) хәрефе сәкенле (*сәкен – тартыктан соң сузык авазның булмавын белдерә торган билге*) булган ن (нүн) һәм م (мим) нән соң килсә, ن (н) булып ишетелә: قازاننان (Казаннан), آدمنان (адәмнән) кебек. Боларның асылы قازاندن (Казандан), آدمدن (адәмдән) рәвешендә.

2) د (дәл) хәрефе ب (би), پ (пи), ت (ти), چ (чи), س (син), ش (шин), ق (каф), ك (кәф) хәрефләреннән соң килсә, ت (ти) яки ط (тый) ишетелә. Мәсәлән: كوكدن (күкдән), اشدن (ашдан) кебек сүзләр сөйләшкәндә كوكتән (күктән), اشتان (аштан) булып ишетелә. Ләкин язуда ишетелгәнчә түгел, асылларынча булырга тиеш.

3) Асылда сәкенле булган ق (каф) һәм ك (кяф) хәрефләре, яннарында мәд килү сәбәпле, сәкеннәре бетсә, غ (гайн) һәм گ (гяф)кә әвереләләр һәм шулай язылалар. Мәсәлән: اق (ак) – اعى (агы), كونلك (көнлек) – كونلگى (көнлеге).

4) Сәкенле ب (би) күп вакытта پ (пи), сәкенле ز (зи), س (син) булып ишетелә, ياس كوني (йаскөне), تاپدم (тапдым) кебек. Болар да асылынча языла. Асылларын белү өчен, яннарына мәд хәрефе куеп әйтеп карарга кирәк يازن – ياز (йаз – йазын), تاپدم – تابام (табдым – табам) кебек.

5) Г. Ибраһимов, чыгарма итеп, күплек кушымчалары буларак, ل -лар/-ләрне күрсәтә. Калын сүзләрдә – لار (лар), нечкәләрдә لەر (ләр) ишетелсә дә, язуда һәрвакыт ل (ләм+ра) языла. Мәсәлән, كيلدیلەر (килделәр) ишетелә, كيلدیلر языла, قالالار (калалар) ишетелә, قالالر языла [1: 187].

Әлифбадагы 36 хәрефнең 6 сын (ث (җи), ح (хи), ع (айн), ذ (зәл), ظ (зый), ض (дад)) Г. Ибраһимов алынма сүзләрдә генә кулланылуларын белдерә. Гарәпчәдән, фарсычадан кергән сүзләрнең шул телнең үз кагыйдәләренчә язылуларын, аларны татарча сүзләрдә куелмауларын ассызыклап китә (мәсәлән, ث (җ) (сәван), ح (х) (хәрам), ع (гъ) галәм, ذ (з) (зәвыкь), ظ (зъ) (залим), ض (зъ) (зарар)).

Г. Ибраһимовның соңрак язылган мәкаләләрендә дә орфография кагыйдәләрен камилләштерү юнәлешендәге фикерләре дәвам итә. Телемездә сүзләр я калын, я нечкә генә була һәм шуңа күрә мәд хәрефләрен һәркайсын нечкәгә һәм калынга бүлүнең кирәге юк, дип белдерә ул. Ике төрле ى (йа), ике төрле و (уау) арттырып, мәшәкать күбәйтәсе юк. Моңа ике жиңел чара бар, ди. «Бездә дә русларның “ь” яки “ъ” “знак”лары кабиләннән бер нәрсә арттыру. Шунның белән бөтен мәсьәлә чишеләчәк, – дип аңлата. – Арттырылачак билгенең ни рәвешле ясалуы, сүзгәме, хәрефкә карап куелуы – икенчел эшләрдер» [1: 227], – ди. Галимнең фикерләре гомум тарафыннан да кабул ителә.

Галимжан Ибраһимов 1917 еллардан соң да татар тел белеме өлкәсендә имля, хәреф төзәтү мәсьәләләренә караган эзләнүләрен туктатмый.

1917 елның 1 июнендә язган «Имля мәсьәләсе» мәкаләсендә әлегә мәсьәләләргә яңадан кайтып: «Мәрхүм Каюм Насыйридан бирле имля мәсьәләсе мөзакәра (бәхәс) ителә. Байтак ук төзәлдә дә, ләкин һаман мөкәммәл бер имля юк» дип борчуларын житкерә. «Бу хакта жыелышлар ясарга күптән теләнсә дә, иске хөкүмәт ирек бирми» [1: 312] дип, катгый бер карарга килергә кирәклеген тагын бер кат искәртә. Көзгә кадәр әлегә мәсьәлә Казанда Бөтенрусия мөселман укытучыларының беренче, икенче съездларында нигезләнәргә тиешлеген житкерә.

Казанда Бөтенрусия мөселман укытучыларының 1917 елның апрелендә – беренче, августында – икенче съездларында да, 1918 елда Мәркәз мөселман комиссариатының чакыруы буенча жыелган Бөтенроссия мөселман укытучы һәм мәгариф хадимнәренең өченче съездларында да бәхәсләр дәвам итә. Шәкелләрен бергә калдыру, чыгармаларны алып ташларга дигән нәтижә ясала [2: 131]. Гарәп сүзләрен мәд (сузык аваз хәрефе) белән язу гамәлгә куела. 1919 елның башында бу мәсьәләләр өчен аерым конференция жыела. 1920 елның 17–21 нче ноябрәндә Казанда «Шәрәк журналының конференциясе»ндә бу урта имля белән яңа имля тарафдарлары көрәше дәвам итә. Һәм, ниһаять, Казанда Татар Халык Мәгариф комиссариаты фәнни бүлегә киңәшмә жыеп, урта имлячылар (биш мәд һәм ى (кыска йа)), ягъни алтычылар ысулы гамәлгә куела. Егерменче

елның 15 нче декабрдә Татар Социал Советлар Жәмһүрияте Халык Комиссарлары Советының хәрәф-имля хакында декреты да басылып чыга. Г. Ибраһимов «Мәсьәлә чишелде» (1921) мәкаләсәндә «Хәрәф-имля мәсьәләсе бөтенләй чишелде. Бу хакта яңадан сүз кузгатып, анархия тудырып йөрергә һичбер урын калмады» дип, бу мәсьәләгә нокта куярга омтыла. «Буның тәэсире Русия чигеннән үтеп, гарәп, төрек, Иран халыкларына да барачак... Хәрәф-имля бәласыннан котылуда Татарстан аларга да юл күрсәтәчәк» [2: 133] дип, киләчәккә зур өметләр баглый.

Ләкин узган гасырның 20 нче еллар ахырында яңалифкә, ягъни латинга күчү процессы башлана. Г. Ибраһимов татарларны латин графикасына күчүрүне зур хата дип санып, латинга күчмичә, гарәп хәрәфләрен реформалаштыру белән генә чикләнәргә чакыра.

Г. Ибраһимовның гарәп язуын татар теленә якынайту өлкәсендәгә фәнни-гамәли эшчәнлегә татар әдәби теленең нормалары формалашуда әһәмиятле роль уйный.

ӘДӘБИЯТ

1. *Ибраһимов Г.Г.* Әсәрләр: 15 томда. 9 т.: Татар тел белеменә һәм телне укыту методикасына караган хезмәтләр / [төз., текст., һәм аңл. әзерл. Ә.Х. Алиева; кереш сүз авт. Б.Э. Хәкимов]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 383 б.

2. *Ибраһимов Г.Г.* Әсәрләр: 15 томда. 10 т.: Татар тел белеменә һәм телне укыту методикасына караган хезмәтләр / [төз., текст., һәм аңл. әзерл.: Ә.М. Галимжанова, Ф.Г. Фәйзуллина]. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – 351 б.

УДК 930.272

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОНДА ТАТАРСКОГО АРХЕОГРАФА С. ВАХИДИ

Г.М. Ханнанова, Л.Р. Надыршина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В статье рассмотрены три письма татарского краеведа из Семирежья Сабиржана Шакирзянова, адресованные татарскому археографу Саиду Вахиди. Содержание переписки С. Вахиди с С. Шакирзяновым указывает на большую ценность собранных последним источников. Выяснение судьбы личного архива С. Шакирзянова и введение в научный оборот хранившихся в нем материалов является одной из важных задач современного источниковедения.

Ключевые слова: письменные источники, краеведение, Семирежье, Саид Вахиди, Сабиржан Шакирзянов.

The article considers three letters of the Tatar local historian from Zhetysu Sabirzhan Shakirzyanov addressed to the Tatar archaeographer Said Vahidi. The content of S. Vahidi's correspondence with S. Shakirzyanov indicates the great value of the sources collected by the latter. Finding out the fate of S. Shakirzyanov's personal archive and introducing the materials stored in it is one of the important tasks of modern source scientists.

Key words: written sources, local history, Zhetysu, Said Vahidi, Sabirzhan Shakirzyanov.

Среди многочисленных фондов, хранящихся в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

АН РТ, одним из богатейших является фонд выдающегося археографа, историка, педагога Саида Вахида (1887–1938). Здесь хранятся ценные источники, относящиеся к разному времени: собранные им персидские, арабские, тюркские рукописи, переписка С. Вахида, заметки о научно-педагогической деятельности исследователя, документы, отзывы и рецензии, образцы устного народного творчества и многие другие материалы, имеющие научное и историческое значение.

Добавим, что Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ является одним из богатейших архивохранилищ. В нем сформированы фонды Ш. Марджани, Г. Тукая, Г. Ибрагимова, Ф. Амирхана, Г. Исхаки, Г. Алпарова и многих других крупных татарских культурных и религиозных деятелей. В настоящее время продолжается работа по введению этого наследия в научный оборот [5: 99–102; 7: 92–97; 13: 62–73; 14: 274–279].

Саид Вахида родился в 1887 году в деревне Ташбильге Спасского уезда Казанской губернии в семье крестьянина-середняка. Получив образование сначала в медресе родной деревни, а затем соседней деревни Старое Резяпово, в 1905–1911 годах учился в медресе «Мухаммадия» в Казани. В 1911 году преподавал в школах сел Казанской губернии, затем в 1918–1920 годах – на курсах подготовки учителей. Именно с этого времени С. Вахида приступил к целенаправленному поиску, изучению и сбору источников по истории татарского народа. С целью более эффективного выявления и собирания письменного наследия, хранящегося на руках у населения, С. Вахида была разработана специальная инструкция, составлена анкета. Эта анкета была разослана по регионам компактного проживания татар, преподавателям педагогических курсов (где преподавал С. Вахида), раздавалась людям во время экспедиций, рассылалась по почте в различные регионы, публиковалась на страницах периодических изданий.

Вскоре проделанная работа начала приносить свои плоды, С. Вахида стали приходить письма из разных регионов, которые содержали ценную информацию о местонахождении письменных и вещевых источников по истории татарского народа. В дальнейшем на их основе организовывались новые целевые экспедиции и значительная часть письменного и вещественного наследия была спасена от исчезновения.

Письма, адресованные С. Вахида, составляют в его фонде отдельную единицу хранения (фонд 53, оп. 4, ед.хр. 19). Письма различаются как по объему, так и по содержанию. Многие имеют весьма краткий характер, но есть и довольно пространные, содержащие подробную информацию.

Часть этих писем была опубликована в одном из выпусков сборника «Духовное наследие: поиски и открытия», посвященном научной деятельности Саида Вахида. Среди них: письма Джалала Мухаммадиева, З. Галиакберова, Мирзы Габдрахмана Забири, Исмагила Рахматуллина, Ф. Туйкина, Халилрахмана Лутфи и др. Что касается географии этих писем, то она довольно обширна. Здесь можно встретить письма не только с территории Татарстана, но и из других областей компактного проживания татар: Пермской, Нижегородской, Ульяновской областей, Башкортостана и др. [9: 205–255].

Среди писем, адресованных С. Вахиди, есть несколько писем Сабиржана Шакирзянова, проживавшего в г. Алма-Ата (Казахстан).

Сабиржан Шакирзянов родился 30 ноября 1880 года в деревне Мусабоево Мензелинского уезда Уфимской губернии. Учился в медресе села Тлянче-Тамак Мензелинского уезда, затем в 1906–1907 годах преподавал в этом же медресе. В 1907 году переехал в казахский город Верный (ныне Алматы), где работал учителем в татарской и русско-казахской школах. Сотрудничал с газетами «Вақыт», «Урал» и журналом «Шура», издававшимися в Оренбурге, проводил большую работу в области образования Семиреченского региона. Преподавал на курсах подготовки учителей уйгуров, казахов, киргизов, в 1922–1923 провел большую работу по организации школ для дунганских и уйгурских детей. С. Шакирзянов в 1928–1936 годах являлся членом Алма-Атинского городского совета, в 1940–1950 годах работал в казахском педагогическом институте (в Алматы), умер в 1970 году в городе Алма-Ата [15: 471].

Нам известны три письма С. Шакирзянова, адресованные Саиду Вахиди. Первое письмо написано 29 января 1923 года из города Алма-Ата. Письмо написано на татарском языке арабским шрифтом, на писчей бумаге синими чернилами. Документ хорошей сохранности. По сведениям, приведенным в этом письме, у С. Шакирзянова собраны материалы, относящиеся к казахской, уйгурской, таранчинской литературам, в которых, как отмечает автор письма, немало отсылок к татарам. Также есть рассказы о Улуг-Мухаммеде, исторические рассказы о Джамай батыре, Асан-ате, Чингиз-хане, Джучи, Тимуре и др. У него же хранился Коран, переписанный в Кашгаре более 300 лет назад, книга по фикху, монеты, отчеканенные в честь Тогрул-Тегина и другие интересные материалы. После 1917 года у туркестанских татар прервались духовные отношения с татарами Поволжья, и татарская пресса не доходила до Семиречья. А казахская и узбекская пресса, выходящая в самом Туркестане, не устраивала здешних татар и материалы, накопленные у них со времен революции, оставались неопубликованными. «Было бы замечательно, если бы эти материалы были собраны и собраны представителями самой Татарской республики», – пишет С. Шакирзянов. В случае, если его назначат официальным представителем по сбору исторических источников, он обязывался с большим энтузиазмом выполнять эту работу [12].

Второе письмо написано 12 июля 1926 так же из Алма-Аты. Письмо также написано на татарском языке арабской графикой, на писчей бумаге, синими чернилами. Документ дефектный, отсутствует приветствие. В этом письме С. Шакирзянов сообщает, что у него есть интересный документ, который он хранит уже несколько лет. Это – ярлык на уйгурском наречии, изданный в 1172 г. хиджры (1758–1759 г.н.э.) ханом Мухаммад-Бахадуром Гази в Яркенте (Восточный Туркестан) о пожаловании некоего Гырып Супи. Судя по описанию автора письма, ярлык был написан на толстой китайской бумаге и заверен красной правительственной печатью посередине. С. Шакирзянов сообщает, что документ находится у него и он готов при необходимости прислать его фотографию вместе с комментариями,

составленными им. Также автор письма отмечает, что среди сохранившихся у него записей есть рукопись «Кутадгу белек» Юсуфа Баласагуни [10].

Третье письмо написано 2 октября 1926 года из города Алма-Ата. Письмо на татарском языке, арабским шрифтом. Написано на писчей бумаге, синими чернилами. Документ дефектный, также отсутствует приветствие. Из этого письма мы дополнительно узнаем, что в собрании С. Шакирзянова было представление китайских пограничных властей российским властям, относящееся к концу XIX века, по поводу инцидента на российско-китайской границе. Этот документ был составлен на китайском, монгольском и уйгурском языках. Также Шакирзянов пишет, что в Туркестане имеются экземпляры газет и журналов на татарском, казахском, уйгурском, узбекском, киргизском языках, серебряные и медные монеты, найденные в Семиречье и отчеканенные правителями тюрок-карлуков в X веке и т.д., и готов их выслать С. Вахиди [11].

О том, дошли ли упомянутые в этих письмах материалы до С. Вахиди, у нас пока нет информации. По сведениям исследовательницы Н.Г. Гараевой, собранное С. Вахиди письменное наследие, помимо Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова на сегодняшний день хранится в фондах различных научных организаций России: Института восточных рукописей РАН, Российской Национальной библиотеки, Национального музея РТ, Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ, г. Казани АН РТ, научной библиотеке Казанского научного центра РАН [6: 107].

Известно, что еще до знакомства с Саидом Вахиди С. Шакирзянов вел в своем крае работу в области сбора старинных рукописей, образцов устного народного творчества. В журнале «Шура», издававшемся в Оренбурге, были напечатаны заметки Сабиржана Шакирзянова за подписью «Сабиржан Кормаши», «Шакиржан углы Сабиржан», «Сабиржан Шакиржан», «Сабиржан эл-Кормаши» [8: 244]. Так, в 20-м номере журнала «Шура» за 1912 год он писал, что отправил в редакционное правление один из трудов известного востоковеда, археолога, этнографа, нумизмата Николая Николаевича Пантусова (1849–1909) о «Мавляне Юсуфе ас-Сакаки». Редакция журнала «Шура» в свою очередь благодарит С. Шакирзянова и сообщает, что в дальнейшем он будет пользоваться этим произведением [1: 635]. На страницах журнала «Шура» публикуются и несколько записей Шакирзянова из образцов устного народного творчества это: «Изгеләр чишмәсе» [3: 286–287], «Сәхиб әби әүлия булган» [4: 2–3 т.б.], «Жылау көе» [2: 383].

Письма С. Шакирзянова являются историческим источником, позволяющим представить положение и культурную жизнь образованных татар, проживавших в Семиреченской области в начале XX века. Как видно из писем, Шакирзянов был одним из важнейших корреспондентов Саида Вахиди и археографом, исследователем Семиречья еще до революции 1917 года, коллекционером интересных источников татарской, арабской, уйгурской, казахской, монгольской, китайской письменности. Сегодня перед учеными стоит задача выяснить судьбу собранных С. Шакирзяновым материалов и, в случае их обнаружения, ввести их в научный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Әл-Кормаши Сабиржан*. Алма-ата // Шура. – 1912. – № 20. – Б. 635
2. *Әл-Кормаши Сабиржан*. Жылау көе // Шура. – 1915. – № 12. – Б. 383.
3. *Әл-Кормаши Сабиржан*. Изгеләр чишмәсе // Шура. – 1915. – № 9. – Б. 286–287.
4. *Әл-Кормаши Сабиржан*. Сәхиб әби әүлия булган // Шура. – 1915. – № 12. – 2–3 т.б.
5. *Галимжанова Э.М.* Фазыл Тукыйнның Сәет Вахидигә язган хатлары // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С.Вахиди / сост.: Л.Ш. Гарипова, Д.З. Марданова; под ред. И.Г. Гумерова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – С. 99–102.
6. *Гараева Н.Г.* Саид Вахиди – собиратель рукописей // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахиди / сост.: Л.Ш. Гарипова, Д.З. Марданова; под ред. И.Г. Гумерова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – С.102 – 114.
7. *Гарипова Л.Ш.* Г. Алпаровның мәгариф өлкәсендәге эшчәнлеге/ Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы IX международной научно-практической конференции, посвященной юбилею д-ра филол. наук, профессора, заслуженного работника образования РБ, Почетного работника ВПО РФ, действительного члена РАЕН Фаткуллиной Флюзы Габдуллиновны (г.Уфа, 28 апреля 2023 г.): в 2-х томах. Т. 1 / отв. ред. И.Г. Кульсарина. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 92–97.
8. *Госманов М.Г., Мәрданов Р.Ф.* «Шура» журналының библиографик күрсәткече. – Казан: Милли китап, 2000. – 264 б.
9. *Духовное наследие: поиски и открытия* / под ред. И.Г. Гумерова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – Вып. 4. – 280 с.
10. Письмо С. Шакирзянова С. Вахиди от 12 июля 1926 года // ЦПН ИЯЛИ АН РТ, ф. 53, оп. 4, ед. хр. 19, л. 12а.
11. Письмо С. Шакирзянова С. Вахиди от 2 октября 1926 года // ЦПН ИЯЛИ АН РТ, ф. 53, оп. 4, ед. хр. 19, л. 12б – 12б. об.
12. Письмо С. Шакирзянова С. Вахиди от 29 января 1923 года // ЦПН ИЯЛИ АН РТ, ф. 53, оп. 4, ед. хр. 19, л. 5–5 об.
13. *Фәйзуллина Ф.Г., Ханнанова Г.М.* Гаяз Исхакый көндәлекләре буйлап мәдәни сәяхәт // Фәнни Татарстан. – 2023. – № 1 (37). – Б. 62–73.
14. *Ханнанова Г.М.* Вклад И. Рахматуллина в изучение истории татар (по сведениям писем, адресованных С. Вахиди) // История России и Татарстана: Итоги и преспективы энциклопедических исследований. Сборник статей итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. – Казань, 2018. – С. 274–279.
15. *Шакирзянов (Шакиржанов) Сабиржан* // Татары Казахстана: краткая иллюстрированная энциклопедия / под ред. Р.В. Шайдуллина. – Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2017. – С. 471.

УДК 821.512.145

ОБ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ В ТРУДЕ Г. РАХИМА И Г. ГАЗИЗА «ИСТОРИЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (краткий обзор)

Г.А. Хуснутдинова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

В данной статье рассматривается монографический труд известных ученых, литературоведов Гали Рахима и Газиза Губайдуллина «История татарской литературы», изданный в 1922–1924 годах. Труд, состоящий из трех частей посвящена изучению истории татарской литературы с древнейших времен до первой половины XIX века. Первая часть, изданная в 1924 году посвящена освещению истории возникновения письменности у древних тюрок. Ученые, опираясь на труды

таких ориенталистов, как Радлов, Мелиоранский, рассматривают орхонскую и уйгурскую письменность, произведение «Кодатгу белек» и «Алтын йарук».

Ключевые слова: Гали Рахим, Газиз Губайдуллин, история письменности, история татарской литературы, орхонская и уйгурская письменность.

This article examines the monographic work of famous scientists, literary critics Gali Rahim and Gaziz Gubaidullin «History of Tatar literature», published in 1922–1924. The work, consisting of three parts, is devoted to the study of the history of Tatar literature from ancient times to the first half of the XIX century. The first part, published in 1924, is devoted to highlighting the history of the origin of writing among the ancient Turks. Scientists, relying on the works of such orientalists as Radlov, Melioransky, consider Orkhon and Uighur writing, the work «Kodatgu Belek» and «Altyn Yaruk».

Key words: Gali Rahim, Gaziz Gubaidullin, history of writing, history of Tatar literature, Orkhon and Uighur writing.

Г. РӘХИМ ҺӘМ Г. ГАЗИЗНЕҢ «ТАТАР ӘДӘБИЯТЫ ТАРИХЫ» ХЕЗМӘТЕНДӘ ЯЗМАЧЫЛЫК ТАРИХЫ ХАКЫНДА

(кыскача күзәтү)

Г.А. Хөснетдинова

Күренекле шәхесләребез Гали Рәхим (Мөхәммәтгали Мөхәммәтшакир улы Габдерәхимов, 1892–1943) һәм Газиз Гобәйдуллин (1887–1937) исемнәре халкыбыз тарихында шактый билгеле. Татар фәнен үстерүгә рухи-фикри егәрлекләрен, акыл-гыйлемнәрен, сәләтләрен багышлаган галимнәренә әдәбият, тарих гыйлеме өлкәсендәге эшчәнлекләренә иң югары ноктасы узган гасырның егерменче елларына туры килә. Бу елларда аларның фәнни мирасында иң мөһим, иң кыйммәтле урынны алып торган «Татар әдәбияты тарихы» хезмәте дөнья күрә.

Хезмәт борынгы төрки язмачылыктан алып XIX йөзгә беренче яртысына кадәр билгеле булган төрки-татар язма истәлекләренә тарихын үз эченә ала. Максаты – «әдәбиятыбызның тарихы хакында үзегезгә беренче мәртәбә мөфассалрак (*тулырак*) бер хисап биреп карау, әдәбият тарихыбызны фән шәкеленә кертү, системага салу юлында бер тәҗрибә ясап, беренче адым атлау, беренче нигез ташларын салудыр» [2: IV] дип билгеләнә.

Г. Гобәйдуллин язган өлешләр, нигездә, тарихи фонны яктыртуга һәм конкрет әдәби күренешләргә тирәнрәк, кинрәк аңлар өчен кирәкле, зарур концепция булдыруга хезмәт итсәләр, Г. Рәхим башкарган бүлекләр шул фонны, концепцияне конкрет материаллар, дәлилләр белән тутыруга, бае-туга багышланган [3: 18].

Татар әдәбияты тарихы буенча материалларны системага салганда, галимнәр хронология юлын сайлыйлар. Хезмәт бербөтен булып басылырга тиеш булса да, матди сәбәпләр аркасында аерым бүлекләргә бүленә: өч зур бүлектән торган «Тарих»ның 1922 елда – өченче, 1923–1924 елларда беренче һәм икенче бүлекләре дөнья күрә. Хезмәтнең беренче булып өченче бүлгә басылуны галимнәр «ни мәктәпләр, ни укучы халык өчен бу бабта һич бертөрле эсәрнең майданда булмавы» һәм «өч үткән гасыр эчендә Идел буенда татарларның үз язучылары тарафыннан язылган (оригинал) эсәрләр» [1: V] тупланган булу белән аңлаталар.

Татар әдәби теле тарихы мәсьәләләре Г. Рәхим белән Г. Газизнең «Татар әдәбияты тарихы»нда үзәк урыннарның берсен алып тора. Галим-

нәр моны әдәбият тарихын язуда «мәэррихнең (*тарих язучының*) кулында бер газамәтле (*бөөк*) корал бар ки, ул да булса тел фәне»дер [2: 2] дип аңлаталар. Шуңа да хезмәтнең беренче – «Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар жыю юлында бер тәҗрибә. Мәдхәл (Борынгы төркләрдә әдәбият)» исеме белән басылган беренче бүлектә борынгы төркләрдә дөньяга караш һәм халык әдәбияты, язу сәнгате, эпитафия үрнәкләре (Орхон ташбилгеләре) турында мәгълүмат бирелсә, икенче – «Татар теле һәм әдәбиятының тарихи язмышы», «Идел буенда иң борынгы тел ядкәрләре» исеме белән басылган икенче бүлек кисәкләрендә төп мәсьәлә итеп татар әдәби теленең барлыкка килүе һәм тарихи язмышы өйрәнелә.

Татар әдәби теле – гасырлар дәвамында халык тарафыннан иҗат ителгән олы хәзинәләрнең берсе. Ул төрки кабилә һәм халыкларның билгеле бер үсеш баскычында үзенә хас үзенчәлекләре белән аерылып чыккан борынгы язулы, бай телләрдән санала.

Ләкин язу үзе генә буш урында, бер сәбәпсез барлыкка килмәгән. Аңа иҗтимагый-сәяси, тышкы һәм эчке факторлар да тәэсир иткән. Г. Рәхим борынгылыкта теге яки бу халыкта язу куллана башлау аның сәүдә-һөнәр шәһәрләре, шәһәр тормышы барлыкка килүе белән бәйли. Язу-сызу башта житештерү эшләрен оештыру, идарә итү, дәүләтне ныгыту, законнарны беркетү, байлыкны исәпләү, чит илләр белән хәбәрләр алышу, килешүләрен беркетү кебек өлкәләрдә гамәлгә кергән. Соңрак ул әдәби иҗат эшенең дә мөһим чарасы булып киткәнлеген ассызыкмый.

Идел буе төрки халыкларында мондый хәл кайчан барлыкка килгән соң?

Бу мәсьәлә татар мәдәниятең иң катлаулы һәм иң бәхәсле өлкәсе дисәк, нич тә ялгыш булмас. Соңгы йөз еллык эчендә генә дә татар халкы өч төрле әлифба һәм имла кулланды, төрле сәбәпләр һәм максатлар нәтижәсендә ул язучының берсе икенчесе белән алмаштырылды. Башкача әйткәндә, бездә гарәп, латин, кириллица хәрефләренә никадәр һәм ничек кулланылуы һәркемнең үз күз алдында. Ләкин татарларда болардан башка хәрефләренә кулланган заманнар да булган.

«Татар әдәбияты тарихы» хезмәтендә галимнәр төрки халыкларда язу сәнгате тарихын тарихта билгеле булган беренче төрки һунну дәүләтеннән башлап өйрәнәләр. «Ләкин әлеге язу нинди булган, бу вакыттагы төркләрнең үзләренә махсус әлифбалары булганмы, әллә алар Кытай я башка бербер халыкның әлифбасын белән файдаланганнармы – без моны аерымчык белә алмыйбыз; чөнки һун төркләреннән һичбер төрле язма документ сакланып калмаган» [2: 27], дип билгеләләр.

Шул сәбәпле язылуы тәгаен мәгълүм, эчтәлеге һәм стиль ягыннан да мөһим булган орхон язмалары хакында «Тарих»та аерым бүлек бирелгән. 20 биттән гыйбарәт «Орхон ташбилгеләре» дигән мәкаләнең авторы Гали Рәхим көнбатыш һәм көнчыгыш галимнәренә хезмәтләренә таянып, Күлтәгин һәм Билге каһан истәлекләренә куелган ташларга җентекле итеп туктала, текстларыннан үрнәкләр китерә.

Галим билгеләвенчә орхон язуының язылу тәртибе кытай язуыныкы шикелле: юллар югарыдан түбәнгә таба язылып төшәп, беренче, икенче дип

уннан сулга таба хисапланалар, ләкин төрк язуының кытай язуына ошавы шуннан артыкка бармый. Орхон язуы, өлешчә хәзерге мәдәни халыкларның язулары шикелле, аерым-аерым хәрефләрден, өлешчә һәрберсе берәр мәгълүм ижек яки куш хәреф булып укыла торган 37–38 галәмәттән тора [2: 29].

Бу әлифба төркләрдә кайчаннан бирле кулланылганы төгәл мәгълүм түгел. Һәрхәлдә, алар арасында ул бик күптәннән бирле кулланылган булырга кирәк, чөнки Орхон суы буенда табылган ташларда имланың яхшы ук эшләнгән, тәмам бер эзгә утырып житкән, мәгълүм бер системага салынган хәлдә табабыз [2: 35–36].

Галим текстларның әдәбилегенә дә игътибар итә. Ташъязмадагы тәфсилле тасвирлауларны сәнгатьчә тәэсирле һәм эпоска тартым итеп бирүче юлларның авторы Йоллык Тәгин исемле затны «безгә мәгълүм булган беренче төрк әдибе дип, аның язып калдырган ташларын беренче төркчә әсәрләр дип атарга мөмкин» [2: 56], дип билгели.

Борынгы төркиләрдә, Орхон әлифбасыннан тыш, уйгур язуы да кулланылышта йөргән. Мондый әдәби ядкәрләр дә, һичшиксез, гомумтөрки мирас булып тора. Ләкин бүгенге көнгә кадәр мондый ядкәрләрнең бик азыгына безгә кадәр килеп житкән. Моны Г. Рәхим ул жирләрдә бертуктаусыз чыгып торган сугышлар, төрле диннәрнең алмашынуы һ.б.ш. сәбәпләр белән аңлата. Хәрефләре хакында: «Уйгур әлифбасында 17 хәреф. Анда гарәпнеке шикелле баш, урта, ахыр вә ялгыз хәрефләр бар. Шуңар күрә сүзләр бертоташтан языла, ә бу үз чиратында имлада буталчыклык китереп чыгарган» [2: 37].

Соңрак, X гасырдан башлап, кайбер төрки кабиләләрнең ислам динен кабул итүләренә бәйле рәвештә, алар арасында гарәп язуы тарала, әмма уйгур язуы аннан соң да әле байтак вакыт кулланылышта була. Мәсәлән, ул XIII–XIV йөзләрдә Жучиләр сараенда (Идел буе) кулланылса, Тимериләр сараенда (Урта Азия) XIV–XV йөзләрдә дә кулланылуын дәвам итә. Г.Рәхим уйгур язуы белән язылган текстларның иң соңгылары хәтта XVIII гасыр башларына туры килә дип тә күрсәтә. Ләкин кайда, нинди язма истәлек икәнлегенә хакында белешмә бирми.

Ә менә уйгур хәрефе белән язылган «Алтун йарук» һәм «Котадгу белег» («Бәхет белеме») әсәрләренә «Уйгурларда әдәбият» дигән бүлектә Г. Рәхим жентекле итеп туктала. Ул «Алтун йарук» әсәренең сәнгатьчәлек ягынан зур кыйммәتكә ия түгел, әмма уйгур әдәби теленең камилләшкән сүзлеген төзү өчен бай чыганак булуын яза. «Котадгу белек»не исә «төрк телендә язылган безгә мәгълүм булган китапларның иң борынгысы» дип билгели, теленең матур вә фәсыйх (*килешле*) булуы, моннан сигез йөз илле еллар элек бер төрк галиме тарафыннан әдәби бер формада язылып, заманында бер төрк илендә генә түгел, бәлки чит илләрдә дә мәкъбүл (*кабул ителгән*) бер әсәр булуы, аны төрк әдәбияты тарихында бөек вә хөрмәтле урынга куя» [2: 120] дип ассызыклай.

Хезмәт татар әдәбияты фәнендә зур казаныш булуына карамастан, әдәбиятчылар һәм тәнкыйтьчеләр тарафыннан төрлечә кабул ителә. Беренче бәяне Галимжан Ибраһимов бирә. Аның «Татар әдәбияты тарихына материаллар» (1923) исеме белән дөнья күргән мәкалә-бәяләмәсе «Татар әдәбияты

тарихы»ның икенче һәм өченче бүлекләре басылып чыккач, Гыйльми үзәккә тапшырылган беренче бүлекнең кулъязмалары белән танышкач языла. Галим сүзне китаптарның исемнән башлый һәм болай ди: «Язучылар эсәрләрен «тарих» дип атылар. Кеше теләсә ничек дип исем куярга хаклы, ләкин укучылар яңлыш аңламасын өчен, жәяләр эчендә китапның тышына ук «Тарих өчен материаллар, тарих юлында кайбер тәжрибәләр» дигән кебек берәр каид (аңлатма) арттырган булсалар, гыйльми яктан дөрөстлеккә хезмәт кылган булыр иде» [4: 150]. Шуңа өстәп, «эсәрне тарих дип түгел, тарих өчен материаллар дип карарга кирәк»леген дә искәртеп үтә.

Тәнкийтен дәвам итеп, Г. Ибраһимов хезмәтнең зур кыйммәткә ия түгеллеген ассызыклай, авторларны марксизм ысулын кулланмауда гаепли. Өһәмиятле ягы «моңа кадәр таркау яткан әдәби истәлекләрен бергә туплап, алдагы марксистик тарихчыларга хезмәтне жинеләйтүдә» генә дип күрсәтә.

Г. Ибраһимовның тәнкийтеннән соң матбугат битләрендә башка мәкаләләр дә күренә. Мәсәлән, Г. Сәгъдинең «Әдәбият тарихымы, язмалар тарихымы?» (1923), «Татар әдәбияты тарихы»ндагы хаталар» (1925) дигән тәнкийди мәкаләләре моның ачык мисалы. Галим авторларның Мелиоранский, Бартольд, Самойлович, Малов кебек ориенталистларга «суқырларча» иярүләрен, аларның фикерләрен беринди тәнкийтьсез кабул итүләрен әйтә, тарихи, әдәби фактлар белән сак эш итүнең мөһимлегенә басым ясый.

Күпчелек тәнкийтьчеләрнең шундый рухта язылган чыгышларына карамастан, әдәбиятыбыз тарихын өйрәнүче галим Жамал Вәлиди хезмәткә уңай бәя бирә. Ул аны «безнең татар әдәбияты өчен генә түгел, бәлки хәзерге көндә язучы-сызучы булган бөтен төрк халыкларының әдәбият тарихы өчен мәдхәл булып хезмәт итәрлек» [5: 228] дип, хезмәткә югары бәясен бирә.

Өлбәттә, киң эрудицияле, тирән белемле авторларның фундаменталь хезмәтләре хакында күп сөйләргә, язарга мөмкин. Безнең өчен аның бүген дә актуальлеге югалмавы аеруча мөһим. Чөнки без бүген дә татар әдәбияты тарихын, аның барышын алар билгеләгән вакыт кысаларында, Орхон-Енисей ташъязмаларыннан, ягни төрки халыклар өчен уртак булган гомумтөрки дәвердән өйрәнә башлыйбыз.

ӘДӘБИЯТ

1. *Гали Рәхим, Г. Газиз.* Татар әдәбияты тарихы. Беренче жилд. Борынгы дәвер. Өченче бүлек. 17, 18 һәм 19 нчы гасырларда иске әдәбият. – Казан, 1922. – 186 б.

2. *Гали Рәхим, Г. Газиз.* Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар жыю юлында бер тәжрибә. Беренче жилд. Борынгы дәвер. Беренче бүлек. Мәдхәл (Борынгы төркләрдә әдәбият). – Казан, 1924. – 174 б.

3. *Госманов Миркасыйм.* Галимлек фажиғасе // Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жыентык /төз.: Раиф Мәрданов, Ирек һадиев. – Казан: Жыен, 2008. – Б. 9–22.

4. *Ибраһимов Г.* Татар әдәбияты тарихына материаллар // Ибраһимов Г.Г. Өсәрләр: 15 томда. 8 т.: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1918–1933) / төз. Г.А. Хөснетдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2019. – Б. 149–153.

5. *Ж. В. (Жамал Вәлиди).* Татар әдәбияты тарихы өчен материаллар жыю юлында тәжрибәләр // Безнең юл. – 1924. – № 4–5 (февраль, март). – Б. 228–230.

**ПИСЬМЕННЫЕ ТРАДИЦИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ.
ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ**

УДК 93/94; 083.73

**ШИФРОВКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ
БАНКИРОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

С.К. Лебедев

Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)

Шифрованная переписка директоров банков, входивших в международные консорциумы, в которых участвовали и крупнейшие частные кредитные учреждения России, содержит сведения, представлявшие коммерческую тайну, доверительную информацию в сфере государственного кредита, внутренней и внешней политики. Шифровки встречаются в основном в телеграммах, но также и в официальных и частных письмах банкиров, связанных с правительствами России и Франции, а также Германии, на денежных рынках которых размещались русские ценные бумаги. Мог использоваться немецкий шифр на фоне французского или русского текста и наоборот.

С.-Петербургский Международный коммерческий банк, возглавлявший русскую группу, использовал с каждым из корреспондентов отдельный шифр. Для членов консорциума дружественных учреждений разных стран, употреблялся единый шифр. Использовались книжные шифры, обычно экономические словари. Дополнительно важнейшие имена и названия обозначались особо, например, министра финансов И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте.

Ключевые слова: международные финансовые отношения Российской империи, шифрованная переписка С.-Петербургского Международного банка.

Abstract. The encrypted banking correspondence of members of international consortia, in which the largest private credit institutions in Russia participated, contains information that constitutes the commercial secrets, confidential information in the field of state credit, domestic and foreign policy. Encryptions are found mainly in telegrams, but also in official and private letters from bankers associated with the governments of Russia and France, as well as Germany, on whose money markets Russian securities were placed. A German cipher could be used against a background of French or Russian text and vice versa.

The St. Petersburg International Commercial Bank, which headed the Russian group, used a separate code with each of the correspondents. For members of a consortium of friendly institutions from different countries, a single code was used. Book codes were used, usually economic dictionaries. Additionally, the most important names and titles were designated separately, for example, the Minister of Finance I.A. Wyshnegradski and S.Ju. Witte.

Key words: international financial relations of Russian Empire, encrypted correspondence of the St. Petersburg International Bank.

В международных финансовых отношениях конца XIX – начала XX в. важное место занимают телеграммы и деловые письма со скрытой информацией. Корреспонденция международных банковских групп, в которых

участвовали и русские банки, ведомые С.-Петербургским Международным коммерческим банком (ПМКБ), – важный источник сведений для экономической истории поздней Российской империи в ее финансовых отношениях с ведущими денежными рынками и правительствами Европы. Входящие деловые письма (в оригиналах и копиях), как имевшие актовое значение, хранились банками. В пресс-копировальных книгах – отпуски исходящих писем и черновиков телеграмм (последние в большинстве случаев являются автографами директоров банков).

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах частных банков отложились деловые письма русских и иностранных банков-участников консорциумов, оперировавших в сфере государственного кредита России. Конфиденциальная информация в переписке подвергалась кодированию, причем мог использоваться немецкий шифр на фоне французского или русского текста писем.

Шифрованию подлежала коммерческая и политическая информация о деталях переговоров и о крупных сделках с займами правительства России на финансовых рынках. Зашифрованы были также сведения из области внутренней политики, например, о видах на урожай зерновых 1890 г. в России и в Западной Европе (там тоже ожидался недород и, соответственно, падение конъюнктуры финансовых рынков – и эта последняя информация впервые стала распространяться в виде слухов именно в переписке крупнейших частных банков).

Вершиной деятельности министра финансов И.А. Вышнеградского в сфере государственного кредита стали конверсии (т.е. понижение ставки с 5% до 4,5% годовых по старым русским государственным займам) пришлось на 1890-й год. Выпуск в Париже 3% золотого займа в начале 1891 г. (который должен был установить 3%-ю ставку русских ценностей) постигла неудача в силу неурожая в России (и падения русских бумаг на мировых биржах) и политических причин. Но уже при С.Ю. Витте, в 1894 г., появилась 4%-я золотая рента как основная форма государственных облигаций.

Наиболее интенсивной в этот период была переписка международного консорциума Ротшильдов в начале 1891 г., которая велась во время переговоров русского правительства (через ПМКБ) о выпуске 3% Российского государственного займа 1891 г. Параллельно та же банковская группа размещала на финансовых рынках 4,5%-е железнодорожные облигации очередного займа из серии так называемых «конверсий Вышнеградского» 1888–1890 г. [см. 1].

Банки (в основном в течение года) использовали с каждым из корреспондентов отдельный шифр. Если речь шла о синдикате/консорциуме дружественных учреждений разных стран, употреблялся единый шифр, причем переписку от каждой национальной группы вели уполномоченные банки. Использовали книжные шифры. В корреспонденции иногда встречаются и названия книг. Обычно это словари экономических терминов, поскольку корреспонденты нуждались в шифровании финансовых терминов. В деловой среде были популярны книжные шифры, которые

употреблялись в переписке не только банков, но и других коммерческих предприятий, особенно тех, которые вели международные операции.

В качестве обозначений для шифра использовались номера страниц, строк, а также порядковые номера букв в строках. Считалось, книжные шифры обладали значительно более высокой криптографической стойкостью по сравнению с шифрами простой замены. Поэтому конкуренты и чиновники «черных кабинетов» разных стран старались найти используемую в шифровании книгу [4: 263 и далее].

В дополнение к книжному шифру, собственные имена, названия фирм, наименования займов и некоторые другие слова кодировались специальной цифровой группой. Так министры финансов России (начиная с И.В. Вышнеградского, затем С.Ю. Витте и В.Н. Коковцова) обозначались кодовым словом *Emil* (Эмиль). В письмах и телеграммах из Западной Европы встречаются обозначения иностранных министров финансов термином «здешний Эмиль».

Для исследователя проблема состоит в трудности прочтения телеграмм и писем банкиров, ввиду зашифрованности наиболее важных их частей. На переговорах с Ротшильдами в Париже (а именно на рубеже 1880-х и 90-х гг. ПМКБ смог установить для себя и для правительства России регулярные отношения с этой влиятельнейшей мировой финансовой группой) Герман Шпицер (Спицер), ставший через несколько лет одним из директоров ПМКБ, представлял этот банк в банкирском доме Бр. Ротшильд. Шифрованные письма ему директор ПМКБ Адольф Ротштейн направлял ему в Париж как в бюро Ротшильдов (рю Лаффит, 21), так и домой (рю Кондорсе, 39).

Найти в архивах банков дешифранты (расшифрованные списки зашифрованных в телеграмме или письме слов) – большая редкость и удача, поскольку в большинстве случаев приходится выписывать цифровые группы с обозначением часто встречающихся названий, имен или денежных сумм, о которых идёт речь. Исследователю приходится сопоставлять переписку директоров с материалами бухгалтерии, мемуарами и другими материалами. Приведем несколько примеров шифрованной информации из сравнительно полно сохранившейся переписки консорциума Ротшильдов с ПМКБ с использованием дешифрантов и с вписанными расшифровками.

Телеграмма. «В главную контору (правление) ПМКБ из Парижа 3(15).2.1891» от Германа Шпицера/Спицера (представлявшего ПМКБ в Париже у Ротшильдов). «Подтверждаю депешу дома (Бр. Ротшильд). Очень сложно барону Альфонсу (главе дома Rf) из-за этого отступления от обычая продвигать (ошибка телеграфиста в СПб: “museren” вместо “unseren”) наше предложение по поводу принятия (суммы русского 3% золотого займа)[.] Об остатке (о нереализованной части займа) мы сообщим Берлину (членам консорциума: Bleichröder, Disconto-Gesellschaft, Mendelssohn Rothschild (Frankfurt am Main) только по соглашению с Вами. ...Предложил бы также наличный обмен (облигаций 3-го 5% займа) на другие 4% консоли (ж/д займа III серии), выпуск которых сейчас проходит. Герман» (Шпицер/Спицер).

Дешифрант телеграммы (получатель – директор ПМКБ Адольф Ротштейн. Его автограф пером на тлг ленте). «В главную контору ПМКБ из Парижа 2(14).4.1891. Герсон (Блейхрёдер, глава банкирского дома S. Bleichröder & Co, Berlin) телеграфировал вчера об утечке золота через филиал Русского для внешней торговли банка для Эмиля» (министра финансов – все министры финансов России, начиная с И.А. Вышнеградского, обозначены в переписке банков этим именем. Если речь шла об иностранном министре финансов, то заграничные корреспонденты писали «здесьний Эмиль». Это связано с использованием одного общего шифра. – С.Л.).

«Если бы они сделали это позавчера, Петербург опротестовал бы это противоречие Вашей депешей в субботу. В дальнейшем очень прошу не добавлять в Ваши деловые сообщения ничего личного, например, требований докладов о настроении (на денежном рынке в Париже – хотя “Эмили” всегда просили банкиров делать это для них. – С.Л.). Герман (Шпицер)» [1: 101].

В рукопись принятой телеграммы могли быть вписаны расшифрованные слова: «В главную контору ПМКБ из Парижа 3(15).4.1891.

Барон Альфонс отсутствует[.] Увидит Вашу официальную депешу только завтра. Принципиально кажется мы едины относительно сокращения (суммы) займа[.] Единственно, и это личное (т. е. не предназначенное к передаче министру финансов) считаю неприемлемым, что синдикат (консорциум) потерял проценты на кредиткуемые казне (Гос. казначейству России) остатки золотой наличности (т.е. активов русского правительства за границей на счетах его банков-корреспондентов. – С.Л.) [2: 102].

Текст исходящей телеграммы из пресс-копировальной книги ПМКБ. Адольф Ротштейн – Герману Шпицеру/Спицеру на домашний адрес (ул. Кондорсе, 39 в Париже) 3(15).4. 1891. Автограф. «Эмиль (т.е. министр финансов – единственное зашифрованное слово в тексте) весьма удовлетворён перспективой быстрого размещения (займа – в тексте использовано слово “arrangement”, т.е. “приведение в порядок” – вместо обычного для лексики Ротштейна и его корреспондентов термина “placement” (размещение) для эмиссионных операций, что уже можно считать кодированием). Предложение по рублю едва ли осуществимо, всё же я надеюсь, что разъяснения Эмиля окажутся удовлетворительными. Ротштейн» [2: 109].

Всё же, итоге, большая сделка в области русского государственного кредита в начале 1891 г. потерпела неудачу Ротшильды отказались от реализации 3% займа, позднее С.Ю. Витте при посредничестве ПМКБ смог размещать новые 4,5%-е и даже 4%-е бумаги, сменившие прежние государственные обязательства [3: 202–203], уже при посредничестве конкурентов Ротшильдов –банковского синдиката под руководством Banque de Paris et des Pays-Bas (Париба), объединившего ведущие акционерные коммерческие банки Франции.

Обмен шифрованными телеграммами ПМКБ с Ротшильдами был наиболее интенсивным в 1890-х гг., в период роста иностранных инвестиций как по линии государственного кредита, так и для нужд быстро росшей

промышленности Российской империи, вплоть до кризиса начала XX века. Отношения русского правительства и банков с Ротшильдами (наиболее широкой международной финансовой группой, способной эффективно размещать русские ценные бумаги на мировых денежных рынках) продолжались до конца 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. — М.: РОССПЭН, 2003. — 528 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 626. Оп. 1. Д. 144.
3. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 145.
4. *Соболева Т.А.* История шифровального дела в России. — М.: ОЛМА-ПРЕСС-Образование, 2002. — 511 с.

УДК 4(47).066

ФРАНЦУЗСКИЙ КАК КОНСПИРАТИВНЫЙ В ПИСЬМАХ ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ

М.М. Сафонов

С.-Петербургский институт истории РАН

Автор статьи доказывает, что употребление французского языка в русскоязычных текстах ссыльных декабристов в Сибири служило конспиративным целям: в результате устной договоренности вставка французского слова или выражения означала, что написанное надо понимать в противоположном смысле.

Ключевые слова: французский язык, конспирация, декабристы, Сибирь, М.С. Лунин.

The author of the article proves that the use of French in Russian-language texts by exiled Decembrists in Siberia served conspiratorial purposes: as a result of an oral agreement, the insertion of a French word or expression meant that what was written should be understood in the opposite sense.

Key words: French, conspiracy, Decembrists, Siberia, M.S. Lunin.

Я позволю себе начать с лирического отступления. Когда я впервые прочел книгу моего учителя С.Б. Окуня о декабристе М.С. Луине [4: 1–279, 5: 1–280], меня чрезвычайно поразило одно обстоятельство. В то время считалось, что Лунин был единственным декабристом, который, выйдя после тюремного заключения на поселение, продолжил борьбу с самодержавием. Он был вторично арестован и заточен в самое гиблое место сибирского заключения Акатуй. Товарищи же Лунина по совместной борьбе и заключению, благороднейшие из благородных, И.И. Пущин и И.Д. Якушкин осудили его. И не только осудили, но весьма насмешливо, если не сказать, издевательски, отозвались о его подвиге.

Сознаюсь, что уже тогда, я почувствовал, что здесь что-то не так. Мое недоумение возросло, когда я работал над рукописью книги «Неизвестный Лунин: Потаенные планы декабристов в Сибири» [7: 1–208]. В ходе работы выяснилось, что сибирская администрация, возглавляемая генерал-губернатором Восточной Сибири В.К. Рупертом, ранее служившим в III отде-

лении С.Е.И.В Канцелярии под начальством А.Х. Бенкендорфа, вовсе не была заинтересовано в том, чтобы объективно расследовать антиправительственные выступления Лунина. Она считала более выгодным представить Лунина одиночкой. Бенкендорф же, докладывая этот казус Николаю I, вопреки очевидным фактам поддержал эту версию, снимавшую значительную долю ответственности с его бывшего подчиненного, лица, кстати сказать, также немецкого происхождения [8: 14]. Объективное же расследование всех обстоятельств лунинского казуса вскрывает важнейший факт: Лунин вовсе не был одиночкой. Его выступление было лишь частью обширного конспиративного плана целой группы ссыльных декабристов, стремившихся использовать типографии Парижа, Лондона и Северной Америки для пропаганды своих идей и разоблачения лжи самодержавия об их движении. Самое поразительное заключалось в том, что и Пущин и Якушкин были участниками этого грандиозного замысла, сорвавшегося из-за внезапного ареста Лунина [7: 163–183]. Выходит, они были оставшимися неведомыми следствию соучастниками. Это важное наблюдение, казалось, должно было бы поставить меня в тупик. Но найти выход из него мне позволил *la langue française*.

Попробуем всесторонне проанализировать те фрагменты корреспонденции декабристов, в которых содержится осуждение Лунина. Не забудем, что вся переписка, государственных преступников, кроме писем, посланных с верной оказией, шла через III отделение и официально перлюстрировалась. Обратим особое внимание на язык этих фрагментов.

30 мая 1841 г. И.И. Пущин написал из Туринска в Ялуторовск И.Д. Якушкину письмо, которое очень резко контрастирует со всеми его другими письмами, доставленными верными путями, и особенно с теми, в которых речь идет о пересылке лунинских памфлетов. В этом «странном» письме Пущин сообщил: «сестра Annette» (заметим, не Анна или Анюта, а именно по-французски Annette) пишет, что «надобно думать по последней выходке Лунина, что он сумасшедший. ...Лунин сам желал быть martyr (то есть мучеником – М.С.), следовательно, он должен быть доволен. Я и не позволяю себе горевать за него. Но вопрос, какая из этого польза и чем виноваты посторонние лица, которых теперь будут таскать? Я боюсь даже, чтоб Никита не попался: может быть, какие-нибудь лоскутки его найдутся во взятых бумагах. Эта мысль меня не утешает, и хотелось бы скорее узнать, как и что наверное» [6: 212].

Мой покойный учитель принял это письмо на веру и усмотрел в нем «явное озлобление» Пущина [4: 138]. Н.Я. Эйдельман вспомнил о том, что у Пущина хранились списки ленинских сочинений. Поэтому писатель сделал «скидку» по почтовую дипломатию. Но при этом он подчеркнул, что совсем непросто отделить действительное недовольство Пущина от стремления выгородить товарищей, прежде всего Н.М. Муравьева [10: 233].

Оба исследователя, и С.Б. Окунь и Н.Я. Эйдельман были уверены в том, что Пущин и Якушкин знали точно, за что арестован Лунин. Биографы не задались вопросом, что было известно о лунинском деле в Туринске и в Ялуторовске. Как само собой разумеющееся имелось в виду – все

декабристы знают: Лунина «взяли» за распространение антиправительственных памфлетов. Именно за это они осуждают товарища.

Я просмотрел всю доступную мне переписку декабристов за апрель-май 1841 г., в которой речь идет о вторичном аресте Лунина. Она показывает, что истинных причин вторичного ареста декабриста не знал никто. Более того, власть не только тщательно хранила тайну, но сознательно распространяла дезинформацию. Расчет власти был прост: 16 апреля 1841 г. должно было состояться бракосочетание наследника престола, а в декабристских кругах существовала иллюзия: связи с торжеством Николай I облегчит положение ссыльных или даже объявит амнистию. Арест Лунина позволил власти, не желавшей облегчить положение мучеников 14 декабря, использовать выступление Лунина против декабристов. Власть пыталась убедить общество в том, что она готова была пойти на уступки, но Лунин испортил все дело. Она рассчитывала на то, что Лунина осудят сами декабристы. Это было бы сильнейшее моральное наказание. А главное, каждый, кто осмелится в будущем подняться на открытую борьбу с режимом, становится как бы ответственным за то, что положение других ссыльных не сможет улучшиться.

В Сибири эту «утку» распространял генерал-майор корпуса жандармов Н.Я. Фалькенберг. В одном случае он рассказывал, что Лунин писал «какие-то остроты насчет бракосочетания цесаревича» [9: 210], в другом утверждал, будто бы Лунин сострил в одном из своих писем, что, «ходя стрелять, никак не может подстрелить орла» [9: 214]. Как ни примитивна была эта правительственная уловка, на первых порах она «сработала». Именно таковы были первые известия о вторичном аресте Лунина, дошедшие до Пущина и Якушкина.

Итак, Пущин не знает точно, за что «взяли» Лунина. Ему известно, Михаил Сергеевич любит «дразнить медведя». Пущин допускает, что Лунин мог быть арестован за какую-нибудь «выходку». Причем, и это в высшей степени примечательно, Пущин знает, что в бумагах арестованного могут оказаться рукописи Никиты Муравьева. Своим письмом Лунин как бы говорит властям (если бы письмо читали чиновники): «Ну и что такого, что в бумагах Лунина вы нашли рукописи Муравьева? Только и всего! Неужели из-за этого пустяка Никита должен нести ответственность за «выходки» Лунина.

Что же, вполне достойная позиция Пущина: если Лунина уже не спасти, то попытаться хоть как-то выгородить Никиту Муравьева. Но даже при таком толковании отзыв Пущина об арестованном Луине кажется необоснованно резким. Стремление отмежеваться не только понятно, но даже вполне естественно. Но все же и в этом случае отзыв мог бы быть помягче, и он требует объяснения.

Но еще резче и непримиримей высказался И.Д. Якушкин в ответном письме от 13 июня 1841 г. «Мне искренне жаль Лунина и тем более, что я нисколько не разделяю вашего мнения, – отвечал Якушкин Пущину, – он хотел бы быть мучеником, но чтобы мочь и хотеть им сделаться, нужно было бы быть способным на это. По хорошо известным причинам этого

никогда не будет у Лунина. Государственный преступник в 50 лет позволяет себе выходки, подобные тем, которые он позволял себе в 1800 г., будучи кавалергардом, конечно, это снова делается из тщеславия и для того, чтобы заставить говорить о себе. Он для меня был и есть всегда Копьев нашего поколения. Тот также в свое время был остряк и тешил своими проказами». Полковник А.Д. Копьев пародировал новую военную форму, введенную Павлом I, и за «дурное поведение» был арестован на 4 месяца [1: 118–119; 2: 71, 179]. «Копьев» – в устах Якушкина означает: «Шут гороховый». «Мне почти совестно, – продолжал Якушкин, – что я так откровенно высказал свое мнение даже вам о несчастном нашем товарище, но это у меня вырвалось, и вы меня не осудите». [11: 285–286].

Пушин, конечно же не осудил, а вот последующие поколения, потомки, исследователи... Недоумевали, разводили руками. Благородный Якушкин! И вдруг такое о своем товарище, да еще в столь трудную для него минуту! Как же так? Старались найти хоть какое-то объяснение. «Сравнить Лунина с Копьевым мог лишь человек совершенно его не знавший, или ничего в политических вопросах уже не понимавший», – писал С.Б. Окунь. [5: 138].

Якушкин – человек «ничего в политических вопросах уже не понимавший»? Разведем руками. Делая «скидку» на то, что письмо Якушкина доверено царской почте, Н.Я. Эйдельман все равно слышал в его отзыве «какую-то неприязнь к Лунину». Иначе можно было бы ограничиться, – заметил писатель, – первыми словами приведенного отрывка – «Мне искренне жаль Лунина...» [11: 233]. К сожалению, биограф не заметил, что именно такова и была первая реакция Якушкина – «Жаль бедного Лунина» – в письме от 10 июня. Причину же «неприязни» Н.Я. Эйдельман пытался объяснить так. Почти самоубийственные акции Лунина задевали Якушкина, Пушина, и других «умеренных» тем, что Лунин своей смелостью как бы намекал на их робость. Лучшие декабристы, такие как Пушин, Якушкин жили как бы в «обороне», старались сохранить себя честными и благородными, но за то он не бунтовали и не «дрознили белого медведя». Поэтому акции Лунина были для них неприемлемы [11: 235–236]. Однако, когда Н.Я. Эйдельман писал эти строки, еще не было известно, что «декабристы-оборонцы», так же как и Лунин, предпринимали «действия наступательные» – готовили антиправительственные сочинения. Никогда ни Пушин, ни Якушкин не могли бы обвинять Лунина за конспиративную подготовку и распространение антиправительственных сочинений, потому что осуждать его за это, означало бы обвинять самих себя.

К сожалению, никто из исследователей не обратил внимание на то, что осуждение Лунина и в письмах Пушина и Якушкина вводится всегда французским словом. Это либо «Annette», либо «martyr» у Пушина. В цитированном же письме Якушкина весь пассаж, осуждающий Лунина, написан по-французски. Но это не бросается в глаза, так как публикации корреспонденции декабриста помещен лишь русский перевод и лишь в примечании оговорено, что в подлиннике употреблен французский язык. (Более чем, странный издательский прием сокращать объем публикации, вставляя

в русскоязычный текст только перевод на русский фрагментов, написанных на иностранных языках!)

Это немаловажное обстоятельство заставило меня проанализировать высказывания корреспондентов о Луине, где употребляется *la langue française*. Поскольку и интерес ссыльных декабристов к положению Луина был устойчивым, сделать это оказалось нетрудно. Результаты говорят сами за себя.

25 октября 1841 г. Якушкин в письме к Пушину сообщил, что по сведениям Сергея и Екатерины Трубецких положение Лунина улучшилось: ему вернули вещи, доставляют письма сестры, он получает денежную помощь. Разумеется, эта фраза написана по-французски. [11: 293] В ней – ключ к разгадке. Дело в том, что положение Лунина ничуть не улучшилось, а как раз наоборот стало хуже. В литературе существует убеждение, что последующая судьба Лунина быть погребенным заживо в Акатуе, была предопределена в момент ареста [4: 242, 251]. Но это совсем не так. Она колебалась на чаше весов. Но Луин своими ответами на вопросные пункты, присланные после того, как следователям удалось «расколоть» его помощника П.Ф. Громницкого, сам решил свою участь после чего положение вторично арестованного стало ухудшаться [7: 31].

После этого примера, стоит ли сомневаться, употребление французского языка согласно негласной договоренности между Пушиным и Якушкиным означало, что текст надо понимать в обратном смысле. Возникает вполне закономерный вопрос: «Зачем?». Ответ напрашивается сам собой: затем, чтобы не только остаться лояльным в глазах перлюстраторов, но и использовать перлюстрацию для доведения до власти сведений, которые считали небесполезным заявить и при этом обменяться друг с другом ценной информацией.

В самом деле, ведь Пущин, пересказывая отзыв сестры о Луине как о сумасшедшем и называя его «мартиром», обращается к власти. Пущин подсказывает ей, что Луин вовсе не борец с режимом, а умалишенный религиозный католик-фанатик. Соответственно надо и оценивать его действия и карать за них. При этом мы не знаем, действительно ли сестра «Annette», назвала декабриста-борца сумасшедшим. Но скорее всего, сестра Ивана Ивановича Анна Ивановна такого не писала. Пущин вложил в уста «Annette», определение Лунина умалишенным, чтобы призывать власть к милосердию. (Примечательно, что иркутские чиновники, расследовавшие дело Лунина, вначале следствия пытались представить его душевнобольным, помешавшемся на почве католицизма. Но вовсе не для того, чтобы облегчить его участь. [2: 147] Таким нехитрым способом они надеялись снять с себя ответственность за то, что допустили распространение антиправительственных сочинений [3: 297; 8: 219–221]. Пущин же посредством французских слов «Anette», и «martir» давал понять Якушкину, что Луин в здравом уме и вовсе не религиозный фанатик.

Не мене выразительно выглядит и «осуждающий» пассаж Якушкина. Автор как бы говорит власти: не надо считать Лунина человеком, сознательно выбравшим стезю мученичества. Отказ отречься от своей религии

ценой собственной жизни, ведь от этого отдает политикой. Нет, Лунин вовсе не «мартир», он просто клоун. Его единственное побуждение мелкое тщеславное желанье быть у всех на устах. А политикой тут и не пахнет. Очевидно, Якушкин полагал, что в глазах власти быть «шутком гороховым» менее опасно, нежели религиозным фанатиком. К тому же ссылка на кавалергардские проказы молодости как бы подсказывает, что ко всему, что делал Лунин, следует относиться как к шалости дурного свойства только и не более того. Не случайно сообщение о Лунине в письме Якушкина Пушкину от 25 октября 1841 г., в котором по-французски рассказывалось, что положение Лунина улучшилось, заканчивается такой сентенцией: «Из этого, кажется, можно заключить, что по его делу иркутское начальство произвело много шума по пустому» [11: 293].

Какое почтовое лукавство! К этому времени Якушкин уже успел узнать, что не выходки à la Коріев, а антиправительственная деятельность стала причиной вторичного ареста Лунина. К этому же приему почтовой дипломатии прибегал и Пущин. 29 ноября 1841 г. он сообщил Н.Д. и М.А. Фонвизиным, П.С. Бобрищеву-Пушкину и С.М. Семенову подробности об арестованном товарище и присовокупил: «Как водится, из мухи сделал слона, но каково Лунину et compagnie, развезжать на этом слоне [6: 239].

«Уловка» Фалькенберга была со временем правильно понята и в Сибири и в Петербурге [9: 212, 214, 215]. Именно потому, что к тому времени Пущин уже знал, что дело вовсе не шуточное, он написал эти строки, обращенные к властям. Как мог, старался помочь товарищам, мол дело пустяковое и ничего разводить сыр-бор. Но адресат должен был понять: в действительности дело очень серьезное.

Думается, что эти пассажи, не оставляют сомнения в том, что ни минуты ни Пущин, ни Якушкин не осуждали Лунина за его подвиг, совершенный ценой собственной жизни. После проведенного исследования и Пущин и Якушкин остались в моих глазах столь же благородными, какими они были до того, как я впервые ознакомился с их отзывами о Лунине. Но к их достоинствам теперь прибавилось еще одно – мастерство конспирации, которое ввело в заблуждение не только чинуш XIX века, но и таких авторитетов, как мой покойный учитель С.Б. Окунь, писатель Н.Я. Эйдельман.

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что уже после смерти Лунина, Пущин, который как будто «и не позволял себе горевать за него», бережно хранил его автопортрет. Не только хранил, но и распространял с него копии [7: 409]. Портрет «Копьева нашего времени» не стали бы хранить декабристы даже, если после трагической смерти этот «остряк» приобрел бы мученический ореол!

Итак, проведенное исследование вскрыло еще один совершенно неожиданный аспект, имеющий самое непосредственное отношение к нашей конференции, посвященной истории письма. До сих пор ничего не было известно о том, что *la langue française*, на котором декабристы изъяснялись в некоторых случаях лучше, чем на родном, имел еще и такую весьма

неожиданную область применения: использовался как конспиративный язык, поверженных, но не сдавшихся декабристов. Следует занести это, если можно так выразиться, в богатый «послужной список» *la langue française en Russie*. Такая его ипостась стала возможной только благодаря тому, что французский язык был настолько распространен среди образованных классов России, что обыкновение перемежать русский текст французскими словами и фразами ни у кого не могло вызвать подозрений. Любой другой язык, даже немецкий, не говоря об английском, был способен вызвать определенные сомнения у наблюдающих органов и поэтому не подошел бы для таких целей. Так что можно констатировать, что *la langue française* может записать в свой актив и то, что он таким оригинальным способом служил средством борьбы с самодержавием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1886. – 588 с.
2. Копии с высочайших и.и.в. приказов, отданных при пароле е.и.в. Александру Павловичу 1797 г. – [СПб.]: [Тип. Гос. воен. коллегии], [не ранее 1818]. – 39 с.
3. *Кубалов Б.Г.* Декабрист Лунин в Сибири // *Декабристы в Восточной Сибири.* – [Иркутск]: Иркутск. губ. архивбюро, 1925. – С. 122–155.
4. *Окунь С.Б.* Декабрист М.С. Лунин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – 279 с.
5. *Окунь С.Б.* Декабрист М.С. Лунин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 280 с.
6. *Пушкин И.И.* Сочинения и письма. Т. 1. Записки о Пушкине. Письма 1816–1849. – М.: Наука, 1999. – 551 с.
7. *Сафонов М.М.* Неизвестный Лунин. (Потаенные планы декабристов в Сибири). – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 206 с.
8. *Сафонов М.М.* III отделение и дело декабриста М.С. Лунина // *Политическая Россия: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. IV. «Гороховая – 2».* – СПб.: ФГУК ГМП ИР, 2008 – С. 6–15.
9. *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 1. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 480 с.
10. *Эйдельман Н.Я.* Лунин. – М.: Мол. гвардия, 1970. – 351 с.
11. *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма, документы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 740 с.

УДК 94(470.6)»375/1492»+7.046+398.2

О ПРИЧИНАХ ОТСУТСТВИЯ РАЗВИТОЙ ПИСЬМЕННОСТИ У АЛАН ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Д.М. Эдиев

Северо-Кавказская государственная академия (Черкесск)

Связь иконографии аланского Кяфарского мавзолея с карачаево-балкарским нар-тским эпосом, как и параллели обоих памятников с древнегреческой культурой указывают на династический переворот и вероятную религиозно-культурную трансформацию в Алании в XI–XII вв. Эта трансформация, судя по всему, заключалась в возврате от христианства к тенгрианству и вобрала в себя уже воспринятые аланами античные сюжеты. Кяфарский царский мавзолей – апогей аланской эпитафии – оформлен в виде «иконографического текста», но не содержит никакого не только греческо-христианского, но и вообще текста. На наш взгляд, это указывает на разрыв с зарождавшейся традицией письменности и обращение или возврат к традиции устной передачи, в системе поэтических аллегорий, рели-

гиозно-мистического и социально-политического опыта, что, наряду с затяжным социально-политическим кризисом после крушения Алании, объясняет отсутствие письменной традиции у народов, наследовавших территорию Алании.

Ключевые слова: Аланы, кяфарский мавзолей, иконографика, нартский эпос, карачаево-балкарцы.

The connection between the iconography of Alan Kyafar Mausoleum and the Karachay-Balkar Nart Epic, as well as the parallels between both monuments and ancient Greek culture, point to a dynastic revolution and a probable religious and cultural transformation in Alania in the 11th–12th centuries. This transformation appears to have consisted of a return from Christianity to the Tengrianism and the incorporation of ancient themes already absorbed by the Alans. The Kyafar royal mausoleum – the apogee of Alan epigraphy – is designed in the form of an «iconographic text», but does not contain any text, not only Greek-Christian, but any text at all. In our opinion, this indicates a break with the emerging written tradition and a return to the tradition of oral transmission of religious-mystical and socio-political experiences in the system of poetic allegories, which, together with the prolonged socio-political crisis after the collapse of Alania, explains the absence of written tradition among the peoples who inherited the territory of Alania.

Key words: Alans, Kyafar mausoleum, iconography, Nart epic, Karachay-Balkars.

На фоне эпиграфического и сфрагистического текстового аланского материала, распространения письменности у их партнеров и соседей, парадоксально отсутствие (вплоть до прихода ислама) развитой письменности у народов аланского круга. Впрочем, де Галонифонтибус в XV в. указывал на «язык и письменность» *черных таркасов* [3], т.е. карачаевцев, но использовал «litteram», т.е. «литеры», система письма, а не письменность (scripturam), что могло бы однозначно свидетельствовать в пользу развитой традиции.

Возможное объяснение парадокса дает недавняя интерпретация иконографии аланского царского мавзолея из бассейна р. Кяфар [24].

Кяфарский мавзолей – уникальный памятник поздне-аланского периода с территории Кяфарского городища в Карачаево-Черкесии, одного из претендентов на место столицы Алании *Маг'ас* (*Муз-ашан* китайской хроники, вер., *Мал-аша* на карте аль-Идриси и «столица/центр» *Мал-Хушту*, карачаево-балкарского нартского эпоса [24]). Памятник покрыт изображениями, уникальными для своего периода в выразительности и богатстве сюжета. Начиная с Е.Д. Фелицына [21], памятник привлекал большое внимание исследователей [5, 7–9, 16–18]. Отличные репродукции графики мавзолея есть в работах Н.А. Охонько, а цифровая модель монумента доступна на сайте Виртуального лапидария [19].

Как отмечали Л.Н. Глушков и В.А. Кузнецов, сложность интерпретации мавзолея связана с его уникальностью и отсутствием иных источников, которые могли бы дать ключ к целостной разгадке сюжета графики. Таким ключом оказался нартский эпос карачаево-балкарцев, с которыми связывал мавзолей и Глушков. Причем, сказители эпоса в XIX в. указывали на его историчность и бассейн Кубани как арену событий эпоса [20].

Графика мавзолея, имеющая параллели в эпосе, а именно в цикле героя Ёрюзмека, расположена на боковых и задней стенах мавзолея. В целом,

эти стены оформлены как иконографический «текст» со строками-плитами, где графика идет последовательно, зигзагом на боковых стенах, по верхней плите – на задней стене, как-бы подчеркивая цельность сюжета и исключая поздние вставки. Видимо для этой же цели, изображения рельефные, за счет трудоемкой выемки фона. Сходство с текстом подчеркивает то, что цены эпоса заключены в «кавычки» в форме фигурок в бурках, на что указывает зеркальность фигур, ступни и тело которых развернуты вправо для первой фигуры (👤, верх южной стены) и влево – для второй (👤, низ северной стены), т.е. по направлению к «тексту» эпоса. Такой прием цитирования был, вероятно, передовым для своего времени, когда в ходу могли быть только вариации античных «диплей»-выделителей строк. При всем этом, мавзолей не содержит ни одной буквы. Но обратимся сначала к интерпретации графики.

Ярчайшая сцена мавзолея, читаемая из эпоса, изображает закладывание камней в котел на цепи под взглядом птицы и отставленную дичь на столике, что отражает эпизод эпоса, когда нарты прекратили дань князю *Красному Фуку*, в образе орла улетевшему на небо: *«Когда Фук находился на небе, он спускал на железных цепях оттуда, с неба, на землю большие котлы. А нарты наполняли их разнообразной снедью и отправляли обратно. Пока котлы не наполнятся, [они] не поднимались назад. Они висели неподвижно, словно говоря: «А ну-ка, нарты, пошевеливайтесь, не заставляйте нас ждать!» Такое свойство было у этих котлов. Однажды уважаемые старцы нартов собрались на ныгыше. Среди них был и Ёрюзбек. Там нарты решили больше не платить дань Фуку. Однако, как я говорил, котлы не возвращались назад пустыми. Поэтому нарты в издевку над Фуком отправили котлы, наполнив их камнями»* [15: 76, 311].

С расшифровкой иконографии мавзолея можно ознакомиться в [24]. Вкратце, эпический сюжет, отраженный на мавзолее, содержит сцены рождения героя *Ёрюзбека*, его передачи от молочной матери-волчицы пастухам, конфликтов с трусливым князем-колдуном *Красным Фуком*, обирающим нартов, его сыном и сторонниками и, в итоге, становление *Ёрюзбека* нартским князем. Кульминацией является закладка *Ёрюзбека* в качестве заряда и выстрел им в небо из «пушки» (*тон*, «мяч, пушка») или «ветряного бурдюка» (*джел гыбыт*) для сражения с Фуком. В заключительном эпизоде графики мавзолея внутри «кавычек» *Ёрюзбек* отбирает у орла черепаху, а по эпосу: *«Так умер Фук, а Ёрюзбек вместо Фука сел на камень вершения советов»*, и действительно, на центральном останце *Кяфарского городища* сохранился мегалит, вытесанный в форме черепахи.

Передняя плита – вне «кавычек» и включает трех персонажей, из которых центральный – главный герой, и собаку. Для интерпретации остальных фигур полезны археологический контекст и интерпретация всего сюжета иконографии. Из *Кяфарского могильника* была вывезена уникальная женская статуя, а *Фелицын* и *Тальгрэн* полагали, что фигура справа на плите – женская. Фигура имеет женские очертания и одеяние, а по фотографии *Фелицына* можно заметить и женский головной убор. На то,

что эта фигура не могла изображать священника, как предложил Охонько, указывает то, что «благословление» производится левой рукой, а ее ладонь повернута к самому персонажу. Вероятно, этот персонаж – жена Ёрюзмека Сатанай, одна из центральных фигур сюжета мавзолея и эпоса (тюрк. *сат-анай*, «святая матушка»). В жесте ее руки можно видеть аналогию с двоеперстием, учитывая ее двойственную природу по эпосу (дочь Солнца и Луны, но и «мать нартов»), а крест на ее «переднике» мог передавать солярный мотив. Также можно интерпретировать и кресты вокруг входного отверстия, которые подобны наскальной руне ☩ (вероятно, хазарской), обнаруженной Олеариусом в XVII в. на Восточном Кавказе, и кавказским тамгам с крестом [12: 22]. Фигура слева на передней стене – вероятно, сын Ёрюзмека и Сатанай Сосурукъ, что подтверждается и его изогнутыми бровями, в согласии с эпосом: «Его брови [были изогнуты], как серпы». Собаки в эпосе – сторонники нартов, а в контексте истории Ёрюзмека, собака может символизировать пастушество.

Композиция из царя, его жены, сына и собаки, вызывает ассоциацию с образами Одиссея, Пенелопы, их сына Телемаха и собаки Аргос. Эта аналогия усиливается параллелями образов всех трех персонажей эпоса с аналогичными героями греческой мифологии (напр., Ёрюзмек фигурирует в «блуждающей» истории про пещеру, спасаясь от циклопа-Эмегена, ослепив его головешкой и спрятавшись под шкурой козы) и вписывается в множество античных параллелей эпоса. Так, жизнеописание героя Кара-Шауая повторяет историю Зевса, но и включает другие античные сюжеты, например, путешествие из Черного в Каспийское море по подземному водному пути, упоминаемому Аристотелем [14: 896]. Мы насчитали 23 эпизода эпоса, имеющих античные аналогии, и все они имеют отношение к герою Ёрюзмеку и его родне.

Связь эпоса и мавзолея подчеркивается и тем, что античные параллели мавзолея можно видеть не только во фронтальной композиции царской семьи с собакой или подмеченном Кузнецовым василиске-драконе, в котором Глушков видел и древнеалтайские параллели [16: 10], но и в других аспектах иконографии, и пропорциях памятника. В пропорциях мавзолея мы нашли 11 античных пропорций, в т.ч. 7 золотых сечений, а в его графике – 19 античных пропорций, в т.ч. 6 золотых сечений. Античные пропорции в аланском материале не изучались, но нам не удалось обнаружить таковые в пропорциях аланских храмов, сторожевых башен или упомянутой черепахи-трона.

Князя Ёрюзмека можно связать с аланским царем Росмиком начала XII в., следовавшим за Дорголедем (и его сыном Константином [6]). Имя или фамилия [4] Росмика читается как Оросмик на его печати, а в карачаево-балкарской, в т.ч. нартской, традиции, могло использоваться и краткое *Рюзмек/Рёзмек*. Косвенным подтверждением этой связи служит изображение св. Андрея на печати Росмика: Ἀνδρέας, «мужественный, храбрый», коррелирует с эпитетом Ёрюзмека – *батыр*, «храбрый», в противовес трусливости Фука. Интерпретация героя мавзолея как Росмика, а всего сюжета как отражения династического переворота, согласуется с выводом

Виноградова и Чхаидзе, что в правление Дорголея – предшественника Росмика – в Алании могли начаться дезинтеграционные процессы [6], а также Малахова о том, что смерть близкого родственника дочери Дорголея Ирины Аланской явилась ударом для Константинополя [13]. Датировка Виноградовым и Чхаидзе печати Константина 1065–1075 гг. и упоминание Росмика Анной Комниной под 1107/1108 г. [6], позволяют датировать события мавзолея и эпоса концом XI в., а смерть Росмика и сооружение мавзолея – первой половиной XII в. С именем Росмика-Ёрюзмека (тюрк. *Ёрюз-бек/Рюз-бек*) можно связать название Кубани на карте аль-Идриси – *Rūsīū/Rosū/Rosö*, 2] روثيو], и даже Эльбруса (как *Алн-руз*), откуда берет начало река, ср. *алф Ёрюзек* в эпосе [15: 80, 92, 100], от тюрк. *алн*, «великан, исполин». (Что могло бы пролить свет и на позднейшее, ордынское периода, название горы у карачаевцев и балкарцев – Минги-тау, от ханского титула *мёнгү*).

Мавзолей и эпос ярко олицетворяют парадокс, с которого мы начали. Они связаны с аланами, которые уже два века были христианами, имели великолепные горные храмы, были вовлечены в Византийские дела. Судя по античным параллелям, и составители эпоса, и строители монумента (и верхушка алан) имели неплохое византийское образование. Но с их христианством не вяжется захоронение царя в склепе, а не в храме, и иконография мавзолея, не содержащая и намек на греческое (и вообще любое) письмо, а также отсутствие однозначной христианской символики. Да и античные параллели в эпосе и мавзолее минуют византийский пласт и обращаются к языческой античности, за редким исключением. Эпос – вопреки христианскому следу в календаре карачаево-балкарцев и в фольклоре вне эпоса (напр., образы Элия/Ильи, Байрым/Марии) – не содержит заметных христианизмов, но отражает тенгрианские мотивы.

Возможно, такая парадоксальность объясняется тем, что династический переворот привел и к религиозной трансформации к концу правления Росмика. На возможный религиозный аспект конфликта в эпосе, в дополнение к мотиву борьбы со старым князем-*божеством*, указывает то, что сторонник сына Фука Гилястырхан (хазарский титул [22]), нареченный в эпосе «злыязычным», жил, по свидетельству певцов эпоса XIX в. [18], на горе Чуана, т.е. в церковном окружении (расположение Шоанинского храма). О сложной религиозной ситуации внутри аланского общества, в т.ч. у *верхушки и в районе христианских храмов*, говорят и археологические находки [10, 23]. Интересно так же, что на период Росмика падают церковные реформы Алексея I Комнина (деверя дочери Дорголея) и его борьба с болгарским «богомилством» при том, что этимологический анализ указывает на южных и восточных славян как источник христианизмов в карачаево-балкарском языке [1]. Причем, вероятно, что именно в правление Алексея I Комнина (родственника соперника Росмика) аланская епархия объединяется с абхазской и покидает Архыз [11: 11].

Так или иначе, то ли внутренний конфликт, то ли внешний политико-религиозный кризис могли привести к отходу алан от христианства и возврату к традиционным верованиям (судя по эпосу, – тенгрианству)

мистического толка, которые вобрали в себя античные аллегории. Отсюда – предпочтение традиционной устной поэтической передачи и аллегорий писаному знанию. Именно на это указывает то, что автор мавзолея, очевидно знакомый с традицией письма, даже предвосхитивший оригинальными «кавычками» цитирование текста, избегает письма. Такая трансформация могла бы объяснить, почему аланы и народы, им наследовавшие, в отличие от других народов, воспринявших авраамические религии, не развили письменности, которая дошла бы до наших дней. Сюда следует добавить раскол Алании и нашествие монгол, приведшие к падению Алании, перекройке и затяжной политической раздробленности региона вплоть до его покорения Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cheung J.* The Contacts between the Ossetians and the Karachay-Balkars, According to V. I. Abaev and Marrian Ideology // R. Korkmaz, G. Doğan, Leiden – Boston: Brill, 2017. – P. 17–38.
2. *Idrīsī M.* Nuzhat al-muštāq fī iḥtirāq al-āfāq. Arabe 2222. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b11001634j> (дата обращения: 27.11.2022).
3. *Kern A.* «Libellus de Notitia Orbis» Ioannes' iiii. (De Galonifontibus?) O.P. Erzbischofs von Sulthanyeh. Archivum Fratrum Praedicatorum, Vol. VIII. – Graz: 1938. – 124 p.
4. *Seibt W., Zarnitz M.-L.* Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Catalogue of the exhibition. – Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1997.
5. *Tallgren A.M.* Sur les monuments megalithiques du Caucase occidental // Eurasia Spetentrionalis Antiqua. – 1934. (9). – P. 1–45.
6. *Виноградов А.Ю., Чхаидзе В.Н.* Печать Константина, сына протопроедра и экскусиократора всей Алании (ок. 1065–1075 гг.) // Античная древность и средние века. – 2021 (49). – С. 115–134.
7. *Глушков Л.Н.* Отчет о работе археологической экспедиции Ставропольского краевого музея по разведке путей и выполнению самого вывоза из Кривобалковского могильника наземного монументального склепа-мавзолея аланского военачальника... Архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 3988. – Ставрополь, 1969.
8. *Кузнецов В.А.* Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. – М.: АН СССР, 1959.
9. *Кузнецов В.А.* В верховьях Большого Зеленчука. – Пятигорск: СНЕГ, 2008.
10. *Кузьминов А. К.* Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска // ТКЧНИИ, сер. историческая, вып. 6. – Ставрополь, 1970. – С. 396–422.
11. *Кулаковский Ю.* Христианство у Алан // Византийский Временник. – 1898. – № 1–2 (V). – С. 1–18.
12. *Лавров Л.И.* Кавказские тамги. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – 88 с.
13. *Малахов С.Н.* Алано-византийские заметки (Часть I). – Владикавказ, 1995. – С. 376–388.
14. *Мусбахова В.Т.* Кораксийская накидка у Гиппонакта и кораксы Гекатея // Индо-европейское языкознание и классическая филология. – 2018. (22–2). – С. 887–919.
15. *Ортабаева Р.А.-К., Хаджиева Т.М., Холаев А.З.* Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост.: Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссар. Т.М. Хаджиевой; отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Восточная литература, 1994. – 656 с.
16. *Охонько Н.А.* Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации, 2-е изд. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. – 246 с.
17. *Охонько Н.А.* Новые смыслы кяфарского мавзолея. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. – 138 с.
18. Ставропольский государственный музей-заповедник Аланская гробница XI века. Сборник статей / Ставропольский государственный музей-заповедник. – Ставрополь: АРС-дизайн, 1994. – 50 с.

19. Ставропольский государственный музей-заповедник Виртуальный лапидарий Ставропольского музея-заповедника / рук. О.А. Брилева [Электронный ресурс]. – URL: <http://3d.stavmuseum.ru/3D/xz0383.html> – (дата обращения: 23.04.2023).

20. Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев пятигорского округа Терской области // Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 1. Отдел II. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. – С. 1–42.

21. Фелицын Е.Д. Остальные памятники, осмотренные Е. Фелицыным // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. – 1904. (9). – С. 84–50.

22. Хатуев Р.Т. Хроника аланских царей. – Черкесск: Карачаевский НИИ, 2007. – 118 с.

23. Чагаров К.Т. Средневековый склеп Дардонского могильника // ТКЧНИИ, сер. историческая, вып. 6. – Ставрополь: 1970. – С. 423–435.

24. Эдиев Д.М. Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмека карачаево-балкарского нартского эпоса – аланского царя Оросмика // Тюркологические исследования. – 2023. – № 2 (6). – С. 7–28.

УДК 811.512.211

ЭВЕНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ

С.И. Шарина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН (Якутск)*

В статье рассматривается история письменности у эвенов в ранний период его становления. Эвенская письменность уходит своими корнями в XIX век и начальные ее этапы связаны с миссионерской деятельностью Русской Православной церкви среди коренного населения Сибири. В ней отразились и научная деятельность ученых-языковедов конца 20-х–30-х годов XX в., и труд первых учителей родного языка в районах проживания эвенов. История эвенской письменности, динамика изменений графики эвенского языка и ее связь с исследованиями звукового строя языка и описаниями отдельных эвенских диалектов представляет значительный интерес для таких общелингвистических дисциплин, как теория письма и те разделы социалингвистики, предметом которых является письменный язык.

Ключевые слова: эвенский язык, письменность, миссионерская деятельность, Единый Северный Алфавит.

The article examines the history of writing among the Evens in the early period of its formation. Even writing has its roots in the 19th century and its initial stages are associated with the missionary activity of the Russian Orthodox Church among the indigenous population of Siberia. It reflected both the scientific activity of linguists of the late 1920s and 1930s, and the work of the first teachers of the native language in the regions where the Evens live. The history of Even writing, the dynamics of changes in the graphics of the Even language and its connection with studies of the sound structure of the language and descriptions of individual Even dialects is of significant interest for such general linguistic disciplines as the theory of writing and those sections of sociolinguistics, the subject of which is the written language.

Key words: Even language, writing, missionary activity, Unified Northern Alphabet.

Письменность в своем развитии и функционировании тесно связана с различными культурными процессами, такими, как распростра-

нение религиозных вероучений, становление письменных форм словесного искусства, в лингвистическом отношении важным фактором, определяющим направление эволюции письменности на любом языке, является общая языковая ситуация – двуязычие и многоязычие, сосуществование двух или нескольких письменных систем в одном языковом континууме.

История появления письменности у эвенов связана с деятельностью русской православной миссии в Сибири, в частности, с работой по переводу Священного писания на различные языки народов Сибири. Любопытно, что с инициативой перевода Евангелия от Матфея на «тунгусский» язык выступил известный деятель Русской православной церкви и ученый-этнограф и языковед Иннокентий (И.Е. Вениаминов), который в то время был Архиепископом Камчатским и в ведении которого находилась почти вся территория проживания эвенов (ламутов). Охотский протоиерей Стефан Попов, получивший поручение перевести Евангелие от Матфея на тунгусский язык, для этой работы, как он писал позже, «пригласил из Тауйского форпоста известного, испытанного толмача, отставного станичного старшину Шелудякова, ранее трудившегося со мною еще на поприще служения моего, в течение семи лет, при церкви Тауйской». Перевод Евангелия был выполнен «на чистом наречии Тунгусов, кочующих около Тауйских и Ямских берегов» [3: 245], то есть на язык эвенов северо-западной части Охотского побережья. Работа над переводом Евангелия от Матфея длилась три года, сам перевод был закончен в 1854 году, свидетельством чего явилось уже для современников знакомство с данным переводом И.А. Гончарова, путешествовавшего в то время по Якутии и Дальнему Востоку. Результатами работы по переводу Евангелия от Матфея на эвенский язык стало издание нескольких книг на эвенском языке – это «Тунгусский букварь с молитвами» (1858), «Краткий тунгусский словарь» (1859, 1900), Краткий Катехизис, и наконец, собственно Евангелие от Матфея, изданное несколько позднее – в 1880 году в Казани.

Имеются прямые указания на то, что переписывание оригиналов всех трех названных книг было делом одной руки – руки священнослужителя Михаила Земякина, служившего причетником Инской церкви с 1853 по 1859 год и позже до 1879 года священником Ямской церкви Благовещения. Известно, что текст Евангелия от Матфея был переписан им же в шести экземплярах и передан в церкви Охотска, Ини, Тауйска, Ямска и Гижиги [3: 254–255] – таким образом, распространение письменного текста Евангелия от Матфея на эвенском языке, озвучиваемого во время церковной службы, охватывало почти все эвенское население Хабаровского Края и Магаданской области [7]. Любопытной особенностью графической системы эвенского языка, примененной для издания вышеперечисленных книг, было наличие особого графического знака н для заднеязычного носового сонанта, который, однако, был элиминирован из использования при печатании текста Евангелия от Матфея. При издании Евангелия было устранено также первоначально имевшее место графическое различие взрывного и фрикативного Г.

В начале XX века в использовании эвенской письменности, во всяком случае в издании литературы и документов наступил длительный перерыв, хотя в это самое время в районах проживания эвенов начинают действовать первые школы – одна из таких школ была основана в конце 1900-е годов в поселке Ола на Охотском побережье. Какие-либо сведения об использовании миссионерских изданий в церковных службах за этот период отсутствуют.

После 1917 года в связи с началом культурного строительства на Севере и созданием сети школ письменная форма эвенского языка начинает функционировать в сфере школьного обучения и отчасти при обучении эвенскому языку приезжего населения и специалистов. Учебные пособия по эвенскому языку для начальной школы создаются еще до официального принятия Единого Северного алфавита и алфавитов языков народов Севера, разработанных на его основе – во второй половине 20-х годов, причем в этот период для эвенского языка используется алфавит на кириллической основе. Хотя рукописные материалы, относящиеся к письменной форме эвенского языка в этот период, не сохранились, образцы эвенской письменности этого периода представляют два небольших словаря, имевших в основном задачи внешкольного обучения эвенскому языку. Сравнение написаний эвенских слов в этих словарях с написанием слов в изданиях Казанской духовной миссии убеждает в том, что между этими графическими формами существует прямая преемственность, хотя один из названных словарей фиксирует камчатский диалект эвенского языка – тот диалект, который в дальнейшем окажет заметное влияние на отдельные явления эвенской графики. Известно, что таким же или похожим алфавитом пользовался Н.П. Ткачик, преподававший эвенский язык в школе пос. Арка Хабаровского края с 1927–1928 гг. Однако по прошествии нескольких лет вся практическая деятельность по развитию письменности на языках народов Севера, которая осуществлялась до принятия Единого Северного алфавита, незаслуженно получила резко отрицательную оценку [6: 103–104].

В 1931–1932 гг. для эвенского языка, как и для ряда других языков народов Севера, была официально утверждена письменность на латинской графической основе – адаптированный к конкретному языку вариант Единого Северного алфавита (ЕСА), разработанный в свою очередь на основе Нового Тюркского алфавита. С 1932 по 1936 год включительно эта графическая система являлась принятой официально и служила основой для издания школьных учебников, литературы, пособий и лингвистических работ по эвенскому языку. Насколько мы можем сейчас судить, начертания отдельных знаков в принимаемых для конкретных языков письменностях менялись в различных вариантах ЕСА (например, в эвенском языке знак для глухого среднеязычного [ч] выглядел как С, хотя для такого согласного предусматривался знак С «с хвостом», а знак для звонкого среднеязычного [з], как и для глухого, также не имел «хвоста» [1].

В основу письменного языка эвенов с самого начала эпохи языкового строительства был положен так называемый ольский говор – говор или диалект эвенов Северной части Охотского побережья. Хотя границы

распространения этого диалекта не были в то время окончательно определены – в частности, отсутствовали сведения о его распространении на Чукотке, в континентальных районах нынешней Магаданской области и на территории, ныне составляющей восточную часть РС(Я) – такой выбор оказался верным. Данная территориальная формация эвенского языка распространена не только на Охотском побережье, но и в континентальных районах проживания эвенов – на Чукотке, на Северо-Западе Камчатки, в ряде населенных пунктов Охотского района Хабаровского края (пос. Новая Иня), в Приколымье и междуречье Индигирки и Колымы – это язык эвенов Улахан-Чистайского наслега Момского района (улуса) Якутии. Существенно, что это был также тот самый диалект, на который был сделан перевод Евангелия от Матфея – последнее обстоятельство в плане выбора основы письменного языка выглядит случайностью, но похоже, что это обстоятельство – наличие основы письменной традиции в виде записанного текста – определило некоторые черты графики эвенского языка на латинской, а впоследствии и на кириллической основе.

Хотя официально принятой для эвенского языка в этот период считалась графика на основе Единого Северного алфавита (на латинской основе), в средствах массовой информации, издаваемых на местах, использовались два алфавита – латинский и кириллический. Так обстояло дело в издаваемых на эвенском языке газетах «Айдит ороchel» и «Оротты правда», в особенности в последней (до начала 1941 года было издано более 200 номеров, данные за 1941 год отсутствуют). Одно время в этой газете левые колонки набирались латинским шрифтом, правые – русским шрифтом, затем – наоборот: левые колонки набирались с применением русского шрифта, в правых колонках использовался латинский алфавит. Насколько можно судить по сохранившимся документам, алфавит на латинской основе сохранялся в употреблении в местной печати вплоть до 1939 г. [2: 138]. Совершенно ясно, что использование для эвенского языка двух алфавитов в имевшей место ситуации с освоением русского языка создавало более комфортные условия для пользователей, часть которых успело к тому времени освоить кириллическое письмо, часть – обучиться грамоте на латинском алфавите: позднее, после официальной отмены последнего, такая практика в какой-то мере способствовала сохранению навыков чтения и письма на родном языке вообще.

Анализ письменных источников убеждает в том, что письменность на латинской основе для эвенского языка создавалась в специфических условиях действия разных устных форм эвенского языка, соотносительных с разными диалектами восточного наречия. В результате этого эвенская графика на основе ЕСА приобрела ряд особых черт, которые в конечном счете должны были сильно осложнить ее использование. Долгота и краткость гласных не получили обозначения на письме, хотя Единый Северный Алфавит располагал средствами для этого (для обозначения долготы гласных предусматривалось использование дополнительной черты над буквой). Единственным долгим гласным, получившим в эвенской графике отдельный знак, стал гласный [э̄], видимо, вследствие своего особого

морфонологического поведения – в ряде грамматических форм слов прослеживалось и специально оговаривалось чередование гласных u//o, имевшее место перед слогом с долгим [э]; (см. раздел «Из истории изучения фонетики эвенского языка»). Этот гласный обозначался знаком [э] с горизонтальной чертой над буквой (над другими знаками для гласных горизонтальная черта не ставилась, так что в данном примере она является не диакритическим знаком, а частью начертания буквы). Таким образом совершенно случайно – по той причине, что над первым эвенским букварем работали студенты-эвены из Быстринского района Камчатки – при создании эвенской графики с использованием ЕСА на письме получила фиксацию одна из черт быстринского (камчатского) диалекта эвенского языка: в других эвенских говорах u-образный характер гласного [e] и чередование u//e либо не столь ярко выражено и не имеет фонологической значимости, либо вовсе не прослеживается. Такая норма графики для эвенского языка была кодифицирована в эвенском букваре, изданном в 1932 г.

Последующие работы по эвенскому языку, где использовалась эвенская графика на основе ЕСА, несмотря на то, что они были ориентированы на иной диалект эвенского языка, более того – на диалект ольских эвенов, составляющий основу литературного языка [4; 5], использовали ту же графическую систему с теми же орфографическими нормами, что и представленная в букваре «Анҕамта төрэн». И графика, и орфография эвенского языка в этот период представляли собой по большей части транслитерацию старой миссионерской кириллической письменности – за вычетом долгого [э], для которого был принят особый знак. В орфографии эвенского языка, поскольку принятая графика не имела однозначной соотнесенности с системой фонем, преобладали такие написания слов, которые можно охарактеризовать как традиционные.

Кириллическая графика эвенского языка, использовавшаяся параллельно с графикой на основе ЕСА, за период до 1937 г. претерпела мало-заметные изменения, важнейшим из которых было обозначение звонкого среднеязычного согласного [з] знаком Д + йотированные гласные – в первой половине 30-х годов и начале 1936 года для него использовалось буквосочетание ДЖ. Эти изменения графики, наблюдающиеся при анализе сохранившейся печатной продукции на эвенском языке, не имели официальной кодификации.

История письменности у эвенов сложна и интересна не только тем, что она уходит своими корнями в XIX век и начальные ее этапы связаны с миссионерской деятельностью Русской Православной церкви среди коренного населения Сибири. В ней отразились и научная деятельность ученых-языковедов конца 20-х – 30-х годов, и труд первых учителей родного языка в районах проживания эвенов, и тот вклад в науку о языке, который внесли в нее ученые-эвены по национальности В.А. Роббек, В.Д. Лебедев, Х.И. Дуткин, а также поэты, писатели и переводчики. История эвенской письменности, динамика изменений графики эвенского языка и ее связь с исследованиями звукового строя языка и описаниями отдельных эвенских диалектов, региональные особенности языковой ситуации в отдель-

ных административно-территориальных образованиях, где проживают эвены, использование письменной формы родного языка представителями интеллигенции, практика преподавания родного языка на разных уровнях – все это представляет значительный интерес для таких общелингвистических дисциплин, как теория письма и те разделы социалингвистики, предметом которых является письменный язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алькор (Кошкин) Я.П.* Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера / под ред. Я.П. Алькора (Кошкина). – Л., 1932. – 109 с.
2. *Бурыкин А.А.* Фольклор эвенов на страницах газеты «Оротты правда» // Краеведческие записки, вып. XVII. – Магадан, 1991. – С. 136–148.
3. Евангелие Господа нашего Иисуса Христа от Матфея святое Благовествование на тунгусском языке. Казань, 1880. Переиздание: St. Matthew in Lamut. Debter. Debther. Debtelin. Materials for Central Asiatic and Altaic Studies, 5. Budapest, 1984.
4. *Левин В.И.* Самоучитель эвенского языка. – М.; Л., 1935. – 269 с.
5. *Левин В.И.* Краткий эвенско-русский словарь: С приложением грамматического очерка. – Л., 1936. – 224 с.
6. *Орлова Е.П.* К вопросу создания письменности у народов Севера // Советский Север. – 1932. – № 4. – С. 103–105.
7. *Шарина С.И., Бурыкин А.А.* Иннокентий Вениаминов и письменность малочисленных народов Севера // На службе богу и якутскому народу. Материалы православных конференций. – Якутск, 2006. – С. 96–100.

УДК 930.272

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК РЕЧЕЙ ЦИЦЕРОНА И СОЧИНЕНИЙ СИККОНА ПОЛЕНТОНА LAT. F. XVIII. 12 (РНБ): ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМА И ИСТОРИЯ РУКОПИСИ

Е.В. Антонец

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва)

В сообщении представлена реконструкция истории рукописи Lat. F.XVIII.12 (ОР РНБ). Кодекс отождествлен с рукописью из собрания Г.-Д. фон Шёнберга (1701–1783), которая считалась утраченной. Восстановлена история копии, сделанной немецким ученым И.-Э. Каппом (1696–1756) с рукописи Шёнберга. Эта копия хранилась в ОР РНБ до 1923 г. Анализ письма первой части рукописи Lat. F. XVIII.12 позволил сделать вывод о тесном взаимодействии гуманистического и готического письма в книжной культуре первой половины XV в.

Ключевые слова: гуманистический курсив, готический курсив, Сиккон Полентон, Цицерон, И.-Д. фон Шёнберг, И.-Э. Капп.

This paper presents the reconstruction of the history of the manuscript Lat. F. XVIII.12 (National Library of Russia). In the paper this manuscript is identified with the manuscript formerly owned by H. D. von Schönberg (1701–1783), which was considered lost. The history of the copy of Schönberg manuscript, made by J. E. Kapp (1696–1756), has been also restored. The paper contains the analysis of the handwriting of the manuscript Lat. F.XVIII.12.

Key words: humanistic cursive, Gothic cursive, Sicco Polenton, Cicero, H. D. von Schönberg, J. E. Kapp.

Наше сообщение посвящено весьма примечательной гуманистической рукописи, которая хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки под шифром Lat. F.XVIII.12.

Кодекс состоит из двух частей, выполненных двумя разными писцами. Первая часть (лл. 1лиц.–140об.), написанная одним писцом, содержит псевдоцицероновы «Синонимы» и несколько сочинений Сиккона Полентона (1375–1447) – канцлера Падуи и известного гуманиста первой половины XV в. Писец, переписавший первую часть рукописи, оставил два колофона (на л. 9 об. и на л. 139 об), благодаря которым рукопись легко идентифицируется: Deo gratias refero. Amen. Explicit liber Sicconis Polentoni scriptorum illustrium ad Polidorum filium scriptus per me Bonifatium Evagniliste (*sic*) de Murrovallium sub annis domini millesimo CCCCLII tempore Nicolai papae V-ti die X-a Ianuarii in Murro antedicto (л. 139 об.). Имя этого писца, который называет себя Bonifatius Evagniliste de Murrovallium (с ошибкой в написании), не засвидетельствовано более ни в одном из известных источников и справочниках колофонов. О месте, упоминаемом в колофоне – Murrovallium (Murus vallium) – также сведений нет. По-видимому, это был совсем небольшой населенный пункт.

Вторая часть нашей рукописи (лл. 141 лиц.–166 об.) выполнена другой рукой и содержит пять речей Цицерона (Cicero, *De imperio Cn. Pompei, Pro Archia, Pro Ligario, Oratio cum senatui gratias egit; Ps. Cicero, Oratio pridie quam in exsilium iret*).

Нам удалось до некоторой степени восстановить историю этого кодекса. На данный момент она выглядит следующим образом.

В научной литературе наша рукопись фигурирует исключительно в связи с именем Сиккона Полентона – автора сочинений, которые составляют первую часть рукописи. Главный труд Полентона *Scriptorum Illustrium Latinae Linguae Libri* («Жизнеописания знаменитых латинских писателей») по праву считается первой в Новое время историей римской литературы. Она содержит подробные биографии латинских писателей и поэтов, начиная с Ливия Андроника и заканчивая Петраркой. Текст этого сочинения полностью издавался всего один раз – Б. Ульманом в 1928 г. В разделе, посвященном рукописной традиции, Ульман перечисляет известные ему рукописи этого труда Полентона и в их числе называет некую рукопись, принадлежавшую фон Шёнбергу. Эту рукопись Ульман обозначает сиглом S и считает утраченной [7: XXIV–XXV]. Сам Ульман рукописи Шёнберга не видел, а сведения о ней почерпнул из диссертации известного немецкого ученого, теолога и историка, профессора Лейпцигского университета Иоганна Эргарда Каппа (Johann Erhard Kapp; 1696–1756), опубликованной в 1733 г. [6].

Диссертация Каппа посвящена жизни и творчеству Полентона. Главным стимулом написания этой работы послужил кодекс, который Капп увидел в библиотеке Ганса Дитриха фон Шёнберга (Hans Dieterich Schönberg; 1701–1783). Шёнберг принадлежал к одному из самых знатных и древних аристократических родов Саксонии. Много путешествуя по Европе, он собрал великолепную библиотеку ценных книг и рукописей. В этой библиотеке Капп и обнаружил рукопись с сочинением Полентона. Капп сообщает, что Шёнберг купил эту рукопись в Риме до 1731 г.

Шёнберг позволил Каппу взять рукопись из своей библиотеки на время для работы. Капп продержал рукопись два года и в 1733 г. опубликовал свое исследование в виде диссертации. На момент публикации диссертации, т.е. в 1733 г., рукопись Шёнберга была единственной рукописью сочинения Полентона, доступной Каппу. Капп издал некоторую часть ее текста, подробно реконструировал биографию Полентона, провел анализ его сочинений. По колофону писца и подробному описанию содержания, сделанному Каппом, кодекс Шёнберга безошибочно отождествляется с рукописью РНБ [6: 48–54; 2: 295; 1: 186–187]. Увлеченный темой и личностью Полентона, Капп собственноручно сделал полный список с рукописи Шёнберга, о чем он сообщает в своей диссертации [6: 6–7].

В 1743 г. часть библиотеки Шёнберга была продана с аукциона в Амстердаме. Сохранился каталог этого аукциона, в котором рукопись сочинений Полентона фигурирует под номером 1 в разделе «Пергаменные и бумажные рукописи (in folio)». Приведенное в аукционном каталоге описание, содержащее колофон писца, не оставляет сомнений в том, что это та

же самая рукопись, с которой работал Капп и которая ныне хранится в РНБ [3: 584].

Нам удалось также установить, что до поступления в собрание Шёнберга рукопись принадлежала иезуитской коллегии в Мачерате – городе центральной Италии. Об этом свидетельствует надпись на л. 13лиц.: «Collegii Societatis Iesu Maseratae». Коллегия существовала в период 1561–1773 г.

С историей нашей рукописи связан еще один любопытный факт. Как уже было сказано, Капп, который работал с кодексом в 1731–1733 гг., когда тот еще находился в собрании Шёнберга, сам своей рукой сделал копию этого кодекса. Ульман, издатель Полентона, не видел лично копии, сделанной Каппом с оригинала Шёнберга, но уверен, что она хранится в Отделе рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде под шифром Lat. F. IV.81 [7: XXVI].

В настоящее время рукописи с таким шифром в РНБ нет. Но, как мы выяснили, копия Каппа не пропала бесследно после его смерти, а со временем оказалась в знаменитой коллекции братьев Залуских.

Как известно, польские ученые и церковные деятели Анджей Станислав (1695–1758) и Юзеф Анджей (1702–1774) Залуские собрали ценнейшую универсальную коллекцию книг и рукописей. После третьего раздела Польши библиотека Залуских в качестве главного трофея была доставлена в Петербург (в июне 1795 г.). Принимал собрание Залуских в фонд Публичной библиотеки П.П. Дубровский. Он в 1806–1807 гг. составил опись собрания Залуских, озаглавленную «Реестр сочинений и томов рукописей, врученных господину коллежскому советнику и кавалеру П.П. Дубровскому». Эта опись была опубликована в 2013 г. и содержит записи о 8568 рукописях в 11010 томах [5].

Вместе с собранием Залуских список Каппа попал в Публичную библиотеку. Таким образом, волею судьбы и оригинал XV в. из собрания Шёнберга, и список, сделанный с него Каппом, оказались в ОР РНБ.

В составленном П.П. Дубровским реестре коллекции Залуских содержится запись: «2599. Sicconis Polentoni, scriptus per me Bonifacium Evangelistae (iste titulus legitur ad calcem libri)», далее указан шифр рукописи в ПБ – Lat. F. IV.81 и дата возвращения рукописи в Польшу – 05.03.1923 [5: 555]. Примечательно, что рядом со списком, сделанным Каппом с рукописи Шёнберга, в реестре под номером 2594 фигурирует другая принадлежавшая Каппу рукопись: «Cappi codex. De dictis ac flosculis atque gestis quorundam philosophorum et poetarum». В Публичной библиотеке эта рукопись имела шифр Lat. F. XVIII. 34 и была возвращена Польше 11.01.1923 [5: 555]. Это означает, что Залуские купили не одну рукопись Каппа, а некоторую часть наследия знаменитого ученого.

В 1923 г. по условиям Рижского мирного договора книжное собрание Залуских было возвращено в Польшу. Вместе со всеми рукописями вернулась и копия, сделанная Каппом. В инвентарной книге Отдела рукописей на л. 187 рядом с описанием рукописи Lat. F. IV.81 находится штамп о возврате: «Возвращена Польской Республике» и дата – 5/III.23.

Утраченная копия Каппа представляла собой ценный памятник скрупулезной и тщательной текстологической и издательской работы.

Вернемся к оригиналу. Письмо этой рукописи представляет собой замечательный пример совместного существования и взаимодействия гуманистического и готического курсивов в среде гуманистов первой половины XV в.

Как известно, гуманисты первого поколения – Франческо Петрарка (1304–1374) и Колуччо Салютати (1331–1406) – пользовались итальянской разновидностью готического письма. Однако сам Салютати, переписывая рукописи, воспроизводил некоторые формы каролингского минускула. В своих графических экспериментах Салютати сделал первый шаг на пути к формированию нового вида письма [8: 11–19; 4: 195–201].

Завершили начатую Салютати реформу два его лучших ученика – Поджо Браччолини (1380–1459) и Никколо Никколи (1364–1437). Поджо, профессиональный нотариус и секретарь папской канцелярии, изобретает новый минускул на основе каролингского. Это письмо быстро распространилось отчасти благодаря писцам, обученным самим Поджо, отчасти его многочисленным подражателям. С изобретением книгопечатания оно легло в основу антиквы. Никколи создает удобное и легкое в исполнении письмо – гуманистический курсив, который станет прообразом печатного курсива Альда Мануция. В то же время сам Поджо красивым и четким гуманистическим минускулом переписывал рукописи (как правило, на пергамене) либо на заказ, либо для долгого хранения. Когда требовалось переписать кодекс быстро, то он писал на бумаге *veloci manu* – так он называл более привычный готический курсив, который использовался им для написания документов [8: 54, 57].

Первая часть Петербургской рукописи, содержащая сочинения Полентона и «Синонимы» Псевдо-Цицерона, выполнена гуманистическим курсивом. Если мы сравним письмо нашей рукописи с почерком Никколи, то обнаружим, что при внешнем сходстве с гуманистическим курсивом писец Петербургской рукописи сохраняет значительное число черт готического письма.

Верхние выносные букв *h*, *b*, *l*, *v* в почерке Никколи имеют легкий наклон вправо и иногда небольшое закругление вправо на конце выносной. Наш писец, напротив, заворачивает выносную этих букв влево, как принято в готическом курсиве. В то же время наш писец использует минускульную форму *d*, а не готическую унциальную. Вертикали букв *s*, *f*, *p*, *q* у Никколи, как правило, выполнены ровной линией без особенного нажима. Писец Петербургской рукописи обычно делает нажим, создающий факелоподобное утолщение линии, свойственное готическому письму. Легкому написанию минускульной *g* в почерке Никколи в нашей рукописи соответствует готическое *g* с закруглением внизу, сохраняющим излом. Конечная *s* – еще одна буква, которая отличает два типа письма. В гуманистическом письме возобладала прямая высокая *s* на конце слов. Именно такую форму использует Никколи, хотя у него встречается и готическая *s* в этой позиции. Писец Петербургской рукописи, наоборот, преимущественно использует

готическую круглую s на концах слов, хотя иногда употребляет и длинную s.

Готическим наследием являются также значительное число сокращений. Если в рукописях, выполненных Никколи, сокращений минимальное число (в основном это назализация), то в нашей рукописи представлен весь набор сокращений готического письма: специальные знаки для per-, pro-, prae-, -rum, quod; многочисленные контракции слов (causas, sententiam); сокращения окончаний.

Важнейшим отличием гуманистической традиции письма от готической является отражение латинских дифтонгов. В живой речи дифтонги ae и oe произносились как [e], поэтому ошибки в написании были самыми обычными в средние века и в Новое время. Постепенное изживание ошибочных написаний мы находим в гуманистических рукописях. Окончание -ae Никколи пишет полностью, в других случаях использует знак e. В нашей рукописи дифтонги игнорируются в пользу написаний вроде celi (вместо caeli), Grecia (вместо Graecia), etas (вместо aetas), Cesares (вместо Caesares), Rome (вместо Romae), que (вместо quae) и пр.

Одной из самых примечательных черт писца Петербургской рукописи является сокращение et посредством знака, напоминающего ex.

Вторая половина Петербургской рукописи, содержащая речи Цицерона, выполнена другой рукой готическим курсивом, напоминающим готический курсив Поджо [8: 54].

Итак, писцы первой половины XV в., которые в большинстве своем были нотариями и привыкли к переписке документов в готическом письме, продолжали сохранять черты готического письма также и в гуманистическом. Практика повседневного письма внедрялась в книжное письмо и оказывала влияние на него. В результате получались либо смешанные почерки, один из которых представлен в первой половине Петербургской рукописи, либо легко читаемый готический курсив книжного типа, который представлен во второй ее половине. Как текст этой рукописи, который не привлекался в критических изданиях ни Полентона, ни Цицерона, так и ее история, безусловно, предоставляют широкое поле для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонец Е.В.* Рукописи римских классических авторов в Российской национальной библиотеке // Вестник древней истории. – 3. – 2005. – С. 168–221.
2. Российская национальная библиотека. Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство / сост. О.Н. Блескина; ред. С.А. Давыдова. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2011. – 480 с.
3. *Bibliotheca selectissima, seu Catalogus omnis generis librorum, in quavis facultate et in variis linguis Exquisitissimorum et rariorum <...> Tomus II.* – Amstelodami: Apud Salomonem Schouten et Petrum Mortier, 1743. – 592 p.
4. *Bischoff B.* Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters. 4. Aufl. Mit einer Auswahlbibliographie 1986–2008 von Walter Koch. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. – 436 s.
5. The Inventory of Manuscripts from the Załuski Library in the Imperial Public Library. Ed. by Olga N. Bleskina, Natalia A. Elagina with the cooperation of Krzysztof Kossarzecki, Sławomir Szyller. – Warsaw: Biblioteka Narodowa, 2013. – 612 p.

6. Kapp J.E., Sieber J.G. Dissertatio de Xicccone Polentono cancellario Patavino Historiae litterariae saec. XV. in Italia instauratore <...>. – Lipsiae: Ex officina Langenhemiana, 1733. – 66 p.

7. Sicconis Polentoni Scriptorum illustrium Latinae linguae libri XVIII edited by B.L. Ullman. – Rome: American Academy in Rome, 1928. – 520 p.

8. Ullman B.L. The Origin and Development of Humanistic Script. – Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1960. – 146 p.

УДК 930.2

КОРНИНГСКАЯ РУКОПИСЬ ТРАКТАТА «MAPPAE CLAVICULA» (MS PHILLIPPS 3715): ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Д.М. Омельченко

Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются версии происхождения одного из списков рецептурного сборника XII в., известного как «Mappaе clavicula». Речь идёт об экземпляре, который хранится в Музее стекла в Корнинге (США). По имени бывшего владельца и публикатора, сэра Томаса Филлипса, он назван MS Phillipps 3715. Имеются четыре версии происхождения сборника: Англия, Фландрия, Франция и немецкие земли. Пока сторонники каждой из этих версий не смогли привести настолько убедительные доказательства, чтобы опровергнуть все остальные предположения.

Ключевые слова: Mappaе clavicula, манускрипт Филлипса 3715, рецептурный сборник.

The article considers the versions of the origin of one of the texts of the 12th century recipe book known as «Mappaе clavicula». It is about a copy, which is kept in the Museum of Glass in Corning (USA). It is named MS Phillipps 3715 after its former owner and publisher, Sir Thomas Phillipps. There are four versions of the origin of the collection: England, Flanders, France, and German lands. So far, the proponents of each of these versions have not been able to provide evidence strong enough to disprove all other assumptions.

Key words: Mappaе clavicula, Phillipps manuscript 3715, recipe collection.

Рецептурный сборник, известный как «Mappaе clavicula», – это ценный источник для понимания не только технологий прошлого, но и различных аспектов культуры Средневековья. В нём содержатся рецепты получения пигментов, описаны способы обработки металлов и стекла, изготовления золотых и серебряных чернил, золочения различных материалов, чернения. Исследователи считают, что сборник является переводом на латинский язык ныне утерянного греческого позднеантичного трактата. Последний, видимо, содержал какие-то рецепты, переведённые с сирийского и арабского [11]. Возможно, текст, который лёг в основу «Mappaе clavicula», возник в гностической среде, а его автором мог быть Зосим Панополитанский (ок. 350 – ок. 420), считающийся основателем алхимии [5].

Самым ранним свидетельством существования сборника под названием «Mappaе clavicula» является запись в составленном в 821–822 гг. каталоге библиотеки бенедиктинского монастыря Райхенау (на Боденском озере):

«*Marrae clavicula de efficiendo auro volumen 1*». Сама рукопись не сохранилась. Возможно, она была копией более ранних текстов.

«*Marrae clavicula*» – это не просто перевод позднеантичного трактата с греческого языка. Древность многих рецептов, а также различие в стиле описания технических процессов свидетельствуют о том, что латинский текст складывался в течение нескольких столетий, не раз редактировался, приобретал и утрачивал какие-то элементы в процессе переписывания. В настоящее время известны 10 списков «*Marrae clavicula*» различной степени полноты и три крупных фрагмента. [4].

Наиболее полный список «*Marrae clavicula*» сейчас хранится в библиотеке Ракоу, которая является частью Музея стекла в Корнинге (штат Нью-Йорк, США). В исследованиях корнингская рукопись фигурирует под шифром «С» (от названия музея – *The Corning Museum of Glass*) или под именем своего первого публикатора (и тогдашнего владельца) – коллекционера сэра Томаса Филлипса (1792–1872) – *MS Phillipps 3715*.

Т. Филлипс приобрел рукопись «*Marrae clavicula*» в 1824 г. в Париже у Жозефа-Феликса Аллара (*Joseph-Félix Allard*, 1795–1831), священника церкви св. Евстафия. Этот уроженец Прованса одно время преподавал риторику в Марселе, но затем, в силу слабого здоровья, перебрался в Париж и посвятил себя исключительно переводу трудов Тертуллиана. До него владельцем рукописи был Жак-Антуан Рабо-Помье (*Jacques-Antoine Rabaut-Pomieu*, 1744–1820), чья печать имеется на нескольких листах. Рабо-Помье был пастором французской протестантской церкви, проводил естественнонаучные эксперименты и занимал мелкие государственные должности во время и после Великой Французской революции. Больше ничего об истории этой рукописи «*Marrae clavicula*» неизвестно. Ничего неизвестно и о том, была ли рукопись предметом какого-то научного интереса для своих предыдущих владельцев, собирались ли они её публиковать. Ни одной статьи по этому поводу не обнаруживается вплоть до 1847 г. Именно тогда Т. Филлипс опубликовал в журнале «*Археология*» весь текст приобретённой им рукописи и письмо к со своими соображениями по поводу текста. Послание было адресовано главе лондонского Общества антикваров Альберту Уэю (*Albert Way*, 1805–1874) [12].

Итак, *MS Phillipps 3715* – это пергаменный кодекс, который насчитывает 67 листов размером 18x12 см. Кожаный переплёт не аутентичный. Иллюминации нет, рубрикация выполнена попеременно красным и зелёным цветами, основной текст написан чернилами цвета сепии в один столбец на обеих сторонах листа. На большей части страниц насчитывается 21 строка. Разлиновка, видимо, выполнена свинцовым карандашом. Коегде на пергамене видны проколы. На нескольких листах имеются владельческие пометы, сделанные уже в Новое время. Нумерация листов арабскими цифрами выполнена карандашом одним из предыдущих владельцев рукописи. Первые главы имеют римскую нумерацию, сделанную тем же почерком, что и остальной текст. Но главы после LXVI оставались без номеров, и лишь в XIX в. они довольно произвольно были пронумерованы Филлипсом. На месте названий многих глав оставлены пробелы – оче-

видно, с целью последующей рубрикации. Когда оставленного места было недостаточно, позднее написанные заголовки выходили на поля или пробелы между строками. Рукопись немного пострадала во время наводнения в Нью-Йорке 23 июня 1972 г., но текст не получил повреждений.

Со времени публикации латинского, а спустя более ста лет и английского перевода [14] рукопись не раз привлекала внимание историков науки и исследователей средневековых технологий. Однако подробного кодического описания этого сборника мне найти не удалось. Если по поводу XII века как времени написания MS Phillipps 3715 исследователи согласны между собой, то место происхождения до сих пор является предметом споров. Существует четыре версии.

1. Фландрия. Первым эту версию выдвинул Т. Филлиппс, основываясь на данных палеографии [12]. В настоящее время этой версии придерживаются составители инвентарного каталога Музея стекла в Корнинге [10].

2. Англия. Такую локализацию также предложил Т. Филлиппс, и ему она казалась наиболее вероятной. Появление сборника он относил к периоду правления Генриха II Плантагенета (1154–1189). Основанием служили как палеографические данные, так и лингвистические. Дело в том, что в тексте (разделы 190 и 191) есть два слова на староанглийском: «gatetriu» (жимолость козья, каприфоль, лат. *Lonicera caprifolium*) и «greningpert» (greningwert = greningwort). Также в этом списке и (как позднее выяснилось) в сборнике кон. XIV в. из библиотеки Университета Глазго (Glasgow MS Hunterian 110) есть две таблицы рун с латинскими эквивалентами (разделы 288 В и 288 Р). По мнению Филлиппса, эти таблицы воспроизводят английскую традицию рунического письма [12].

Дополнительным аргументом в пользу английского происхождения манускрипта Филлиппса могло бы служить указание, обнаруженное в сборнике XIII в., который сейчас хранится в Британской библиотеке (British Library, Royal 15. C. IV). В оглавлении к книге среди прочего упомянута «*Liber magistri Adalardi Bathoniensis qui dicitur Mappaе clavicula*». Но, к сожалению, текст, к которому относится этот указатель, утерян. Тем не менее, связь рукописи с монахом-бенедиктинцем Аделардом Батским (жил на рубеже XI–XII в.) озадачила исследователей. Некоторые из них приписали средневековому английскому учёному составление всей корнингской рукописи или по крайней мере её редактирование [1: 26–30; 9: 495–496; 7: 8]. Однако другие исследователи, не отрицая английского происхождения MS Phillipps 3715, обратили внимание на отсутствие в рукописи какого бы то ни было интереса к астрологическим знаниям, которого можно было бы ожидать от Аделарда [3]. Что касается двух слов на староанглийском языке, то они могли появиться на любом этапе переписывания текста «*Mappaе clavicula*», не обязательно в период, когда жил Аделард Батский [5: 25].

3. Немецкие земли. Одним из сторонников этой версии был специалист по исторической лингвистике Эрик Пратт Хэмп. Он не сомневался, что источником первой таблицы рун в «*Mappaе clavicula*» (раздел 288 В) была поздняя английская версия футарка. Однако, по его мнению, она

подверглась модификации на континенте со стороны верхненемецких знатоков этого письма. Писец MS Phillipps 3715 или пользовался испорченной версией таблицы, или уже не очень хорошо знал руническое письмо, поскольку допускал ошибки и произвольную подборку латинских аналогов [8]. Руководствуясь палеографическими данными, немецкое происхождение MS Phillipps 3715 обосновывал также историк средневекового искусства Хайнц Розен-Рунге [13]. Аргументы в пользу этой версии приводили и издатели английского перевода MS Phillipps 3715 – американский историк науки Кирилл Стэнли Смит и американский филолог-классик Джон Гринфилд Готорн: во-первых, самое раннее свидетельство о существовании рукописи относится к библиотеке немецкого монастыря Райхенау; во-вторых, латинские аналоги рун указывают не на английскую, а на немецкую традицию; в-третьих, вряд ли бы французский переписчик назвал мыло «галльским» (глава 288 D). Присутствие английских слов публикаторы объясняли тем, что некоторые материалы были скопированы немецким переписчиком манускрипта Филлиппса из какого-то английского по происхождению источника [14: 7].

4. Северная Франция. Эту точку зрения не исключали упомянутые издатели английского перевода – К.С. Смит и Д.Г. Готорн, хотя развёрнутых доказательств не привели [17: 7]. В 1960-е гг. её высказал, опираясь на палеографию, профессор Лейденского университета, специалист по латинской палеографии Г.И. Лифтинк [13: 70].

Таким образом, в настоящее время географическое происхождение MS Phillipps 3715 остаётся предметом дискуссий. Ответ на вопрос, где именно была составлена эта рукопись, позволил бы, прежде всего, уточнить ареал распространения рецептурного сборника «*Mappae clavicula*» в средневековой Европе. В свою очередь, это могло бы прояснить другие пока ещё не решённые вопросы, связанные с историей текста: для каких именно целей он был переведён с греческого языка, кем были его читатели, насколько широко был известен вне монастырских стен, с какими ещё средневековыми рецептурными сборниками был связан.

Очевидно, что палеографического анализа при изучении MS Phillipps 3715 недостаточно. Назрела необходимость детального кодикологического исследования корнингской рукописи. Остаётся выразить надежду, что как только появится такое исследование, оно станет достоянием не одного лишь узкого круга специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Berthelot M.P.E.* Adalard de Bath et la *Mappae clavicula* (clef de la peinture) // *Journal des Savants*. Février 1906. – P. 61–66.
2. *Berthelot M.P.E.* La chimie au Moyen Âge. I. – Paris, 1893. – 453 p.
3. *Burnett C., Cochrane L.* Adelard and the «*Mappae clavicula*» // *Adelard of Bath / Ed. C. Burnett. An English Scientist and Arabist of the Early Twelfth Century*. – London 1987. – P. 29–32.
4. *Brun G.* I codici testimoni di *Mappae clavicula* // *Mappae clavicula. Alle origini dell'alchimia in Occidente*. Testo. Traduzione. Note / Ed. S. Baroni, G. Pizzigoni, P. Travaglio. – Saonara (Padova): Il Prato, 2013 – P. 201–218.
5. *Brun G.* The transmission and circulation of practical knowledge on art and architecture in the Middle Ages. The case of *Compositiones Lucenses* tradition and its connection to

Vitruvius' *De architectura*. Doctoral dissertation. Politecnico di Milano. Department Dastu, Doctoral program in «Preservation of architectural heritage», 2015. – 348 p.

6. *Burnett C., Cochrane L.* Adelard and the «Mappae clavicula» // Burnett C. Adelard of Bath. An English scientist and Arabist of the early twelfth century. London, 1987. – P. 29–32.

7. *Halleux R., Meyvaert P.* Les origines de la Mappae clavicula // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. – 1987 – 54. – P. 7–58.

8. *Hamp E.P.* Appendix C. A note on the runes, in C.S. Smith, J.G. Hawthorne, Mappae Clavicula. A Little Key to the World of Medieval Techniques // Transactions of the American Philosophical Society. –1974 – 64 (IV). – P. 117–119.

9. *Haskins C.H.* Adelard of Bath // English Historical Review. – 1911. – 26 (103). – P. 491–498.

10. Manuscript of Mappae clavicula [Электронный ресурс] // [Manuscript of Mappae clavicula] – Corning Museum of Glass (exlibrisgroup.com) (Дата обращения – 13.10.2023).

11. *Martelli M.* «Alchemical» Inks in the Syriac Tradition (2021) // Traces of Ink. Experiences of Philology and Replication. – Brill, 2021. – P. 79–104.

12. *Phillipps T.* Letter from Sir Th. Phillipps...addressed to A. Way... communicating a transcript of a MS. Treatise on the Preparation of Pigments, and on Various Processes of the Decorative Arts practised during the Middle Ages, written in the twelfth century, and entitled Mappae clavicula // Archaeologia or miscellaneous tracts relating to Antiquity. – 1847. – XXXII. – P. 187–244.

13. *Roosen-Runge H.* Farbgebung und Technik frühmittelalterlicher Buchmalerei. Studien zu den Traktaten «Mappae clavicula» und «Heraclius»// Kunstwissenschaftliche Studien. – XXXVIII, 1–2. – Monaco, 1967. – 334 p.

14. *Smith C.S., Hawthorne J.G.* Mappae clavicula. A Little Key to the World of Medieval Techniques. An annotated Translation based on a collection of the Sélestat and Phillipps-Corning manuscripts, with reproduction of the two manuscripts // Transactions of the American Philosophical Society. New Series. –1974 – 64 (IV). – 128 p.

ЭПИГРАФИКА И НУМИЗМАТИКА В ИЗУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 930.271

ИЗУЧЕНИЕ НАДПИСЕЙ НА ДРЕВНЕРУССКИХ МОНЕТАХ И ПЛАТЁЖНЫХ СЛИТКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.С. Моисеенко

«АрТТида» (Санкт-Петербург)

Изучение надписей на древнейших русских монетах и слитках началось со второй половины XX века. Тогда было известно о 343 монетах X–XI вв. и 109 слитках XI–XV вв. (на которых находилось 104 надписи и более 110 букв). В настоящее время количество монет возросло до 2,5 тысяч, а число слитков с граффити увеличилось до нескольких сотен. Датировка значительного количества слитков с граффити происходит, помимо применения стилистических и технических методов исследования, с применением палеографических таблиц, составленных на основе данных из берестяных грамот. Ведётся создание базы данных надписей на средневековых слитках.

Ключевые слова: Древняя Русь, сребреник, златник, платёжный слиток, палеография.

The study of inscriptions on the most ancient Russian coins and ingots began in the second half of the XX century. At that time were known 343 coins of the X–XI centuries and 109 ingots of the XI–XV centuries (on which there were 104 inscriptions and more than 110 letters). At present, the number of coins has increased to 2.5 thousand, and the number of ingots with graffiti has increased to several hundred. Dating of a significant number of ingots with graffiti is carried out, in addition to the use of stylistic and technical research methods, using paleographic tables, compiled on the basis of data from birch-bark letters. A database of inscriptions on medieval ingots is being created.

Key words: Ancient Rus, srebrenik, zlatnik, payment ingot, paleography.

Первые экземпляры древнейших платёжных средств русского государства стали известны в конце XVIII в.: сначала между 1781 и 1789 гг. была найдена серебряная новгородская полтина с клеймом «КНАЗ ВОЛОД», в настоящее время приписываемым удельному князю Владимиру Андреевичу Храбром (1358–1410), а около 1796 г., предположительно – в Киеве, были обнаружены златник Владимира Святославича (980–1015) и сребреник Ярослава Мудрого (1016–1018, 1019–1054) [15: 23–24, 115–116, 128].

Однако планомерное изучение надписей на древнерусских монетах началось только после находки двух больших кладов с ними в 1852 и 1876 годах, когда количество доступных для исследования экземпляров достигло 159 [17: 1–89, 127–128]. После почти двукратного увеличения числа найденных монет и их фрагментов, которых, вместе с известными только по литературе, стало учтено 343 экземпляра, в конце XX в.

М.П. Сотниковой впервые был осуществлён палеографический анализ надписей на монетах (ему отводилась вся IV глава её монографии) и составлены таблицы с разнообразными начерками 25 кириллических букв (например, 125 вариантов написания буквы «С», 103 варианта – буквы «Р», 100 вариантов – буквы «О» и т.д.) и двух знаков (крест и титло), встречающихся в надписях на златниках и сребрениках [15: 219–233].

Были подробно разобраны приёмы письма, отмечено отсутствие лигатур и знаков препинания, а также обозначен ряд архаических особенностей, присущих древнерусским надписям, в частности – сходство некоторых буквенных начертаний с символами в староболгарских надписях X в. Продемонстрировано, что легенды монет несут признаки древнейшего русского произношения, а орфография надписей позволяет различать территории, с которых происходят их авторы (Киев, Новгород или зарубежье).

К сожалению, обнаружение в XIX–XX вв. большого числа кладов со средневековыми платёжными слитками разных типов, в том числе и с нанесёнными надписями, не вызвало интереса у филологов. Н.П. Бауер, создавший на основе изучения нескольких сотен исследованных слитков их классификацию и периодизацию, отказался от палеографического изучения надписей на них, ссылаясь на отсутствие необходимых навыков и невозможность в тот момент издания полного корпуса слитков с воспроизведением граффити [2: 267], а также на возможную разницу во времени изготовления слитков и нанесения на них текстов [16: 47]. Перед Второй мировой войной было известно всего о 61 надписи [14: 256; 12: 135–142].

Ситуация резко изменилась в конце 1950-х годов, когда при подготовке кандидатской диссертации М.П. Сотниковой было изучено 832 слитка из собраний трёх музеев. После расчистки на значительной части из них раскрылись дополнительные граффити. В результате на 73 новгородских, 17 литовских, 12 киевских, 4 черниговских и 3 татарских слитках было выявлено 104 надписи, 102 одиночные или сдвоенные буквы и 11 буквообразных знаков [5: 49–123].

В результате палеографического анализа было показано, что подавляющее большинство полных надписей представляли собой имена или прозвища людей в именительном (31), родительном (6) или дательном (3) падежах, притяжательные прилагательные мужского или женского рода (36; не исключено, что часть из них является формами родительного падежа) или остались неясными (28) [16: 47–79]. Буквы и буквообразные начертания на слитках были сочтены сокращениями имён или прозвищ заказчиков.

На новгородских слитках прослеживались диалектные особенности северных русских говоров: 1) оканье, 2) стяжение конечных гласных в прилагательных (в результате чего возникала сокращённая форма), 3) наличие формы дательного падежа в названиях лиц мужского рода единственного числа с окончаниями на ОВИ–ЕВИ, 4) возможная замена в дательном падеже конечного Ъ на И, если трактовать надписи как формы дательного, а не родительного падежа, 5) чоканье.

Сравнивать начерки на слитках предлагалось с надписями на открытом в 1951 году, незадолго до начала работы М.П. Сотниковой, новом

виде письменных источников – берестяными грамотами, поскольку палеография печатей или рукописей сильно отличалась от палеографии слитков. Близость надписей на слитках и грамотах объяснялась как единством целей этих «деловых» писем, так и определённой схожестью орудий для письма и твёрдостью материалов, на которых они применялись.

К сожалению, за прошедшие годы других фундаментальных исследований надписей на платёжных слитках так и не появилось. Следует лишь отметить две аналитические работы, описывающие граффити на северорусских (черниговских) гривнах и полтинах, происходивших из клада приблизительно 1140-х гг., найденного в 1967 г. в Бюрге на острове Готланд [6: 109–116; 7: 143–150]. Из 34 найденных там древнерусских слитков граффити были обнаружены на 14: 4 слитка содержали собственные имена, а ещё на 10 имелись отдельные буквы или их сочетания.

В ряде работ современных отечественных и зарубежных авторов приводятся как фотографии слитков и прорисовки присутствующих на них граффити, так и только изображения слитков с указанием того, что на них имеются различные надписи или символы [18: 204]. В одном из изданий содержатся фотографии около 70 слитков с граффити и нарезками [13], но работа по их прорисовке и датировке ещё только начата. В XXI в. ни в одном из трудов по нумизматике палеографический анализ граффити, насколько известно автору настоящей статьи, не проводился.

Начиная с середины 1990-х гг. был продолжен учёт вновь обнаруживаемых древнерусских монет и их фрагментов, число которых к настоящему времени достигает около 2,5 тысяч экземпляров [11: 105–116; 9: 134–154]. При этом фиксируются монеты не только исследованные лично, но и упоминающиеся в литературе [8: 289–300]. Поскольку в надписи на каждом из сребреников в среднем, учитывая степень их сохранности, насчитывается от 15 до 30 букв (полные надписи выглядят так: «+ВЛАДНМНРЪ НА СТОЛХ / +ІСУСЪ ХРНСТОСЪ», «+ВЛАДНМНРЪ А СЕ ЕГО СРЕБРО / +ІСУСЪ ХРНСТОСЪ», «+ВЛАДНМНРЕ СЕРЕ/БРО +СВАТАГО ВАСНЛА», «СТОПЛКЪ НИ СТОЛ+ / +А СЕ ЕГО СЕРЕБРО», «ПЕТРОС ПЕТРОС / ОГЕОС ПЕТРОС», «О ГЕГѠУГЮ / ІАРОСЛАВЛЕ СЪРЕБРО / АМНН»), то общее количество графем конца X – начала XI вв., доступных для изучения, может составить десятки тысяч, хотя число вариантов легенд у монет совсем невелико.

Зато в последние десятилетия очень сильно выросло количество публикаций, в которых приводятся прорисовки изображений и надписей на средневековых русских монетах конца XIV – начала XVIII в. Ежегодно отечественные нумизматы издают десятки, если не сотни реконструкций текстов. К сожалению, палеографические исследования надписей, насколько известно, также не проводились, а немногочисленные работы затрагивают лишь поиски стилистических особенностей письма отдельных резчиков штемпелей в XVIII в.

Отметим, что только в одном из современных изданий насчитывается около 1214 различных написаний титулатур правителей на оборотных сторонах подлинных проволочных монет периода с 1533 по 1717 г. (содер-

жащих от 3 до 77 символов, занимающих от одной и до восьми строк), не считая дополнительных нескольких сотен вариантов буквенных дифферен-тов, находящихся на лицевых сторонах тех же экземпляров, а также тронных имён правителей на 242 вариантах отечественных и 106 шведских и датских подделок [3: 30–432].

Аналогичная ситуация с ростом количества известных экземпляров коснулась и платёжных слитков. Если в советских музеях общее количество хранящихся серебряных гривен, полтин и более мелких фракций было в пределах 1000–1200 штук, то только за последние 20 лет автором данного сообщения было исследовано около 1500 вновь найденных слитков, а общее их количество, с учётом проходивших на различных аукционах, сетевых форумах и торговых интернет-площадках можно оценить примерно до 5 тысяч экземпляров.

На сотнях из них удалось зафиксировать граффити как в виде единичных символов, так и в виде отдельных слов и даже фраз. В настоящее время ведётся подготовка к размещению целого ряда из них на интернет-портале Санкт-Петербургского Института истории РАН в рамках проекта «История письма европейской цивилизации». Весьма плодотворным оказывается применение для датировки новгородских слитков с граффити разработанных А.А. Зализняком палеографических таблиц и матриц [4: 152–250]. При этом точность определения бытования слитка повышается с нескольких столетий до одного-двух десятилетий [10: 22–23].

Большое количество находок древнерусских монет и средневековых платёжных слитков в XXI в. привело к необходимости полной смены парадигмы научных исследований этих памятников нумизматики. Музеи и другие государственные собрания полностью утратили свои лидирующие позиции в ранее существовавшей полноте фондов. В настоящее время в них хранится не более 10–20% от общего количества известных подлинных сребреников, гривен и их фракций. Более того, доступ к ним в большинстве случаев для сторонних исследователей затруднён, сопряжён с высокими финансовыми затратами или вообще не возможен.

Гораздо более перспективным представляется сотрудничество с частными музеями, отдельными коллекционерами, любителями приборного поиска и сетевым сообществом на профильных нумизматических сайтах. Многолетняя практика показывает, что частные лица охотно предоставляют принадлежащие им предметы для исследования и сообщают их провенанс, а в правилах некоторых форумов можно увидеть специальное положение, что *«При размещении изображений, пользователь соглашается с тем, что представленные им изображения и сведения о предмете (в том числе о месте его находки) могут быть использованы в научных и прочих публикациях»* [1: п. 5.1].

Однако, помимо положительных моментов, связанных с появившейся доступностью большого количества фактологического материала для фиксации образцов древнерусской и средневековой письменности и проведения палеографических исследований, следует отметить и ряд негативных особенностей. Существующая свобода печати привела к появлению целого

ряда частных изданий, в которых одновременно публикуются как подлинные, так и поддельные экземпляры, выдаваемые за настоящие. Изображения текстов на монетах и слитках приводятся с заметными искажениями. В некоторых научных и научно-популярных изданиях исследователями сообщаются недостоверные данные о временах и местах находок десятков древнерусских монет. В научной среде ежегодно наблюдается рост индекса цитирования упомянутых работ.

Тем не менее, несмотря на вышеперечисленные трудности, изучение надписей на древнерусских монетах и средневековых слитков продолжается и имеет определённые положительные перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. URL: <https://forum.violity.com/viewtopic.php?t=1965> Дата обращения: 13 октября 2023 года.

2. *Бауер Н.П.* История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. – М.: Русское слово, 2014. – СХХIV + 692 с.

3. *Гришин И.В., Клецинов В.Н., Храменков А.В.* Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. – 2-е изд., перераб. – М.: Леопарт, 2021. – 880 с.

4. *Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. – Т. X. – М.: Русские словари, 2000. – 430 с.

5. ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2-д. Д. 74, 75 [Сотникова М.П. Серебряные платёжные слитки Великого Новгорода XII–XV вв.: Вопросы техники и эпиграфики: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1958. – 169 + 44 с.].

6. *Котляр Н.Ф.* Северорусские («черниговские») монетные гривны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. – М.: Археографический центр, 1994. – 287 с.

7. *Мельникова Е.А.* Эпиграфика древнерусских платёжных слитков (в связи с надписями на гривнах клада из Бюрге, Готланд) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. – М.: «Археографический центр», 1994. – 287 с.

8. *Моисеенко Н.С.* Библиография работ о древнерусских монетах за 2016–2022 годы // VI Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: Санкт-Петербург, Старая Ладога: Сборник статей. – СПб.: ООО «Типография “НП-Принт”», 2023. – 348 с.

9. *Моисеенко Н.С.* Монеты Святополка 1015–1016 годов, не вошедшие в Корпус 1995 года // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: Санкт-Петербург, Старая Ладога 22–24 апреля 2016 года: Материалы докладов и сообщений. – СПб.: Изд-во «Знакъ», 2016. – 560 с.

10. *Моисеенко Н.* Новгородская полтина с двумя клеймами // Петербургский Коллекционер. № 3 (125). – СПб., 2022.

11. *Моисеенко Н.С.* Эмиссия древнерусских сребреников X–XI веков в свете новых данных // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Т. II. – Одесса: ООО РИА «СМИЛ», 2014. – 232 с.

12. *Неклюдов В.М.* О русских денежных слитках // Труды Отдела нумизматики. Т. I. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1945. – 170 с.

13. *Прокопов Е.Б.* Платёжные слитки Восточной Европы (XI–XV вв.). Каталог коллекции. – М., 2019. – 256 с.

14. *Рыбаков Б.А.* К библиографии русских надписей XIV–XV вв. // Исторические записки. Т. 4. – [б/м]: Изд-во Академии Наук СССР, 1938. – 284 с.

15. *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. – М.: Банки и биржи, 1995. – 320 с.

16. *Сотникова М.П.* Эпиграфика серебряных платёжных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IV. Нумизматика. Вып. 2. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1961. – 148 с.

17. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. – Репринтное издание. – М.: Нумизпресс, 2010. – 310 с.

18. Филинов В.А. Два денежных комплекса XV в. из д. Княжицы Могилёвской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 8. – СПб.: ООО «Контраст», 2020. – 372 с.

УДК 737(470.41) «12»

О БУЛГАРСКИХ МОНЕТАХ XIII В. С УЙГУРСКИМИ ЛЕГЕНДАМИ

А.И. Бугарчев

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань)

В статье рассматриваются серебряные монеты с написанием легенд уйгурской графикой. В болгарской чеканке таких насчитывается три типа. На двух написано только место производства – Булгар, на третьем приводится благопожелание «Кутлуг болсун» – На счастье. Автором приводятся приблизительные датировки чеканки на основе составов кладов.

Ключевые слова: монета, дирхам, уйгурская легенда, Булгар, Золотая Орда, XIII век.

The article examines silver coins with legends written in Uyghur graphics. There are three types of Bulgarian coinage. On two, only the place of production is written – Bulgar, on the third there is a benevolence «Kutlug Bolsun». The author gives approximate dates of coinage based on the compositions of the treasures.

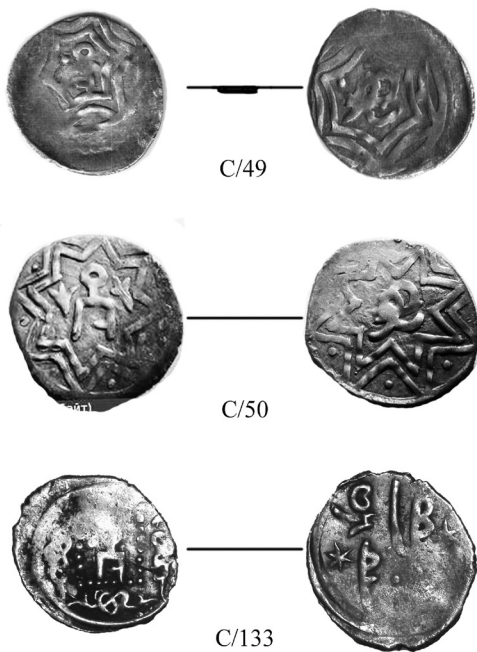
Key words: coin, dirham, Uyghur legend, Bulgar, Golden Horde, XIII century.

Одной из основных особенностей болгарского денежного обращения в XIII – начале XIV в. являлось наличие большого количества типов¹ серебряных монет. По нашим расчётам, можно говорить примерно о 180 типах, чеканенных на монетных дворах Булгарского вилайата в период 1266–1330-х гг. Рассмотрим, как появлялись изображения на джучидском «серебре» в XIII в.

В XIII в. на монетных дворах Золотой Орды существовала практика свободной чеканки монеты – любой человек мог принести серебро в слитках или в ломе и заказать себе необходимое количество монеты нужного веса (номинала). Частные лица «получали с некоторого количества сданного металла строго определённое число монет установленных неизменных веса и пробы с удержанием какого-то определённого числа монет в пользу монетного двора как платы за работу и как взноса в казну...» [6: 181]. Надо отметить, что в данный период монеты других регионов на рынках Булгара были запрещены. Об этом свидетельствуют составы болгарских кладов [1].

Обязательным элементом было проставление тамги – «двуногой» или «трёхногой» – на одной стороне, которую мы условно называем лицевой. Как пишет Альфира Закиулловна Сингагуллина в своей монографии: «Многочисленные монетные сюжеты вовсе не являются плодом фантазии или прихоти резчиков штемпелей» [4: 42]. Множество различных изображений

¹ За критерий типа здесь принимается два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты [2].

на монетах свидетельствует о том, что заказчик работы, принесший на монетный двор драгоценный металл в виде слитков или чужеземных монет, мог выбирать нужные ему изображения. При отсутствии заказа мастера могли влиять на чеканку изображений по своему выбору. К такой мысли приводят исследования продукции болгарских монетных дворов.

По различному оформлению болгарские монеты второй половины XIII – первой четверти XIV в. можно разделить на отдельные блоки:

А) дирхамы с легендами на тюркском, арабском и персидском языках в арабской и уйгурской графике: 1) с инвокациями и сентенциями; 2) с благопожеланиями;

Б) с изображениями животных, птиц и рыб;

В) с изображением человека (сюда относятся C/158 и тип с «солнцем-лицом»).

Г) с различными видами орнаментов и, возможно, цветов.

В данной статье мы рассмотрим болгарские монеты с легендами, выполненными уйгурской графикой. Таких насчитывается три типа – C/49, C/50 и C/133.

По мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, на дирхамах C/49 и C/50 указано место чеканки – Булгар. Необходимо отметить, что в легенде отсутствует слово «Дзуриба» («зарб») – удар, чекан, которое ставилось на большинстве средневековых мусульманских монет. На обоих типах не указан год выпуска, но они выявлены в составе I Болгарского клада, найденного в 1967 г. за валом Болгарского городища [1: 91–92]. Монеты датируются начальным периодом правления хана Менгу-Тимура, 1266–1273 годами. По предположению профессора П.Н. Петрова, тип C/50 может являться вариантом C/49. Об этом свидетельствуют внешний вид и расположение легенды. Приведём метрологию каждого типа:

– C/49 – учтено 17 экземпляров, разброс значений веса от 0,39 до 1,62 г, средний вес 9 самых тяжёлых монет – 1,58 г;

– C/50 – учтено 14 экземпляров, разброс значений веса от 0,46 до 1,58 г, средний вес 10 самых тяжёлых дирхамов 1,31 г. Так как у обоих типов сохранилось небольшое количество монет с метрологией, то можно сделать только предварительные выводы – C/49 чеканились номиналом 5 дангов (законным весом 1,56 г), а C/50 – номиналом 4 ½ данга (законным весом 1,39 г) [1].

Следующий тип – это C/133. Легенда выполнена уйгурским письмом, читается как благопожеланием «Кутлуг Болсун» и переводится следующим

образом: «Да будет счастье» (в переводе М.А. Усманова) или «В добрый час» (по Х.М. Френу). Подобная легенда встречалась и на других болгарских монетах, а также использовалась на болгарских пулах 1320-х гг. (тип «тамга в треугольнике») и на сарайских пулах в течение XIV в., но уже в арабской графике. Дирхам С/133 без указания монетного двора и даты выпуска обнаружен в составе II Болгарского клада на территории Болгарского городища и относится, по нашим представлениям, ко второй половине правления хана Токты – к 1300-1313 годам [2: 109–110]. Метрология С/133 следующая: учтено 14 экземпляров, средний вес (без учёта одного самого лёгкого и одного самого тяжёлого экземпляра) 1,31 г (что может соответствовать 4 ½ данга с учётом потёртости).

Кроме болгарских монет, легенды на уйгурской графике зафиксированы на монетах Сарая 690-х (1290-х) гг. и Крыма конца XIII в.

На дирхамах Укека 1290-х гг. легенда выполнена тибетским письмом и переводится тем же пожеланием – «Кутлуг Болсун» – «Будь счастливым» [5: 124]. На эмиссиях Укека 706-707 гг.х. (1306–1308) легенда выполнена и арабской графикой (титулы эмитента «Султан верховный Гийас ХХХ справедливый») и уйгурской (имя «Токтогу»).

В 710/1310–1311 г. на монетном дворе Сарай ал-Махруса было выпущено большое количество дирхамов с написанием имени Токты уйгурицей. Данные монеты встречаются в кладах с младшими монетами начала 1360-х гг. Штемпельный анализ дирхамов 710 г.х. был выполнен доктором А.Л. Пономарёвым [3].

Можно отметить, что в чеканке других монетных дворов – Мохши, Маджара, Хорезма начала XIV в. уйгурская письменность не использовалась.

Выявляется следующая особенность чеканки монет – легенды уйгурицей применялись только при ханах Менгу-Тимуре (1266–1281) и Токте (1290–1310). При Узбеке использовалась только арабская графика. Причины данного явления ещё предстоит объяснить историкам и нумизматам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV в.: монография.– Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 336 с.
2. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 121–165.
3. Пономарев А.Л. Ключи к джучидскому чекану: Токта, год хиджры 710 // Нумизматика Золотой Орды. Выпуск 1. – Казань: «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. – С. 28–49.
4. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. – Казань: «Заман», 2003. – 192 с.
5. Сычёв Ю.В. Чеканное серебро Сарая и Укека XIII начала XIV вв. (поштемпельный анализ). – Саратов: Амирит, 2022. – 154 с.
6. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Болгар. Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. – М.: «Наука», 1987. – С. 158–205.

СТАРОРУССКИЕ ЭПИТАФИИ: АРХЕОЛОГИЯ СМЫСЛОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

А.Г. Авдеев

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Университет Дмитрия Пожарского (Москва)*

*Статья публикуется в рамках научного проекта
«Свод Русских Надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum» (CIR)
[электронный ресурс: <https://www.cir.rssda.su>], поддержанного Православным
Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Университетом Дмитрия
Пожарского и Лабораторией RSSDA. Научный руководитель проекта –
А.Г. Авдеев, технический руководитель – Ю.М. Свойский.*

В статье, написанной в рамках научного проекта «Corpus inscriptionum Rossicarum / Корпус русских надписей», изложены методы комплексного исследования эпиграфических памятников эпохи Московской Руси. В основе предлагаемого метода, названного «археологией смыслов и представлений», лежит комплексный подход к источниковедческому изучению надписей. «Раскопки» данных полей, заложенных в формулярах старорусских эпиграфических памятников, требуют исследования надписей в комплексе с широким кругом исторических источников, которые помогают раскрыть смысловое поле надписи как в формуляре, так и в дополняющих его информативных единицах. В данной статье рассматриваются эпитафии XVI–XVII вв., археология смыслов которых основана на методе включённого наблюдения – анализе фактов биографии «героев» текста на фоне современных им источников. Итоги исследований свидетельствуют о высоком источниковедческом потенциале памятников старорусской эпиграфики, важности их изучения в комплексе с другими категориями источников и привлечения полученных результатов к просопографическим и генеалогическим исследованиям.

Ключевые слова: Свод Русских Надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum, старорусская эпиграфика, эпитафии, методы исследования эпиграфических памятников.

The paper, written within the framework of the scientific project «Corpus inscriptionum Rossicarum» describes the methods of a comprehensive study of epigraphic monuments of the Moscow Russia. The proposed method, called «archaeology of meanings and representations», is based on an integrated approach to the source study of inscriptions. The «excavations» of these fields laid down in the forms epigraphic monuments of Moscow Russia requires the study of inscriptions in combination with a wide range of historical sources that help to reveal the semantic field of the inscription both in the form and in its complementary informative units. This paper examines the epitaphs of the 16th – 17th centuries, the archaeology of the meanings of which is based on the method of included observation – the analysis of the facts of the biography of the «heroes» of the text against the background of contemporary sources. The results of the research indicate the high source potential of the epigraphical monuments of the Moscow Russia, the importance of studying them in combination with other categories of sources and involving the results obtained in prosopographical and genealogical studies.

Key words: Corpus Inscriptionum Rossicarum, epigraphy of Moscow Russia, epitaph, methods of research of epigraphic monuments.

В отечественной эпиграфике сложилось три метода издания надписей эпохи Московской Руси – «просто текст с фото и прорисью», «текст с фото, прорисью и минимальным комментарием» и «3D модель с текстом и комплексным комментарием». Каждый из методов имеет свои преимущества и недостатки. Два первых способа способствуют быстрому введению надписей в научный оборот, но вызывают небольшой интерес у историков как источник второго, если не третьего плана. Третий способ, более трудоёмкий, позволяет представить эпиграфический памятник как полноценный палеографический, лингвистический и исторический источник.

Комплексное исследование надписей исходит из того, что смысловые поля монументальных памятников старорусской эпиграфики фиксируют память о факте, лице и событии. Заложенная в формулярах надписей информация кажется стандартной и содержит лишь то, что её создатели доверили Вечности. Поэтому один из основных принципов герменевтики памятников эпиграфики Московской Руси заключается в археологии смыслов и представлений, «спрятанных» создателями непосредственно в тексте.

Текст любого эпиграфического памятника многослоен и может быть раскрыт при его комплексном анализе. Применительно к надписям Московской Руси суть предлагаемого метода заключается в установлении взаимоотношения смысловых полей, характеризующих структуру отдельного памятника, а именно:

- тип эпиграфического памятника;
- имя и статус человека в надписи;
- запечатлённый в надписи факт и / или событие и его датировка;
- структура формуляра эпиграфического памятника и его смысловые расширения;
- особенности декоративного оформления и палеографии надписей;
- особенности лексики и терминологии;
- включённые в надписи цитаты и реминисценции из Священного Писания, памятников книжности, наличие авторского текста.

«Раскопки» данных «слоёв», заложенных в формулярах старорусских эпиграфических памятников, требуют исследования надписей в комплексе с широким кругом исторических источников, которые помогают раскрыть смысловое поле надписи как в формуляре, так и в дополняющих его информативных единицах. В данной статье рассматриваются эпитафии, археология смыслов которых основана на методе включённого наблюдения – анализе фактов биографии «героев» текста на фоне современных им источников.

Первый пример даёт неоднократно, с конца XVIII в., публиковавшаяся эпитафия князю Михаилу Никитичу Одоевскому (CIR0879) (илл. 1):

ЛѢТА 7300 · РЪ 22 (23) А ГОУ ПОЛЪБРА
 ВЪ ДѢЛѢ НА ПАМЯТѢ СЪАГО ПРОРОКА ЛДѢБ
 НА І СЪАГО МѢКА БАЛЛАМА ПРѢСТАВНѢ
 РЪ БОЖИ КНЪЗЬ МИХАИЛО НИКИТИЧЬ

ОДОЕВСКѢ А ПОГРЕБѢ В ДОМѢ ЖИВО
 НАУЛЫЕ ТРОИЦЫ І ПРѢВННЫѢ ѠЦѢ СЕ
 ГНА {1} НИКОЛА В НЫНѢШНѢ ВО РѢВ ГѠ
 ДЕКАБРЯ В 31^М НА ПА(М)А СТАГО ПРОРОКА ДАНИ
 ЛА І СВѢТЫ ТРЕ ѠРО АНАНА АЗАРѢ МИСЛА

Из эпитафии явствует, что князь умер 19 ноября 1652 г., но был погребён в семейной усыпальнице Одоевских под западным притвором Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря 17 декабря следующего года.

Связь этих событий раскрывает письмо Алексея Михайловича, отправленное 21 ноября 1652 г. в Казань отцу покойного, князю Никите Ивановичу Одоевскому, где тот был воеводой [17: 227–232]. Царь сообщил ему о скоропостижной кончине сына и, в отсутствие отца распорядился похоронить М.Н. Одоевского «у Троицы, у его приходу, у старова твоего двора». Двор Н.И. Одоевского находился в Китай-городе в квартале между Введенской и Посольской улицами [19: 186–187]. Судя по тому, что в июне 1637 г. сноху князя отпевали в церкви Живоначальные Троицы в Старых Полях [10: 387], Одоевские были прихожанами этого храма.

Илл. 1. СИ0879. Троице-Сергиев монастырь. Эпитафия князю Михаилу Никитичу Одоевскому, умершему 19 ноября 1652 г. и похороненному 17 декабря 1653 г. Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). Документировано 20.01.2019 г., код документирования ОГ1080, код надписи СИ0879. Операторы документирования: Анатолий Гавриленков, Екатерина Романенко, Евгений Юшин, Дарья Анисимова, Анна Зиганшина, Денис Кологривов, Антон Клейменов. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева при участии Лидии Авдеевой.

Здесь и было совершено временное погребение Михаила Одоевского.

Его отец был сменён на воеводстве 2 февраля 1653 г., вернулся в Москву [3: 88] и в декабре того же года перевёз останки сына в семейную усыпальницу в Троице-Сергиевом монастыре. Во Вкладной книге этой обители содержится та же дата его погребения, что и в эпитафии [7: 109]. При этом на иконе, снятой с гроба, были изображены свв. князь Михаил Черниговский и его боярин Феодор, что позволяет предполагать, что Михаил Одоевский был крещён в день памяти этих святых 20 сентября или 14 февраля.

Случай перезахоронения останков в семейную усыпальницу характерен для XVII в., при том, что их эксгумация, перевозка и захоронение на новом месте обычно совершались в холодное время года, чаще – по зимнему пути. Так, 28 августа 1632 г. умер Алексей, единственный сын боярина Фёдора Ивановича Шереметева (деда Михаила Одоевского по матери), в связи с чем боярин известил игумена Кирилло-Белозерского монастыря:

«а погребенъ на Москвѣ у васъ в Ооонасьевском монастырѣ¹; а по первому зимнему пути (выделено мною. – А.А.) привезу ево къ вамъ въ Кириловъ монастырь». Отправив в обитель две белокаменные «цки» «над сына своего Алексѣя», 14 октября в новом послании боярин распорядился «приготовить мѣсто, гдѣ мнѣ погрестъ тѣло сына своего Алексѣя, велѣтъ выкопать и выкласть кирпичом тутъ же, гдѣ лежать родители мои, подлѣ отца моего Ивана Васильевича <...> къ моему приѣзду» [2: 138–147].

В качестве второго примера выбрана эпитафия Богдану-Семёну Васильеву сыну Волынского, также похороненному в Троице-Сергиевом монастыре (CIR1020) (илл. 2):

лѣтѣ 73 (клеймо) члѣвѣтѣ
 бнѣнѣ бысть рѣ божнѣ
 богдѣ а молибеноѣ ма семѣ
 васнѣ снѣ больскоѣ
 на памѣ сѣмѣ мнѣкѣ фрола
 нѣ лѣра а погребѣ бысть мѣста
 ноябрѣ бнѣ кѣ днѣ

Из данного эпиграфического памятника известно, что публичным именем Волынского было Богдан, а молитвенным, полученным при крещении, – Семён. Сведений об этом в иных источниках нет.

В 1577 г. Богдан Волынский был выборным дворянином по Вязме с окладом в 400 четвертей земли по земскому боярскому списку [8: 15, № 78; 18: 200]. От отца ему перешло поместье село Маурино на реке Тарусе в Угожском стане Звенигородского уезда [8: 15, № 79]. Совместно с братом Яковом Богдан Волынский владел поместьем в Ручьёвском погосте Деревской пятины Новгородской земли, часть которого в 1586/87 г. (вероятно, после смерти Якова) была передана

Илл. 2. CIR1020. Троице-Сергиев монастырь. Эпитафия Богдану (молитвенное имя Семён) Васильеву сыну Волынского, убитому 18 августа и похороненному 29 ноября 1582 г. Поверхность модели с наложенной фотографической текстурой (схема Т). Документировано 22.06.2019 г., код документирования OG1184, код надписи CIR1020. Операторы документирования: Юрий Свойский, Екатерина Романенко, Роман Барков, Мария Андреева, Денис Кологривов, Антон Клейменов, Юлия Миронова. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева.

¹ Афанасьевский монастырь, располагавшийся в Кремле у Спасских (Фроловских) ворот, в то время являлся подворьем Кирилло-Белозерского монастыря.

Мосею Небарову [1: 274, № 2175]¹. В списке имён Волынских во Вкладной и Кормовой книгах Троице-Сергиева монастыря Богдан-Семён отсутствует [7: 88–89; 11: 186].

В эпитафии названа неизвестная из других источников дата гибели Богдана Волынского (18 августа 1582 г.), видимо, в одном из последних сражений Ливонской войны [5: 22; 6: 142]. Его останки были отвезены в Троице-Сергиев монастырь и погребены там 29 ноября того же года, что ещё раз свидетельствует об устойчивости традиции эксгумации, перевозки и перезахоронения разлагавшихся тел по зимнему пути.

И если в первом примере проанализированные источники дали исчерпывающую информацию о причинах смерти и местах захоронения Михаила Одоевского, то археология смыслов в эпитафии Богдану Волынскому позволяет уточнить его матримониальные связи.

Г.А. Власьев определил, что Богдан Волынский был женат на Анне Павловне Босиной, приведя в качестве доказательства сведения из писцовых книг Коломенского и Дмитровского уездов 1577/78 г. В это время за Богданом Волынским в Коневском стане Коломенского уезда числились сельцо Якиматово на реке Каширке и пустошь Тетевниково, «что была деревня Тетерки», всего 94 чети земли, ранее принадлежавшие Никифору Дурову [14: 426–427]. В это же время вдова Анна Павловна Босина совместно с Троице-Сергиевым монастырём владела в Дмитровском уезде сельцом Селиным и деревнями Чюрилово, Курово, Макарьёво и др. [14: 750]. Из этого исследователь заключил, что в первом браке Анна Павловна была замужем за Богданом Волынским и, овдовев, не позднее 1593 г. вышла замуж за Никифора Дурова [8: 15, № 79].

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря и эпитафия Богдану Волынскому позволяют взглянуть на оба замужества Анны Павловны в иной последовательности. Первым её мужем был Никифор Дуров: в 1571/72 г. Анна Павловна сделала вклад в Троице-Сергиев монастырь «по муже своем Никифоре, и по себе и по дочери своей Дарье» вотчинное село Якиматово и деревню Тетевниково в Коломенском уезде, а также вотчинное селище Селино с тремя пустошами и угодьями в Дмитровском уезде (оценённое в 90 руб.), вероятно, с условием пожизненного владения ими [7: 83]. Из этого можно заключить, что Богдан Волынский женился на Анне Павловне не ранее 1571/72 и не позднее 1577/78 г., а в качестве приданого получил вотчины, ранее принадлежавшие её покойному мужу Никифору Дурову. Их сын Перфирий (Перфилий) владел поместьями в Ржевском уезде, и к нему после гибели Богдана Волынского (1589 г.) перебралась Анна Павловна. В 1602/03 г. Перфирий Богданович – выборный дворянин по Ржеву с окладом

¹ Яков в поколенной росписи Волынских, поданной Александром Волынским в Палату родословных дел в конце 1685 или начале 1686 г., не указан [15: 252]. Не указан он и в Родословной книге по списку М.А. Оболенского [13: 109]. Имя Якова Васильевича не внесено и в родословную Волынских, составленную Г.А. Власьевым [8: 15].

в 500 четвертей земли [18: 264]. Умер бездетным¹.

Следующий пример – эпитафия князю Ивану Михайловичу Курбскому, умершему 20 сентября 1552 г. и похороненному в родовой усыпальнице князей Ярославских в Спасо-Ярославском монастыре (CIR0565) – представляет собой источниковедческую загадку. Её текст гласит (илл. 3):

лѣѣ · ѡ · ѡ · (клеймо) ѣ · ѡ · ѡ ·
 (дуга) въ · ѡ · прѣ · (дуга)
 [ви] · в[лаго] (дуга) въ · ѡ · (дуга) · кнѣ ·
 Иванъ мнхл^[и]ло (дуга, клеймо, дуга) · ѡ · ѡ · ѡ · ѡ :

По воспоминаниям его старшего брата, Андрея Курбского, во время штурма Казани «первый брат мой родной на стену града взыде по лѣствице, и другии воины храбрые с ним», затем в конной стычке с татарами «в самое чело их зело быстро, всѣми уздами розпустя коня, вразишась в них. Так мужественно, так храбро, иже въре неподобно. Яко всѣм свидѣтельствовати, аки двакрыт проѣхал посреде их, секуще их и обращающе конем по средѣ их. <...> И так его уранили, иже по пяти стрѣл в ногах ему было, кромѣ иных ран. Но живот сохранен был Божию благодатию, понеже зброю на собѣ зело крепку имѣл. И такого был мужественного сердца, егда же уже тот конь под ним ураниша так, иже с мѣста не могл двигнутися, другого коня обрѣл <...> паче же не радяще о прелютых своих ранах, угонив полк бусурманский, секуще их со другими воины, аж до самого блата. <...> Умре потом на другое лѣто, подобно от тѣх лютых ран» [12: 52, 60, 62].

И тут возникает важная источниковедческая проблема первичности текстов. Первична ли дата, вырезанная на эпитафии, или же воспоминания ближайшего родственника, написанные десятилетия спустя? Судя по контексту последних, Иван Курбский отличился во время генерального штурма Казани

Илл. 3. CIR0565. Спасо-Ярославский монастырь. Эпитафия князю Ивану Михайловичу Курбскому. 20 сентября 1552 г. Место хранения: Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № ЯМЗ–50436/2. Улучшение читаемости надписи инструментами математической визуализации рельефа поверхности памятника относительно условной «нулевой» плоскости (схема G). Документировано 21.06.2017 г., код документирования OG0742, код надписи CIR0565. Операторы документирования: Сергей Пешков, Виталий Красноруцкий, Антон Клейменов, Александр Сидоров, Дарья Анисимова. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева.

¹ В Родословной книге по списку князя М.А. Оболенского и в поколенной росписи Волынских бездетным назван Богдан Волынский, Перфирий же не упомянут [13: 109; 15: 252).

2 октября 1552 г., но в это время, согласно эпитафии, он был уже мёртв. А.М. Курбский же сообщает, что его брат скончался от ран спустя год после окончания Казанского похода в 7062/1553 г.

Ю.Д. Рыков в комментарии к данному месту из сочинения Андрея Курбского пытается «примирить» оба источника. «Год «преставления» князя И.М. Курбского, – пишет исследователь, – мастером-резчиком на плите указан неверно. <...> Ошибочный год смерти И.М. Курбского – 1552 г. – был, по-видимому, навеян безымянному мастеру-резчику недавней памятной датой завоевания Казани, которое в то время у многих было просто на слуху» [12: 550].

Столь шаткие построения, призванные «примирить» дату эпитафии с воспоминаниями князя, не выглядят убедительными. Резчик вряд ли мог перепутать в обозначении года буквенное обозначение единицы (А) с обозначением двойки (В), имеющих различные начертания. Впрочем, А.М. Курбский не знал (или не помнил) точной кончины своего брата, отметив – «умре потом на другое лѣто подобно от тѣх лютых ран» [12: 62]. Одним из значений наречия «подобно» в русском языке того времени был оттенок вероятности [16: 21, s.v. подобно, 4], и смысл цитируемой фразы¹ может быть двояким – то ли Иван Курбский умер, вероятно, на следующее лето, то ли возможно скончался от полученных ран.

Труд А.М. Курбского не может считаться надёжным источником: необходимо учитывать тенденциозность этого сочинения, где зверства Ивана Грозного противопоставлялись достоинства московского боярства. Характерно, что в его сочинении названы многие события Казанского похода – но не приведено ни одной конкретной их даты, а героями подвигов названы только два человека – сам Андрей Курбский и его брат Иван, что безусловно выдаёт апологетическую тенденцию автора «Истории о делах великого князя Московского».

Обратимся к иным источникам. Единственное упоминание Ивана Курбского в Разрядном списке Казанского похода относится к 17 сентября 1552 г., когда назван на втором месте после князя Никиты Ивановича Шемякина-Пронского среди стольников, отправленных с мурзой Камаем на переговоры с казанцами о добровольной сдаче города [9: 422]. Обозначенные в эпитафии день и месяц смерти Ивана Курбского подтверждает независимый источник – Кормовая книга Спасо-Ярославского монастыря, где кормовое поминовение по нему приурочено ко дню смерти 20 сентября [4: 18]. Однако в 1552 г. в этот день активных боевых действий под Казанью не велось: подготовка к штурму города началась 22 сентября [9: 422–423].

Таким образом, у нас нет оснований сомневаться в правильности даты смерти Ивана Курбского, обозначенной в эпитафии, которая по отношению к сочинению А.М. Курбского должна рассматриваться как первичный источник.

¹ Издатели текста «Истории о делах великого князя Московского» ставят запятую после слова «лето», что не кажется однозначным.

Таким образом, данные примеры свидетельствуют о высоком источниковедческом потенциале памятников старорусской эпиграфики, важности их изучения в комплексе с другими категориями источников и привлечения полученных результатов к просопографическим и генеалогическим исследованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 8. – М.: Древлехранилище, 2002. – 656 с.
2. Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 3. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 559 с.
3. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным спискам. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – IX, 612 с.
4. Вахрамеев И.А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. [Т. 4]: Дополнение: Книга кормовая из Ярославля Поволжского Спасова монастыря. – М.: Синодальная тип., 1896. – 36, 5 с.
5. Вишневецкий В.И. Средневековые белокаменные надгробия некрополя Троице-Сергиева монастыря (находки 1998–1999 гг.) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. 2000 / Сост. Т.Н. Манушина. – М.: Подкова, 2000. С. 17–37.
6. Вишневецкий В.И. Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX века // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Л.А. Беляев. – М., 2006.
7. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. – М.: Наука, 1987. – 440 с., ил.
8. Власьев Г.А. Род Волынских. – СПб.: тип. Морского министерства, 1911. – 75 с.
9. Жуков А.Е. Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne = Словене. International Journal of Slavic Studies. – 2019. – Т. 8. № 1. – С. 405–428.
10. Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. – М.: Московская городская тип., 1884. – 1382 стб.
11. Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). – М.: Индрик, 2008. – 519 с.
12. Андрей Курбский. История о делах великого князя Московского / Изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев. – М., 2015.
13. Памятники истории русского служилого сословия / сост. А.В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2011. – 556 с.
14. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отд. I: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской / под ред. Н.В. Калачёва. – СПб.: Императорское Русское географическое общество, 1872. – 1598 с.
15. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство / публ. Л.Е. Шабаев // Российская генеалогия. Научный альманах / гл. ред. А.В. Матисон. Вып. 5. – М.: Старая Басманная, 2019. С. 138–402.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. – М.: Наука, 1990. – 295 с.
17. Солдатенков К.Т. Собрание писем Алексея Михайловича. – М.: Тип. В. Готье, 1857. – 260 с.
18. Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. – М.: РГГУ, 2004. – 506 с.
19. Щенкова О.П., Щенков А.С. Московский центр в Китай-городе XVI–XVII веков. – М.: Памятники исторической мысли, 2016. – 448 с.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ СЕЛА БУЗАТ СТЕРЛИБАШЕВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Н.Ш. Насибуллина, И.Р. Ситдикова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

Статья посвящена изучению эпитафических памятников сел Бузатовского сельского совета Стерлибашевского района Республики Башкортостан второй половины XIX-XX вв., собранных учеными Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. В силу своей многочисленности и распространенности в Стерлибашевском районе они представляют значительную ценность как источник для изучения истории, языка и культуры этого региона. Намогильных камнях сохранились сведения об историческом прошлом татарского народа. Для каждой надписи приводится ее арабграфический текст, транскрипция и перевод на русский язык. Исследование актуально с точки зрения определения роли татарского народа в истории края. Представленные в статье фактические материалы по эпитафике позволяют оценить сохранившегося наследия татарской культуры в памятниках и увидеть уникальность искусства того времени.

Ключевые слова: экспедиция, эпитафика, эпитафические памятники, культурное наследие, Стерлибаш, Бузат, Галей-Бузат, Карамалы-Бузат, Малый-Бузат, Уч-Асан.

The article is devoted to the study of epigraphic monuments of the villages of the Buzatovsky village council of the Sterlibashevsky district of the Republic of Bashkortostan in the second half of the 19th-20th centuries, collected by scientists from the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimova. Due to their large number and prevalence in the Sterlibashevsky region, they are of significant value as a source for studying the history, language and culture of this region. The gravestones preserve information about the historical past of the Tatar people. For each inscription, its Arabographic text, transcription and translation into Russian are provided. The study is relevant from the point of view of determining the role of the Tatar people in the history of the region. The factual materials on epigraphy presented in the article allow us to evaluate the preserved heritage of Tatar culture in monuments and see the uniqueness of the art of that time.

Key words: expedition, epigraphy, epigraphic monuments, cultural heritage, Sterlibash, Buzat, Galey-Buzat, Karamaly-Buzat, Maly-Buzat, Uch-Asan.

Особый интерес для изучения истории, культуры и языка татарского народа представляют памятники письменности. Эпитафические памятники – это наследие предков, неоспоримые документы, существующие в единственном экземпляре. Они служат бесценными памятниками не только одной определенной личности, но и всему человечеству. Но сегодня катастрофическое состояние переживают кладбища повсюду на территории России: почему-то их не считают важной частью судьбы городов и сел, культурным наследием, достоянием народа. Непрочитанные, недостаточно оцененные исторические источники на наших глазах быстро уходят в небытие. Известная татарская поговорка гласит: «Исәннәрнең кадерен

бел, үлгәннәрнең каберен бел!»), что означает, дорожи теми, кто жив, и знай могилу тех, кто умер.

Стерлибашевский район является одним из регионов, богатых татарскими эпиграфическими памятниками. Изучение мусульманских каменных надгробий в Стерлибашевском крае началось в начале XX века в связи с посещением в 1913 году академика В.В. Бартольда (1869–1930) и религиозного и общественного деятеля, востоковеда, просветителя, ученого-богослова Р. Фахретдина (1859–1936). Р. Фахретдин признает их несомненную ценность для истории и делает свое заключение о них как об источнике, говорит о традиции их написания. Ученый-археограф, литературовед М.И. Ахметзянов отмечает, что в них отражена память людей, многовековая память истории [1: 198].

В ходе экспедиций (2017, 2019 гг.) сотрудниками Института языка, литературы искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ В. Усмановым и Н. Насибуллиной были изучены 20 мусульманских кладбищ Стерлибашевского района [3: 208,180]. Основная задача ученых была фиксация и полноценная публикация надмогильных камней, а также сохранение данного вида источника, который представляет уникальную информацию по языку, искусству и истории татарского народа. Несмотря на короткий и лаконичный текст эпитафий, их источниковая значимость очень велика. Н. Насибуллиной были выявлены и изучены надмогильные плиты на территории Бузатовского сельсовета Стерлибашевского района, составлено полное описание их текстов с авторскими комментариями.

Основной задачей было введение в научный оборот новых материалов этого региона. При интерпретации материалов на первое место выступили эпиграфические памятники второй половины XIX–XX вв.

Целью явилось выявление, чтение и фотофиксации ранее известных и неизвестных татарских памятников для дальнейшей научной обработки и систематизации в виде каталогов, составленных в хронологическом порядке с фотографиями, сопровождающими арабскими текстами и с переводом надписей на кириллицу. Результатом кропотливой собирательской работы стал свод сведений о выявленных памятниках Бузатовских селений, отдельных эпитафий, сохраняющий свое значение и по сей день. Безусловно, вся эта работа является продолжением целенаправленного и планомерного поиска и изучения мусульманских эпитафийных памятников. В процессе полевых исследований, на кладбищах 5 населенных пунктов Стерлибашевского района Республики Башкортостан были выявлены и зафиксированы порядка 108 надмогильных камней с арабографичными надписями: Учуган-Асаново – 12, Бузат – 68, Малый Бузат – 9, Карамалы-Бузат – 14, Галей-Бузат – 5.

Основная часть эпиграфических памятников были систематизированы и введены в научный оборот нами впервые. Из числа зафиксированных арабографичных эпитафийных памятников – самый ранний создан в 1891 г., более поздний относится к концу XX столетия (1988 г.) (см. диаграмма 1).

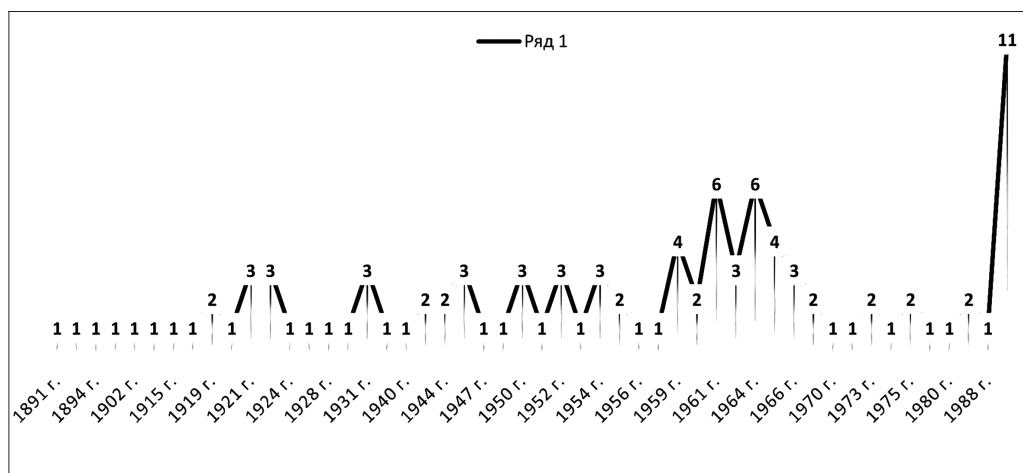

Диаграмма № 1.

Самое большое количество стел зафиксировано в селе Бузат (более 65% от общего числа), самое меньшее – в деревни Галей Бузат (5 эпитафий).

Диаграмма № 2.

По форме плиты представляют собой удлиненный прямоугольник с закругленным завершением, с «плечиками» и без. Эпитафии выполнены разным почерком. По способу оформления текстовой части можно выделить нескольких кятибов, установить их имена, к сожалению не удалось. Можно лишь предположить, что все они были местными резчиками. Каждый работал в своем стиле.

Подавляющее число надмогильных плит выполнены без использования декора и родовых знаков, тогда как текстовая часть выступает как «каллиграфический орнамент». На некоторых эпитафиях имеются надписи как на лицевой, так и на боковых и оборотной сторонах.

Среди орнаментов преобладают геометрические узоры, мусульманские символы в форме полумесяца, пяти-, шести- конечных звезд и солнца.

Рис. 1. Примеры работ местных мастеров

Надписи выполнены рельефным или же врезанным способами. Тексты на надмогильных памятниках не имеют единого и строгого порядка. Если эпитафийная часть некоторых единиц содержит лишь основную информацию об усопшем (имя, отчество, дата смерти, возраст), то другие памятники представлены в более «развернутом» виде, с приложением разнообразных благочестивых вступительных формул, Шахады, Басмаллы, Истигазы и аятов Корана. Каждая структурная единица текста занимает на плите установленное для нее место.

Одним из самых распространенных аятов Корана, использованные местными мастерами-кятибами, является 255 аят 2 суры «ал-Бакара», 1 сура «ал-Фатиха».

Памятники детально описаны по единому плану. В первую очередь, дали краткую информацию о камне (месторасположение, датирование, размеры стелы), затем описание самого памятника. В этой части дается характеристика кладбища, (название, расположение), анализируется внешний вид камня, определяется автор, делается сопоставительный анализ на наличие аналогичных камней за пределами описанной территории, изучается структура эпитафийной части (язык, почерк, техника выполнения, индивидуальные особенности (если таковые имеются), информация об усопшем (имя, отчество, возраст, дата смерти, принадлежность к какому-либо роду и под отделению и др.), материал изготовления, сохранность.

Далее идет описание текстовой части: расшифровка текста, транслитерация с элементами транскрипции, перевод на современный русский и татарский языки.

Под фотографиями написали код надмогильного памятника, дата фотодокументации, инициалы авторов фотосъемки.

При переводе Коранических цитат на русский язык использован сайт «Академия Корана», на татарский язык – перевод и комментарии Корана Ногмани. Номера сур и аятов приведены в примечании к тексту.

Село Бузат расположен недалеко от истока реки Бузат. На территории села проанализированы эпитафий из двух действующих по сей день мусульманских кладбищ, называемых в народе «Яңа зират» и «Түбән оч зираты». Общее количество зафиксированных стел: 68. Самая ранняя датируется 1892 г. (первое мусульманское кладбище). Самая поздняя из зафиксированных надмогильных плит находится во втором кладбище и датируется 1988 г. Имеется так же тюрбе, где по всей вероятности, похоронены известные местные духовные лидеры села.

Представляет интерес стелы, установленные местным многоуважаемым религиозным лицам и членам их семей. Например, надмогильный памятник Амины дочери имама Джалаледдина (датируется 1912 г.), эпитафий кыйвам-карья Ризвана сына Султангарая стела его супруги Рокии дочери Мослахеддина изготовленные, по всей вероятности, одним и тем же профессиональным кятибом.

RU-BA. XLIII [11].4
29.10.2019 г. Фото
Н.Ш. Насибуллиной

RU-BA. XLIII [11].4

**Надмогильный памятник Амины дочери имама
Джамалетдина / Имам Жамалетдин кызы Әминәгә
куелган кабер ташы**

Месторасположение: *с. Бузат Стерлибашевско-
го района*

Республики Башкортостан

Датирование: *XX в. (1912 г.)*

Размеры камня: *93x28x12 см.*

Описание памятника

Мусульманское кладбище на территории села (тат. «Яңа зират» зираты). Эпиграфический памятник в виде вертикально установленной прямоугольной плиты с закругленным навершием. Лакаб кятиба не выявлен. Исходя из визуально-сопоставительного анализа можно предположить, что работа выполнена на заказ, мастером-резчиком из Яшерганского известняка. Памятник установлен дочери местного имама Джамалетдина – Амине. Эпитафия представлена семистрочной надписью, вертикальным расположением букв, коротким слегка закругленным росчерком, на татарском и арабском языках. Строки выделены в рельефные картуши, сама эпитафийная часть отделена от абриса выступающей рамкой. Сохранность хорошая, дефекты минимальные, текст не задет.

Лицевая сторона

Текст памятника	Транслитерация с элементами транскрипции
متوفى امينه اما	[1] Mötawaffā Ämīnā ĩmā-
م جمال الدين	[2] m Ğāmāl ad-Dīn
قزی ۱۹۱۲ یلدا	[3] qızı 1912 yıldā
۲۴ نچی مای ده	[4] 24 nče māydā
نور الله قلبه	[5] nawara Āllah qalbaha
بالامان	[6] bi-l-ĩmān
و قبره بالاحسان	[7] wa qabraha bi-l-ĩḥsān
Перевод на татарский язык	Перевод на русский язык
Жирлэнде Әминә, имам	[1] Погребена Амина има-
Жамалетдин	[2] ма Джамалетдина
кызы, 1912 елда,	[3] дочь в 1912 году,
24 нче майда.	[4] 24 мая.
Аллаһ рухын	[5] Да озарит Аллах ее душу
иман нуры белән балкытсын	[6] светом имана (веры)
һәм каберен – игелек белән	[7] и могилу – благодеянием.
тулыландырсын.	

Большинство эпитафий выполнены из местного яшерганского известняка. Сохранилась традиция украшения михрабов (тимпанов) своеобразными геометрическими узорами в виде полумесяца, восьми, шести конечных звезд и солнца. Надписи представлены на татарском и арабском языках, на арабской графике и частично на кириллице, с использованием аятов Корана, формулами Истигазы и Шахады.

Представленные образцы носят выборочный характер и выступают в качестве основы для более детального изучения и фиксации всех сохранившихся эпитафий.

Итак, простые, на первый взгляд, надгробные камни, сохранившиеся в надлежащем виде, могут заговорить. Они расскажут и о народе, населявшем край в прошлом и о потомках известных родов. Эпиграфические памятники – это наследие предков. А на современном этапе развития общества наследие рассматривается в качестве одного из важнейших ресурсов, как часть социокультурной и хозяйственной инфраструктуры, определяющей дальнейшее развитие страны, региона, района. Поэтому сохранить их для потомков – гражданский долг каждого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Әхмәтҗанов М.И. Ташбилгеләргә язылган татар әдәбияты үрнәкләре. – Казан, 2011. – 215 б.
2. Усманов В.М. Башкортстан Республикасы татар эпиграфик һәйкәлләре: Стәрлебаш авылы. – Казан: ТӘһСИ, 2020. – 208 б.; Башкортстан Республикасы татар эпиграфик һәйкәлләре: Стәрлебаш районы. – Казан: ТӘһСИ, 2021. – 180 б.

ИСЛАМСКАЯ ЭПИГРАФИКА КАК ФЕНОМЕН ТАТАРСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА

Л.И. Сагтарова

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

И.А. Мустакимов

Свободный исследователь (Казань)

Исследование исламской эпиграфики в татарских ювелирных украшениях велось нами последние несколько лет на материале обширного собрания Национального музея Республики Татарстан (далее – НМ РТ). В них сосредоточено колоссальное, не имеющее аналогов в музеях России и зарубежья, собрание ювелирного искусства татар – всего более 3500 предметов. Исследование было предпринято с целью введения в научный оборот предметов с арабографическими надписями. Они составляют солидную часть коллекции, остающейся малоизученной и практически не опубликованной.

Ключевые слова: исламская эпиграфика, исламское искусство Волго-Уральского региона, ювелирные украшения, коллекции, Национальный музей Республики Татарстан.

We have been researching Islamic epigraphy in Tatar jewelry for the last few years using material from the extensive collections of the National Museum of the Republic of Tatarstan (hereinafter referred to as NM RT). They contain an entire collection of Tatar jewelry art, which has no analogues in museums in Russia and abroad – more than 3,500 items in total. The study was undertaken with the aim of introducing objects with Arabic inscriptions into scientific circulation. They form a significant part of the collection, which remains poorly studied and practically unpublished.

Key words: Islamic epigraphy, Islamic art of the Volga-Ural region, jewelry, collections, National Museum of the Republic of Tatarstan

Ювелирное искусство казанских татар продолжает оставаться малоизвестным явлением как часть мусульманского искусства, которому оно несомненно принадлежит и совершенно оригинальную страницу истории которого оно составляет. Можно утверждать, что особая роль в этом принадлежит арабской эпиграфике.

В коллекции НМ РТ нами была выявлена группа из более чем 500 предметов с арабографическими надписями, различных по своему назначению. Изучение этой группы предметов было разделено на несколько этапов. На первом этапе исследована группа из 315 предметов, причем 114 из них входят как элементы с надписями в состав многочастных украшений): нагрудные перевязи хасите, нагрудное украшение изю, накосники тезмэ и чулпы, воротниковые застёжки яка чылбыры, 24 футляра для миниатюрных изданий Корана, молитвенных текстов и благовоний, более 150 блях и жетонов. В изучаемую группу на данном этапе не вошли браслеты и серьги с надписями, число которых в собрании музея невелико. Мы ставили своей задачей каталогизацию указанной группы предметов с арабографическими надписями, включающую научное описание, атрибуцию, расшифровку и перевод надписей.

Вера в присущую силу написанного слова, носимого близко к телу – будь то стихи Священного Корана, прекрасные имена Аллаха или молитвенные фразы – имеет длительную историю в исламских культурах по всему миру, которая сохраняется по сей день. Артефакты коллекции иллюстрируют продолжение средневековой практики ношения амулетов с надписями для защиты от несчастий и болезней.

Надписи на предметах можно объединить в две большие группы: 1) надписи религиозно-назидательного характера, 2) благопожелания.

В первой группе, состоящей из 137 предметов, выделим тексты с *айатами* Корана и поминанием Аллаха (14 единиц), поминанием пророка и членов его семьи, а также праведных *халифов* (5 единиц), поминанием коранических персонажей и персонажей мусульманских преданий (14 единиц), *хадисы* и благочестивые изречения (28 единиц), изречения, призывающие воздерживаться от злословия и сплетен (46 единиц), молитвы и молитвословия (6 единиц); сюда же отнесем амулеты с перечислением буквенных зачинов сур Корана (3), молитв, зашифрованных с помощью цифр/чисел (11), с поэтическими текстами назидательного содержания (10).

Фуляры и бляхи, поступившие в коллекцию в разрозненном виде и ныне составляющие большинство её предметов, в период бытования входили в состав более сложных украшений, таких как *хасите*, *тезмэ*, *изю*, *яка*. Примером их использования в украшениях на тканевой основе может служить нагрудная перевязь из коллекции А.Ф. Лихачева (НМРТ КП-10197/3): главными смысловыми акцентами украшения являются бляхи с текстами, нашитые в части *хасите*, приходящейся под правую руку. Большая серебряная бляха трапециевидной формы несет имена коранических персонажей и персонажей мусульманских преданий – Хызр-Ильяс и имена «спящих отроков», в то время как на перламутровой пластине гравирован текст молитвословия «Нет силы и могущества, кроме как у Аллаха, Высокого, Великого ...».

Хранящиеся в музее образцы *тезмэ* – традиционных девичьих украшений для кос – представляют целый набор текстов, различных по содержанию. Так комплект для накосника из 26-ти серебряных золоченых блях (НМРТ КП-10289/1). Текст надписи на восьмиугольной бляхе повторен на многих примерах, она звучит как «На перстне-печати Нугмана было начертано: «Говори благое или молчи» – хорошо [сказано]. [Пусть этот предмет будет] благословен». Тюрко-арабская фраза, предположительно реконструируемая как: «На перстне-печати Нугмана было начертано: «Говори благое или молчи»», по преданию, восходит к надписи на перстне-печати основателя и эпонима ханафитского *мазхаба*, которым был Абу Ханифа ан-Ну’ман б. Сабит ал-Куфи. (Ну’ман в надписи – это именно он) [1]. В свою очередь надпись перекликается с *хадисом* «Тот, кто верует в Аллаха и в Последний День, пусть говорит благое или молчит! Тот, кто верует в Аллаха и в Последний День, пусть проявляет почтение к своему соседу! Тот, кто верует в Аллаха и в Последний День, пусть проявляет почтение к своему гостю!» [2]. Фраза с упоминанием печати Нугмана написана на

46 предметах коллекции, это наибольшее количество цитат, часто сокращенных или переданных стилизованно.

25 круглых жетонов, слегка различающихся в диаметре, и одна бляха неправильной восьмиугольной формы несут разнообразные тексты на арабском, персидском и татарском языке. На 19 круглых жетонах написан текст *хадиса*, который встречается еще на пяти подобных украшениях: «Тот, кто смиренен [перед волей Всевышнего], [для того] смерть – достаточный проповедник». Еще на трёх круглых бляхах чеканен текст персидского бейта из суфийской поэмы Махмуда Шабистари (XIV в.) «Гулшан-и раз» (“Цветник тайны”): «Между ними – / [Мост] Прямой Сират, / С обеих сторон которого – / Дно огненной геенны». Еще на одном круглом жетоне написано молитвословие на татарском языке: «[Да прольется] милость [Аллаха] на всех опечаленных, Спаси [Аллах] от адского огня».

Накосник *тезмэ* из сборов Н.И. Воробьева 1923 года состоит из 27 круглых блях и верхней бляхи-амулета *чэч төбе*, очертания которой напоминают плод граната (НМРТ КП-10264/14), в центре него помещён круглый медальон с магическими цифрами, – в коллекции всего 11 таких амулетов. Ещё две круглые бляхи имеют надписи на татарском языке с посвящением владелице (чтение предположительное): «Пусть будет благословенно для Биби-Галии!». Особый интерес представляют 25 круглых блях с сильно стилизованным написанием имени «Фатима». В коллекции есть еще несколько экземпляров подобных блях. Штамповка говорит о массовом характере изготовления этих жетонов, которые производились как амулеты, наделенные силой оберега, приписываемой упомянутой на жетонах Фатиме, – дочери пророка Мухаммада, в исламе олицетворявшей богобоязненность, терпение и наивысшие нравственные качества.

Распространенным оберегом были амулеты с именами «людей пещеры» (Асхаб-уль-Кахф). Написание имен коранических персонажей встречаем на футлярах и бляхах накосников. Нередко они приведены не полностью, часто читается часть надписи, имена в последующих строках стилизованы, что говорит об устойчивом восприятии символа, превращении текста в знак. Нередки оригинальные решения, как в воротниковой застежке (НМРТ КП-10217/34), на подвесках которой имена «спящих отроков» написаны на пяти отдельных медальонах, расположенных справа налево.

Написанные на бумаге молитвы вкладывались в футляры, которые, в свою очередь, несли надписи, как футляр с поэтическим молитвословием (НМРТ КП-10222/16): «Господь! Своей милостью всели спокойствие в наши сердца, Сострадая, храни нас, [ибо] непостоянен этот мир». Стоит отметить, что слова к Всевышнему о милости помещены на стороне футляра, обращенной к телу.

Вторая большая группа надписей на ювелирных украшениях представлена 83 предметами; 22 из них содержат благопожелательные надписи с указанием имен владелиц, 46 предметов несут имена владелиц, иногда сопровождаемые посвящениями, на 15 предметах читаются стереотипные формулы благопожеланий без указания имен владелиц. Эти тексты говорят о продолжении в татарском ювелирном искусстве традиции написания бла-

гопожеланий, которая имела столь широкое распространение в мусульманском мире, в том числе и в болгаро-татарском наследии. Среди предметов с текстами благопожеланий встречаем два датированных XVIII столетием. Бляха с гравированной надписью «Это [украшение] Зубайде на счастье и благополучие. 1164 год» (1750–1751 гг., НМРТ КП-10221/429) является, пожалуй, самым ранним датированным татарским украшением в коллекции (за исключением печатей).

Редкие надписи содержат информацию о самом предмете, его назначении. Надпись «Сия мускусница пусть будет благословенна для дочери Юсуфа Разии 1185/1771», помещенная на круглом донце позолоченного серебряного футляра, увенчанного филигранной крышкой (НМРТ КП-10222/7), позволила уточнить назначение подобных украшений, которые по-видимому носились как подвески для благовоний. Следует сказать, что это один из редких предметов, содержащих в надписи дату как по хиджре, так и по григорианскому календарю, причем последняя дата также дана арабскими цифрами (в арабской традиции). В собрании имеется несколько украшений XIX в. с надписями, в которых дата обозначена как по хиджре, так и по григорианскому календарю в европейском написании (например, НМРТ КП-10221/144, НМРТ КП-10221/324).

В нескольких надписях на татарском языке есть упоминание *чэч асты* (бляха для наконника), а также *чулты* (украшение для кос) и оберега (*бети*). Один из примеров – на бляхе в виде сложного грушевидного картуша с текстом «Да будет этот наконник благословенным подарком [на память] от Габдрахмана его супруге Разые» (НМРТ КП-10198/101). Как и многие другие образцы, она свидетельствует о том, что такие украшения заказывались по особому случаю и преподносились в качестве памятного подарка для любимой дочери или супруги. Такие украшения имеют оригинальную форму, богатый чеканный декор, отличаются тщательностью исполнения и красивым написанием.

В изящной бляхе с надписью «Владелица [этой вещи] Махбуб-Джамал, дочь ‘Умара. Пусть владелица будет счастлива в обоих мирах. 1840 || 1256» (НМРТ КП-10221/144), надпись не является простым благопожеланием, она содержит несколько позиций: имя владелицы, пожелание ей счастья «в обоих мирах», дату по хиджре (1256) и григорианскому календарю (1840 в европейском написании), а также надпись в пять строк с магическими цифрами, смысл которых еще предстоит расшифровать. Однако можно предполагать, что магические цифры здесь должны усиливать назначение бляхи как оберега или амулета, и с этой целью вместе с благопожеланиями на украшениях располагали тексты и имена, которые наделялись защитной силой. В надписях на некоторых футлярах они названы оберегами.

Особой красотой эпиграфической композиции отличается круглая бляха со стихотворным посвящением на татарском языке: «О, стройная в саду роз Сарви-Джамал / Пусть дарует тебе Всевышний счастье [и] совершенство!» (НМРТ КП-10198/85). Эти украшения дают нам примеры фраз, которые подбирались индивидуально. Наряду с ними в подобных надписях преобладали краткие и стандартные благопожелания типа

«такой-то на счастье» («Хамдуннисе на счастье», НМРТ КП-10221/288), «такой-то на благополучие» («Рабе Господа дочери Хамида Хабиб-Джамал на благополучие!», НМРТ КП-10221/175) или «да будет благословенна [эта бляха] такой-то» («Пусть эта урфия будет благословенна для Биби-Гайши», НМРТ КП-10284/9).

Можно выделить еще одну разновидность благопожеланий, адресованных абстрактным владелицам, без указания имен. Среди них – стереотипные тексты типа «Обладательнице сего – благополучие во все времена. Да убережет [ее] Всевышний от несчастий» (бляха НМРТ КП-10221/230), «Рукам владелицы этого волосяного оберега (?) – всегда [пусть будет благословение]» (футляр НМРТ КП-10222/19), «Да покровительствует [Аллах Всевышний рабе Божией] владелице этого оберега!» (футляр НМРТ КП-10222/20), «О, роза из розария мира! Да будет она обитательницей высшего рая!» (НМРТ КП-10219/22), «Эта урфия (монета) дочери тако-го-то такой-то на благополучие» (НМРТ КП-10221/232).

Ряд простых блях в виде небольших круглых жетонов несут надписи типа «Рабе Господа, владелице сего» (НМРТ КП-10221/326). Такие жетоны были, по-видимому, массовым изделием и использовались обычно в накосниках *тезмэ*, где нашивались целыми рядами, например, «Владелице пусть всегда [сопутствует] ...» (10 жетонов в *тезмэ*, НМРТ КП-10219/22), «[Да будет] благословенна эта бляха такой-то, дочери тако-го-то» (9 жетонов в *тезмэ*, НМРТ КП-10219/22) и т.п.

Группу украшений с благопожеланий дополняют 47 предметов с краткими посвящениями, содержащими имена владелиц, или надписями с именами. Личные имена содержатся на 65 предметах ювелирных украшений (футляры, *чуллы*, бляхи), из них 33 артефакта содержат краткие посвящения или указание на принадлежность вещи. Популярны формулы «владелица / обладательница сего», «это принадлежит», или «такой-то во владение». Часто рядом с женским именем указано имя отца или супруга: «Биби-Фатихе, дочери муллы Нигматуллы» (НМРТ КП-10221/242), «Сарви-Джамал – супруге Нигматуллы» (*чуллы* 8409), «Багауддина дочь Хубайба» (восьмиугольная бляха в *тезмэ* НМРТ КП-10219/21). 12 блях, надписи на которых указывают лишь имена обладательниц.

Печати и амулеты из камней имели широкое распространение. Старые резные камни с надписями часто становились основой или важной составной частью украшений последующих поколений, интерпретировались в соответствии с модой того времени. Эта традиция отражена в известном памятнике начала XVII в. – футляре для Корана, изготовленном для Ураз-Мухаммад хана – одного из правителей Касимовского ханства (правил в 1592–1610): крышку футляра украшает печать из лазурита с врезанной надписью сульсом, которую предположительно датируют концом XV – началом XVI в. и относят к Ирану [1, Кат. 109]. В украшениях с надписями, созданных в XVIII–XIX вв., этот приём находит свое продолжение и развитие, эффективность амулета усиливается через комбинирование молитвенных и других надписей с натуральными материалами, которым приписывались магические свойства, – с горным хрусталем, лазуритом,

сердоликом, бирюзой, топазом и т.п. Многие печати и амулеты из сердолика, использованные в татарских украшениях, происходят, по-видимому, из Ирана, Азербайджана и Турции, насколько можно судить по стилю надписей и их оформлению.

Вопрос о значении украшений с надписями представляется неизменно связанным с вопросом об их читаемости, о грамотности как потребителя и заказчика, так и мастера, бывшего изготовителем изделия. Должна ли была надпись на татарских украшениях быть читаемой? Если иметь в виду, что из всего массива ювелирных вещей лишь на нескольких предметах надписи не поддались расшифровке, то ответ не оставляет сомнений. Эти надписи не просто должны были быть читаемыми и читались; они свидетельствуют о едином культурном пространстве, в котором происходит диалог о характере надписи, ее содержании и художественном воплощении между заказчиком и мастером (каллиграфом, ювелиром). Нередко при исполнении заказа каллиграф пытается уместить на заданной поверхности украшения слишком длинную надпись, прибегая при этом к различным приемам (укорачивая буквы, выводя их длинные концы на декоративные бордюры, придавая выразительные утолщения вертикалям и округлым петлям арабских *харфов* и т.п.). Можно утверждать, что потребность в предмете украшения, который должен был нести определенную надпись, в какой-то степени обусловила развитие ювелирного искусства у татар, в значительной степени прибавила к разнообразию его форм. Об этом свидетельствует высокое художественное качество изделий, которое достигается сочетанием изысканной и продуманной формы, ясностью письма, приспособленного к исполнению в технике чеканки, и стилизованного орнамента.

Обращение к отечественным и зарубежным коллекциям ювелирных украшений мусульманских народов не дает нам материала, сколько-нибудь равноценного для сравнения. Исследователи, рассматривая надписи на ювелирных изделиях мусульманских народов, обычно останавливаются на резных камнях – печатях и амулетах. Именно этот материал дают ювелирные коллекции большинства музеев мира.

Таким образом, роль надписи как равноправного, а порой главного компонента композиции украшения, разнообразный репертуар надписей (*айаты*, *хадисы*, молитвословия, назидательные тексты, стихи и благопожелания), в сочетании с многоязычием (тексты на арабском, персидском, татарском, тюркских языках) и большой вариативностью формул благопожеланий, эстетическими достоинствами письма, – те черты, которые обуславливают статус исламской эпиграфики как одного из важнейших феноменов татарского ювелирного искусства. Несомненно, он заслуживает дальнейшего изучения и интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Masterpieces of Islamic Art in the Hermitage Museum. Kuwait, Dar al-Athar al-Islamiyyah, 1990.
2. <http://hanafiyeh.blogfa.com/1395/06> Электронный ресурс. Дата обращения 2.02.2023 г.
3. <https://hadeethenc.com/ru/browse/hadith/5437> Электронный ресурс. Дата обращения 2.02.2022 г.

ТАТАРСКИЕ РЕЗЧИКИ ПИСЬМА ПО КАМНЮ

В.М. Усманов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань)

С XIII в. на территории Улуса Джучи и Российского государства было создано более 100 тысяч татарских эпитафических памятников, точное определение количества этих артефактов не представляется возможным. На протяжении многих столетий в создании арабографических кабрташей участвовало более тысячи катибов. Не все из них являлись каллиграфами, и не все катибы были мастерами резьбы по камню. В результате научных исследований в последнее 30 лет татарскими эпитафистами было зафиксировано более 250-и имен катибов. Среди ново-выявленных необходимо назвать имя еще одного мастера резьбы письма по камню – учителя медресе г. Троицка Садыка бин Гусмана (1865–1919). Изготовление арабо-графических памятников не прерывалась даже во времена Советского Союза, эта традиция и по сей день существует, приобретая новые возможности и новое развитие.

Более 80% информации мы получаем визуально. А в эпитафике главным носителем информации является сам объект, в данном случае, фотографии соответствующего качества, оттиски, эстампажи или прорисовки. И поэтому, как приложение к данной статье, предлагаются графические изображения – иллюстрации. **Ключевые слова:** татарская эпитафика, камнерезное искусство, каллиграфы, резчики письма, надмогильные памятники, кабрташи.

From the 13th century. More than 100 thousand Tatar epigraphic monuments were created on the territory of the Ulus of Jochi and the Russian state; it is not possible to accurately determine the number of these artifacts. Over the course of many centuries, more than a thousand katibs participated in the creation of Arabographic kabrtashes. Not all of them were calligraphers, and not all Katibs were masters of stone carving. As a result of scientific research over the last 30 years, Tatar epigraphists have recorded more than 250 names of Katibs. Among the newly discovered ones, it is necessary to name the name of another master of stone carving – the teacher of the madrasah of the city of Troitsk, Sadyk bin Guzman (1865-1919).

The production of Arabic graphic monuments was not interrupted even during the existence of the Soviet Union; this tradition is still gaining new opportunities and new development. We receive more than 80% of information visually. And in epigraphy, the main carrier of information is the object itself, in this case, photographs of appropriate quality, prints, prints or drawings. And therefore, as an appendix to this article, graphic images – illustrations – are offered.

Key words: Tatar epigraphy, stone-cutting art, calligraphers, letter carvers, grave-stones, cabrtashes.

Среди источников по истории и культуре татарского народа особую значимость имеют древние или старинные эпитафические памятники. Изучение, фиксация, инвентаризация, картографирование, издание фотографий с текстами надмогильных камней и выявление имен татарских катибов стало для нас настоящей необходимостью.

Существование с древних времен у татар своего государства предопределяло наличие сети высокоразвитых крупных торговых и производственных населенных пунктов в тесном контакте с кочевой цивилизацией.

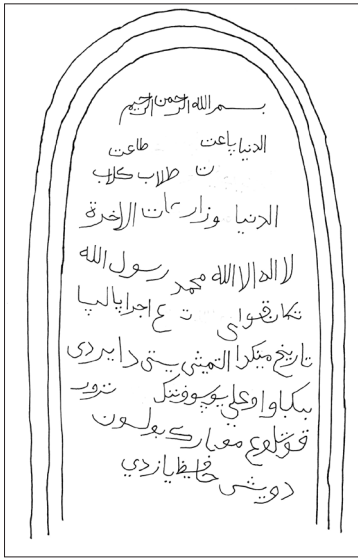

Рис. 1. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Деуша (сер. XVII в.)

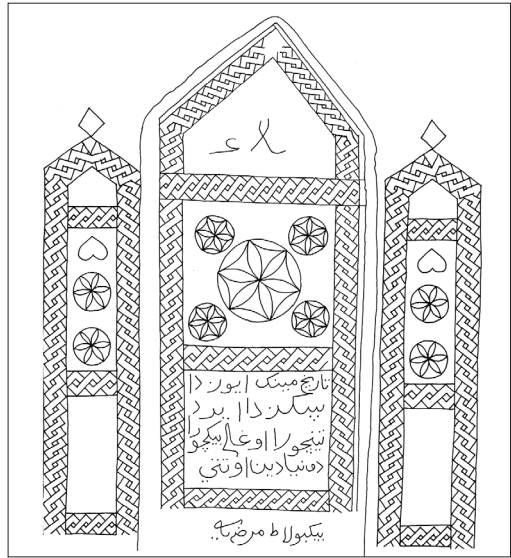

Рис. 2. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Мурзабая сына Бикбулата (вторая половина XVII в.)

С развитием городов, развивалась архитектура, а также мемориальная эпиграфика.

Как известно, эпиграфика возникла на основе синтеза различных искусств: архитектуры, каллиграфии, декора, и т.д. И поэтому к этому делу привлекались мастера-камнерезы, строители, религиозные деятели, каллиграфы, писцы, переписчики книг, писатели, поэты, ювелиры, кузнецы, краснодеревщики, столяры, орнаменталисты.

Самые лучшие образцы татарской эпиграфики мирового уровня относятся ко времени существования государств: Золотая Орда, Крымского, Казанского и Касимовского ханств. Эта эпоха отличается взлетом мусульманского (в частности татарского) каллиграфического искусства на основе разновидностей арабского письма: куфи, «строительный куфи» и сульс. К сожалению, самые лучшие образцы татарских каллиграфов-резчиков периода так называемого «восточного ренессанса» не дошли до нашего времени, например, надгробные памятники золотоордынских или казанских ханов. А, также, имён многих старых мастеров резьбы по камню тех эпох не сохранилось, за исключением болгарского ювелира Шахидуллы бин Муса, солхатских строителей-архитекторов из Северного Ирака (г. Ирбиля) – Махмуда бин Гусман и Габдул-Газиз ибн Ибрагим [4: 26], которые, очевидно, также занимались изготовлением надгробных стел. Кроме вышеназванных, сохранились некоторые автографы умельцев-ремесленников, например: надписи на красноглиняном кувшине «Гамэле бандэ Салма Күлбай» / «Работа раба (Божия) Салма Кульбая», на пряжке – «Гамэле Мөхәммед бине Махмуд» / «Работа Мухаммеда бин Махмуд» и на одном из деталей медного замка – «Гали/Али» [4: 793–794].

В те времена работали целые династии высококлассных каллиграфов. Среди резчиков были (как отмечено выше) приезжие хаттаты, например, из Египта [2: 165], Крыма, Дагестана, Закавказья, Средней Азии, ...

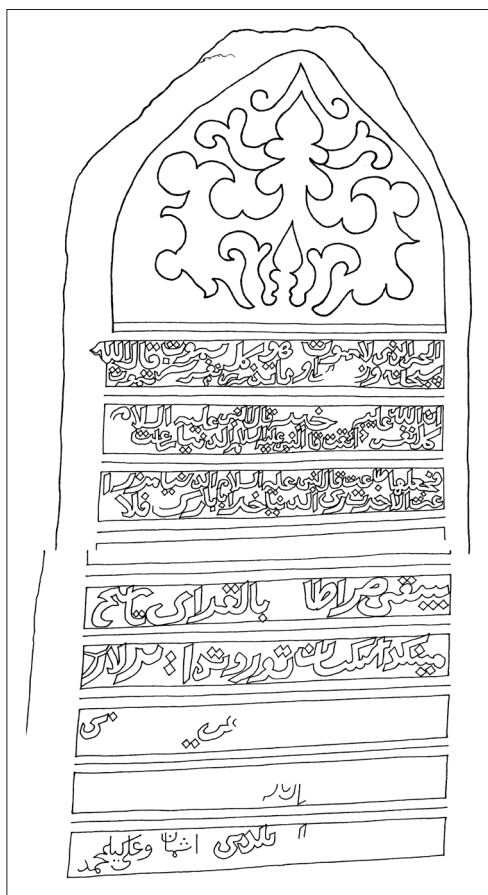

Рис. 3. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Килмухаммеда бин Ишмана (вторая половина XVII в.)

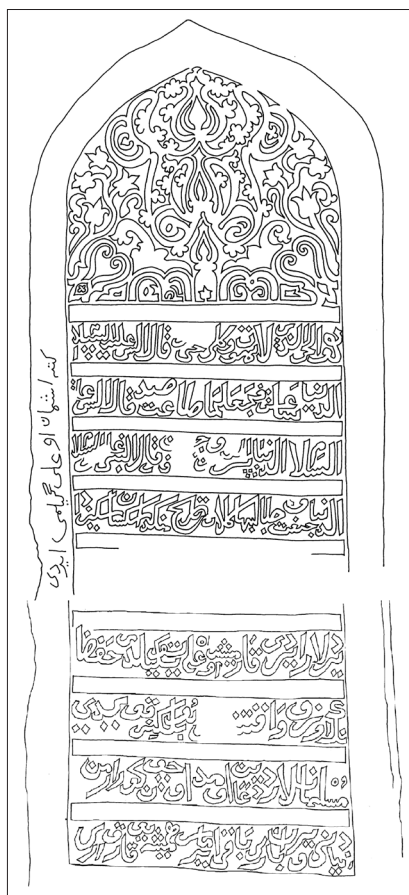

Рис. 4. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Килмухаммеда бин Ишмана (вторая половина XVII в.)

так и местные мастера, получившие образование в различных исламских культурных центрах. Совершенно очевидно, что при масштабном распространении камнерезного дела и каллиграфии создатели эпитафических памятников, как правило, не указывали своих имен, и поэтому сведения о многих из них остались вне поля зрения, исследователей.

По нашему мнению, в ту эпоху в татарских городах были созданы свои самостоятельные школы камнерезного искусства со своими сложившимися традициями изготовления и оформления эпитафических памятников, в рамках исламской цивилизации, без особых региональных черт (если, конечно, не учитывать языковые различия и особенности). Кроме этого, в некоторых местах жили и работали провинциальные резчики (видимо, из числа катибов или грамотных ювелиров), которые выполняли менее скромные заказы из тех материалов, что было под рукой (например, нукратовские, ходяшевские и т.д.).

Что касается касимовских эпитафий времен Шах-Гали: эти памятники хотя и выполнялись в определенных рамках мусульманских (в данном конкретном случае, татарских) традициях, в них ощущается особенный, им только присущий, индивидуальный палеографический почерк высокого профес-

сионального уровня исполнения, чуть отличающийся от стиля общепринятого письма «сульс». По нашему мнению, в декоре «ханкирмановских кабрташей», в первую очередь, заметны влияния искусства «закавказских татар» (видимо, и в то время, между ними продолжала существовать тесная культурная связь).

В настоящее время, о количестве сохранившихся (в том числе, городских) татарских кладбищ на территории России точных сведений не имеется. Как известно, арабографические надгробные памятники (созданные после 1720 года) исследованы частично, локально и не равномерно (предположительно, их насчитывается – минимум, более ста тысяч).

Очевидно, как было сказано выше, со времен Казанского ханства, основная часть произведений камнерезного искусства создавались, именно, в столице этого государства – в г. Казани. Эта традиция, несмотря на трагические события для татарского народа, продолжала существовать и после завоевания – (а, именно) в Старо-¹ и Ново-Татарской слободе, но уже в других условиях [5: 21–22].

Результаты исследований свидетельствует о том, что основная часть древних и старинных кабрташей безвозвратно утеряна. И, в последние десятилетия, очень ценные с художественной точки зрения эпитафии с именами катибов, по разным причинам, продолжают исчезать в небытие². Очевидно,

¹ Из вышесказанного возникает вопрос: конкретно где находилось кладбище Старотатарской слободы и куда исчезли кабрташи того времени?

² Невозможно не отметить и такой неутешительный факт: в результате ликвидации принципа преемственности в развитии культуры, современное общество, к глубокому сожалению, зачастую проявляет нигилизм по отношению к эпиграфическому наследию и вместе с негативными погодными явлениями (будто, соревнуясь) активно участвует в разрушении всего веками созданного.

Рис. 5. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Нигматуллы бин Мухаммедсафы (кон. XIX в.)

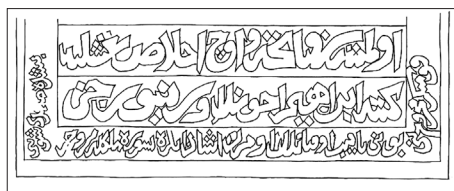

Рис. 6. Работа резчика письма по камню с автографом ахуна Ибрагима ал-Оренбури (сер. XVIII в.)

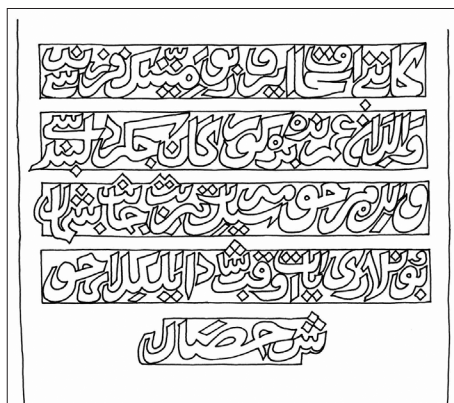

Рис. 7. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Исхака (вторая половина XVIII в.)

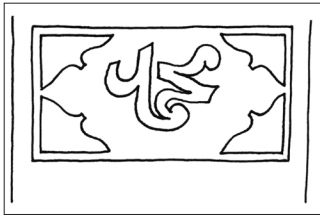

Рис. 8. Автограф резчика письма по камню катиба Мухаммеда (сер. XIX в.)

о существовавших (ещё несколько десятилетий назад) памятниках, дополнительную информацию можно найти лишь, только в архивных материалах выдающихся предшественников: (прежде всего – в фондах и в личных архивах Н.Ф. Калинина, Г.В. Юсупова, М.И. Ахметзянова и др.).

Таким образом, лишь очень малая часть эпитафийных памятников сохранилась в старом кладбище г. Казани. Для того чтобы восполнить этот пробел, в сборники-каталоги (как дополнение) мы включаем «недостающие» некоторые работы столичных и провинциальных катибов¹ которые обнаруживаются на территориях близлежащих сельских кладбищ вокруг Казани. (И поэтому, их следует искать, прежде всего, в Заказанье).

Обычно, для создания татарских стел применялся местный камень. Кроме известняка и песчаника использовался кирпич с облицовочной майоликой (идуший от среднеазиатских традиций) в виде сундукообразных форм – «саганы», расположенных внутри кирпичных сооружений – мавзолеев, идущих от среднеазиатских традиций. Кроме этого, создавались «саркофагообразные» надмогильные памятники (которые, также, устанавливались в помещениях тюрбэ) из известняка, имеющие общие типологические черты с закавказскими кабрташами.

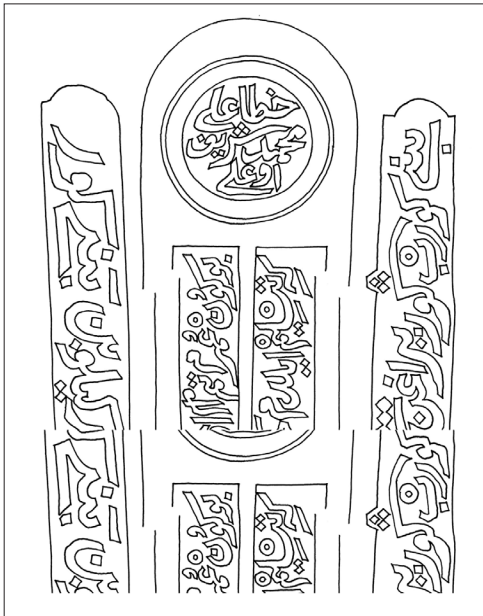

Рис. 9. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Галия бин Мухаммедшарифа (сер. XIX в.)

Во многих старинных кладбищах Татарстана можно встретить эпитафии изготовленные из искусственного камня, в составе которого использовался известковый раствор, смешанный с мелкими осколками битого кирпича (но, это уже относится к более позднему времени).

До сегодняшнего дня, в Урало-Поволжском регионе зафиксировано более 250 имен татарских резчиков письма по камню. Среди них, необходимо отметить имена мастеров XVII в. сыновей Ишмана – Килмухаммеда, Кулмухаммеда и Баймухаммеда. Ими было создано более 50-и эпитафических композиций. Как правило, это ремесло (нередко достигающего уровня высокого искусства) носило династийный (клановый) характер и многие секреты изготовления надмогильных памятников переда-

¹ Авторами некоторых казанских памятников могли бы быть, наоборот, хаттаты некоторых деревень, расположенных вокруг Казани, находившихся в одном культурном пространстве.

вались из поколения в поколение, это во первых. (Например: Два брата Нигматулла бин Мухаммедсафа и Хужжатулла (бин Мухаммедсафа бин Кулмухаммед бин Султанбек) Султанбековы [1: 254].

Во вторых, многие мастеровые люди имеющие грамоту (например, ювелиры) частенько, кроме своего основного дела, занимались изготовлением намогильных памятников, среди таковых необходимо отметить имя казанского ювелира Якуба сына Мухаммадшарифа (1759–1829), ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, архив Г. Юсупова, ф. 72, опись 471 (18).

Эпиграфический декор многих памятников эпохи Казанского ханства (как сказано было выше) выполнялись почерками *сульс*, *наسخ* или *сульс* с элементами *наسخ* или наоборот. Со второй половины XIX века начинает использоваться персидское письмо – *настаглик*, а в начале XX столетия добавляется – *рокга*. Как известно, местные мастера камнерезного искусства владели всеми основными видами арабского письма, однако, они не смогли создать, им только присущий, единый «татарский» почерк, подобно персидскому, который широко использовался бы в исламском мире. Но, несмотря на это, они сумели выработать свой, так называемый – «казанский шрифт», часто применявшийся в издательском деле в начале XX века. Сравнительное изучение татарского эпиграфического наследия говорит о том, что некоторые казанские хаттаты, с ярко выраженным индивидуальным почерком, нередко добивались высшего уровня мастерства и смогли создать оригинальные образцы каллиграфии, воплощенных в синтезе различных искусств. Кроме столичных хаттатов можно перечислить имена «провинциальных» катибов, например:

1) некоторые из них: катиб Ибрагим ахунд бин Мухаммедтуляк бин Бикмухаммед ал-Оренбури, ?–1761. Он является автором намогильного архитектурного комплекса и стихотворных строк на эпитафии посвященной памяти Хадичэ бикэ;

2) Исхак бин Абдулькарим аль-Каргалы, 1732–1802. В его творчестве (как у его предшественника – катиба Ибрагима) синтезировались многие виды искусств. Они являются яркими представителями мусульманского искусства в эпоху шимали-тюркского Возрождения в рамках Российской империи [6: 27, 103];

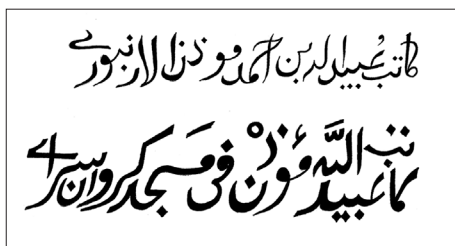

Рис. 10. Автографы резчика письма по камню катиба Губайдуллы ал-Оребури (кон. XIX в.)

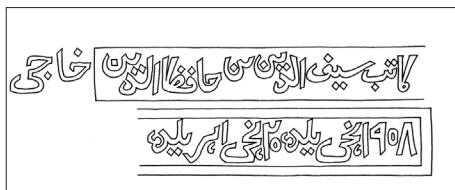

Рис. 11. Работа резчика письма по камню катиба Сайфутдина бин Хафизетдина (кон. XIX в.)

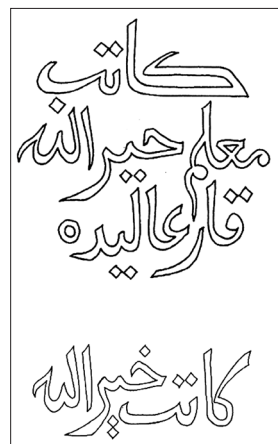

Рис. 12. Работа резчика письма по камню катиба Хайруллы Усманова (кон. XIX – нач. XIX в.)

Рис. 13. Автограф резчика письма по камню катиба Мухаммедшарифа ал-Мэнгери (нач. XIX в.)

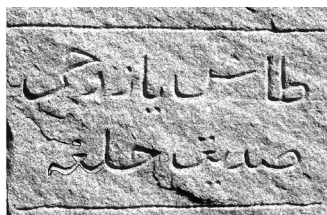

Рис. 14. Автограф резчика письма по камню катиба Садыйка бин Гусмана, г. Троицк (кон. XIX – нач. XIX в.)

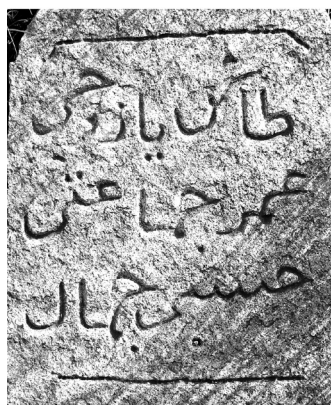

Рис. 15. Автограф резчика письма по камню катиба Гумара, г. Троицк (кон. XIX – нач. XIX в.)

Рис. 16. Надмогильный памятник резчика письма по камню катиба Ахметзяна Мухаммедвалиева, г. Троицк

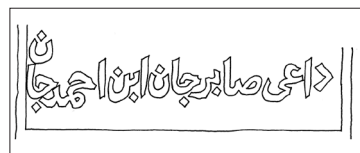

Рис. 17. Автограф резчика письма по камню катиба Сабирзяна бин Ахметзяна, г. Троицк (кон. XIX – нач. XIX в.)

3) катиб Мухаммед ал-Каргалы, жил и работал в XIX веке (очевидно, его имя следует искать среди списка религиозных деятелей (имамов, муэдзинов или преподавателей медресе) Сеитовой слободы; творчество катиба требует отдельного исследования). До него и в его время в Каргалах работали более 10-ти до сих пор нам неизвестных выдающихся мастеров. К сожалению, мы о них пока ничего конкретного не можем сказать, кроме версий и предположений. Этому периоду эпиграфических памятников, характерно изящество, соразмерность и тонкое чувство художественного вкуса;

4) Гатаулла бин Узбек бин Субханкул бин Мустафа ал-Каргалы (?–1832). Установление авторства работ этого каргалинского мастера каллиграфии является задачей для будущих исследователей [7: 22];

5) Ювелир муэдзин Мухаммедхасан, каргалинский мастер (предположительно – резчик по камню, катиб);

6) Гали бин Мухаммедшариф, каргалинский мастер (предположительно – резчик по камню, ювелир, катиб). В его работах заметны характерные узоры в виде завитков применяемые в ювелирном искусстве [7: 57, 61, 427–430].

7) Катиб муадзин Губайдулла ал-Оренбури. До сегодняшнего дня сохранилось около 100 его композиций;

8) Катиб Шариф, жил и работал в XX веке в г. Оренбурге. Об этом резчике мало что известно;

9) Сайфутдин бин Хафизетдин ал-Каргалы; не является признанным мастером, однако, его произведения отвечали всем основным критериям монументального эпиграфического искусства и поэтому его работы были востребованы. Выполненные его руками кабрташи находятся во многих населенных пунктах бывшей оренбургской губернии и за его пределами. Творчество катиба Сайфутдина, еще раз, подтверждает истину о том, что каждое ремесло, достигая совершенства, превращается в искусство. Его работам характерна монументальность, рельефность (игра светотени), четкость, краткость и простота текста.

Нахождение новых имен, до сих пор нам неизвестных, забытых катибов (резчиков по камню), также, остается одной из первостепенных задач для будущих исследователей¹. Ограниченность объема материала, на который мы опираемся, иногда допускают ошибочные предположения. Поспешные догадки и версии, в дальнейшем требуют подтверждения конкретными фактами.

Обращает на себя внимание то что, хаттагы, по какой то причине, не посчитали нужным фиксировать свои автографы, (а ведь, например, в отличие от мастеров резчиков по камню) переписчики рукописных книг по существующей традиции всегда оставляли необходимые сведения о себе. В этой связи, известны лишь некоторые имена нескольких казанских резчиков-каллиграфов XIX–XX вв. – катиба Габяши мулла (он является одним из выдающихся татарских каллиграфов, чье творчество требует отдельного изучения) *كاتب عيش ملا*, Габдулбари ал-Муэмини ал-Баруди, Фатхелкадыр Килметов, Кавам карый Зулфикаров, Каюм Насыйри, муэдзин Мухаммад-

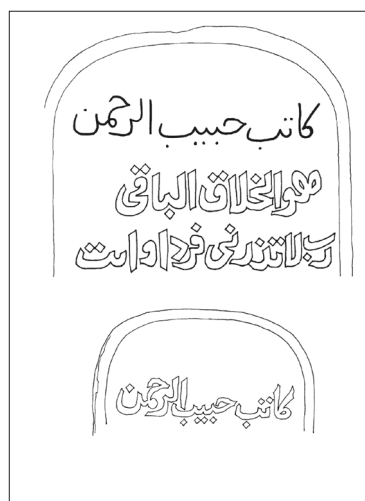

Рис. 18. Автограф резчика письма по камню катиба Хабибрахмана, г. Троицк (кон. XIX – нач. XIX в.)

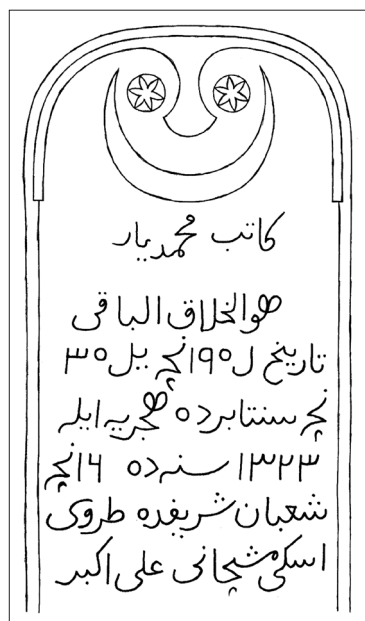

Рис. 19. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Мухаммеджара, г. Троицк (кон. XIX – нач. XIX в.)

¹ Забытых имен казанских каллиграфов и резчиков необходимо искать, в первую очередь, среди списка религиозных деятелей татарской столицы, а их многочисленные работы (как было сказано выше) нужно выявлять среди эпиграфических памятников находящихся в старинных кабрстанах Заказанья. Очевидно, некоторые образцовые «казанские кабрташи» (например) имеются в старом кладбище деревни *Мэчкара*.

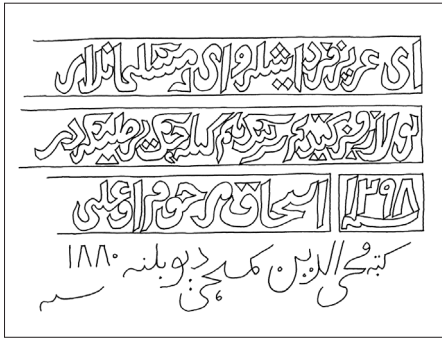

Рис. 20. Работа резчика письма по камню с автографом катиба Фахрутдина, г. Семипалатинск (кон. XIX – нач. XIX в.)

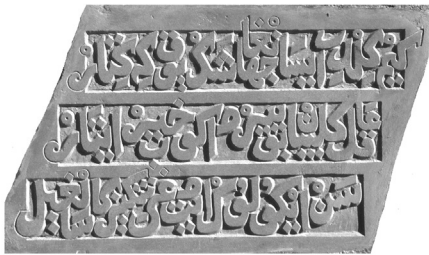

Рис. 22. Работа автора – В.М. Усманова (нач. XXI в.)

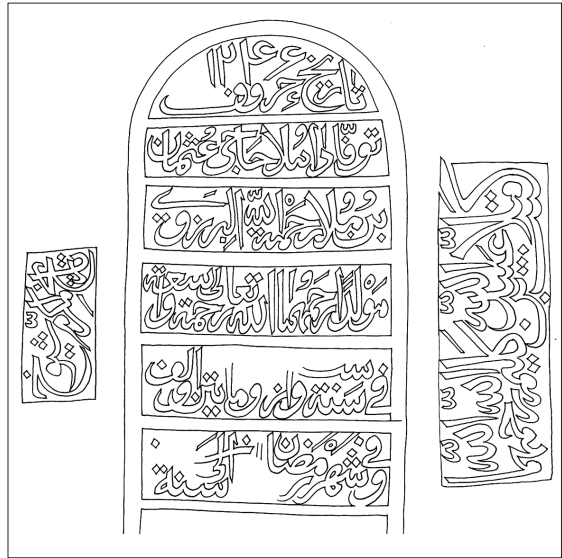

Рис. 21. Работа резчика письма по камню с автографом катиба муллы Габяши, г. Троицк (кон. XIX – нач. XIX в.)

Бадиг Хусаинов, катиб Шакир, муэдзин Шарифджан, Мустафа ал-Чутай, Нурий Бургаси и другие, работавшие на рубеже XIX–XX вв. Не исключено и то, что в этом списке может быть и сам Шигабuddin Марджани. В доказательство этому утверждению – сохранившиеся его каллиграфическое рукописное наследие.

Таким образом, вся работа по сбору и научной систематизации материалов по эпиграфике и выявление имен катибов-резчиков требует оперативности. Нам в этом деле медлить не коим образом нельзя. Ведь, эти произведения искусства и каменные архивные доку-

менты, с каждым днем разрушаясь, исчезают безвозвратно. Наша задача и состоит в том, чтобы это все привести в определенный порядок, в виде изданных книг. Вместе с тем, в будущем, необходимо сделать выборочные прорисовки или реконструкции (насколько это возможно) некоторых «казанских» каллиграфов, прежде всего, работавших до 70-х годов XIX века.

Нам предки оставили богатое культурное наследие. И, мы уверены в том, что в будущем книги-монографии по камнерезному искусству и каллиграфии, посвященные работам татарских мастеров, будут издаваться на разных языках, на равне с историческими трудами выдающихся деятелей культуры и искусства прошлых веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайнетдинов А.* Ташка язу осталары бертуган Солтанбәковлар // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2015. – № 3/4. – Б. 254–258.
2. *Исламов Р.Ф.* Алтын Урда һәм мәмлүкләр Мисыры: язма мирас, мәдәни багланьшлар. – Казан: Фикер, 1998.
3. *Макиавелли Н.* Государь. О военном искусстве. Трактаты и размышления. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014.
4. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Письменная культура: эпиграфические памятники и надписи // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV в.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – С. 759–795.
5. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. – М.: Фонд Марджани, 2019. – 504 с.
6. *Усманов В.М.* Татар ташъязма ядкярләре. Икенче китап. (Татар Каргалысы ташъязмалары, каталог). – Казан, 2020. – 412 б.
7. *Усманов В.М.* Тарихи ядкярләр. Икенче китап. – Эстәрлетемак, 2005. – 368 б.
8. *Усманов В.М.* Татар ташъязма ядкярләре. Дүртенче китап. (Татар Каргалысы ташъязмалары, каталог). – Казан, 2020. – 620 б.

ЕВРЕЙСКОЕ, АРМЯНСКОЕ, ПЕРМСКОЕ ПИСЬМА И ПИСЬМА СМЕШАННЫХ ТРАДИЦИЙ

УДК 930.253

ЕВРЕЙСКИЙ ФОНД ИВР РАН КАК ХРАНИЛИЩЕ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.М. Белкина

Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Еврейский фонд Института восточных рукописей РАН во многих случаях остается в тени многотысячных собраний Российской национальной и Российской государственной библиотек. Цель данной статьи – показать, насколько и в каких сферах фонд ИВР РАН может быть репрезентативен исследователю-гебраисту. Фонд представлен 1,5 тысячами письменных памятников всего последнего тысячелетия. Он предлагает широкое геокультурное, жанровое и языковое разнообразие, которому позавидуют многие крупные фонды. Соответственно, все компаративистские и теоретические исследования (например, по типологизации источников) могут быть основаны на материалах фонда. Однако, ряд исследований – по ашкеназской культуре в целом, по памятникам Каирской генизы или же по иллюминированию еврейских рукописей – не может базироваться только на данных фонда ИВР РАН.

Ключевые слова: еврейские рукописи, фонд, ИВР РАН, Азиатский Музей.

In many cases the Jewish collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences remains in the shadow of the large Jewish collections of the Russian National and State Libraries. The article aims to show to what extent and in what areas the IOM RAS collection can be representative for a researcher. The fund consists of 1.5 thousand manuscripts, dated to the (entire) last millennium. It offers a wide geocultural, genre and linguistic diversity. All comparative and theoretical studies (for example, on the typology of sources) can be based on materials from the collection. However, a number of studies – on Ashkenazi culture, on the monuments from the Cairo Geniza or on the illumination in Jewish manuscripts – cannot be based only on data from the IOM RAS.

Key words: Jewish Manuscripts, collection, IOM RAS, Asian Museum.

Настоящая статья посвящена обзору всего рукописного еврейского фонда Института восточных рукописей РАН (далее – ИВР РАН). На сегодняшний день в составе фонда находится около 1,5 тысячи рукописных памятников, и это число, на первый взгляд, не впечатляет исследователя, знакомого с многотысячными еврейскими фондами Российской национальной библиотеки в Петербурге и Российской государственной библиотеки в Москве. Однако, при подробном изучении памятников в ИВР РАН, в том числе статистическом, выясняется, что несмотря на свой не очень большой объем, фонд предлагает исследователю невероятное многообразие источников: разных периодов, разных идиомов, из частных коллекций и других крупных собраний (например, библиотечных), написанных разны-

ми типами письма, на самых разных материалах и т.д. Таким образом, цель настоящей статьи – показать, насколько репрезентативен еврейский фонд ИВР РАН в контексте рукописных собраний РНБ, РГБ и других мировых коллекций.

Одним из главных источников сведений о еврейском фонде является сформированный в первой половине XX в. И.И. Гинцбургом каталог еврейских рукописей, который вышел в свет только как мемориальное издание в 2003 г. [6]. Автор каталога, Иона Иосифович Гинцбург (1871–1942), проработал с фондом всего лишь 8 лет и скончался в Ленинграде в разгар Великой Отечественной войны, не успев завершить свой труд. Его последователи, Клавдия Борисовна Старкова (1915–2000) и Анатолий Михайлович Газов-Гинзберг (1929–1995), подготовили к печати в 1960 г. обновленный и отредактированный вариант каталога, который по невыясненным обстоятельствам «канул в Лету» при его отправке в издательство «Наука» в Москву¹. В каталоге представлены 964 пункта, соответствующих тогдашним шифрам памятников. Из-за отсутствия указателей его использование исследователями усложняется многократно, и совершенно неясно, с каким разнообразием источников /авторов/ топонимов может работать исследователь². Это одна из причин, на наш взгляд, почему еврейский фонд ИВР РАН нуждается в определении уровня его репрезентативности.

Тем не менее, именно в каталоге представлены первое крупное структурное деление всех имеющихся источников, а именно жанровое деление: библейские кодексы (№№ 1–83; 8,6% от общего числа номеров), филология и письмовники (№№ 84–166; 8,6%), экзегетика (№№ 167–357; 19,8%), философия, этика, логика, другие виды науки, воспитание (№№ 358–599; 25,1%), каббала (№№ 600–662; 6,5%), богословие (№№ 663–964; 31,3). Учитывая оставшиеся не представленные в каталоге материалы, самыми крупными разделами фонда являются:

1) Экзегетика – всевозможные комментарии, тафсиры, комментированные переводы библейского текста и других галахических³ сочинений и пр. в том числе на разных еврейских языках (еврейско-арабском, еврейско-персидском и др.) и разных течений иудаизма (большая часть относится к караимскому течению).

2) Философские и научные труды – в эту категорию отнесены как поэтические произведения с философским уклоном (например, «Кузари» Иуды Галеви), так и всевозможные трактаты по философии; раздел укрупняет включение в него почти всех научных сочинений.

¹ Автор статьи связывался непосредственно с издательством («Восточная литература» – «Наука») в 2023 г. и выяснил, что сегодня уже практически невозможно разузнать с их стороны, что случилось с рукописью в 1960 г. В архивных материалах ИВР РАН найти подробных сведений об этом инциденте и в целом о публикации каталога пока что не удалось. О преемственности работ гебраистов в Институте и историографию еврейского фонда см. [3; 7].

² Автор, будучи м.н.с. ИВР РАН, намерен в ближайшее время опубликовать всевозможные указатели как дополнение к каталогу, а также актуализировать его данные по современным шифрам в фонде Института.

³ Галаха – совокупность законов в иудаизме, основанная на Еврейской Библии, Талмуде и ряде других трудов и регламентирующая жизнь иудея.

3) Богословие – в данный раздел включены и молитвенники, и инструкции по ритуальному забою скота, и богословские работы, и теологическая полемика между раббанитами и караимами¹.

Это деление было предложено Гинцбургом, однако в опубликованной версии каталога присутствует значительное число перемещений тех или иных сочинений между разделами. Например, поэзия не представлена в качестве самостоятельного раздела, а ряд поэтических сочинений отнесен к богословию – при этом многие другие поэтические произведения вовсе не учтены. (Однако, *каббала*, например, вынесена в самостоятельный раздел, а, значит, мы можем предположить, что составитель руководствовался некоторым явным для него принципом деления и в отношении поэзии.)

Таким образом, первая «репрезентативность» фонда для исследователя может выражаться в разнообразии его источников: от небольших стихотворений до крупных научных трудов, от средневековых кодексов Библии до брачных контрактов конца XIX в. Помимо этого, материалы фонда разнообразны и с точки зрения авторства многих сочинений. Раббанитские и караимские сочинения представлены в равной степени, вероятно, караимских сочинений даже больше, т.к. одним из крупных поступлений в фонд были рукописи из Крыма, из караимских библиотек [9: 49–62].

Продолжая тему разнообразия можно указать также наличие в фонде языковой «репрезентативности». Основным языком рукописей является иврит² (87,5% источников фонда содержат хотя бы фрагмент/ы на этом языке), вторым по численности оказывается караимский язык (порядка 7% источников – рукописи из Крыма). Далее языковое разнообразие колеблется от нескольких единиц хранения (идиш встречается всего в 7 ед. хр.) до нескольких десятков памятников (еврейско-персидский – 58, еврейско-арабский – 53, арамейский – 36). Стоит отметить, что в таком делении можно отменить два любопытных факта. Первый факт – это невероятно малое количество памятников на идиоме, который был распространен как раз в среде восточноевропейских евреев, т.е. идиш, и который, казалось бы, должен был быть представлен в памятниках Института. Однако, эти источники на протяжении более 200 лет существования Музея–Института так и не стали хоть сколько-нибудь значимой частью фонда. Памятники с текстом на идише представляют собой письма, метрические книги, фрагменты переводов к талмудическим трактатам. Идиш также встречается на древках свитков Тор, в именах владельцев / заказчиков. На этом его разнообразие в фонде ИВР РАН заканчивается. Второй факт – это, наоборот, довольно значимое число памятников на еврейско-персидском языке, например. Если сравнивать их статистически с памятниками в РНБ и в РГБ, то памятники в Институте в несколько раз превосходят их числом [5]. Это обусловлено командировкой В.А. Иванова в Бухару в 1915 г. и получением

¹ Два крупных течения в иудаизме, сформировавшихся в раннее Средневековье: раббаниты – те, кто признает авторитет Талмуда, караимы – те, кто признает авторитет только Еврейской Библии.

² В описи в ИВР РАН указывается как «еврейский язык», в каталоге самоназвание «иврит» и «еврейский язык» используются как синонимы.

тогда Азиатским Музеем коллекции еврейских бухарских рукописей [2; 8]. Таким образом, вторая «репрезентативность», о которой можно говорить, – это присутствие внутри фонда малых коллекций (помимо бывших личных собраний¹), которые придают языковое разнообразие фонду (караимский, еврейско-персидский языки) и свидетельствуют о рукописном наследии отдельных еврейских диаспор.

Последнее, что, на наш взгляд, следует отметить как «репрезентативность» фонда – это наличие источников всего последнего тысячелетия и из всех геокультурных регионов, которые выделяют палеографы и кодикологи для еврейских письменных памятников. В РНБ хранится сегодня ряд библейских рукописей, которые восходят к X в.. ИВР РАН не может похвастаться такими древними памятниками, однако в его фонде находится так называемый Карасубазарский кодекс (шифр D62), который содержит датировку 847 г. Действительно, эти данные не подтвердились с точки зрения кодикологии, однако кодекс восходит к XI в. и являет собой яркий пример восточных библейских рукописей того времени [10: 144–160]. Другой пример той же восточной традиции создания кодексов Библии – рукопись из Дамаска 1280/81 г. (шифр D67) [10: 71–90]. Помимо этого, в фонде есть, вероятно, наиболее ранний список средневековой еврейско-персидской поэмы Шахина «Муса-наме» [4], а также несколько списков бухарской поэмы «Худайдат» XIX в. (наиболее крупного и значимого поэтического произведения на бухори, языке бухарских евреев).

Что же касается геокультурного разнообразия, то к нему относятся все указанные выше *восточные* памятники; *сефардские* (они же испанские и североафриканские) рукописи разных столетий нашли свое отражение в работе С.М. Якерсона [11] – с примерами различных сефардских почерков, наиболее сложных сегодня для расшифровки; *ашкеназские* (центральноевропейские) и *итальянские* рукописи представлены в фонде в меньшей степени, однако также разнообразны по времени создания и по жанру текста, в них заключенного. К примеру, среди брачных договоров (*кетуббот*) в ИВР РАН хранится шесть итальянских роскошных, больших по размеру и богато декорированных, кетуббот Нового времени (и одна кетубба из Тегерана – единственная из Персии среди всех петербургских собраний).

Описав все категории, разнообразие в которых обеспечивает репрезентативность фонда среди других коллекций, необходимо также указать, в чем фонд ИВР РАН не будет для исследователя-гебраиста ни основным, ни показательным. Во-первых, это работа с материалами Каирской генизы. В составе рукописного еврейского фонда Института есть несколько фрагментов, купленных в конце XIX в. в Иерусалиме, провенанс которых восходит к памятникам Генизы. Однако, это число невозможно сравнить с многими тысячами фрагментов Генизы в западных библиотеках, а также с рукописями из караимской генизы в составе фонда РНБ. Во-вторых, как

¹ В альбоме «Еврейский сокровища Петербурга» подробно описаны этапы поступлений частных коллекций в состав еврейского рукописного фонда [9: 49–62]. Помимо этого, также см. раздел «Фондообразователи» в Путеводителе, приуроченном к 200-летию Азиатского Музея [1: 569–840].

уже было сказано выше, культура идиш совершенно не репрезентативна, будучи ограничена только материалами ИВР РАН. В-третьих, разнообразные ашкеназские махзоры (крупные молитвенники), а также списки Пасхальной агады, богато иллюминированные и большого формата (in folio), не имеются в фонде. Парадоксальным образом письменные памятники богатой еврейской культуры на территории Центральной и Западной Европы практически не представлены в составе фонда. Даже упомянутый выше список еврейско-персидской поэмы Шахина, будучи купленным в Германии, является свидетельством *восточной* еврейской культуры. (Можно предположить, что ответом тому должно служить бывшее название Института – «Азиатский Музей»; и потому его ориентированность на приобретение памятников *восточной* культуры. Однако, это всего лишь спекулятивное предположение.) Последнее, что необходимо добавить о *не*-репрезентативности фонда, это отсутствие большого числа иллюминированных рукописей. Многие памятники, содержащие иллюстрации или микрографию на своих страницах, были опубликованы в альбоме «Еврейские сокровища Петербурга» в 2009 г. [9]. К ним относятся, например, итальянский молитвенник XV в. и сефардский молитвенник в несколько томов того же времени. Это небольшие иллюстрации в рукописях малого формата (16°). За исключением итальянских кетуббот, исследователь не обнаружит в составе фонда памятников с сюжетными миниатюрами, «унванами» и другим крупным иллюстративным материалом.

Подводя итог, можно сказать, что еврейский рукописный фонд ИВР РАН можно уподобить метафорически библиотеке интеллектуала-энциклопедиста, стремящегося как можно шире представить на своих полках самые разные сферы знаний и самые разные культурные особенности всех еврейских диаспор. Еврейский фонд действительно можно назвать хранилищем тысячелетней культуры, так как в нем нашлось место памятникам с XI по XX вв., географически от Испании до Афганистана, от канонических библейских текстов до метрических книг и писем отдельных общин. Мы надеемся, что в ближайшее время нам удастся представить обновленный вариант каталога фонда или хотя бы дополнения к нему. Этот инструмент облегчит любому исследователю понимание, насколько лично для него фонд ИВР РАН будет репрезентативен в той или иной сфере – или же нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатский Музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / отв. ред. И.Ф. Попова. – М.: Изд-во восточной литературы, 2018. – 895 с.
2. Белкина Е.М. «Еврейские рукописи» Владимира Иванова. Часть I. Собрание и архивные материалы // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2023. – Выпуск 3. – С. 201–212. DOI: 10.31857/S086919080025426-5.
3. Белкина Е.М. Карл Залеман vs. Современность: историография средневековых еврейско-персидских рукописей в Петербурге // Новое прошлое = The New Past. – 2021. – № 1. – С. 128–141.
4. Белкина Е.М. Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (С40 Евр. фонда ИВР РАН) // Ориенталистика. – 202. – № 4(5). – С. 1219–1237.
5. Белкина Е.М. Формирование коллекций еврейско-персидских рукописей в собраниях РНБ и ИВР РАН // Международная научная конференция «Евреи России, Европы и

Ближнего Востока: история, культура и словесность». Сер. Труды по иудаике. Вып. 15. – СПб., 2019. – С. 30–36.

6. *Гинцбург И.И.* Каталог еврейских рукописей СПбФ ИВ РАН / Gintsburg I.I. Catalog of Jewish Manuscripts in the Institute of Oriental Studies. Memorial Edition. – New York, Paris: Norman Ross Publishing Inc., 2003. – 201 с.

7. *Старкова К.Б.* Гебраистика // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, ГРВЛ, 1972. – С. 544–559.

8. *Фрейман А.А.* Список рукописей, приобретенных для Азиатского Музея Российской Академии Наук В.А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. II // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия = *Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie. Nouvelle Série.* – Петроград, 1918. – С. 1279–1282.

9. *Якерсон С.М.* Еврейские сокровища Петербурга. Свитки, кодексы, документы. – СПб.: АРКА, 2009. – 264 с.

10. *Якерсон С.М.* От буквы к литере. Очерки по истории еврейской средневековой книги. – СПб.: Контраст, 2016. – 392 с.

11. *Якерсон С.М.* Оцар Сефарад — Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукописной к печатной традиции: Учебно-методическое пособие для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению «Востоковедение и африканистика». – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. – 128 с.

УДК 003.334.1

ИКОНОГРАФИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ АРМЯНСКОГО АЛФАВИТА

Ш.В. Деврикан

Институт Искусств НАН РА (Ереван),

Институт древних рукописей Мтенадаран имени Месропа Маштоца (Ереван)

Иконография истории создания армянской письменности сформировалась на основе сведений, передаваемых армянскими историками об изобретении Армянского Алфавита и на основе церковных праздников, посвященных Переводчикам-архимандритам 5-го века. Согласно им, изобретавший армянские письмена Месроп Маштоц, причисленный в дальнейшем Армянской Апостольской Церковью к лику святых, в армянском и европейском искусстве изображается двумя иконографическими вариантами. В первом случае письмена даются ему в уединении божественным воздействием. Во втором варианте Святой Месроп изображается в кругу Переводчиков-архимандритов 5-го века. В статье обсуждаются литературные первоисточники двух иконографических форм и дается искусствоведческий анализ некоторых произведений по этой теме.

Ключевые слова: Армянский алфавит, Месроп Маштоц, гравюра, живописная картина, видение, Мовсес Хоренаци, Коряюн.

The iconography of the history of the creation of Armenian alphabet was established based on information transmitted by Armenian historians regarding the invention of the Armenian Alphabet and the church holidays dedicated to the Archimandrite Translators of the 5th century. According to these sources, Mesrop Mashtots, the inventor of Armenian writing who was later canonized by the Armenian Apostolic Church, is depicted in two iconographic variations in both Armenian and European art. In the first version, the letters are presented to him in a divine, solitary moment of inspiration. In the second version, Saint Mesrop is portrayed within the circle of the Archimandrite Translators of the 5th century. The article presents the literary primary sources for these two iconographic representations and provides an artistic analysis of select works on this subject.

Key words: Armenian alphabet, Mesrop Mashtots, engraving, painting, vision, Movses Khorenatsi, Koryun.

Предисловие

Иконография истории изобретения армянской письменности сформировалась на основе передаваемых армянскими историографами сведений, на традиции церковных праздников, посвященных Переводчикам-архимандритам V века и на библиографических трудах, повествующих о них.

Армянская Апостольская Церковь отмечает три праздника в память Переводчиков-архимандритов. Первый из них посвящен Патриарху Сааку Партеву, второй – Месропу Маштоцу и Сааку Партеву, а третий – Переводчикам-архимандритам V века¹.

Согласно традиции этих праздников начиная с XVII–XVIII веков в рукописях, в гравюрах старопечатных книг, а также в иконописи и в живописи сцена передачи армянских букв Маштоцу изображается двумя вариантами:

А. Видение Святого Маштоца, являвшееся ему в момент уединения.

Б. Сцена передачи букв, на котором кроме Маштоца изображаются также Переводчики-архимандриты.

Иконография изобретения армянских букв основана на двух главных историографических первоисточниках – сочинении Корюна «Житие Маштоца» и «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци.

В конце IV века, царь Великой Армении Врамшапух (дата рождения неизвестна – 414), католикос Армянской Апостольской Церкви Саак Партев (кат. 387–439 гг.), Месроп Маштоц (361–440 гг.) и армянские епископы провели собрание с целью заняться созданием армянской письменности [8: 22].

Согласно армянскому историку V века Лазарю Парпеци, Месроп Маштоц был убежден в наличии армянских письмен [4: 30]. В поисках этих символов, Маштоц направил одну группу своих учеников в Самосат, а другую в Эдессу с целью подготовки к переводу Библии с греческого и сирийского языков. Ученик Святого Маштоца, вардапет Корюн, и отец армянской историографии Мовсес Хоренаци пишут, что деятельность Маштоца была благословлена Божьей рукой.

О создании армянских письмен Корюн пишет: «И ему было даровано такое счастье всемилостивейшим Богом святой десницей своей, он, как отец, породил новое и чудесное дитя – письмена армянского языка» [3: 204]. А Хоренаци описывает создание армянского алфавита следующим образом: «И видит он не сон ночной и не видение наяву, но в быющем своем сердце открывшуюся очам души десницу, пишущую на камне. Камень же, подобно снегу, сохранял следы начертаний. И не только показалось это ему, но и во всех подробностях отложилось в уме Месропа, словно в каком-то сосуде» [8: 193]. Как видим, Хоренаци более подчеркнуто пишет о передачи букв Маштоцу путем божественного видения.

Приводимые и обсуждаемые ниже два варианта иконографии изобретения армянских букв основаны именно на этих двух главных литературных источниках и на предании Балю, о чем поговорим в последующем.

¹ Как говорится в названии – праздник посвящен «Святым Переводчикам-архимандритам нашим – Месровбу, Егише, Мовсесу Кертоху (Литератору), философу Давиду Анахту (Непобедимому), Григору Нарекаци и Нерсесу Клайеци».

Первый иконографический вариант – передача букв с помощью видения

В данном варианте Маштоц изображается в момент уединения, когда Божьим провидением ему в видении открываются армянские буквы. Эта форма изображения более созвучна описаниям Корюна и Хоренаци. В отличие от представления Маштоца в кругу других переводчиков, данный иконографический вариант дает возможность изобразить его не в момент торжественного празднования, а в минуту духовного, личностного уединения. Данное обстоятельство ярко прослеживается во многих изображениях.

На гравюре-вкладыше (*рис. 1*) в книге Микаэла Чамчяна «Грамматика армянского языка», изданного в 1779 году, в соответствии с описаниями Корюна и Хоренаци, Маштоц изображен на фоне пустынного пейзажа, во время уединенной молитвы, когда ему Божьей милостью передаются письма [7: 12, 1: 513].

Гравюра выполнена на высоком художественном и техническом уровне. Лицо и протянутые вперед руки Маштоца выражают его восхищение и содрогание от увиденного. Общим темным фоном картины подчеркивается, что видение Святому было открыто во время ночной молитвы, и ночная темнота рассеивается пролившимся из облаков Божественным светом.

Несмотря на то, что гравюра выполнена в черно-белом цвете, мастеру удалось создать впечатление ярко сияющего света. Чтобы подчеркнуть, что видение есть абстрактное явление и дается Божественным воздействием, художники обычно изображают оно в тумане и в облаках. И на данной картине поднимающиеся вверх как дым облака и колыхающиеся как будто от ветра деревья создают впечатление движения, тем самым передавая напряжение момента.

На гравюре видим ход передачи армянских букв Маштоцу согласно «Истории» Хоренаци. На груди Святого изображены первые 4 письма, и далее Рука Божья на каменной доске выводит Армянский Алфавит. На каменную стелу льется божественный свет, чем вдвойне подчеркивается божественная сущность создания армянских букв.

На данной картине Рука Божья выводит последнюю частицу последней буквы армянского алфавита – буквы «Ке» (Է). В знак смирения Маштоц положил свой архимандритский жезл на землю рядом с книгой, по всей вероятности, с Библией. Рука Маштоца касается каменной доски. Этим жестом он как бы приобщается к буквам, которые затем сам должен был передавать бумаге.

Подчеркнуто центральное место в композиции занимает каменная доска, на которой Божественная десница пишет армянские письма. Данная композиционная деталь объясняется параллелью «Каменная доска 10 заповедей-Каменная доска с божественными буквами Армянского алфавита». Согласно такому толкованию начертанные буквы становятся десятью заповедями армянского народа, которые как Пророку Моисею, так и Маштоцу были переданы Богом. В обоих случаях Божественная десница писала на каменных досках.

Рис. 1. Микаэл Чамчян.
«Грамматика армянского языка».
Венеция, 1779. С. 12

Рис. 2. Франческо Маджотто. «Святой Месроп Маштоц создает Армянский алфавит». Венеция, XVIII в.

Историограф Корюн даже проводит параллель между спусканием Моисея с горы Синай и прибытием Маштоца в Вагаршапат. Он пишет: «Даже великий Моисей не так ликовал, спускаясь с горы Синайской; не скажем, что больше, а гораздо меньше (радовался)» [3: 205].

То, что Моисей был опечален, а Маштоц радовался, объясняется тем, что сошедший с горы Моисей увидел поклоняющийся золотым идолам народ, а Маштоца встречал ликующий и радующийся народ.

Полотно Франческо Маджотто (1738–1805 гг.) «Святой Месроп Маштоц создает Армянский алфавит» (1750–1805 г.) (рис. 2) является вариантом обсуждаемой выше гравюры в живописи. Картина имеет почти то же композиционное строение, что и гравюра [11: 6]. Здесь письмена пишутся не Рукой Божьей, а их выводит на стеле Ангел Божий. В нескольких разновидностях этого варианта на груди Маштоца изображаются не четыре, а семь букв. Также запечатлен не момент передачи целостного алфавита, с написанной последней буквой, а как-бы процесс написания букв. Здесь ангел пишет букву «Ца» (Շս).

Наверху вместо божества изображен сияющий крест. Пейзаж картины указывает, что видение Маштоцу было дано во время ночного бдения, при молитве. Он, в знак трепетного восторга, с распростертыми руками и пристальным взглядом смотрит на буквы, которые чертит на стеле рука ангела. Если в предыдущей картине в знак смирения только жезл Святого лежал рядом с ним на земле, то здесь на землю положена и митра.

Изображение на груди Маштоца 7 букв вместо 4-х, имеет глубокую источниковедческую основу. В некоторых армянских гравюрах Маштоц

изображается с семью гласными буквами на груди. Итальянские художники, однако, не будучи знакомы со смыслом 7 гласных, полагали, что следует изображать просто первые 7 букв алфавита.

Традиция изображения 7 букв или точнее 7 гласных букв алфавита базируется на предании об изобретении алфавита якобы в местности Балу, согласно которому до Маштоца существовал армянский алфавит, состоящий только из 29 согласных букв. Он не использовался, был «мертвым» из-за отсутствия гласных [2: 118–130].

Об алфавите, состоящем только из согласных, как о Даниеловских письменах, упоминает и Корюн. Историограф пишет, что до изобретения букв, Маштоц старался писать этими знаками, однако убедился, что они неприменимы из-за отсутствия гласных. Для создания целостного алфавита он предался посту и молитве [3: 203].

Эти слова Корюна в дальнейшем были истолкованы так, как будто Маштоц изобрел не весь армянский алфавит, а только его 7 гласных. Распространению данной точки зрения способствовало и понятие о числе 7 как о божественной цифре [10: 87–98].

Однако, версия об изобретении Маштоцом знаков только для 7 гласных букв, не имеет под собой никакой исторической основы. Она связана с понятием числа 7 – как о божественной цифре, как и божественность символизируется в армянском алфавите буквой «Э» (Է) – цифровым эквивалентом числа 7.

Второй иконографический вариант – изображение изобретения письмен на фоне Переводчиков-архимандритов

Корюн и Хоренаци пишут, что письмена были даны Маштоцу с помощью видения, в час уединения и молитвы. На гравюрах старопечатных книг встречается иконографическая форма сюжета, когда изобретение алфавита представляется в рамках национального, церковного праздника, посвященного памяти Переводчиков-архимандритов 5-го века.

Художники изображали Маштоца в кругу Переводчиков, где наряду с ним и Сааком Партевом видим Григора Нарекаци и Нерсеса Шнорали.

Первый том «Словаря армянского языка» Мхитара Себастиани, после предисловия содержит гравюру-вкладыш (рис. 3), которая является типичным экземпляром данной иконографической формы [9: 24, 1: 394–395].

Картина состоит из двух частей. Наверху в центре изображен Святой Дух в виде голубя. Исходящие от него лучи покоятся на книге в руках ангелов, тем самым подчеркивая, что армянские буквы были изобретены под воздействием Св. Духа. Внизу изображено духовное сословие Переводчиков, и данная картина напрямую связана с праздником Святых Переводчиков. Во время праздничной Литургии в церкви по хронологии упоминаются Месроп Маштоц, Егише, Мовсес Хоренаци, Давид Анахт, Григор Нарекаци и Нерсес Шнорали. Так как имя Месропа Маштоца неразрывно связано с именем Католикоса Саака Партева, то в список Переводчиков было внесено и имя Патриарха-Католикоса.

Рис. 3. Мхитар Себастаци.
«Словарь армянского языка».
Т. 1. Венеция, 1749. С. 24

Рис. 4. Металлический
оклад Евангелия (1622 г.).
Константинополь, XVIII в.

На обсуждаемой гравюре из-за нехватки места трудно было представить образы 7 архимандритов. Поэтому из деятелей V века в центре изображены Саак Партев и Месроп Маштоц, и по правую и левую сторону от них – Нерсес Шнорали и Григор Нарекаци. По хронологии сначала должен был быть изображен Григор Нарекаци, затем Шнорали, но поскольку Саак Партев и Нерсес Шнорали были католикосами, видим их в роскошных патриарших одеяниях рядом с друг другом, а на другой стороне представлены Месроп Маштоц и Григор Нарекаци как архимандриты-отшельники.

Изобретение письмен представлено согласно сведениям Хоренаци. В соответствии со строками Отца армянской историографии, на груди Маштоца изображены первые буквы алфавита, а также видна рука, которая на каменной стеле пишет буквы. Маштоц смотрит и запоминает буквы, которые затем перенесет на бумагу. Виднеющиеся на груди Маштоца 4 буквы окаймлены лучезарным кругом, свет от которого отражается на бумажном свитке. На нем ангел написал все буквы армянского алфавита до предпоследней – буквы «Пюр» (Փյըր) и держа перо в руке собирается писать последнюю – букву «Кен» (Էն):

С точки зрения иконографической композиции одним из вариантов выше обсуждаемой картины-гравюры является гравюра на окладе серебряного переплета (XVIII в., Константинополь) Евангелия, написанного в 1622 г. (рис. 4). Понятие о дарованности Армянского алфавита Богом, здесь символически представлено следующим образом: ангелы на руках опускают открытую книгу, на двух страницах которой запечатлен армянский алфавит тремя рядами и тремя строками. Чуть ниже изображены три фигуры. Это Нерсес Шнорали с епископским жезлом в руке, в центре – Католикос Саак Партев и справа от него – Месроп Маштоц [6: 14–15].

Маштоц узнается по написанным на груди буквам, а книга в руках Саака Партева символизирует переведенную им и Маштоцом Библию.

Суммируя, следует сказать, что изображения создания Армянского алфавита в армянской и европейской иконографии XVIII века имеют общее композиционное строение. Оно основывается на трудах историографов Корюна и Хоренаци о передаче письмен Маштоцу с помощью видения, а также на предании об открытии ему якобы в Балу только семи гласных.

Иконографическая композиция обсуждаемых нами картин непосредственно основана на различных первоисточниках армянской средневековой литературы. Данное обстоятельство еще раз подтверждает тот факт, что каждая иконографическая форма или композиция имеет свой литературный первоисточник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армянская книга в 1512–1800 гг. / подгот. к изд. Н. Восканян, К. Коркотян, А. Савалян. – Ереван, 1988. – 917 с. (на арм. языке).
2. *Деврикан В.* Предание Балу об изобретении письмен // Эчмиадзин. – 2005. – № 10–11. – С. 118–130 (на арм. языке).
3. *Корюн.* Житие Маштоца / сост. и пер. М. Абемян. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1981. – 362 с.
4. *Лазарь Парпеци.* История Армении. Письмо Ваану Мамиконяну. – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1982. – 540 с. (на арм. языке).
5. *Лазарь Парпеци.* История Армении. – Тифлис, 1904. – 211 с. (на арм. языке).
6. *Малхасян А.* Металлические оклады Св. Эчмиадзина. – С. Эчмиадзин: Изд-во С. Эчмиадзина, 2011. – 116 с. (на арм. языке).
7. *Микаэл Чамчян.* Грамматика армянского языка. – Венеция, 1778. – 596 с. (на арм. языке).
8. *Мовсес Хоренаци.* История Армении / пер. с древнеарм. яз., введение и примеч. Г. Саркисяна). – Ереван: Изд-во Айастан, 1990. – 291 с.
9. *Мхитар Себастици.* Словарь армянского языка. Т. 1. – Венеция, 1749. – 1251 с. (на арм. языке).
10. *Погосян Г.* Вопрос Даниеловских письмен с точки зрения понятий средневекового естествознания // Эчмиадзин. – 2005. – № 6. – С. 87–98. (на арм. языке).
11. Страницы армянской истории / сост. В. Деврикан. – Ереван: Изд-во Тигран Мец, 2007. – 100 с. (на арм. языке).

УДК 811.511.13+003.33/.34

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕПЕРМСКОГО ПИСЬМА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ¹

В.В. Понарядов

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар)

Статья посвящена изучению структурных особенностей древнепермского письма, которое приводит к возможности сделать определенные выводы о ранних этапах его сложения. Показано, что некоторые буквы древнепермского алфавита первоначально в нем отсутствовали. Приводятся аргументы в поддержку ранее высказывавшейся различными исследователями гипотезы о том, что древнеперм-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

ское письмо не было создано св. Стефаном Пермским с нуля, а восходит к более раннему пермскому письму, связанному, вероятно, с древнетюркским руническим алфавитом, и Стефан Пермский только усовершенствовал его, переработав по славянскому и греческому образцу. Отдельно рассмотрен вопрос о выражении мягкости согласных в первоначальном варианте стефановской письменности.

Ключевые слова: история письма, грамматология, древнепермская письменность, абур, Стефан Пермский.

The article is devoted to the study of the structural features of the Old Permian script, which renders the possibility to draw some conclusions about the early stages of its formation. It is demonstrated that some letters of the Old Permian alphabet were initially absent from it. Arguments are given in support of the hypothesis previously expressed by various researchers that the ancient Permian script was not created by St. Stephan of Perm from the very beginning, but goes back to some earlier Permian script, probably connected with the Old Turkic runic alphabet, and St. Stephan of Perm only improved and reworked it in accordance to the Slavic and Greek model. A special attention is given to the question of expressing the palatalized feature of consonants in the original version of St. Stephan's writing.

Key words: history of writing, grammatology, Old Permian script, Abur, Stephan of Perm.

Древнепермский алфавит, известный также (по названиям первых двух букв) как *анбур* или *абур*, был изобретен около 1472 г. крестителем пермян (средневековых коми) св. Стефаном Пермским и употреблялся для записи богослужебных текстов на коми языке в XV–XVI вв., а также иногда в качестве тайнописи для русского или церковнославянского языков [7]. До наших дней дошло очень мало аутентичных его памятников. Помимо нескольких списков самого алфавита [2: 9–19], это довольно пространный коми надпись на так называемой иконе «Зырянской троицы» (по традиционной, хотя и представляющей весьма спорной версии, созданной самим Стефаном Пермским и демонстрирующей ныне в экспозиции древнерусского искусства художественного отдела Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника) [2: 33–40]; надпись на другой, не сохранившейся, но изученной исследователями XIX в., иконе «Сошествия святого духа» [2: 40–44] и очень короткие (часто объемом в одно слово, иногда словосочетание или предложение) записи в тексте или на полях рукописей, основной текст которых написан по-славянски [1; 2: 32–33].

В списках древнепермского алфавита количество и состав букв могут несколько отличаться, однако в сохранившихся текстовых памятниках они представлены единообразно в следующем виде:

Ꝛ	ѳ	ґ	ҕ	ҕ	ꝛ	ꝛ	ꝛ	ꝛ
ан	бур	гай	дой	э	жой	джой	зата	дзита
[а]	[б]	[г]	[д]	[э]	[ж]	[дж]	[з]	[дз']
ґ	ҕ	ꝛ	ꝛ	ꝛ	ꝛ	ꝛ	ꝛ	ꝛ
и	кокэ	лэй	мэнё	нэнё	вôй	пэ̋й	рэй	сий
[и, й]	[к]	[л]	[м]	[н]	[ô]	[п]	[р]	[с]

Т	И		Х	Э	А	Љ	Ъ	П
тай	у	цю	вэр	чэры	шôй	ыры	ять	о
[т]	[у, в]	[ц']	[в]	[ч]	[ш]	[ы]	[ê]	[о, ö]

Внимательное рассмотрение форм письменных знаков показывает, что, видимо, не все они входили в древнепермский алфавит изначально.

В отличие от других графем, форма которых сильно отличается от кириллических или греческих символов, которыми записываются идентичные звуки, графема **Ъ** «ять» почти идентична кириллической букве **Ѣ**, и ее название «ять» тоже не оригинально, а идентично названию этой кириллической буквы. Отсюда можно сделать вывод, что в пермской азбуке графема **Ъ** «ять» первоначально отсутствовала, но была позднее заимствована из кириллицы.

Графическое сходство пермской буквы **Х** «вэр» с кириллической **в** не столь бросается в глаза. Но тот факт, что звук [в] в древнепермском письме часто обозначается не ею, а так же, как [у], с помощью буквы **И** «у», говорит о том, что буква **Х** «вэр» тоже отсутствовала в первоначальном абуре. Кириллическая буква **в** вполне могла послужить для нее источником.

Еще несколько букв являются производными от других внутри пермского алфавита.

Так, буква **|** «цю», обозначающая отсутствующий в пермском языке звук (реально ее употребление засвидетельствовано только при использовании абур в качестве славянской тайнописи), производна от буквы **І** «дзита», с которой формально соотносится как глухая со звонкой.

Явно производны одна от другой также буквы **П** «жой» и **Ш** «джой», хотя в этом случае трудно сказать, какая из них является более первичной.

Буква **Љ** «ыры» образована от **Ї** «и» путем добавления дополнительного крюка в нижней части.

Наконец, весьма вероятно, что буква **Ў** «вôй» (употребляемая для записи закрытого гласного [ô], который фонетически близок гласному [у]) первоначально представляла лишь графический вариант буквы **И** «у» (используемой не только для гласного [у], но и для согласного [в]).

Если производные и заимствованные из кириллицы буквы были добавлены в алфавит позднее, то получается, что сначала в абуре было только пять букв для записи гласных. Поскольку даже в современных коми-зырянском и коми-пермяцком языках имеется по семь гласных, а в древнепермском языке их было девять [2: 88], то часть из этих пяти букв были полифоничны, используя для записи более чем одного гласного. Даже после появления в алфавите вторично добавленных букв эта полифоничность сохранилась у буквы **П** «о», которая во всех сохранившихся памятниках продолжает обозначать два разных гласных звука [о] и [ö].

Из первоначальных же пяти букв абур для гласных полифоничными, видимо, были четыре буквы:

З	Р	Г	И	П
[а]	[э], [ê]	[и], [ы]	[у], [ô]	[о], [ö]

Учитывая, что при создании абуря Стефан Пермский имел перед собой образец как минимум славянской кириллицы и греческого письма, где недостатка в гласных буквах не наблюдается, а некоторые даже являются излишними (например, кириллическая пара обозначающих один и тот же звук букв **ї, и**; в средневековом греческом языке таких «лишних» гласных букв больше), полифоничность древнепермских букв для гласных выглядит крайне странной. Однако объяснить ее можно, если вспомнить о неоднократно высказывавшихся учеными предположениях, что какая-то письменность была у пермян еще до Стефана, и что Стефан не изобретал свой абур с нуля, а лишь преобразовал эту более раннюю пермскую письменность, реорганизовав ее по образцу славянской и греческой.

По мнению В.И. Лыткина, на то, что пермяне были знакомы с какой-то формой письменности раньше, указывает наличие в их языке специальных слов, связанных с письмом, которые или являются исконными пермскими названиями, или представляют собой ранние иранские заимствования, хотя, скорее всего, эта древняя письменность была лишь первобытной, пиктографической или идеографической [3: 34–38]. Оптимистичнее смотрит на вероятность существования у коми развитой письменности в достефановскую эпоху В.А. Ляшев, который в одной из работ указал на возможность проникновения в пермскую землю на рубеже I и II тысячелетий н.э. рунических традиций из Сибири и формирования на их основе собственного алфавита [4: 6].

Сопоставление конкретных форм стефановских букв с фонетически идентичными знаками древнетюркского рунического письма, употреблявшегося в конце I тысячелетия н.э. в Монголии и Южной Сибири, показало значительное их сходство. Из 24–28 стефановских букв развить свою форму из древнетюркских могли 16, в то время как из греческих только 6 [5]. При этом именно у графем для гласных сходства особенно заметны:

Древнепермское письмо	Древнетюркское письмо
Ƶ [a]	↙ [a]
Р [э], [э̃]	—
Г [и], [ы]	↑ [и], [ы]
И [у], [ö̃]	↗ [ý], [ö̃]
П [o], [ö]	➤ [y], [o]

Нетрудно увидеть, что большинство первичных древнепермских букв для гласных представляют собой как бы зеркальные отражения древнетюркских. Это легко объяснить переменной в направлении письма: древнепермские рунические знаки пишутся справа налево, а древнепермские знаки абуря, по образцу славянской и греческой письменности, слева направо.

Особую проблему представляет древнепермская буква о «дзита». В сохранившихся письменных памятниках она передает мягкий согласный звук [дз’], твердой парой к которому в фонетической системе перм-

ских языка является [дж], записываемый с помощью буквы **Д** «джой». Но в абуре это единственная графическая пара букв для мягкого и твердого согласных; других специальных букв для мягких согласных в древнепермском алфавите нет. На практике мягкость согласных обозначалась с помощью специального надбуквенного диакритического знака $\tilde{}$, но чаще он не использовался, и, например, слово *н'ан'* «хлеб» в надписи на иконе «Зырянской троицы» записывается **VZV** (как *нан*; с диакритическими знаками для мягкости было бы $\tilde{V}\tilde{Z}\tilde{V}$). Почему же в абуре появилась уникальная «мягкая» буква о «дзита»?

Если сравнить порядок букв в древнепермском и кириллическом алфавитах, обнаруживается интересный факт: **І** «дзита» стоит на том же месте, на каком в кириллице стоит **И** «и восьмеричная»:

З Ф Т Р П Ш О І Г Д Ў И V ...
А Б В Г Д Е Ж З І К Л М Н ...

Можно предположить, что **І** «дзита» в абуре представляет собой прямое заимствование кириллической буквы **І**, причем если в кириллице последняя обозначает гласный [и], то в пермском письме **І** «дзита» могла первоначально использоваться для обозначения мягкости предшествующих согласных, а потом, в связи с существованием заимствованной из кириллического письма практики «выносных», т.е. поднимаемых над строкой букв, переместилась в позицию над согласным, превратившись в тот самый диакритический знак для передачи мягкости $\tilde{}$. Иначе говоря, слово *н'ан'* «хлеб» первоначально могло писаться с передачей мягкости через «дзиту» **VIZVI**, затем с вынесением «дзиты» над строкой и превращением ее в диакритический знак $\tilde{V}\tilde{Z}\tilde{V}$, и, наконец, с исчезновением диакритического знака **VZV**. Название же буквы «дзита» могло появиться от того, что знак для передачи мягкости как-то называть надо, и если перед ним в алфавите стоит буква **Д** «джой», передающая согласный [дж], то вполне логичным будет использовать в названии знака мягкости смягченный вариант этого согласного, которым в фонетической системе пермских языков является [дз'].

Что касается превращения буквы **І** «дзита» из знака мягкости в знак для согласного [дз'], то оно могло произойти в случае, если в использовании абура случился перерыв, и кто-то восстанавливал его, не имея перед собой древнепермских текстов, а имея только список алфавита. Возможно, такой перерыв произошел между временем умершего в 1396 г. Стефана Пермского (то, что икона «Зырянской троицы» была написана им самим, оспаривается, и на самом деле она или пермская надпись на ней могли быть созданы намного позже) и 1480-ми годами, к которым относятся самые ранние твердо датированные древнепермские письменные памятники. Что происходило с использованием древнепермского письма в этот ранний послестефановский период, мы сейчас не располагаем достоверными сведениями, но проблема буквы о «дзита» заставляет подозревать, что в это время его употребление могло на некоторое время прекращаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грищенко А.И., Понарядов В.В. Новые находки памятников древнепермского языка и письма // Урало-алтайские исследования. – 2021. – № 4 (43). – С. 7–34.
2. Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 174 с.
3. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Часть первая. Введение. Фонетика. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – 136 с.
4. Ляшев В.А. К истокам стефановского наследия // Стефан Пермский и современность. – Сыктывкар, 1996. – С. 6–10.
5. Понарядов В.В. О возможной связи стефановский письменности с древнетюркской руникой // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 2. – Сыктывкар, 1996. – С. 238–241.
6. Туркин А.И. Некоторые размышления о происхождении древнепермской письменности // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 2. – Сыктывкар, 1996. – С. 278–283.
7. Цытанов Е.А. Древнекоми (древнепермская) азбука // Коми язык. Энциклопедия. – М.: Изд-во ДиК, 1998. – С. 112–117.

УДК 902/904

СТЕФАН ПЕРМСКИЙ: СЛЕД В ИСТОРИИ; СУДЬБА НАСЛЕДИЯ

А.В. Чернецов

Институт археологии РАН (Москва)

Стефан Пермский (XIV в.) – первый древнерусский миссионер, создавший письменность для иноплеменного населения, автор переводов церковных текстов. Переводы сохранились фрагментарно, они отмечены высоким качеством. Количество письменных источников о деятельности миссионера ограничено. Судьба реликвий. Храм, где погребен Стефан, не сохранился. Деятельность Стефана высоко оценивалась его выдающимся современником.

Ключевые слова: древнепермский язык, миссионерство, письменность, переводы.

Stefan of Perm (14th c.) was the first Medieval Russian missionary who created writings for aboriginal population and translated religious texts. His translations survived fragmentary; they are marked by excellent quality. The number of written sources dedicated to his activities is restricted, his worshipped relics exist. The church where he was buried has not survived. Stefan's activities were highly appreciated by his outstanding contemporary.

Key words: Ancient Permian, missionary works, writing systems, translations.

Первым в истории Древней Руси проповедником, обратившимся к индигенному населению на его языке, создателем древнепермской (коми) письменности, переводчиком Священного писания и богослужебных книг был Стефан Пермский (ум. 1396) [4; 5]. После него более 150 лет подобной деятельностью русское духовенство не занималось. В середине XVI в. Феодорит перевел Евангелие на язык лопарей (саамов). Этот перевод не сохранился.

Упомяну еще несколько примеров переводческой деятельности миссионеров среди народов, обитавших в пределах бывшего СССР. Это деятельность Ульфилы (ок. 360 – ок. 430), обращавшегося с проповедью к племенам готов на территории современной Украины, Румынии и Молдовы. Широко известно имя просветителя армян Месропа Маштоца (362–440). Переводы священных и иных религиозных текстов на грузинский язык известны с V в. Исторически значимые переводы Писания и богослужебных текстов на литовский, латышский и эстонский языки появляются лишь в эпоху Реформации.

Просветитель западно-монгольского (ойратского) народа Зая Пандита (ок. 1599–1662) происходил из Центральной Азии, часть жизни провел в Тибете. Его деятельность распространялась и на часть ойратов, переселившихся в Поволжье (калмыков). Зая Пандита неоднократно посещал их кочевья.

Переводческая деятельность православных миссионеров XVIII – начала XX в., крупнейшим центром которой была Казань, в статье не рассматривается. Отмечу подготовленные ими переводы на языки аборигенов Северной Америки (алеутов и тлинкитов).

В Древнем мире и в Средние века переводы являлись важнейшей составляющей культурных контактов. Иногда переводчики осваивали значительные массивы текстов. Это воспроизведения санскритских текстов на тибетском языке; переводы с греческого на старославянский. Сравнительный анализ подобной деятельности сложен (даже в плане оценки объема и темпов). Не всегда ясен вопрос об этноязыковой принадлежности переводчиков. Среди переводчиков с греческого на славянский было немало двуязычных обитателей балканских монастырей; количественное соотношение представителей разных этносов остается неопределенным.

Переводы приобщали новые народы к мировой книжной традиции. Однако самостоятельный вклад отдельных этносов в сокровищницу мировой культуры определяется не наличием переводов чужеземных текстов на тот или иной язык, а переводами с этого языка на наречия других народов. Это соображение указывает на всемирно-историческое значение миссионерской деятельности и видное место Стефана Пермского в истории культуры.

Судьба переводов Стефана сложилась неблагоприятно. Рукописи не сохранились. Известны две сравнительно пространные надписи на иконах (одна утрачена) и глоссы в древнерусских рукописях, где неоднократно воспроизведен древнепермский алфавит. «Пермская азбука» использовалась как тайнопись для передачи русскоязычных текстов. Сохранились фрагменты литургических текстов на пермском языке, переписанные кириллицей, с достаточными основаниями относимые к переводам Стефана.

Эти переводы детально исследованы несколькими поколениями ученых. Они свидетельствуют, что Стефан прекрасно владел древнепермским языком и значительно превосходят позднейшие переводы местных семинаристов, которые грешат многочисленными славянскими заимствованиями.

Стремясь сделать перевод максимально понятным, Стефан переводит слова, оставленные без перевода в славянских рукописях: «апостол», «ангел», «осанна», «Саваоф», иногда «аминь». Прекрасное знание Стефаном древнепермского языка некоторые авторы объясняют его происхождением от матери-зырянки. Однако эти сведения основаны на позднейших местных преданиях. В Житии указано, что он был «родом русин... от града, нарицаемого Устьяга» [4: 4]. Земли, заселенные коми, начинались неподалеку от этого города, и Стефан мог на месте ознакомиться с их языком. В Житии указано, что созданием письменности и переводами Стефан начал заниматься в ростовском монастыре. Возможно, среди монахов оказался представитель северного народа. В монастыре Стефан ознакомился с греческим языком, полагая, что это необходимо для перевода священных текстов.

Для передачи звуков туземной речи Стефан использует особые знаки, не похожие на славянские или греческие буквы. Оригинальны и их названия «а, бур, гой, дой». Стефан не пошел по пути средневековых славянских книжников, заимствовавших от греков избыточные буквы «кси» и «пси». В отличие от старославянского алфавита в древнепермском отсутствуют и такие буквы, как «і» и «ижица», обозначающие звук «и». Нет в пермском алфавите и «твердого знака», обычного в конце русских слов. Эти свидетельства о ясного, рационального подхода миссионера к созданию письменности и переводам.

Необычная по размаху и уровню деятельность Стефана объясняется не только религиозным энтузиазмом. Великое княжество Московское, при поддержке которого она велась, было заинтересовано в распространении влияния на северные земли, находившиеся под номинальной властью Новгорода (Пермь была его волостью с XIII в.). Интерес к северным землям носил меркантильный, финансовый характер – крупные платежи, такие как ордынский выход, выплачивались мехами – основной валютой эпохи. Когда Стефан, успевший окрестить немало язычников, был поставлен во епископы Пермские, новгородцы сочли это нарушением их привилегий: считалось, что все волости Великого Новгорода относятся к духовной юрисдикции Новгородского архиепископа. «Лета 6893 (1385) владыко новгородский разгневан бысть, како посмел Пимен (Московский) митрополит дати епархия в Перме, в вотчине святой Софии, и присла дружинники воевати пермскую епархию» [3: 259]. Стефан сумел отразить нападение с помощью устюжан, но все же посчитал нужным съездить в Новгород и уладить конфликт. Это ему удалось, хотя, несомненно, он рисковал оказаться в заключении.

Поездка Стефана прямо в логово врага напоминает известный эпизод биографии создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия (IX в.). Эти византийские миссионеры испытали сильное противодействие немецкого католического духовенства, и Кирилл решительно направился в Рим, к папе, и убедил главу Западной церкви не мешать ему и Мефодию проповедовать христианство славянам на их языке. Подобные эпизоды показывают, что средневековые миссионеры могли быть масштабно мыслящими и смелыми политиками с сильным характером.

Способность Стефана разрешать конфликты помогла ему, несмотря на ряд острых столкновений с язычниками, избежать мученической гибели, хотя два его преемника на пермской епископской кафедре в XV в. пали жертвой местных жителей.

На первый взгляд, более логичным был бы иной порядок событий: первого миссионера убивают, и лишь затем одному из его последователей удается найти общий язык с вчерашними язычниками. В «Записках о Московии», написанных в первой половине XVI в., Сигизмунд Герберштейн упоминает Стефана Пермского и пишет, что у него был предшественник «до Стефана они были слабы в вере и содрали кожу с одного епископа, хотевшего сделать то же» [2: 163]. По-видимому, Герберштейн принял одного из мучеников, наследников Стефана, за его предшественника. Последовательность мученик – успешный миссионер казалась более естественной. Между тем, составитель его Жития, лучше знакомый с ситуацией, категорически утверждает, что до Стефана с проповедью христианства к пермякам никто не обращался.

Письменные источники, освещающие деятельность Стефана, небогаты информацией. Автор его Жития Епифаний Премудрый, лично знавший миссионера, не дает развернутой характеристики его проповеднической деятельности. Пространное Житие заполнено риторикой в духе литературной школы «плетения словес». Ограниченная дополнительная информация имеется в других письменных источниках. Канонизация Стефана произошла значительно позже его кончины. В 1473 г. по повелению великопермского епископа Филофея Пахомий Серб в Москве написал службу с акафистом св. Стефану. Этим годом и датируется его местная канонизация.

Судьбы могилы миссионера и связанных с ним реликвий оказались неблагоприятными. Он умер в Москве и погребен в кремлевском соборе Спаса на Бору, разрушенном в 30-е гг. XX в. Иконы, на которых сохранились древнепермские надписи, по преданию написанные Стефаном, и рукопись с его переводами богослужебных текстов были заново открыты в середине XVIII в. Освященный в его имя собор в Сыктывкаре (Усть-Сысольске) разрушен в годы гонений на церковь (сейчас на его месте воздвигнут новый храм).

Так называемый «посох Стефана Пермского», украшенный сценами из уникальной версии его жития и многочисленными надписями, был создан, скорее всего, во второй половине XV в., в Усть-Вымском «владычном городке» (ныне с. Усть-Вымь), резиденции епископов Великопермских. Позднее центр епархии был перенесен в Вологду. Посох был перемещен в Москву и хранился как реликвия при гробе святителя. В дальнейшем он оказался в важном центре белорусской культуры – Благовещенском монастыре в Супрасле (совр. Польша), очевидно, в связи с польско-шведской интервенцией. В 1849 г. высшее духовенство обратило внимание на то, что реликвия хранится не там, где она могла быть предметом поклонения, и ее перенесли в Спасо-Преображенский собор Перми (нового города, вдали от региона, где протекала деятельность Стефана). Посох, изображения и надписи на нем упоминаются в брошюре архимандрита Макария [1: 26] и

в «Пермской летописи» В. Шишонко [7: 13–16]. Однако посох долго оставался вне сферы интересов специалистов. Фотографии изображений на нем впервые были опубликованы французским археологом бароном Ж. де Баем [8], который в 1895 г. совершил большую археологическую поездку по России. Подробный анализ надписей и изображений посоха впервые опубликован автором этой статьи [6; 9].

Стефан Пермский опередил свое время, что и определило неудачный исход его дела. Оно было не понято большинством его современников (и русских, и новокрещеных «пермян»). Все же нельзя сказать, что оно не получило отклика и оценки в среде наиболее образованных современников. Епифаний пишет о превосходстве подвига Стефана над деятельностью 70 переводчиков Ветхого Завета на греческий (их было много, а Стефан работал в одиночку). Он превосходит и деятельность создателей греческого алфавита – их было несколько, и они были язычниками. Эти аргументы позаимствованы Епифанием у болгарского автора X в. черноризца Храбра, прославлявшего подвиг Кирилла и Мефодия (Епифаний слово «словенский» последовательно заменяет на «русский»). Он осмеливается даже намекнуть на превосходство пермской письменности над славянской, созданной Кириллом и Мефодием: «Но Кириллу философу сподобляше многажды брат его Мефодий... Стефану никтоже обретесе помощник» [4: 72]. Полагая, что «пермьскаа грамота паче (честнейши) еллиньския», Епифаний не решается прямо сказать, что она превосходит и славянскую, однако союз «но» в начале фразы ясно указывает на это. Единичный характер подвига Стефана многократно подчеркивается в панегириках Епифания. «Азбуку сам сложил есть един, грамоту нашу тот нам сотворил есть, един гадал, думал, составлявал, и никтоже ему помогаше, и никтоже его поучиваше, или починиваше, но един Господь Бог помогаше ему» [4: 74].

Представление Епифания о превосходстве древнепермской письменной традиции над греческой отражает своеобразную парадоксальную иерархию цивилизаций [10]. Это можно было бы объяснить принадлежностью автора к литературной школе «плетения словес», широко использовавшей гиперболы. Однако, в соответствии с общепринятым средневековым подходом к толкованию текстов, они, наряду с возможными иносказательными интерпретациями, наделены основным, буквальным (историческим) смыслом. Иначе говоря, наиболее правильное истолкование слов Епифания – он сказал именно то, что хотел сказать.

Можно предположить, что, утверждая превосходство древнепермской и русской книжной традиции над греческой, Епифаний выступает в русле церковно-политической идеологии формирующегося московского самодержавия, предвосхищает представления о «Третьем Риме». Анализ его произведений, однако, не позволяет оценивать его взгляды столь однозначно. Принадлежащее его перу «Житие Сергия Радонежского» включает недвусмысленное обличение москвичей, притеснявших ростовцев. В это богатое подробностями житие не вошли два важных эпизода, в которых святой выступал в качестве посла московского князя, отстаивая его поли-

тические интересы. Житие Стефана Пермского включает резкую критику московской экспансии «От Москвы бо может ли что добро быти нам? Не отгуду ли нам тяжести быша, и дани тяжкия и насильство, и тивуни, и доводищи и приставницы?» [4: 40]. Эта инвектива вложена в уста отрицательного персонажа (туземного языческого волхва Пама-сотника), однако ее характер и само наличие в тексте Жития представляется существенным. Выдающиеся древнерусские книжники могли иметь достаточно независимые неоднозначные представления о явлениях общественной жизни того времени.

Миссионерскую деятельность Стефана Пермского можно оценить как вполне успешную – исследователи отмечают более раннее и более полное принятие православия народом коми, чем, например, большинством народов Поволжья. Вместе с тем ее просветительская составляющая – создание письменности и переводы – оказалась нежизнеспособной, оставила малозаметный след, представляющий лишь историко-филологический и антикварный интерес. При этом опередивший свое время и оставшийся по существу не востребуемым культурный проект Стефана получил высочайшую (и даже преувеличенную) оценку в творчестве его современника, выдающегося мастера художественного слова Епифания Премудрого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А.М.* (архимандрит Макарий). Сказание о жизни и трудах св. Стефана, епископа Пермского. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1856. – 67 с.
2. *Герберштейн С.* Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.
3. *Доронин П.* Документы по истории коми. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический вестник Коми филиала АН СССР. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. – Вып. 4. – С. 257–271.
4. Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / подгот. В.Г. Дружининым. – СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1897. – 112 с.
5. *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. – М.: ИАН, 1952. – 176 с.
6. *Чернецов А.В.* Посох Стефана Пермского // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1988. – Т. 41. – С. 215–240.
7. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись: Первый период с 1263–1613. – Пермь: Тип. губ. зем. управы, 1881. – 238 с.
8. *Baye [J.], baron de.* La crosse de S. Etienne de Perm (XV siècle) // Revue de l'art Chrétien. – Bruges, 1898. – Juillet. – P. 1–13.
9. *Chernetsov A.V.* The Crosier of St. Stefan of Perm // Picturing Russia. Explorations in Visual Culture / V. Kivelson, J. Neuberger (Eds.). – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – P. 21–27.
10. *Chernetsov A.V.* Paradoxical Hierarchy of Civilizations (Medieval Russian Concept) // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence / Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M.P., Sulikowska-Gąska A. (Eds.) / U źródeł Europy Środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas. – Kraków – Leipzig – Rzeszów – Warszawa, 2012. – Vol. 1. Part 1. – P. 251–262.

**ЛИЧНЫЕ ЗНАКИ ЮКАГИРОВ
НА РУССКИХ ДОКУМЕНТАХ XVII В.:
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РУССКИХ ПРАКТИК ПИСЬМА
НА РАЗВИТИЕ ЮКАГИРСКОЙ ПИКТОГРАФИИ**

М.А. Савинов

БГТУ «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург)

В центре внимания статьи – личные знаки юкагиров XVII в. (в терминах того времени – «знамёна» или «пятна»), оставленные на документах русских зимовий Крайнего Северо-Востока Азии. Исследование выполнено на материале фондов Санкт-Петербургского Института истории РАН. Рассматриваются основные сюжеты юкагирских знамён, их встречаемость и распространение, устойчивость сюжетов применительно к конкретному человеку. Делается вывод о том, что знамёна юкагиров представляли собой не родовые тамги, а неустойчивые личные символы, а также о том, что практика постановки знамён могла повлиять на последующее развитие юкагирской пиктографии.

Ключевые слова: юкагиры, пиктография, тамги, личные знаки, Сибирь, петроглифы.

The article focuses on the personal signs of the Yukaghirs of the XVII century (in terms of that time – *znamena* or *pyatna*) left on the documents of the Russian Extreme Northeast administrative centers. The study bases on the material of the funds of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. The main plots of the Yukaghir *znamena*'s, their occurrence and distribution, the stability of the plots in relation to a specific person are considered. It is concluded that the *znamena*'s of the Yukaghirs were not generic tamgas, but unstable personal symbols, and also that the practice of setting banners could affect the subsequent development of the Yukaghir pictography.

Key words: Yukaghir, pictography, tamgas, personal signs, Siberia, petroglyphs.

«А которые грамоте не умеют, и у тех и у ясачных людей имати обыски за их знамяны» [8: 130], – такую практику предписывало Соборное Уложение 1649 г. в судебных процедурах с участием различных «иноземцев» Сибири. Основываясь на этой норме, русская администрация собрала за XVII столетие обширный фонд личных и родовых знаков, оставленных на документах, созданных в разнообразных ситуациях взаимодействия русских с народами Сибири и Дальнего Востока. В центре внимания нашего исследования находится одна из групп таких знаков – знамёна юкагиров на документах из фонда 160 (Якутская воеводская изба) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Термин «знамя» для личных знаков сибирских аборигенов является не только аутентичным, но и наиболее употребительным в XVII в., несколько реже используется в документах слово «пятно», тогда как термин «тамга», широко используемый исследователями Нового времени, для аутентичных документов редкость. Мы также будем далее называть знаки юкагиров «знамёнами».

Первый опыт публикации знамён юкагиров был предпринят в 1936 г. Наиболее серьёзное исследование знамён осуществил в 1965 г. Ю.Б. Сим-

ченко [6], опубликовал он и знамёна юкагиров по документам той части архива Якутской приказной избы, которая хранится в РГАДА (Ф. 1177). Изданные Ю.Б. Симченко знаки юкагиров относили в трёх челобитным Среднего и Нижнего колымских зимовий [6].

В фонде 160 НИА СПБИИРАН хранятся документы, сохранившие знаки не только колымцев, но и всех остальных юкагирских племенных групп. Документы, на которых содержатся знамёна юкагиров, группируются по ясачным зимовьям Якутского Севера, в которых составлялись эти акты: Омолоевскому (Ф. 160. Оп. 1. Д. 348); Хромовскому (дд. 348, 576, 587); Усть-Янскому (дд. 576, 813); зимовьям р. Индигирки – Уяндинскому, Зашиверскому (д. 601) и Подшиверскому (д. 587), колымским зимовьям – Верхнему (дд. 665, 694), Среднему (д. 618) и Нижнему (дд. 321, 474, 618, 711, 766, 775, 800, 824, 833, 870); Алазейскому (дд. 466, 618, 651, 711, 714), Анадырскому (дд. 783, 813, 990). Эти документы дают обширный фонд изображений, использованных юкагирами в качестве личных знаков.

Каждое знамя представляет собой своеобразный автограф и обозначает конкретного человека, в нашем случае – юкагира, удостоверившего какой-то документ (чаще всего – челобитную, содержащую запрос или жалобу). Знамёна всегда располагаются на обороте, единственное принципиальное исключение опишем немного ниже. Для большинства документов юкагирского ареала характерна зависимость положения рисунков от содержания документа: знамёна следуют в том же порядке, что и имена юкагиров при перечислении в тексте, а при записи расспросных речей примерно соответствуют «речи» отдельного юкагира. Очевидно, такое положение определялось сложившейся практикой документооборота и диктовалось приказными людьми, составлявшими акты. Для алазейской традиции такое соответствие – жёсткая норма, но в других местах оно соблюдалось не всегда. Например, в ряде колымских документов встречается хаотичное расположение рисунков [5: табл. 11]. Как правило, знамя юкагира подписывается и русским администратором (приказным человеком), например: «знамя Левайкино», «знамя Пилкичино», «пятно Китлтежкино» – чтобы можно было сориентироваться в «автографах» челобитчиков.

Единственный случай нанесения знамён на лицевую сторону документа, в «тело» его текста – это знамёна толмачей. Примером может служить колымский документ Верхнего Колымского зимовья, где толмач Накыча, переводя расспросные речи юкагиров, удостоверять каждую реплику миниатюрным изображением хищного зверя (волка?), помещая его строго в конец строки (Ф. 160. Оп. 1. Д. 618. Л. 45).

Сюжеты знамён разнообразны и варьируются от одной конкретной племенной группы юкагиров (яннга, когимэ, шоромба и др.) к другой, одни из них встречаются широко, другие, наоборот, строго локальны. По всей области расселения юкагирских племён, от Яны до Анадыря, распространено изображение оленя, так же широко встречается использование в качестве знамени лука (обычно – с наложенной стрелой, но известны и луки без стрелы). Гораздо реже, только на Колыме и Алазее, встречается знамя в виде фигуры лося, а на Яне и верхней Колыме – снежного барана.

Хищный зверь в качестве знамени отмечен нами у юкагиров Алазеи, Индигирки и верхней Колымы. Антропоморфные изображения встречаются в западной части Юкагирии – на Яне и Индигирке, в большинстве случаев это стилизованные, но вполне узнаваемые фигуры охотников – лыжников [5: табл. 8]. Наконец, у колымских юкагиров встречаются изображения шаманских бубнов и абстрактных знаков в виде наборов линий.

Насколько можно судить, знамёна юкагиров не представляли в эту эпоху полноценных знаков, подобных, например, тамгам обских угров. Практика использования личных знаков оказалась новой для юкагиров. Именно поэтому они рисовали знамёна весьма произвольно, не стараясь точно повторить свой предыдущий «автограф», а иногда даже меняли сюжет изображения. Впрочем, в алазейской традиции большинство изображений устойчивы. Как правило, юкагир, однажды «подписавшийся» изображением оленя, в последующих случаях тоже рисовал оленя в качестве своего личного знака. В то же время у колымцев встречаются случаи резкой смены знамён: в одном из дел Нижнеколымского зимовья сохранились две хронлогические близкие челобитные с одинаковым составом «подписантов», при этом сами знамёна оказались совершенно разными – на первой челобитной это были изображения оленей и луков, на второй – олень, лось, луки, абстрактные символы и антропоморфное изображение.

Большинство сюжетов юкагирских знамён – изображения оленя, лося, лука и стрелы, шаманского бубна – встречаются и у соседних с юкагирами тунгусских народов. Такие совпадения могут обуславливаться, с одной стороны, сходными реалиями жизни, с другой – влиянием русской администрации на выбор сюжетов. На необходимость выяснения возможной степени этого влияния указывала уже в 1966 г. З.П. Соколова в рецензии на монографию Ю.Б. Симченко [7: 194]. При этом сама традиция изображения оленей различна, и в тех случаях, когда на одном и том же листе оказываются знамёна юкагиров и эвенов (например, в Зашиверском зимовье на Индигирке), можно легко различить манеру разных народов.

Остановимся на образе хищного зверя, встречающемся среди юкагирских знамён довольно широко. Изображения этого животного индивидуальны – иногда оно имеет выраженный длинный хвост, иногда вообще лишено хвоста, но при этом имеет выделенную открытую пасть – многое зависело от индивидуальных особенностей рисовавшего. Как и другие сюжеты знамён юкагиров, зверя не получается привязать к конкретному роду – это знаки отдельных людей.

Можно ли предположить происхождение этого сюжета? Если олень и лось – самые массовые знамёна юкагиров – связаны с охотничье-оленоводческой экономикой (в эту же группу можно отнести и более экзотичного снежного барана), лук – с войной и охотой, изображения бубна могут выступать как символический образ шамана, то с каким явлением юкагирской жизни мы можем связать хищника? Да и какой именно хищник имеется в виду?

В хвостатом звере с короткими стоячими ушами легче всего предположить волка или собаку. Вне контекста любые такие гипотезы будут абсо-

лютно умозрительны и недоказуемы (зверь с хвостом может оказаться хоть соболем!), однако обращение к материалам этнографии юкагиров, а также к археологическим данным, позволяет на наш взгляд, осторожно склониться именно к этой версии, причём не к «волчьему», а к «собачьему» варианту. Культ собаки у юкагиров хорошо известен по колымским этнографическим материалам и описан, в частности, В.И. Иохельсоном [3: 297–298].

Описывая знамёна юкагиров на документах из собрания РГАДА, Ю.Б. Симченко отмечал стабильность и высокую стандартизацию изображений [6: 194]. Это обстоятельство позволило исследователю сделать вывод о широком распространении графических приемов у юкагиров. Так ли это на самом деле, или этот вывод возник «ретроспективно», под влиянием знания о юкагирской пиктографии XIX – нач. XX вв., широко известных «тосов» – берестяных писем колымских юкагиров? К этому вопросу необходимо вернуться, но пока отметим, что наши наблюдения в целом подтверждают тезис о стандартизации изображений. В алазейской традиции это особенно заметно – многие фигуры оленей настолько сходны между собой, что производят впечатление написанных одной и той же рукой. При постановке большого количества знаков одновременно у алазейцев может наблюдаться своеобразный эффект – в каждой паре оленей будет значительное сходство, а следующая пара будет отличаться, но при этом олени в ней будут похожи между собой. Можно предположить, что юкагир, который «расписывался» вторым в паре, пытался максимально точно повторить рисунок непосредственного предшественника.

Сходство юкагирских знамён с наскальными рисунками и петроглифами Палеоевразии заставляет искать происхождение стандартизации в знакомстве юкагиров с древними изображениями. Культовые места, в т.ч. и скалы с петроглифами, использовались на протяжении многих столетий, так что знание о принципах рисования, например, оленя, могло быть вполне доступно для юкагиров XVII в. Кроме того, общий подход к изображению животных на петроглифах и знамёнах может объясняться не прямым копированием, а единством архаического сознания аборигенов Севера. На возможное родство традиции петроглифов р. Пегтымель (запад Чукотки) и изобразительных материалов стоянки Раучувагытгын с позднейшими «тосами» юкагиров, указывают и крупнейший исследователь археологии этого региона М.А. Кирьяк (Дикова) [4: 248], в частности – и для пегтымельских петроглифов, и для замен XVII в. характерны спрямлённые контуры фигур оленя и открытый рот некоторых животных, в т.ч. собак.

Позднейшая пиктография юкагиров – берестяные письма «тос», или «шангар-шорилэ» – изучается с XIX в. (когда она была обнаружена), а в 2021 г. вышла посвящённая этим письмам обобщающая монография Н.Б. Вахтина [1]. Вопрос о происхождении это своеобразной знаковой системы неизбежно должен быть связан с русским влиянием, точнее – с его степенью. По этому вопросу в современной литературе можно встретить разные мнения. «Юкагиры, – пишет современный автор З.И. Иванова-Унарова, – первыми среди кочевых народов Арктики придумали идеографическую (пиктографическую) письменность не позже XVII в., возможно,

на своей прародине» [2: 39]. Здесь XVII в. тоже выступает неким рубежом, хотя и без какой-либо конкретики. Н.Б. Вахтин полагает, что, хотя сами рисунки юкагиров – явление очень древнее, но их коммуникативная функция развилась, скорее всего, под русским влиянием (есть примеры подобного «изобретения» письменности в те же годы отдельными якутами или чукчами) [1: 168].

Эта версия представляется наиболее вероятной и нам. В XVII в. вся племенная верхушка юкагиров была охвачена практикой фиксации знамён. Любое обращение к русской администрации, будь то подача жалобы или ясачный учёт, требовало создания рисунков-автографов. Даже если юкагиры никогда не рисовали раньше, они теперь были вынуждены это делать, и невольно усваивали саму возможность писать и общаться с помощью письма. К сожалению, проследить «середину» процесса изобретения пиктографии нельзя – у нас нет каких-либо сохранившихся юкагирских рисунков XVIII в. (возможно – пока нет). Но сами сюжеты рисунков могут быть очень древними: столкнувшись с необходимостью рисовать оленя, юкагиры совершенно точно знали, *как именно* его следует рисовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н.М. Юкагирские тосы. – СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2021. – 208 с.
2. Иванова-Унарова З.И. Рисунки на бересте как ранняя письменность юкагиров // Фольклор палеоазиатских народов: материалы II международной конференции (21–25 ноября, 2016 г.). – Якутск. – 2017. – С. 36–39.
3. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 666 с.
4. Кирьяк (Дикова) М.А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). – Магадан: Северо-восточный комплексный НИИ ДВО РАН, 2000. – 288 с.
5. Колониальная политика Московского государства в Якутии / Сборник документов под общей редакцией Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. – Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – 280 с.
6. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. – М: Наука, 1965. – 227 с.
7. Соколова З.П. Рец.: Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири // Советская этнография. – 1966. – № 4. – С. 191–194.
8. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1961. – 444 с.

УДК 811.511.151

МАРИЙСКОЕ ПИСЬМО КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII В. НА ЛАТИНИЦЕ

О.А. Сергеев

МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)

Статья посвящена анализу начального периода современной марийской письменности. Появление буквенного письма связано с концом XVII столетия. В основе его лежала латинская графическая система. Она господствовала вплоть до конца 30-х гг. XVIII века. В период конца XVII – начала XVIII вв. на латинице писались и опубликовались не только отдельные слова, но и целые тексты. Первым связным текстом на марийском языке является молитва «Отче наш». К началу

XVIII в. относятся два таких памятника письменности. По диалектным особенностям они приближаются к малмыжскому говору восточного наречия.

Ключевые слова: латинская графика, лексика, марийский язык, надстрочные знаки, письменность.

The article is devoted to the analysis of the initial period of modern Mari writing. The appearance of letter writing is associated with the end of the XVII century. It was based on the Latin graphics system. It prevailed until the end of the 30s of the XVIII century. In the period of the late XVII – early XVIII centuries, not only individual words, but also entire texts were written and published in Latin. The first coherent text in the Mari language is the prayer «Our Father». Two such monuments of writing belong to the beginning of the XVIII century. According to dialect features, they approach the Malmyzhsky dialect of the eastern dialect.

Key words: Latin graphics, vocabulary, Mari language, superscript characters, writing.

Современная письменность марийского языка начало берет с конца XVII столетия. Её рождение связано с именем шведоязычного финна Генриха Бреннера (Henrik Brenner, 1669–1732). Он, проезжая по дипломатической миссии по Поволжье, встретился со своими сородичами – марийцами. Беседовал с ними на финском языке, участвовал в молении на священной роще. В 1697 г. Г. Бреннер впервые записал марийские слова на бумагу. Эквивалентом марийских лексических единиц выступает шведский язык [подробнее см.: 8: 91–101]. Таким образом появляется буквенное письмо на марийском языке, в основе которого лежит латинская графика.

Г. Бреннер дважды побывал на бассейне реки Волги, где и встретился с марийцами. Первый раз он приезжал по маршруту Москва – Казань осенью 1697 года, поездка длилась до февраля 1698 года. Второе пребывание в Казани относится ко 2-й половине 1699 года. Знакомство со столицей Татарии и ее окрестностями, по мнению Г.И. Стипа, могло состояться на обратной дороге из Персии [11: 28]. Г. Бреннер ездил в Персию в составе группы Л. Фабрициуса (1648–1729) в 1697 году.

Во время своего первого путешествия Генрих Бреннер написал два письма брату Элиасу Бреннеру. Первое письмо он отправил 14 ноября 1697 года из Казани. Э. Бреннер получил его в феврале следующего года. Из этого письма мы узнаем, что «...из Москвы отправились 28 сентября, в Казань приехали 24 октября. Прошли по бассейнам рек Москвы, Оки и Волги 1300 километров...».

В своих полевых дневниках Г. Бреннер писал, что «черемисы называют себя *«mari»*. В письмах он также употребляет слово *mari*, в иных письмах синонимом выступает *sarmari*. Таким образом, он впервые приводит современное написание народа мари на латинице – *mari*, в то время как остальные исследователи писали *черемис*, *черемисы*.

Марийские лексические единицы Г. Бреннер отправил в Швецию в адрес брата Элиасу Бреннеру из столицы «тартаров» во время своего путешествия по Казанской губернии.

Шведским дипломатом Г. Бреннером впервые в истории марийской письменности зафиксированы итого 14 марийских слов. Они по праву являются памятниками письменности марийского языка. Кроме двух

глаголов (*joka* ‘dricka’, *kimele* ‘står upp’) и одного наречия (*Ærla* ‘morgon’) все остальные лексические единицы относятся к именам существительным.

Впервые зафиксированные марийские слова распределяются на следующие лексико-тематические группы: 1) религиозная и мифологическая лексика: *jomala*; 2) анатомическая лексика: *kætti*, *nen* (чит. *ner*), *pillix*; 3) дом и постройки, орудия хозяйства: *okna*, *porti*, *oivis*; 4) природные явления: *thule*; 5) одежда и обувь: *kæng*; 6) национальное деление: *maren*. Больше всех слов относятся к анатомической лексике и все они своими корнями идут к уральскому языку-основе. На наш взгляд, Г. Бреннер, хорошо владевший финским языком, искал сходные слова с родственным марийским языком.

Через год марийские слова были включены шведским ученым Олофом Рудбеком в книгу «*Atlantica sive Manheim*» («Атлантика или Родина человечества»). Они находятся на 657 странице книги. Приводимые в своей работе в качестве иллюстративного материала, О. Рудбек разделил марийские слова на три большие группы. Первую составляют лексические единицы, относящиеся к «финской группе». Сюда включены такие лексемы, как *Jomala*, *Kætti*, *Nen*, *Okna*, *Kæng*, *Thule*, *Joka*, *Porti*. За исключением одного слова *okna* он разделил такое же мнение, как и Г. Бреннер. Вторую группу О. Рудбек называет «скифскими» и перечисляет такие слова, как *Maren* и *Ærla*. К последним примыкают слова *Oivis*, *Pialli*, *Pillix*, *Kimele*, составляющие группу «саамских слов» [11: 37].

В памятнике конца XVII века, где впервые зафиксированы и напечатаны марийские слова было использовано 19 букв (6 гласных, 13 согласных: *a*, *e*, *Æ* (*æ*), *g*, *h*, *i*, *j*, *k*, *l*, *m*, *n*, *o*, *p*, *r*, *s*, *t*, *u*, *v*, *x*). Графема *æ* в одном примере (*kætti*) применена для обозначения специфической редуцированной фонемы *ы/ӥ*, в других выступает как графическая синонимия к литере *e*. Буква **h** показывает длительность фонемы *у* [*u*]. Графема *x* соответственно указывает сочетание букв *-ки*.

Вторым ранним письменным памятником марийского языка являются слова, включенные в книгу амстердамского бургомистра Н.К. Витсена «*Noord en Oost Tartaryen*» (Amsterdam, 1705). В книге наряду с «вогульским, пермским, зырянским, мордовским, венгерским, финским, манчжурским, тунгусским, вотяцким» языками дано несколько лексем и «черемисского» языка. Их всего – 12, эквивалентом выступает латинский язык. В основе памятника лежит латинская графика. После марийских слов Н. Витсеном использована помета «*Czer*». В тексте также применены варианты: *Ceremissen*, *Czeremissen*, *Cermissen*, *Sernissen*, *Tscheremissen*. По данным Николааса Витсена, марийцы живут «около города Нижний Новгород (*Nisi Novogorod*), в лесах на обоих берегах Волги, от Вятки (*Wiatka*) и Вологды (*Wolochda*) до реки Кама, вокруг и около Казани» [12: 619, 620; см. также: 4: 71].

Кроме того, в работу включено этнографическое описание о марийцах. Оно помещено под заглавием «*Ceremissen*» и занимает 619–623 страницы [более подробно см.: 9: 68–75]. В первом издании книги (Amsterdam, 1692) описание о «черемисах» занимает страницы 411–412. Следует отметить то, что в нем марийские лексические единицы отсутствуют. Так с помощью молодого Н.К. Витсена Европа узнала о поволжских «черемисах», в какой-то

степени была знакома с бытом, культурой народа мари. Голландия наряду с Швецией оповещала о существовании в мире, в частности, в России, марийского языка.

В книге Н.К. Витсена для обозначения марийских звуков употреблены следующие 23 букв или их сочетаний: *a, â, b, d, e, ê, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, t, u, v, ii, sch* (совр. орф. *u* [š]), *ou* (совр. орф. *λ*). В материалах голландского бургомистра впервые применены надстрочные знаки (^ – перевернутая птичка или камора с остроконечной вершиной и $\bar{\quad}$ – знак долготы) для обозначения марийских звуков. Камора с остроконечной вершиной, сложенная из грависа и акута, в данном источнике употребляется для обозначения среднего подъема специфической редуцированной фонемы **ы/ÿ** и заднерядной **λ**. Перевернутая птичка часто встречается и в других памятниках письменности марийского языка как XVIII, так и XIX веков. Знак долготы в памятнике Н.К. Витсена указывает на длительность верхнего подъема заднего ряда лабиальной фонемы **у** [**u**]. Данный знак помещен над гласной **у** в односложном слове в абсолютном исходе слова. В этой позиции ей характерна наибольшая длительность [см. 1: 63–64]. Графема **ÿ** и буквосочетание **sch** также впервые были введены в марийское письмо Н.К. Витсеном.

Анализ ранних памятников письменности показывает, что отдельные марийские слова трудно поддаются чтению. Это вполне объяснимо, так как, с одной стороны, марийский язык автору вообще был не знаком, а, с другой стороны, этот список является одним из первых памятников письменности по марийскому языку, где фиксированы марийские слова. Однако, если критически отнестись к марийским лексическим единицам, то они вполне читаемы и понятны¹. Мы вполне согласны с мнением одного из первых исследователей языка, культуры и истории марийского народа Г.Ф. Миллера, когда он говорит: «...очень *не легко* (выделено нами. – *О.С.*) чужестранные слова по свойственному произношению уроженцовъ того языка употребительнымъ у насъ на Латинскихъ буквахъ произношениемъ изобразить...» [5: 28]. Г.Ф. Миллер сам непосредственно был среди марийцев, долгое время имел контакт с ними и знал какая трудная собирательская работа, тем более в полевых условиях.

В знаменитой книге Николааса Витсена был опубликован и первый текст («Отче наш») на марийском языке.

Следующим автором, который фиксировал марийские слова в полевых условиях, является руководитель первой научной экспедиции в Сибирь данцигский врач Д.Г. Мессершмидт (1685–1735).

Путешествуя по Сибири в 1719–1727 гг., он собрал чрезвычайно интересный материал по языку и этнографии сибирских и финно-угорских народов. В одном из дневнике Мессершмидта имеются списки слов на венгерском, финском, мордовском, удмуртском, коми, мансийском, марийском, хантыйском, якутском, тунгусском, маньчжурском, калмыцком, монгольском языках и на языке сибирских татар. В настоящее время данная

¹ Также следует учесть и то обстоятельство, что Н.К. Витсен не располагал ни предварительными знаниями о марийском языке, ни лингвистической подготовкой.

рукопись хранится в Архиве СПб отделения РАН (ф. 98, оп. 1, ед. хр. 36) и входит в фонд Мессершмидта¹. Что касается списка марийских лексем, то в нем даны названия числительных первого десятка, числительное *сто* без эквивалентной пары и одно слово *Jumala* ‘Bott’ (следует читать *Gott* ‘бог’). Немецкая лексическая единица *Gott* на марийский язык переводится как лексема *юмо*. Лексическая единица *jumala* относится к богатству родственного финского языка, ср. фин. *jumala* ‘бог’, мар. *юмо* ‘бог’. На аналогичную ошибку по переводу словарной статьи *Gott* указывает и специалист по памятникам письменности мордовских языков А.П. Феоктистов. По его замечанию, «написание *Bott* – немецкий перевод неясного мордовского *Torm* (выделено нами. – О.С.) следует читать как *Gott*», далее автор продолжает: «в списке финских слов у Мессершмидта против этого слова (*Bott/Gott*. – О.С.) стоит *jumala* ‘бог’» [10: 16].

В списке марийские слова приведены в латинской графике. Они находятся на листе 25 об., под шапкой «*Tscheremische Zahlen u Sprache*» Итого в деле 28 листов и имеет общий подзаголовок «*Specimen Philologicum Orientil Hyperborei*». В рукописи содержатся следующие лексические единицы: *Iktet* ‘1’, *Koktet* ‘2’, *Kumut* ‘3’, *Nelet* ‘4’, *Wiset* ‘5’, *Kudet* ‘6’, *Siemet* ‘7’, *Kandax* ‘8’, *Denxe* ‘9’, *Loo* ‘10’, *Jumala* ‘Gott’. Как явствуют примеры, в работе перемешаны русские и латинские буквы. Этого же мы видим и в заголовке данного памятника.

Лингвистический материал Д.Г. Мессершмидта содержит следующие 15 букв: *a, d, e, i, j, k, l, m, n, o, s, t, u, w, x*, из них 5 гласных и 10 согласных.

Итого в памятнике наличествует 11 слов: 10 простых числительных и одно нарицательное имя существительное, которое написано прописной буквой. Эти же слова имеются и в мордовском списке Мессершмидта [9: 16]. Что касается родственного удмуртского языка, то в деле Мессершмидта записаны «более чем три сотни слов» (в общей сложности до 350 слов), который превосходит по полноте и качеству записи не только словник фон Штраленберга, но и словарь Миллера [6: 25, 8].

В работе шведского офицера Ф.И. Страленберга (*Strahlenberg*, 1730) марийский язык представлен всего 15 словами. Они находятся на 346 странице книги [см. 7: 6]². В таблице представлены следующие слова: *Ichtet* ‘Eins’, *Kechtett* ‘Zwey’, *Komett* ‘Drey’, *Nelett* ‘Vier’, *Wysett* ‘Fünff’, *Kudett* ‘Sechs’, *Ziemett* ‘Sieben’, *Kandax* ‘Acht’, *Dentze* ‘Zeben’, *Loo* ‘Zeben’, т.е. имена числительные с одного до десяти (простое числительное *Hundert* осталось без эквивалентной пары) и пять существительных: *Jumala* ‘Gott’, *Oetziu* ‘Vater’, *Annæ* ‘Mutter’, *Yulni* ‘Erde oder Land’ (по данным И.Г. Ивано-

¹ Путевые заметки и дневники Д.Г. Мессершмидта долгое время не были опубликованы. Лишь в 1960 г. по инициативе немецкого финно-угроведа В. Штейница Академия наук ГДР совместно с Институтом истории естествознания и техники АН СССР приступила к изданию его материалов. Так в течение 1962–1977 гг. вышло пять объемистых томов, и, таким образом, по справедливому замечанию удмуртского историка В.В. Напольских, имя Мессершмидта было впервые реально возвращено науке более чем двухвекового забвения... [6: 25].

² В своей работе Г.С. Патрушев дает только шесть слов, далее ссылается на помету *и т.д.*

ва: *iumala* ‘бог’, *octzin* ‘отец’, *annae* ‘мать’ (по Г.С. Патрушеву [см.: 7: 6] – *Annae*), *yalni* ‘государство, страна’ [2: 6] и *Way* ‘Butter’. Они расположены между колонками «*morduini*» (мордовский) и «*permecki*» (пермяцкий). Кроме того, в своей работе И.Г. Иванов приводит дополнительно лексему *mare* ‘мари, мариец; муж, мужчина’ [2: 6, см. также 3: 34].

На основе лексического материала Ф.И. Страленберга в книге для передачи марийских звуков использовано 20 букв: 7 гласных (*Aa, e, æ, Ii, Oo, u, Yu*) и 13 согласных (*c, Dd, h, Kk, Ll, m, Nn, r, s, t, Ww, x, Zz*). Следует отметить, что буква *Æ æ* впервые нашла отражение в конце XVII века в записях Г. Бреннера.

Первым напечатанным текстом на марийском языке считается перевод молитвы «Отче наш». Он напечатан во 2-м издании книги голландского бургомистра Николааса Витсена «*Noord en Oost Tartarye*» (Witsen, 1705). В основе памятника также – латинская графика.

Марийский вариант молитвы находится на 622 странице в главе «*Ceremissen*». Он имеет подзаголовок «*Het Vader Onze in de Ceremisse Tael*». Состоит из двух колонок, слева – голландский вариант, справа – марийский перевод: «*Memnan uziu, ilimazet kiusuiluste tinin liumet volgusertes tinin vurduschu tooles tini jerek ilies kusu i, kusiulluste, i ilulniu memnon kedzin kinde, puske malana ikelset kode malana memnon suiluk kuse me kondena malano tui-rulisticzy i tzurty memnon i langoske i utara memnon i jalaez*».

В первом связном тексте марийского языка содержится всего 45 слов, для записи марийских слов применены 21 латинские буквы, из них 6 гласных, 15 согласных. Они следующие: *a, c, d, e, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, v, z, y*. Кроме того, наличествуют 4 буквосочетаний: *iu, ui* – для обозначения лабиальной фонемы *y* [ü], *dz* – ч [C], *cz* – для щелевой дорсальной *c* [s] и *sch* – переднеязычной шумной *ш* [š]. Над буквами отсутствуют надстрочные знаки.

Анализ языковых особенностей перевода молитвы позволяют утверждать, что в нем в какой-то степени отражаются черты малмыжского говора восточного наречия.

Марийский текст, напечатанный в книге Г.Ф. Миллера «*Sammlung Russischer Geschichte*», выглядит следующим образом:

«*Minin (1) atjä (2) kuda (3) küschna (4) – júma (5), t́inin (6) lümèt (7) wolgáľtesch (8), tinin (9) Kukscha (10) toľesch (11) t́inin (12) érek (13) éľtesch (14), kúse (15) kúschne (16) – júma (17), túgok (18) i (19) melántesta (20), memnàn (21) tschílla (22) – ketschin (23) Kindem (24) malánna (25) pu (26) tátscha (27), utára (28) memnàn (29) parànetš (30-31), kúse (32) mi (33) utáreschna (34) memnàn (35) nalscháschketsch (36-37), it (38) wüde (39) memnàn (40) (fehlet) (fehlet) Sirlága (41) memnàn (42) Schaitángetš (43-44), (fehlet) t́inin (45) kukscha (46), wi (47) tschjab (48) tschillä-godom (49-50)*».

Лингвистический памятник XVIII века Г.Ф. Миллера на латинице в количестве 50 марийских лексем содержит следующие 22 букв (7 гласных, 15 согласных: *a, ä, b, c, d, e, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, ü, w*) и буквосочетания *sch, tsch*, использованные для обозначения щелевого шумного двухфокусного *ш* [š] и среднеязычной смычной аффрикаты ч [C].

Из других способов графической передачи фонем и фонетических явлений можно отметить: 1) фонема ч [C] передана сочетанием четырёх букв **tsch**, ср., например: *tschilla, ketschin, tatscha, tschjab*; 2) фонема ш [š] – буквосочетанием **sch**: *wolgaltesch, tolesch, leesch, utareschna*; 3) в середине слова *tschilla/tschillä* ‘каждый’; 4) фонема л [l] передана двумя ll; 5) лабиальная фонема ъ [ü] передана с помощью как ü, так и u, ср.: *küschna, lümet, wüde, kuschne, kukscha*; 6) фонема ö графемами а и е, ср.: *kukscha, kuschne*; 7) палатальность согласных иногда отмечена через i и j, ср., например: *minin, atjä, tinin*. Нельзя не отметить то, что Г.Ф. Миллером подмечено наличие фонемы переднего ряда ä, что характерно малмыжскому говору восточного наречия. Неогубленная гласная ä фигурирует в трёх словах: *atjä, meläntesta, tschillä-godom*.

Итого к концу XVII – началу XVIII вв. относятся десять источников, в основе которых лежит латинская графика. Из них – восемь словариков разного объема: это материалы Г. Бреннера (1697 г.), Н.К. Витсена (1705 г.), Д.Г. Мессершмидта (конец 20-х гг. XVIII в.), Ф.Й. Страленберга (1730 г.), Г.Ф. Миллера (три словарика), И.Э. Фишера (30-е гг. XVIII в.). Из них памятник Д.Г. Мессершмидта остался в рукописи. К указанному периоду принадлежат и два текста: «Отче наш» голландца Н.К. Витсена (1705) и немецко-русского историка Г.Ф. Миллера.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Грузов Л.П. Современный марийский язык. Фонетика. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. – 162 с.
2. Иванов И.Г. Марий литератур йылмын тунгалтыш ошкылжо. – Йошкар-Ола: Марий туньктыш институт, 2002. – 76 с.
3. Иванов И.Г. Марий литератур йылме историй / Студент-влаклан тунемме книга. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2003. – 299 с.
4. Копанева А.Н. Сведения о финно-угорских народах в «Северной и Восточной Тартарии» Николааса Витсена // Памяти академика А.И. Шёгрена (1794–1855). Сборник докладов. – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2007. – С. 69–79.
5. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... – СПб, 1791. – 99 с.
6. Напольских В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с., ил.
7. Патрушев Г.С. Из истории изучения марийского языка // Учёные записки МГПИ. Т. 16. – Йошкар-Ола, 1958. – С. 3–28.
8. Сергеев О. Марийские слова в дневниках финского дипломата Г. Бреннера // Ашмаринские чтения: Материалы межрегиональной научной конференции / сост. и науч. ред. Г.И. Федоров. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – С. 91–101.
9. Сергеев О.А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. – 422 с.: ил., портр.
10. Феокистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период). – М.: Наука, 1976. – 260 с.
11. Stipa G.J. Suomalaisyyntyinen tutkija vanhimman tšeremissin kielennäytteen tallentajana // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 77. – Helsinki, 1981. – S. 27–39.
12. Witsen N. Noord en Oost Tartaryen... – Amsterdam, 1705. – 968 S.
13. Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук. Приложение к IV рапорту: а) Карта (Д.Г. Мессершмидта) местностей между частью рр. Енисея и верхней Оби и Иртыша, таблица восточных (?) календарей; б) словарные материалы, среди них копии иероглифов, нарисованных в каменной пещере около Фетково. «Specimen Philologicum Orientali Nuperbores». – Ф. 98, оп. 1, ед. хр. 36, фонд Мессершмидта.

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛИ ПРАКТИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС РУССКАЯ ЛАТИНИЦА ЯКОВЛЕВА?

В.М. Алпатов

Институт языкознания РАН (Москва)

Известен неосуществившийся проект латинской письменности для русского языка, разработанный в 1929–1930 гг. комиссией под руководством Н.Ф. Яковлева. Он был последовательно фонологическим и ориентировался на языковые привычки носителей русского языка. Для Яковлева и его сотрудников именно это было важным и действительно такие требования были бы необходимы при переходе русского языка на латиницу. Однако сейчас такой переход неактуален. Важно другое: унификация тех или иных способов написания русских слов в языках, использующих латинское письмо. И здесь привычки носителей русского языка пользы не приносят, необходимо учитывать такие привычки для языков – реципиентов, в первую очередь английского.

Ключевые слова: Кириллица, латинский алфавит, Яковлев, фонология, лингвистика.

The unrealized project of Latin writing for the Russian language, developed in 1929–1930 by a commission led by N.F. Yakovlev, is known. It was consistently phonological and focused on the language habits of native Russian speakers. For Yakovlev and his staff, this was what was important and indeed such requirements would be necessary when switching the Russian language to the Latin alphabet. However, now such a transition is irrelevant. Another important thing is the unification of certain ways of writing Russian words in languages using Latin script. And here the habits of native speakers of the Russian language do not bring benefits, it is necessary to take into account such habits for recipient languages, primarily English.

Key words: Cyrillic Alphabet, Latin Alphabet, Yakovlev, phonology, linguistic habit.

Русский язык уже много веков неразрывно связан с кириллическим письмом, которое для многих народов воспринимается как «русское письмо». Латинскими буквами русские слова, если иногда и записываются, то лишь во вспомогательных целях: при дублировании надписей в помощь иностранцам, иногда в интернете и пр. То есть обслуживаются, прежде всего, носители языков с латинской письменностью.

Однако был исторический момент, когда в нашей стране всерьез ставили вопрос о переходе русского языка на латинское письмо. Было это в 1929–1930 гг., тогда даже работала специальная подкомиссия по латинизации русского письма во главе с выдающимся языковедом Н.Ф. Яковлевым (1892–1974). Она была образована в ноябре 1929 г. при Главнауке Наркомата просвещения (Наркомпроса). Создание комиссии произошло при активном содействии наркома А.В. Луначарского. Яковлев писал, обосновывая необходимость латинизации: «На этапе строительства социализма существующий в СССР русский алфавит представляет собой безусловный анахронизм, – род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада» [3: 35–36]. Были подготовлены три

варианта русской латиницы, их конструирование не было выполнением задания сверху, как сейчас иногда заявляют; это была инициатива Яковлева и его сотрудников, поддержанная только Луначарским, который как раз в это время лишился своего поста. Проект обсуждался на уровне Политбюро и был при участии И.В. Сталина отклонен, любая работа по латинизации русского языка была запрещена. Яковлев ставил и вопрос о латинизации украинского и белорусского языков, однако соответствующие проекты не успели разработать к моменту прекращения работы.

История неудачной попытки латинизации русского языка сейчас уже хорошо известна. Гораздо меньше внимания обращают на собственно лингвистические качества проекта. Именно с ними связан вопрос, вынесенный в заголовок доклада. Как уже было сказано, проект был разработан в трех вариантах. Они основывались на единых принципах, а различия были связаны с прагматическими факторами, прежде всего, с возможностями тогдашних наборных касс. Далее будет рассматриваться вариант, наиболее приспособленный к возможностям касс, используемых для других языков; наряду с английским, немецким и французским письмом учитывались и буквы тогда только что введенного турецкого алфавита на латинской основе.

Перечислим соответствия между кириллическими буквами и знаками латиницы Яковлева в указанном варианте.

Русская кириллица	Латиница Яковлева
А	A
Б	B
В	V
Г	G
Д	D
Е	je в начале слова и после гласных, e после согласных
Ё	jо в начале слов и после гласных, ö после согласных
Ж	Z
З	z
И	i
Й	j
К	k
Л	l
М	M
Н	N
О	O
П	P

Р	R
С	S
Т	T
У	U
Ф	F
Х	x
Ц	Ç
Ч	C
Ш	Ş
Щ	Sc
Ъ	j
Ы	y
Ь	j
Э	E
Ю	ju в начале слов и после гласных, ï после согласных
Я	ja в начале слов и после гласных, ä после согласных

В качестве примера того, как выглядит латиница Яковлева, запишем ею два предложения:

Программа развития малых языков СССР обычно не встречала прямого противодействия. Однако для её реализации имелось два препятствия.

«По Яковлеву» они будут выглядеть так:

Programma razvitija malyh jazykov SSSR obyčno ne vstrečala protivodejstvija. Odnako dlä jejo realizačii imelosj dva prepätstvija.

Рассмотрим принципы, на которых основан проект. Можно специально не обсуждать очевидные решения (*a – a, б – b* и др.). Разберем лишь более сложные случаи.

Очевидно, что в основу проекта положены два важных принципа: последовательно фонологический подход и ориентация на привычки носителей русского языка, а не какого-либо другого. В проекте учитываются только те звуковые различия, которые необходимы для смысловоразличения и осознаются носителями языка (в лингвистике такие различия именуется фонологическими). Н.Ф. Яковлев наряду с Н. Трубецким и Р. Якобсоном стал основателем структурной фонологии и постоянно применял свои теоретические положения на практике (трое ученых дружили в студенческие годы и имели сходные научные взгляды, но затем Трубецкой и Якобсон эмигрировали, а принявший революцию Яковлев остался на родине). Яковлев постоянно отмечал, что создатели алфавитов всегда были (при некоторой возможной непоследовательности) «стихийными фонологами».

Другой принцип: авторы проекта стремились, насколько возможно, сохранять написания, привычные для людей, использующих русскую кириллицу. Так, например, необходимая для русского письма передача мягкости согласных производилась так же, как в кириллице: через различия букв для гласных; в связи с этим надо было включить в алфавит и аналог мягкого знака. (однако твердый знак с точки зрения фонологии оказывался излишним). Сохранялась и привычная для русского письма «окающая» орфография.

Проект последовательно исходит из положения: «один звук – одна буква». Не допускаются ни диграфы вроде *sh*, *ch* для передачи одного звука, ни буквы, соответствующие двум звукам, вроде излишнего латинского *x* (эта буква соответствует в проекте единому звуку, обозначаемому в кириллице буквой *х*); например, английская фамилия *Хаксли* будет, по Яковлеву, писаться *Xaksli*. По этой же причине кириллическим буквам *ё*, *ю*, *я* (но не *е*) там, где они обозначают два звука (в начале слова и после гласных), соответствуют у Яковлева две буквы: *j* + гласная буква: слово *яма* предлагалось записывать как *jama*. Спорный случай – *ц*: Яковлев считал (хотя существует и иная точка зрения), что здесь два звука (две фонемы), поэтому этой кириллической букве соответствовали две латинские.

Диакритики в отличие от диграфов в проекте допускались. Авторы в данном его варианте учитывали наличие соответствующих литер в типографских наборах для известных иностранных языков, включая только недавно перешедший на латиницу турецкий язык. Диакритические буквы предпочли и в качестве соответствий буквам *ё*, *ю*, *я* там, где они передают мягкость предшествующего согласного. То, что эти буквы в тех латинских алфавитах, где они есть (например, *ä* в немецком), могут иметь иные значения, авторам проекта казалось недостатком, поэтому в двух других вариантах латиницы Яковлева соответствующие звуки писались иначе. Зато в рассматриваемом варианте не требовалось отливать новые литеры.

Особые проблемы, всегда сложные при использовании латиницы для русского языка, составляют обозначения звука *ы* и йота (*й*). Для большинства языков, пользующихся латиницей, буква *y* оказывается лишней, совпадая по значению с буквой *i*, но для некоторых языков она используется иначе, в том числе и для обозначения йота. Однако в данном проекте она используется только как соответствие *ы*. А йоту соответствует буква *j*. И в то же время эта же самая латинская буква соответствует и другой русской букве: мягкому знаку в случае, когда он обозначает мягкость предшествующего согласного. Но два предложенных значения этой буквы никогда не смешиваются: в кириллице буква *й* бывает только после гласных и (редко) в начале слова, а *ь* после согласных. Здесь проявился общий подход Яковлева и его сотрудников, всегда стремившихся к минимизации количества букв; чуть раньше Яковлев обосновал его в известной статье «Математическая формула построения алфавита».

Что касается других «лишних» латинских букв, то буква *c* соответствует кириллическому *ч*, а три буквы *h*, *q*, *w* в проекте вообще не используются.

Некоторым отступлением от общих принципов выглядит у авторов проекта передача звука *e* после мягких согласных. Как известно, в русской кириллице буква *e* после буквы для согласного в большинстве случаев одновременно указывает и на мягкость предшествующего согласного подобно буквам *ё, ю, я*; для передачи того же звука после твердых согласных употребляется особая буква *э*. Однако в заимствованных словах (*дельта, теннис* и пр.) нередко *e* пишут и там, где предшествующий согласный произносят твердо. К тому же буква *e* в русской кириллице встречается много чаще, чем *э*. Поэтому авторы проекта сочли возможным не вводить особую латинскую букву *ë* (которая к тому же ассоциировалась бы с иной по значению кириллической буквой *ё*) и писать *e* во всех случаях. Это решение уменьшало число букв и больше соответствовало русским привычкам ценой некоторого увеличения омонимии: *мер* (от *мера*) и *мэр* одинаково предлагалось писать как *mer*. Другой пример роста омонимии, более расходящийся с орфографическими привычками, составляло упразднение не связанного с произношением мягкого знака после шипящих на конце слова: *рож* и *рожь* предлагалось писать одинаково (*roz*).

Латиница Яковлева практически никогда не применялась. Но всё равно остается проблема практической записи русских слов латинскими буквами. При этом никакого официального свода правил транскрипции для русских слов, включаемых в тексты на языках, использующих латинское письмо, нет. И, по крайней мере, большинство обсужденных выше спорных случаев не имеет канонического способа записи.

Безусловно, если бы латинизация русского языка осуществилась, то латиница Яковлева могла бы быть серьезным претендентом на практическое применение. Н.Ф. Яковлев и его сотрудники (особенно А.М. Сухотин) были специалистами с большим опытом конструирования алфавитов, тщательно продумывали все детали и ориентировались на языковые привычки носителей русского языка. Но очевидно, что в настоящее время латинизация русского письма нереальна. Отдельные призывы, например, высказывания члена-корреспондента РАН С.А. Арутюнова, всерьез не воспринимались. Та часть молодежи, которая привыкла к постоянному использованию английского языка, может сочувствовать таким мнениям. Мне однажды пришлось беседовать с молодой журналисткой, которая сказала, что в России сейчас все за латинизацию. Потом, немного подумав, уточнила: «Ну, в старшем поколении, может быть, и не все, а молодежь вся». Но всё же это не общее мнение, а английским языком владеет далеко не большинство населения. Потребности появившихся сейчас на зарубежных курортах русскоязычных граждан привели к созданию там русскоязычного бизнеса: английский не так уж известен.

Однако остается проблема написания русских слов латинским письмом. Безусловно, бороться за появление тут единообразия необходимо. Но что брать за основу?

Бывает так, что при многочисленности заимствований возможно появление в языке-реципиенте новой фонемы. Считается, что так в русском языке появились фонемы *ф* твердое и *ф* мягкое, а в японском языке уже

в недавнее время появились фонемы, встречающиеся только в заимствованиях, в основном из английского языка; выделяется как минимум шесть таких фонем [2: 35]. В этом случае обычно традиция написания складывается достаточно легко, и привычность написания может перевешивать сознательный или стихийный фонемный принцип. В первой половине XX в. соперничали два варианта передачи латинскими буквами японских слов, в том числе заимствований. Один был создан американским миссионером, другой – японскими специалистами; первый учитывал фонологию, второй отражал привычки носителей родного языка миссионера. В итоге победил менее фонологически обоснованный, но более естественный для носителей языков с латинским письмом вариант [1]. На это могут накладываться экстралингвистические факторы: преимущество американского варианта окончательно выявилось в годы оккупации Японии. Отмечу, что кириллическая транскрипция Е.Д. Поливанова старалась учитывать и научный подход, и привычки русскоязычных людей.

Но и при ориентации на привычки не всегда унифицировано употребление для слов чужих языков букв *j* и *y*. Эти буквы нередко оказываются «лишними» и их начинают по-разному приспосабливать к записи в языке-реципиенте. Отмечу и скорее относящийся к недостаткам очень «экзотический» вид многих слов в некоторых предлагаемых записях (свойственный, в том числе, и решениям Яковлева).

И главное. Запись слов чужого языка, прежде всего, требует приспособления к фонологии языка-реципиента. И никакой способ записи не включает в состав фонем английского языка палатализованные согласные и гласный *ы* даже в заимствованиях из русского. Это может произойти лишь при значительном увеличении числа русизмов, чего сейчас не происходит.

Главный недостаток латиницы Яковлева, который в других исторических условиях мог бы быть главным ее достоинством – ориентация на языковые привычки носителей русского языка, а не английского или французского. Для, например, записи русских заимствований в английский язык она неудобна. А поскольку сейчас смена практического алфавита для русского языка сейчас неактуальна, то латиница Яковлева остается любопытным историческим памятником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Сасими или сашими? // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С.В. Сандро В. Кодзасова. – М.: Языки славянских культур, 2008.
2. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. – М.: Наталис, 2008.
3. Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока, книга 6. – Баку, 1930.
4. Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока, 1. Баку, 1928. Перепечатано в книге: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. – М., 1970.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдухалимов Бахром Абдурахимович, доктор исторических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Узбекистан, директор Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан. *Ташкент, Узбекистан.*

Абзалина Рамзия Асраровна, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Авдеев Александр Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. *Москва, Россия.*

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук. *Москва, Россия.*

Антонец Екатерина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Москва, Россия.*

Ахунов Азат Марсович, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Байбулатова Лилия Фаритовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Белкина Екатерина Максимовна, младший научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук. *Санкт-Петербург, Россия.*

Белова Анна Борисовна, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. *Санкт-Петербург, Россия.*

Бугарчев Алексей Игоревич, лаборант-исследователь Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гараева Нурия Габдулахатовна, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гарипова Лейла Шамилевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Гумеров Ильгам Гусманович, кандидат филологических наук, заведующий Центром письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Давлетшин Гамирзан Миргазьянович, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института языка, литературы

и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Деврикян Шогакат Вардановна, аспирантка Института искусств Национальной академии наук Республики Армения, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института древних рукописей «Матенадаран» им. Месропа Маштоца. *Ереван, Армения.*

Загидуллина Дания Фатиховна, доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Зайнеева Гульнара Нургалиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Калашникова Ангелина Анатольевна, кандидат исторических наук, стажер Fondation Maison des sciences de l'homme (FMSH). *Париж, Франция.*

Каштанов Сергей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра палеографии, дипломатики и кодикологии Института всеобщей истории Российской академии наук. *Москва, Россия.*

Космовская Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент Пермской государственной фармацевтической академии, научный сотрудник Пермского государственного института культуры. *Пермь, Россия.*

Лебедев Сергей Константинович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, и.о. заведующего отделом Новой истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. *Санкт-Петербург, Россия.*

Мамырбек Гүлфар Мәжитқызы, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Языкознания имени Ахмета Байтурсынова. *Алматы, Казахстан.*

Масленникова Надежда Павловна, художник-реставратор высшей категории Государственного научно-исследовательского института реставрации. *Москва, Россия.*

Минвалеев Руслан (Арслан) Мансурович, начальник отдела развития ИА «Татар-информ». *Казань, Россия.*

Моисеенко Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, эксперт по ввозу и вывозу культурных ценностей; эксперт по культурным ценностям Министерства культуры РФ по специализации: нумизматика, бонистика и ценные бумаги ООО «АрТТида». *Санкт-Петербург, Россия.*

Мустакимов Ильяс Альфредович, кандидат исторических наук, свободный исследователь. *Казань, Россия.*

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Наджафов Азизага Байрам оглы, доктор философии по филологии, ученый секретарь Института Рукописей им. Мухаммеда Физули Национальной академии наук Азербайджана. Баук, Азербайджан.

Наджафова Айнур Гюняш кызы, кандидат филологических наук, заведующий отделом электронных ресурсов рукописей Института рукописей им. Мухаммада Физули. *Баку, Азербайджан.*

Надыршина Лейсан Радифовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Насибуллина Нурида Шайдулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Нуриева Фануза Шакуровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Омельченко Дарья Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. *Санкт-Петербург, Россия.*

Петухова Любовь Александровна, художник-реставратор Национального музея Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Понарядов Вадим Васильевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук». *Сыктывкар, Россия.*

Проскурякова Мария Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. *Санкт-Петербург, Россия.*

Савинов Михаил Авинирович, кандидат исторических наук, доцент Балтийского государственного технического университета «Военмех». *Санкт-Петербург, Россия.*

Сайфетдинова Эльмира Гадельяновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Саттарова Лилия Илевна, старший преподаватель Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. *Санкт-Петербург, Россия.*

Сейтбекова Айнур Аташбековна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Языкознания имени Ахмета Байтурсынова. *Алматы, Казахстан.*

Сергеев Олег Арсентьевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского

института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. *Йошкар-Ола, Россия.*

Ситдикова Ильвена Розвертовна, секретарь-референт Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Столярова Любовь Викторовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. *Москва, Россия.*

Тимерханов Айнур Ахатович, доктор филологических наук, вице-президент Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Тухватова Гузель Фардиновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий Литературным музеем Г. Тукая; доцент Казанского федерального университета. *Казань, Россия.*

Тыбыкова Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Горно-Алтайского государственного университета. *Горно-Алтайск, Россия.*

Тябина Лена Ивановна, старший научный сотрудник Литературного музея Г. Тукая – филиала Национального музея РТ. *Казань, Россия.*

Усманов Венер Мударисович, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Фазылжанова Анар Мураткызы, кандидат филологических наук, директор Института языкознания им. Ахмета Байтурсынулы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. *Алматы, Казахстан.*

Файзуллина Фания Галимулловна, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Ханнанова Гульчира Махмутовна, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Хуснутдинова Гульназ Азатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. *Казань, Россия.*

Чернецов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии Российской академии наук. *Москва, Россия.*

Шарина Сардана Ивановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. *Якутск, Россия.*

Эдиев Далхат Мурадинович, доктор физико-математических наук, проректор по научной работе, информатизации и международному сотрудничеству Северо-Кавказской государственной академии. *Черкесск, Россия.*

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова	3
Приветственное слово Президента Академии наук Республики Татарстан Минниханова Рифката Нургалиевича.	4
Кириллические письменные источники	
<i>Белова А.Б.</i> К вопросу о типологии сборников XV–XVII вв. с текстами о книжном деле	6
<i>Столярова Л.В.</i> К реконструкции структуры следственного дела о гибели царевича Дмитрия Угличского	10
<i>Каитанов С.М., Столярова Л.В.</i> Кодикологическая структура копийной книги Павло-Обнорского монастыря конца XVII в.	18
<i>Космовская А.А.</i> Делопроизводственные материалы местных учреждений XVII–XVIII вв. как источник для изучения культурного и экономического взаимодействия населения Прикамья .	22
<i>Проскуракова М.Е., Калашиникова А.А.</i> Скорописное письмо олонецких и якутских челобитных второй половины XVII века	27
<i>Петухова Л.А.</i> Реставрация древних рукописей и книг (вводная информация)	31
<i>Масленникова Н.П.</i> Техника работы анонимного московского переплетчика последней четверти XVII в. по результатам исследования в процессе реставрации рукописи «Служба на день явления иконы Богородицы Тихвинские» (Музеи Московского Кремля).	38
Истоки тюркской письменности	
<i>Загидуллина Д.Ф.</i> Древнетюркские письменные памятники: их место и роль в формировании татарской литературы	44
<i>Давлетиин Г.М.</i> Европейский ареал тюркской рунической письменности (обзор некоторых археологических источников и литературы)	49
<i>Нуриева Ф.Ш.</i> Изучение языка поволжских рунических памятников	55
<i>Тыбыкова Л.Н.</i> Письменная история Республики Алтай	60
<i>Измайлов И.Л.</i> Руническая письменность в Булгарии X–XIII вв.: источники и историческая интерпретация	67
<i>Ахметов В.Р.</i> Диахрония истории письма: руника-уйгурика-арабика	78
Арабографические письменные источники	
<i>Тимерханов А.А.</i> Арабское письмо в контексте европейской цивилизации	86
<i>Абдухалимов Б.А.</i> Оберегая мировое наследие: деятельность Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан по сохранению и популяризации арабографических рукописей	91
<i>Фазылжанова А.М.</i> Предпосылки современных исследований в казахской лингвистике в области теории письма.	96

<i>Наджафов А.Б.</i> Социально-культурная роль арабской письменности в истории тюрко-азербайджанской цивилизации	105
<i>Гумеров И.Г., Ахунов А.М.</i> Сохранение и изучение арабографического письменного наследия: опыт «Мирасханэ».	109
<i>Гараева Н.Г.</i> Татарские списки Корана: общее и особенное	112
<i>Байбулатова Л.Ф.</i> «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» – как пример рукописной традиции тюркских народов	119
<i>Мөхәммәтҗанова Л.Х.</i> Татар эпосына язма мәдәният тәэсире: китаби дастаннар	123
<i>Гарипова Л.Ш.</i> Г. Алпаров хезмәтләрендә имля һәм мәгариф мәсьәләләре (галимнең шәхси архивы нигезендә)	128
<i>Сайфетдинова Э.Г.</i> По следам средневековой истории татар (коллекция арабских рукописей Амброзианской библиотеки города Милана)	133
<i>Абзалина Р.А.</i> Татарстан Республикасы Милли музееңда Зәйнәп Максудованың кулъязмалары	137
<i>Сейтбекова А.А., Мамырбек Г.М.</i> Языковые явления восточных мотивов в письменном памятнике «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи	142
<i>Зәйниева Г.Н.</i> Шагыйрь Кол Мөхәммәд кулъязмалары (XVIII йөз ахыры – XIX йөз башы)	148
<i>Минвалеев Р.М.</i> «Китаб аль-Фихрист» и «Инстисаб аль-интисарийа»: новые старые сообщения восточных источников о принятии ислама булгарами	152
<i>Наджафова А.Г.</i> Классики татарской литературы в переводах Анны Ахматовой	157
<i>Төхвәтова Г.Ф.</i> Габдулла Тукайның гарәп язуындагы китапларын кабат бастыру мәсьәләләре	161
<i>Тябина Л.И.</i> История письма и письменная культура татарского народа в экспозиции и культурно-образовательной деятельности Литературного музея Г. Тукая	166
<i>Фәйзуллина Ф.Г., Галимҗанова Э.М.</i> Г. Ибраһимов хезмәтләрендә имля-хәреф мәсьәләләре	171
<i>Ханнанова Г.М., Надыршина Л.Р.</i> Некоторые материалы из фонда татарского археографа С. Вахиди	175
<i>Хөснетдинова Г.А.</i> Г. Рәхим һәм Г. Газизнең «Татар әдәбияты тарихы» хезмәтендә язмачылык тарихы хакында (кыскача күзәтү)	179

Письменные традиции Нового и Новейшего времени.

Письменная культура народов России

<i>Лебедев С.К.</i> Шифровки как элемент деловой переписки банкиров конца XIX – начала XX в.	184
<i>Сафонов М.М.</i> Французский как конспиративный в письмах ссыльных декабристов в Сибири	188
<i>Эдиев Д.М.</i> О причинах отсутствия развитой письменности у алан Западного Кавказа	194
<i>Шарина С.И.</i> Эвенская письменность в период становления	200

Греческие и латинские рукописи

- Антонец Е.В.* Гуманистический сборник речей Цицерона и сочинений Сиккона Полентона Lat. F. XVIII. 12 (РНБ): особенности письма и история рукописи 206
- Омельченко Д.М.* Корнингская рукопись трактата «Маррае clavicula» (MS Phillipps 3715): вопросы происхождения 211

Эпиграфика и нумизматика в изучении письменной культуры

- Моисеенко Н.С.* Изучение надписей на древнерусских монетах и платёжных слитках: проблемы и перспективы. 216
- Бугарчев А.И.* О Булгарских монетах XIII в. с уйгурскими легендами . 221
- Авдеев А.Г.* Старорусские эпитафии: археология смыслов и представлений 224
- Насибуллина Н.Ш., Ситдикова И.Р.* Памятники письменности села Бузат Стерлибашевского района Республики Башкортостан . . 232
- Саттарова Л.И., Мустакимов И.А.* Исламская эпиграфика как феномен татарского ювелирного искусства 238
- Усманов В.М.* Татарские резчики письма по камню 244

Еврейское, армянское, пермское письма и письма смешанных традиций

- Белкина Е.М.* Еврейский фонд ИВР РАН как хранилище тысячелетней еврейской культуры 254
- Деврикан Ш.В.* Иконография изобретения армянского алфавита 259
- Понарядов В.В.* Структурные особенности древнепермского письма и проблема его происхождения 265
- Чернецов А.В.* Стефан Пермский: след в истории; судьба наследия . . 270
- Савинов М.А.* Личные знаки юкагиров на русских документах XVII в.: к вопросу о влиянии русских практик письма на развитие юкагирской пиктографии 276
- Сергеев О.А.* Марийское письмо конца XVII – начала XVIII в. на латинице 280
- Алпатов В.М.* Представляет ли практический интерес русская латиница Яковлева? 287
- Сведения об авторах** 293

**ИСТОРИЯ ПИСЬМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ**

Международная научная конференция
17–19 октября 2023 года. Казань

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Материалы публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки А.В. Булатова
Компьютерная верстка Н.Т. Абдуллиной

Подписано в печать 24.11.2023.

Формат 70×108 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная, печать офсетная
Усл.-печ. л. 26,25. Уч-изд. л. 20,8. Тираж 300 экз.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20